

ЮРИСТЪ- ПРАВОВЕДЪ

2 / 2026

Научно-
теоретический
и информационно-
методический журнал

**ЮРИСТ
ПРАВОВЕД**

**№ 2 (117)
2026**

Выходит 4 раза в год
Издается с 2000 года

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
17 октября 2017 г.

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-71313

Главный редактор:
Д.В. Тишин,
канд. юрид. наук, доцент

Заместитель главного редактора:
С.В. Пахомов,
д-р юрид. наук, доцент

Редакционная коллегия:

П.П. Баранов, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Баранова, д-р юрид. наук, проф.;
М.А. Бучакова, д-р юрид. наук, проф.;
Н.Л. Бондаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Варданын, д-р юрид. наук, проф.;
К.В. Вишневецкий, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Дизер, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Ендольцева, д-р юрид. наук, проф.;
П.И. Иванов, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Ильашенко, д-р юрид. наук, проф.;
Л.В. Карнаушенко, д-р юрид. наук, проф.;
М.В. Костенников, д-р юрид. наук, проф.;
С.И. Коновалов, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Куракин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Кузбагаров, д-р юрид. наук, проф.;
Д.Н. Лозовский, д-р юрид. наук, проф.;
И.А. Макаренко, д-р юрид. наук, проф.;
А.П. Мясников, д-р юрид. наук, проф.;
Г.Г. Небрятенко, д-р юрид. наук, проф.;
Р.В. Нигматуллин, д-р юрид. наук, проф.;
А.И. Овчинников, д-р юрид. наук, проф.;
А.В. Победкин, д-р юрид. наук, проф.;
А.Н. Позднышов, д-р юрид. наук, проф.;
И.М. Рассолов, д-р юрид. наук, доц.;
С.Б. Россинский, д-р юрид. наук, проф.;
О.А. Рузакова, д-р юрид. наук, проф.;
С.А. Синенко, д-р юрид. наук, доц.;
Е.С. Стешич, д-р юрид. наук, проф.;
О.В. Химичева, д-р юрид. наук, проф.;
А.К. Щербаченко, д-р юрид. наук, доц.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение
высшего образования
«Ростовский юридический институт
Министерства внутренних дел
Российской Федерации»

© ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2026

Включен в Перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

СОДЕРЖАНИЕ

**5.1.1. ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Важенина И.В. Внутренняя безопасность России как «бренд» государства	7
Гаврилова Ю.А. Гарантии формирования суверенного российского мировоззрения	13
Коваленко М.А. Развитие экспериментального правового режима в Российской Федерации и Республике Казахстан	19
Шатилов С.П. Влияние миграции на криминогенную ситуацию в СССР в годы Великой Отечественной войны	25

**5.1.2. ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-
ПРАВОВЫЕ) НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Кисилева К.А. Проблемы привлечения к административной ответственности лиц за нарушение законодательства в сфере осуществления иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации	31
Кудовба О.Н., Коренюгин В.В. Административно-правовой механизм обеспечения правопорядка при проведении массовых и публичных мероприятий	37
Працко Г.С., Ковган Е.Ю., Давыдов М.В. Правовые и организационные аспекты преодоления кадрового кризиса в подразделениях патрульно-постовой службы полиции	44

**5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ)
НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)**

Григорянц С.А., Гутенева М.Г., Кравченко Е.В. Трансформация правовых гарантий защиты предпринимателей в условиях автоматизации третейского разбирательства: от смарт-контрактов к искусственному интеллекту	50
Демьяненко Е.В., Шпак А.В. Определение предмета лицензионного договора: теория и практика	58
Негодаева Е.Г. Цифровая трансформация и публично- правовые ограничения договора транспортной экспедиции: новый этап развития института	64
Рыбалка Е.А. Цифровой рубль в системе объектов гражданских прав и инструментов финансовой политики: проблема дуалистической правовой природы	70

Выпускающий редактор:

Р.Р. Мамедханов

Редактор:

Н.А. Чуб

Дизайн и верстка:

И.К. Беницкий

Оформить подписку на журнал
можно через интернет-каталоги
www.akc.ru и www.pressa-rf.ru

Индекс – 80032

Подписано в печать

22.06.2026

Выход в свет

29.06.2026

Формат 60x84/8

Объем 30 п. л.

Набор компьютерный.

Гарнитура Times New Roman.

Печать лазерная

Бумага офисная

Усл. печ. л. – 27,9

Тираж 300 экз.

Первый завод 109 экз.

Заказ № 121

Отпечатано ГПиОП РИО

ФГКОУ ВО

РЮИ МВД России.

344015, г. Ростов-на-Дону,

ул. Еременко, 83

Цена свободная

Адрес редакции издателя:

344015, Ростовская обл.,

г. Ростов-на-Дону,

ул. Еременко, 83,

тел.: 8 (863) 207-86-35

Электронная почта:

law-journals-ru@yandex.ru,

rmamedkhanov@mvd.ru

Официальная информация

о журнале:

<https://рюи.мвд.рф>

Федоренко Н.В., Кострюков А.С. Проблемы реализации
принципов гражданского процесса в электронном
правосудии 77

5.1.4. УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ (ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ)

Брюхнов А.А. Современные особенности преступности
несовершеннолетних: криминологический
и уголовно-правовой анализ 83

Вакуленко Н.А. Выявление и нейтрализация актуальных
характеристик преступника-экстремиста – основа для
профилактики экстремизма 89

Васильев А.Г. Ограничения защитника в исследовании
личных доказательств обвинения и пути их преодоления 96

Григорян Д.К., Ажигалиева М.М. Дипфейки
и искусственный интеллект – как новый вызов для
информационной безопасности России 101

Девятковская С.В., Миллерова Е.А., Шумилина А.Б.
Проблемы и перспективы обеспечения безопасности на
объектах транспортной инфраструктуры (метрополитен,
вокзалы, аэропорты) и роль патрульно-постовой службы
полиции в них 109

Дятлов Г.А. Уголовная ответственность посредника во
взяточничестве: проблемы квалификации и доказывания 115

Еремин С.Г. Непроцессуальная деятельность дознавателей
и следователей на первоначальном этапе раскрытия и
расследования экономических преступлений 120

Есина А.В. Деструктивный контент как криминологическая
угроза: влияние на формирование буллинга
и кибербуллинга 127

Зиннуров А.З. Особенности расследования краж,
совершаемых несовершеннолетними на современном
этапе 132

Игнатьев М.Е., Перепечина И.О. Междисциплинарный
подход к установлению причинности в ходе
расследования преступлений 138

Ищенко Д.П., Апарин С.В. Актуальные вопросы
установления имущества, подлежащего аресту,
для обеспечения возмещения вреда (ущерба),
причиненного преступлением 145

Катрыч А.А., Миронова А.В., Захаров Н.Д. Влияние
нового законодательства о дропперах на схемы незаконного
обналичивания и транзитирования денежных средств:
анализ эффективности и возможные риски 153

Кильмашкина Т.Н., Семенцова И.А., Малявина А.Б.
Деструктивное информационное
воздействие на несовершеннолетних в сети Интернет:
криминологическо-психологические особенности 158

Комаров И.М. Об эволюции предмета криминалистических
исследований 165

Корниленко А.В. Современное состояние борьбы с
преступлениями террористического характера 171

РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

Коротенко Т.Ю. Причины и условия совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с использованием компьютерных технологий (в сети Интернет)	177
Корчагин А.А. Криминалистическая профилактика преступлений: понятие, содержание, субъекты, виды, место в криминалистической науке.....	182
Лемайкина С.В., Гирфанова З.Б. Российская молодежь в цифровом обществе: ценностно-ориентационные процессы	188
Липин С.А., Семенов В.Р. Скулшутинг в России: эволюция преступного поведения и посткриминальных характеристик (2014–2026)	196
Макаренко И.А., Маилян А.В. Роль криминалистического профайлинга при расследовании серийных убийств	206
Рудов М.В., Пешехонова А.Ю. Принцип виновной ответственности в уголовном законодательстве отдельных постсоветских государств: дивергенция подходов к закреплению и пути оптимизации (на примере России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Азербайджана).....	211
Рябухина М.В., Кулешова Ю.Г., Артамошкина О.М. Расследование преступлений в сфере незаконных рубок леса молекулярно-генетическими методами	218
Трусов А.И. Перспективы совершенствования национального законодательства о применении телекоммуникационных технологий в уголовном процессе на стадии предварительного расследования.....	224
Хилюта В.В. Отличие организованной группы от группы лиц с предварительным сговором по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств	231
Щербаченко А.К., Напханенко И.П. К вопросу о соответствии понятия оперативно-розыскного мероприятия	237

CONTENTS

5.1.1. THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Vazhenina I.V. Russia's internal security as a state «brand»	7
Gavrilova Yu.A. Guarantees of the Formation of a Sovereign Russian Worldview.....	13
Kovalenko M.A. Development of the experimental legal regime in the Russian Federation and Republic of Kazakhstan	19
Shatilov S.N. In accordance with P. The impact of migration on the criminogenic situation in the USSR during the Great Patriotic War.....	25

5.1.2. PUBLIC LEGAL (STATE LEGAL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Kiseleva K.A. Problems of Bringing Individuals to Administrative Liability for Violating Legislation Regarding the Employment of Foreign Citizens or Stateless Persons in the Russian Federation.....	31
Kudovba O.N., Korenyugin V.V. The administrative and legal mechanism for ensuring law and order during mass and public events.....	37
Pratsko G.S., Kovgan E.Yu., Davydov M.V. Legal and organizational aspects of overcoming the personnel crisis in police patrol units	44

5.1.3. PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Grigoryants S.A., Guteneva M.G., Kravchenko E.V. Transformation of legal guarantees for the protection of entrepreneurs in the context of automated arbitration proceedings: from smart contracts to artificial intelligence	50
Demyanenko E.V., Spak A.V. Definition of the subject of the license contract: theory and practice.....	58
Negodaeva E.G. Digital Transformation and Public Law Limitations of the Freight Forwarding Contract: a New Stage in the Development of the Institute.....	64
Rybalka E.A. The digital ruble in the system of civil rights and financial policy instruments: the problem of a dualistic legal nature	70
Fedorenko N.V., Kostyukov A.S. Problems of implementing the principles of the civil process in electronic justice	77

5.1.4. CRIMINAL LEGAL SCIENCES (LEGAL SCIENCES)

Bryukhnov A.A. Modern features of juvenile delinquency: criminological and criminal law analysis.....	83
Vakulenko N.A. Identification and neutralization of actual characteristics of an extremist criminall – basis for preventing extremism	89
Vasiliev A.G. The limitations of the defense attorney in examining the prosecution's personal evidence and ways to overcome them.....	96
Grigoryan D.K., Azhigaliyeva M.M. Deepfakes and artificial intelligence – as a new challenge for Russia's information security	101
Devyatovskaya S.V., Millerova E.A., Shumilina A.B. Problems and prospects of ensuring security at transport infrastructure facilities (subways, railway stations, and airports) and the role of the police patrol service in them.....	109
Dyatlov G.A. Criminal liability of an intermediary in corruption: qualification and proof issues.....	115
Eremin S.G. The non-procedural activities of interrogators and investigators at the initial stage of disclosure and investigation of crimes in the sphere of economic activity	120
Esina A.V. Destructive content as a criminological threat: influence on the formation of bullying and cyberbullying.....	127
Zinnurov A.Z. Features of the investigation of thefts committed by minors at the present stage	132

Ignatiev M.E., Perepechina I.O. An Interdisciplinary Approach to Establishing Causality during the Investigation of Crimes	138
Ishchenko D.P., Aparin S.V. Topical issues of establishing property subject to seizure to ensure compensation for harm (damage) caused by a crime	145
Katrycha A.A., Mironova A.V. The impact of new legislation on droppers on schemes of illegal cash withdrawal and transit of funds: an analysis of effectiveness and possible risks	153
Kilmashkina T.N., Sementsova I.A., Malyavina A.B. Destructive Informational Influence on Minors on the Internet: criminological and Psychological Features	158
Komarov I.M. On the evolution of the subject of criminalistic research	165
Kornilenko A.V. The current state of the fight against terrorist crimes	171
Korotenko T.Yu. Causes and conditions of committing crimes in the sphere of illegal trafficking of narcotic drugs and Psychotropic Substances with the use of computer technologies (internet networks).....	177
Korchagin A.A. Criminalistic Prevention of crimes: concept, content, subjects, types, and place in criminalistic science	182
Lemaikina S.V., Girfanova Z.R. Russian youth in a digital society: value-orientation processes	188
Lipin S.A., Semenov V.R. School shooting in Russia: the evolution of criminal behavior and postcriminal characteristics (2014-2026).....	196
Makarenko I.A., Mailian A.V. The role of forensic profiling in the investigation of serial murders	206
Rudov M.V., Peshekhonova A.Yu. The principle of culpable responsibility in the criminal legislation of certain post-soviet states: divergence of approaches to consolidation and ways of optimization (using the example of Russia, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Azerbaijan)	211
Ryabukhina M.V., Kuleshova Yu.G., Artamoshkina O.M. Investigation of crimes in the field of illegal logging using molecular-genetic methods.....	218
Trusov A.I. Prospects for improving national legislation on the use of telecommunication technologies in criminal proceedings at the stage of preliminary investigation	224
Khilyuta V.V. The distinction between an organized group and a group of persons acting by prior conspiracy in criminal cases involving illicit drug trafficking	231
Shcherbachenko A.K., Napkhanenko I.P. On the issue of the correspondence between the concept of an operational search measure and the method of operational search activity	237

Правила для авторов и условия публикации статей

1. Материалы направляются в электронном виде в редакцию журнала по электронным адресам: law-journals-rui@yandex.ru (rmamedkhanov@mvd.ru – для сотрудников, работников МВД России) (тел.: (863) 207-86-35). Автором (-ами) экземпляр статьи и оригиналы всех сопроводительных документов предоставляются по адресу: 344015, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83, Ростовский юридический институт МВД России, редакция научно-теоретического и информационно-методического журнала «Юрист-Правоведь».

1.1. На бумажном носителе (на одной стороне стандартного листа А4). Распечатанный текст должен полностью соответствовать электронному варианту статьи. Статья должна быть подписана автором (соавторами) следующим образом: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения».

1.2. На электронном оптическом носителе (или по электронной почте), выполненные в текстовом редакторе Microsoft Word (шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 14, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 1,25 см, левое поле – 3 см, сверху и снизу – 2 см, справа – 1 см, текст выравнивается по ширине, страницы нумеруются (кроме первой) внизу по центру, не следует использовать знаки ручного переноса и дополнительных пробелов). Если при наборе текста использовались дополнительные шрифты, автор должен предоставить их в редакцию. В русскоязычном тексте используются кавычки «елочки», в тексте на иностранных языках – "лапки". Название файла – фамилия и инициалы автора.

2. Объем рукописи научной статьи должен составлять от 10 до 15 страниц (включая схемы, таблицы, рисунки), объем научных обзоров, рецензий, отзывов и иных научных материалов на уже опубликованные издания – от 2 до 4 страниц.

3. Рукопись должна содержать следующую информацию на русском языке:

3.1. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК).

3.2. Название статьи.

3.3. Фамилия, имя, отчество (полностью), место работы (учебы для адъюнктов, аспирантов и докторантов) с указанием почтового адреса (включая индекс), должность, почетное звание (при наличии), ученое звание, ученая степень, адрес электронной почты (если нет личной электронной почты, указывается электронный адрес места работы (кафедры, образовательной организации и т. п.), по которому с автором можно связаться) и «Открытый идентификатор исследователя и участника» – ORCID автора (при наличии).

3.4. Аннотация (рекомендуемый средний объем аннотации 500 печатных знаков), которая должна быть структурирована и содержать следующие разделы: введение, материалы и методы, результаты исследования, выводы и заключения. Аннотация не должна повторять текст самой статьи, сведения, содержащиеся в ее заглавии; включать малоинформативные формулировки.

3.5. Ключевые слова (6–10 слов или словосочетаний), характеризующие проблематику статьи.

3.6. Список источников.

4. Перевод на английский язык сведений, отраженных в пп. 3.2–3.6, осуществляется автором (-ами) рукописи.

5. В статье должны быть сделаны ссылки на приведенные таблицы, рисунки, схемы, диаграммы, которые нумеруются в порядке их упоминания и располагаются непосредственно после текста, в котором они указываются впервые. Весь графический материал должен иметь заголовки (ГОСТ Р 7.0.110-2025).

6. Иллюстрации предоставляются отдельными файлами. Рекомендуемый формат – jpg. Сканированные материалы должны иметь разрешение не менее 300 пикс/дюйм.

7. В тексте указание на источник оформляется в квадратных скобках, где приводится номер источника из библиографического списка, после запятой – цитируемая страница. В списке используемой литературы приводятся только «литературные» источники, т. е. авторские статьи, книги, статьи журналов. Источники следуют в порядке упоминания в тексте. Нормативные правовые акты (постановления, законы, инструкции и т. д.), архивные документы, «неавторские» русскоязычные интернет-источники, анонимные источники, публицистические и рекламные статьи, российские СНИПы, ГОСТы и т. д. следует приводить непосредственно в тексте или указывать в постраничных сносках. Ссылки должны быть оформлены в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008.

Ответственность за точность цитат, фамилий и имен, цифровых данных, дат несет (-ут) автор (-ы).

Редакция оставляет за собой право осуществлять корректорскую обработку рукописей научных статей.

Плата за публикацию статей с автора (-ов) не взимается.

Авторское вознаграждение автору (-ам) не выплачивается.

Рукописи, оформленные без соблюдения требований журнала, не рассматриваются.

Материалы, не принятые к изданию, автору (-ам) не возвращаются.

**Уважаемые авторы, в случае невыполнения вышеперечисленных условий
статья опубликована не будет!**

Юрист-Правоведъ. 2026. № 2 (117). С. 7–12.
Jurist-Pravoved. 2026. № 2 (117). Pp. 7–12.

Научная статья
УДК 323(470)

ВНУТРЕННЯЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ КАК «БРЕНД» ГОСУДАРСТВА

Ирина Викторовна Важенина

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, irina-mew@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6797-1384>

Введение: в статье рассматривается возможность представления внутренней безопасности в качестве «бренда» России, что представляет научный интерес не только для юридических, но и для смежных наук, таких как социология, политология и культурология, поскольку позволяет переосмыслить этот концепт в сфере маркетинга и общественных наук, переходя от формального определения к созданию позитивного образа страны, основанного на ее способности обеспечивать защищенность личности, общества и государства.

Материалы и методы: исследование проводилось путем анализа ведущих мировых рейтингов, научных трудов, а также материалов интернет-ресурсов, посвященных исследованию рассматриваемой проблемы. Методологическую основу исследования составили общенаучные методы (материалистической диалектики, анализа, синтеза, сравнения и обобщения) и частнонаучные методы (экспертной оценки, исторический, формально-логический).

Результаты исследования: установлены отличительные особенности внутренней безопасности России как «бренда» государства.

Выводы и заключения: разработка и продвижение «бренда» внутренней безопасности страны может стать символом единства гражданского общества, повышения доверия к государственным институтам и укрепления социальной сплоченности, а также создаст положительный образ России на международной арене, демонстрируя стабильность и надежность.

Ключевые слова: Россия, функции государства, внутренняя безопасность, бренд государства, имидж государства, СМИ, гражданское общество, национальная идентичность.

Для цитирования: Важенина И. В. Внутренняя безопасность России как «бренд» государства // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 7–12.

Original paper

RUSSIA'S INTERNAL SECURITY AS A STATE «BRAND»

Irina Viktorovna Vazhenina

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: the article examines the possibility of presenting internal security as a "brand" of Russia, which is of scientific interest not only for law, but also for related sciences such as sociology, political science and cultural studies, as it allows rethinking this concept in the field of marketing and social sciences, moving from a formal definition to creating a positive image of the country. based on its ability to ensure the security of the individual, society and the state.

Materials and methods: the research was conducted by analyzing regulatory legal acts and scientific papers. The theoretical basis was scientific literature, monographic works and dissertations, as well as materials from periodicals devoted to the study of the problem under consideration. The methodological basis of the research was made up of general scientific methods (materialistic dialectics, analysis, synthesis, comparison and generalization) and private scientific methods (expert assessment, historical, formal and logical).

Results of the study: the distinctive features of Russia's internal security as a "brand" of the state have been established.

Findings and conclusions: the development and promotion of a "brand" of the country's internal security can become a symbol of the unity of civil society, increase trust in state institutions and strengthen social cohesion, and create a positive image of Russia in the international arena, demonstrating stability and reliability.

Keywords: Russia, functions of the state, internal security, brand of the state, image of the state, mass media, civil society, national identity

© Важенина И.В., 2026

For citation: Vazhenina I.V. Russia's internal security as a state «brand» // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 7–12.

Стабильность и безопасность для России сегодня, как никогда, становятся основным политическим императивом. В человеческом обществе высоко ценится возможность жить без рисков и опасностей. Безопасность – это фундаментальная потребность человека, которая обеспечивает его физическое существование и защищает от опасностей. Безопасность играет важную роль в формировании доверия в обществе. «Когда люди чувствуют себя безопасно, они более склонны к участию в общественной жизни, развитию экономики и участию в политических процессах» [4, с. 75–78]. Это значит, что «безопасность становится внутренней фундаментальной ценностью, обладающей универсальным характером, реализующей себя через индивидуальное и общественное сознание, которую признают все люди, независимо от расы, национальности, социальной или половозрастной группы» [8, с. 24–29]. Обеспечение безопасности напрямую связано с повышением качества и уровня жизни, созданием условий для удовлетворения материальных и духовных потребностей. Обеспечение внутренней безопасности требует совместных усилий государства, общественных организаций и граждан, сплочения российского общества.

Задача повышения уровня доверия и поддержки населением институтов власти в целом и полиции, в частности¹, в процессе государственного управления коррелирует с обеспечением внутренней безопасности. Значимые конкурентоспособные функции государства по обеспечению внутренней безопасности на фоне дефицита ценностных оснований для формирования основы единства российского общества в проекции ценностной консолидации безусловно способствуют росту патриотических настроений внутри страны, лояльности к существующим государственным институтам и формированию национальных ценностей. Через трансляцию национальных ценностей в образовании, культуре и медиа формируется бренд страны в целом.

Впервые в середине 1950-х годов продвигать страну как бренд предложил мэтр рекламы американский предприниматель Д. Огилви. Природу бренда и брендинга специалисты закономерно видят прежде всего в социальных и экономических изменениях страны.

В широком смысле «бренд государства» представляет собой совокупность уникальных качеств, непреходящих общечеловеческих ценностей, отражающих своеобразие, неповторимые оригинальные характеристики территории России и ее общества, широко известные, получившие общественное признание и пользующиеся популярностью. Бренд отражает позитивный имидж территории, в основе которого лежат уникальные возможности удовлетворения тех или иных запросов ее потребителей; бренд территории является высшим проявлением эмоциональных потребностей предпосредств. Национальный брендинг может включать в себя другие аспекты: культурное наследие, географические преимущества, экономическую активность и даже имидж в глазах других стран.

Внутренняя безопасность России как «бренд» подразумевает формирование образа страны, где гарантированы стабильность, порядок и защищенность граждан и их интересов от внутренних угроз. Этот образ выстраивается через обеспечение устойчивости общества, государственной власти и экономики, а также через эффективную работу силовых структур, в первую очередь полиции.

Может ли внутренняя безопасность считаться «брендом»? Безусловно обеспечение внутренней безопасности – это функция государства, а не товар или услуга и в коммерческом смысле не может быть «брендом», т. к. бренд – это узнаваемый символ или торговая марка, отличающая продукты одной компании от других. Однако, «подходы, принятые в маркетинге товаров, могут быть синтезированы и экстраполированы на область формирования стратегии национального брендинга» [9, с. 51], в том числе и в части внутренней безопасности. Важным компонентом бренда является его репутация и символическая ценность, поэтому основной коммуникативный посыл политики брендинга должен быть направлен на определенную целевую аудиторию и транслировать значимые для нее ценности и идеи.

Авторитетные мировые организации и издания ежегодно предлагают обновленные списки стран, ранжированный по уровню безопасности. Каждый из рейтингов полагается на свои критерии оценки и в соответствии с этим формирует заключения. Конечно, политика двойных стандартов, информационное манипулирование, сложное переплетение идеологической повестки с политическими и социально-экономическими событиями [11, с. 8–16] также имеют место, но, чтобы иметь полную картину мира, полезно ознакомиться с некоторыми рейтингами, сравнив всю доступную информацию.

Наиболее известный и популярный рейтинг, Global Peace Index², вызывает интерес по уровню преступности и риску стихийных бедствий. Топ безопасных стран мира для жизни, по

¹ См.: ст. 9 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «О полиции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2025). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 07.11.2025).

² Global Peace Index 2024. URL: <https://www.economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2024/06/GPI-2024-web.pdf>. (дата обращения: 07.11.2025).

его версии, уже 14 лет подряд возглавляет Исландия. В то же время наиболее опасно проживать в Афганистане, Сирии, Йемене, России (157 место). США, кстати, находится на 132 месте в списке. Данный рейтинг стран по уровню безопасности рассчитывается по специальному индексу, который разработали социологи и экономисты Института мира. Впервые он был применен в 2007 г. и с тех пор ежегодно обновляется. Анализ проводится по 23 критериям, среди которых внутренние (преступность, степень недоверия между гражданами) и внешние (участие в войнах, международные отношения, военная мощь). Кроме того, аналитики ежегодно изучают тенденции в мире относительно повышения уровня безопасности в разных странах, отслеживают динамику и делают соответствующие выводы с учетом общей геополитической ситуации.

Рейтинг, определяющий страны с низким уровнем преступности – Crime Index by Country. Данный рейтинг формируется на основании анализа уровня уличной преступности, умышленных убийств, домашнего насилия, раскрываемости преступлений. Стандартная формула расчета – деление количества преступлений на общую численность населения. Но во внимание экспертами также принимаются и другие составляющие безопасности страны – уровень бедности и безработицы, контроля со стороны полиции. Это позволяет получить более точную и расширенную картину относительно распространения преступности в той или иной стране. По статистике на первое полугодие 2025 г. в десятку самых безопасных государств мира с низким уровнем преступности вошли: Объединенные Арабские Эмираты и Княжество Андорра.

Numbeo³ – интернет-проект IT-специалиста из Сербии Младена Адамовича. Данные, представленные в этом проекте, получены из опросов, пройденных посетителями веб-сайта, структурированных аналогично научным и государственным опросам. Он оценивает общее восприятие уровня преступности, насколько жители чувствуют себя в безопасности в дневное и ночное время, опасения по поводу конкретных преступлений (грабежи, разбои, угон автомобилей, кражи со взломом, причинение вреда здоровью и т. п.). Индекс рассчитывается дважды в год (полугодовой). По итогам обработки данных усредненное значение по каждому из показателей представляется в виде шкалы от 1 до 100. Важно отметить, что индекс преступности Numbeo основан на данных, основанных на мнении пользователей, которые могут отличаться от официальной государственной статистики. Индекс служит сравнительным инструментом для оценки относительной безопасности в разных городах или странах. Согласно данному индексу в 1 полугодии 2025 г. Россия, по восприятию уровня внутренней безопасности жителями и туристами, занимает 52 место из 146 государств, Великобритания – 86 место, США – 91-е.

Мы наблюдаем, как на протяжении столетия правительство Великобритании активно продвигает свою полицию в качестве национального бренда (при этом его действительно признают во всем мире), а полицейский шлем является широко разрекламированным символом этого государства. Благодаря усилиям «власти, «стараниям Диккенса и других», сами англичане, сначала осмивавшие созданную в XIX в. полицию, со временем стали относиться к ней с большей симпатией. Она даже стала одним из символов английской столицы, из которой иностранные туристы часто увозят в качестве сувенира копию полицейского шлема» [2, с. 103–113; 10, с. 211–213].

Несмотря на то, что раскрываемость преступлений в Лондоне как в XIX в., так и в XX в. не превышала 25 % [1], «государственные органы власти, пресса, руководство полиции принимали меры по повышению престижа полиции, обращая внимание не столько на уровень раскрываемости преступлений, сколько на внешний вид, форму, манеру поведения, отношения с населением. Английская художественная литература создала положительный образ лондонского полицейского. Все это способствовало тому, что он становится образцом вежливости, тактичности, является определенным символом города, особенно для иностранцев» [2, с. 103–113].

Зачастую при отсутствии достаточной достоверной информации и личного опыта у человека складывается определенный имидж государства на основе массовых стереотипных представлений (заблуждений), фактов, публикуемых в средствах массовой информации, литературных, кинематографических и других источниках [7, с. 3–16]. Отрицательный образ может быть сформирован вследствие преобладания негативных политических, социально-экономических или иных явлений, представляющих угрозу для безопасности человека.

Например, Колумбия длительное время в сознании людей однозначно ассоциируется с наркомафией, а в октябре 2025 г. Президент США Дональд Трамп в своей социальной сети Truth Social назвал своего колумбийского коллегу Густаво Петро «наркобароном». Также примерами негативного имиджа могут быть образы некоторых африканских стран, таких как Сомали, Южный Судан, Центральнаяафриканская Республика и Демократическая Республика Конго, считающихся «слабыми» и «несостоятельными», которые не могут обеспечить

³ Индекс преступности по странам, 1 полугодие 2025 года. Crime Index by Country 2025. Mid-Year. URL: https://www.numbeo.com/crime/rankings_by_country.jsp?title=2025-mid&displayColumn=1 (дата обращения: 07.11.2025).

безопасность населения, соблюдение законов и прав человека. Имидж слабых государств неразрывно связан с неспособностью обеспечить устойчивый экономический рост, социальную защиту населения и высокий уровень жизни, а также с высоким уровнем коррупции. Такой имидж подрывает легитимность власти, усиливает социальное неравенство и часто приводит к внутренним конфликтам, оттоку населения и потере контроля над территорией.

В случаях имиджа «со знаком минус» необходимо не просто активно продвигать имеющиеся положительные аспекты образа, но и принимать меры по снижению негативных характеристик. Если имидж является смешанным, то также необходима корректировка: закрепление положительных и нивелирование отрицательных характеристик.

В современном мире для обеспечения безопасности жизнедеятельности граждан, создания и поддержания правового и общественного порядка требуется консолидация значительного количества государственных ресурсов, выработка организационно-правовых основ и принципов деятельности, реализация которых будет являться базисом для построения безопасного государства [5, с. 393–395].

Внутренняя безопасность России как «бренд» подразумевает, что государство эффективно защищает жизненно важные интересы своих граждан от внутренних угроз, таких как преступность, коррупция, социальные конфликты и т. д., обеспечивая позитивный имидж и стабильное развитие. Поддерживая высокий уровень внутренней безопасности, государство формирует образ России как страны, где можно жить, работать и развивать бизнес без опасений. Надежный фундамент для долгосрочного устойчивого развития страны привлекает инвестиции и создает благоприятные условия для жизни. Это означает, что Россия воспринимается как страна, способная обеспечить порядок и безопасность внутри своих границ, что повышает ее авторитет и привлекательность на мировой арене.

В 2003–2005 гг. в ходе опроса американских граждан, проведенного по инициативе Российского правительства, были выявлены основные ассоциации, связанные с Россией, – коммунизм, КГБ, снег и мафия, самыми известными российскими брендами оказались автомат Калашникова и «коктейль Молотова» [7, с. 3–16].

К сожалению, мы столкнулись с реальным вызовом – задействованием потенциала СМИ для создания негативного образа России, ведения нечестной борьбы, противоречащей принципам профессиональной журналистики. Согласно аналитическим исследованиям, в большинстве ведущих западных СМИ преобладает негативный или, реже, нейтральный имидж России. Освещение часто фокусируется на критике внешней политики, внутренней политической ситуации и ходе текущих конфликтов. Существуют организации, включая СМИ и интернет-сайты, которые делают все возможное, чтобы очернить Россию, распространяя о нашей стране в основном негативную информацию различной степени достоверности, при этом транслируя на широкую общественность субъективные оценки враждебного характера.

В то же время ряд западных журналистов и туристов развенчивают мифы о России. Американский политический обозреватель и радиоведущий Стив Джилл заявил, что «журналисты в Соединенных Штатах не готовы говорить правду о России»⁴. Обозреватель The Spectator Джеймс Делигпол недавно побывал в России и заявил: «Россия – великая. Вы мне, конечно, не поверите, но улицы чистые и безопасные. Вам не нанесут ножевые ранения в лондонском стиле и не вырвут телефон из рук. Общественный транспорт работает, есть крытые рынки, где продают вкуснейшие натуральные продукты (от парного молока до свежей рыбы, от гранатов до лесных грибов). Люди сдержанны, но вежливы, вдумчивы и зачастую очень культурны и, судя по суете в многочисленных отличных ресторанах на Арбате и Большой Никитской, состояние экономики и вполнину не так плохо, как нас заставляют думать»⁵.

Обозреватель журнала «Atlantic» Грэм Вуд также отметил, что у американцев устаревшие представления о жизни россиян. Сравнив Россию 24-летней давности «до [президента РФ Владимира] Путина», когда жизнь в стране действительно была тяжелой, Вуд заявил, что «роскошь столицы, которую видит Карлсон и которую видел я, не мимолетна и не подбиралась специально для тех, кто сюда приезжает»⁶. По мнению американского журналиста Такера Карлсона, чьи выступления и интервью набирают многомиллионные просмотры, Россия – это «замечательное место для посещения», и он рекомендует его друзьям⁷. Он также дал высокую оценку Президенту России В.В. Путину, заявив, что «он самый популярный лидер в мире, и с большим отрывом». По его словам, российского лидера любят как в англоязычном мире, так и за

⁴ Русский мир. Информационный портал. Американские СМИ не готовы говорить правду о России, заявил журналист. URL: <https://ruskiymir.ru/news/338678/> (дата обращения: 07.11.2025).

⁵ 1 канал. Новости. 28 октября 2025 года. URL: https://www.1tv.ru/news/2025-09-28/521940-zapadnye_zhurnalisty_razvenchivayut_mify_o_rossii (дата обращения: 07.11.2025).

⁶ Американский журналист поделился впечатлениями от России. URL: <https://lenta.ru/news/2024/02/20/amerikanskiy-zhurnalist-podelilsya-vpechatleniyami-o-rossii/> (дата обращения: 07.11.2025).

⁷ Такер Карлсон назвал Россию замечательным местом. 17 марта 2025 года. URL: <https://lenta.ru/news/2025/03/17/taker-karlson-nazval-rossiyu-zamechatelnym-mestom/> (дата обращения: 07.11.2025).

его пределами, потому что он поставил интересы России выше своих собственных, «в отличие от западных лидеров».

СМИ обладают огромным потенциалом воздействия на общественное мнение, и он должен использоваться позитивно. Сильный президент, экономическая стабильность, несмотря на беспрецедентные санкции, социально ориентированная внутренняя политика, низкий уровень преступности и безработицы, общественная безопасность, в том числе на транспорте (особенно в метро), традиционные ценности – это то, что отмечают иностранцы при посещении нашей страны, что безусловно выгодно отличает бренд «внутренняя безопасность» России.

Действительно, Президент как глава государства определяет основные направления внутренней политики, в том числе в сфере безопасности. Президент осуществляет общее руководство Министерством внутренних дел (МВД России) и определяет основные направления его политики. Его полномочия включают назначение министра внутренних дел, других высших должностных лиц, утверждение структуры и штатного расписания этого министерства, а также издание нормативных актов, касающихся его деятельности. Президент может ввести чрезвычайное положение на территории страны или в отдельных ее местностях.

К основным функциям государства в сфере обеспечения внутренней безопасности относятся: укрепление государственности, экономики, социальной сферы, общественной, информационной и экологической безопасности, борьба с преступностью, включая новые угрозы и вызовы, такие как взлом IT-инфраструктуры, изготовление видео «deepfake», использование фальсифицированных видеоматериалов для проведения различных кампаний [3, с. 107–108]. К особо значимым – следует отнести развитие основных отраслей, которые создают положительный имидж страны. Нельзя не признать, что важнейшей частью эффективности управленческой системы является социальная составляющая [6, с. 94–99]. Обеспечение внутренней безопасности вызывает доверие у населения, укрепляет социальную стабильность. Образ безопасной страны способствует укреплению ее позиций на международной арене, увеличивая инвестиционную привлекательность.

Внутренняя безопасность, обеспеченная государством, является неотъемлемой частью национальной идентичности, поскольку она формирует чувство защищенности и стабильности общества, необходимое для сохранения культурных и духовных ценностей, присущих данной нации. Ослабление либо отсутствие безопасности приведет к дестабилизации, ослаблению единства и разрушению самобытности, в то время как ее наличие способствует поддержанию национальной целостности и развитию личности, общества и государства.

Именно внутренняя безопасность создает условия для сохранения и трансляции духовной и культурной самобытности, что является ключевым элементом национальной идентичности, обеспечивает духовное объединение и интеграцию различных групп населения, поддерживая единство нации и достижение общих интересов. Защищенность от внутренних угроз и опасностей позволяет обществу и государству развиваться в благоприятных условиях, не допуская реализации угроз национальным интересам. Ощущение защищенности на уровне страны способствует формированию и укреплению чувства принадлежности к нации как единому целому, представленному уникальными традициями и культурой.

Внутренняя безопасность может служить объединяющей целью, вокруг которой формируются национальные интересы и ценности, укрепляя национальное единство. Когда общество чувствует себя защищенным от внутренних угроз, оно более склонно к консолидации и поддержке национальной идентичности.

Таким образом, внутренняя безопасность как «бренд» – это не просто концепция, а показатель эффективности государства, свидетельствующий о его процветании и способствующий укреплению позиций страны на глобальной арене. Для формирования положительного бренда внутренней безопасности государства необходимо комплексно работать над имиджем силовых структур через открытую информационную политику, повышение прозрачности и демонстрацию реальных достижений, подчеркивая их роль в защите граждан и государства от различных угроз, а также через построение эффективной системы взаимодействия с обществом, непрерывного мониторинга и оценки имиджа, обратной связи от граждан и журналистов, проводя репутационный аудит, создавая имидж, вызывающий доверие, и, выстраивая и отстаивая репутацию безопасного государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Акройд П. Лондон. Биография. М., 2016.
2. Борисов А.В. Английский «бобби» versus российский городской (английская полиция в общественном мнении россиян в XIX – начале XX вв.) / А. В. Борисов, И. В. Важенина // Социологические исследования. 2020. № 6.
3. Важенина И.В. Стратегия цифровой полиции Великобритании // Цифровая полиция. Информационно-коммуникационные технологии, Москва, 13–14 мая 2021 года. М., 2021.
4. Важенина И.В. Безопасность как социальная ценность в современных условиях // Государственное управление в правоохранительной сфере: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции. М., 2024.

5. Важенина И.В. Организационно-правовые основы деятельности полиции России и США (сравнительно-правовой анализ) / И.В. Важенина, Р.Н. Гайбашев // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3(166).
6. Важенина И.В. Проблемы модернизации государственного управления в России // Конституционные процессы и модернизация общественно-политической системы Российского государства, Москва, 20 мая 2021 года. М., 2021.
7. Важенина И.С. Имидж, репутация и бренд территории / И.С. Важенина, С.Г. Важенин // ЭКО. 2008. № 8(410).
8. Гончарова Л.Н. Национальная идентичность и безопасность как основа развития индустрии туризма // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2017. Т. 3. № 4.
9. Данилова Е. А. Формирование инновационной политики в оборонно-промышленном комплексе как механизм национального брендинга Российской Федерации: специальность 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии»: диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Томск, 2017.
10. Джонсон Б. Лондон по Джонсону. СПб, 2016.
11. Козырев М.С. Историко-идеологические аспекты русофобии в зарубежных странах / М.С. Козырев, И.В. Важенина // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2025. Т. 16. № 3(61).

REFERENCES

1. Ackroyd P. London. Biography. Moscow, 2016.
2. Borisov A.V. English "bobby" versus Russian policeman (English police in the public opinion of Russians in the XIX – early XX centuries) / A.V. Borisov, I.V. Vazhenina // Sociological research. 2020. № 6.
3. Vazhenina I.V. Strategy of the digital police of Great Britain // Digital police. Information and Communication Technologies, Moscow, May 13-14, 2021. М., 2021.
4. Vazhenina I.V. Security as a social value in modern conditions // Public administration in the law enforcement sphere: collection of scientific articles based on the materials of the international scientific and practical conference, Moscow, November 15, 2024. М., 2024.
5. Vazhenina I.V. Organizational and legal foundations of the police of Russia and the USA (comparative legal analysis) / I.V. Vazhenina, R.N. Gaibashev // Eurasian Law Journal. 2022. № 3(166).
6. Vazhenina I.V. Problems of modernization of public administration in Russia // Constitutional processes and modernization of the socio-political system of the Russian state. Moscow, 2021.
7. Vazhenina I.S. Image, reputation and brand of the territory / I.S. Vazhenina, S.G. Vazhenin // ECO. 2008. № 8(410).
8. Goncharova L.N. National identity and security as the basis for the development of the tourism industry // Scientific result. Business and service technologies. 2017. Vol. 3. № 4.
9. Danilova E.A. Formation of innovation policy in the military-industrial complex as a mechanism of national branding of the Russian Federation: specialty 23.00.02 "Political institutions, processes and technologies": dissertation for the degree of Doctor of Political Sciences. Tomsk, 2017.
10. Johnson B. London on Johnson, St. Petersburg, 2016.
11. Kozyrev M.S. Historical and ideological aspects of Russophobia in foreign countries / M.S. Kozyrev, I.V. Vazhenina // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. Vol. 16. № 3(61).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

И. В. Важенина – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры управления органами внутренних дел Академии управления МВД России. 125171, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

I. V. Vazhenina – PhD in Law, associate professor, Professor of the Department of Internal Affairs Management. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125171 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 29.04.2026; одобрена после рецензирования 30.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 29.04.2026; approved after reviewing 30.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 340.11

ГАРАНТИИ ФОРМИРОВАНИЯ СУВЕРЕННОГО РОССИЙСКОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Юлия Александровна Гаврилова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация, gavrilova_ua@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8055-4710>

Введение: в статье рассматривается проблема факторов и условий, при наличии которых может складываться суверенное российское мировоззрение, не изученное в юридической науке отдельно. Актуальность темы объясняется внутренними потребностями РФ в обеспечении национальной безопасности в целом, противодействии экстремизму, а также защитой суверенитета и национальных интересов в информационной среде, сфере межнациональных отношений и культуры.

Материалы и методы: методологическую основу составили принципы развития предмета исследования, системности и всесторонности исследования; формально-юридический, аксиологический и прогностический методы исследования.

Результаты исследования: суверенное российское мировоззрение складывается при наличии ряда факторов и условий, которые в совокупности можно назвать гарантиями формирования суверенного российского мировоззрения.

Выводы и заключения: в результате исследования установлено, что гарантии формирования суверенного российского мировоззрения подразделяются на общие, связанные с социальными аспектами его функционирования, и специальные, составляющие его юридическое качество. Помимо прав, обязанностей, ограничений, запретов и ответственности как специальных правовых гарантий, необходимо серьезное внимание уделять общим гарантиям в виде строительства суверенной экономики, суверенного образования и культуры, суверенного научно-технологического развития.

Ключевые слова: Россия, мировоззрение, суверенитет, экономика, право, образование, наука, культура

Для цитирования: Гаврилова Ю. А. Гарантии формирования суверенного российского мировоззрения // Юрист-Правовед: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 13–18.

Original paper

GUARANTEES FOR THE FORMATION OF A SOVEREIGN RUSSIAN WORLDVIEW

Julia Alexandrovna Gavrilova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the article examines the problem of factors and conditions under which a sovereign Russian worldview can be formed, which is not studied separately in legal science. The relevance of the topic is explained by the internal needs of the Russian Federation to ensure national security in general, to counter extremism, as well as to protect sovereignty and national interests in the information environment, interethnic relations and culture.

Materials and methods: the methodological basis is based on the principles of the development of the research subject, the consistency and comprehensiveness of the research; formal legal, axiological and predictive research methods.

Results of the study: the sovereign Russian worldview is formed in the presence of a number of factors and conditions that together can be called guarantees of the formation of a sovereign Russian worldview.

Findings and conclusions: as a result of the study, it was found that the guarantees of the formation of a sovereign Russian worldview are divided into general ones related to the social aspects of its

© Гаврилова Ю.А., 2026

functioning, and special ones that make up its legal quality. In addition to rights, duties, restrictions, prohibitions and responsibilities as special legal guarantees, serious attention must be paid to general guarantees in the form of building a sovereign economy, sovereign education and culture, and sovereign scientific and technological development.

Keywords: Russia, worldview, sovereignty, economy, law, education, science, culture

For citation: Gavrilova Yu. A. Guarantees of the Formation of a Sovereign Russian Worldview // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 13–18.

Тема гарантий традиционно является одной из важнейших в отечественной юридической науке. При этом целевая направленность правовых гарантий связывается с защитой прав и свобод человека и гражданина, механизмами контрольно-надзорной деятельности и обеспечением эффективности функционирования всей системы публичного управления. Без института правовых гарантий нельзя говорить о реальном соблюдении прав и свобод граждан, обеспечении подлинной законности в деятельности органов власти, достижении принципов правового и социального государства, в частности, о реальности права граждан на достойное существование [6, с. 181].

Наряду с правами человека и законностью государственной и общественной деятельности объектом применения гарантий в праве практически никогда не выступает мировоззрение граждан и общества. Ранее недостаточное внимание к этому вопросу можно было объяснить буквальной трактовкой ст. 13 Конституции РФ, провозгласившей политическое и идеологическое многообразие и недопустимость общеобязательной государственной идеологии. Между тем Конституция РФ с учетом ее нормативного потенциала и современного контекста не запрещает и не устанавливает рамок для формирования концептуально целостного и национально ориентированного мировоззрения.

Мировоззрение по природе и своим основным чертам не может быть разрозненным и локальным, в таком случае оно разрушится и потеряет свою фундаментальность и общезначимость для людей. Системный подход к строительству российского мировоззрения предполагает обращение к некоторой системе факторов и условий, создающих саму возможность существования и обеспечивающих реализацию суверенного российского мировоззрения.

В настоящее время, когда идет борьба за сохранение цивилизационной самобытности России и выживание ее национальной культуры, инструментальный подход к гарантиям формирования российского мировоззрения при его огромной ценности для правоведов представляется узким. Уже давно необходимо активизировать широкий набор социальных предпосылок и условий, целевых установок, определяющих пространственный ареал (среду) формирования и развития суверенного российского мировоззрения. Экономические, политические, духовные, научно-образовательные факторы способны оказывать существенное воздействие на национальное российское мировоззрение, как по отдельности, так и в совокупности, определять его уникальный культурно-цивилизационный облик, суверенный характер. Эти принципиальные моменты побудили автора обратиться к вышеизложенной теме.

Следует сказать, что правовые гарантии формирования российского мировоззрения разработаны более подробно и зачастую закреплены в законодательном порядке. В образовательной сфере традиционные российские духовно-нравственные и социокультурные ценности определяют содержание образовательных программ и целевые ориентиры воспитания в учебных заведениях, обязывают научно-педагогических работников исполнять эти ценности как основу выполнения своих профессиональных обязанностей¹. Установлена уголовная² и административная³ ответственность за деятельность, связанную с пропагандой, распространением, финансированием, обучением, предоставлением площадей и т. д. экстремизма и терроризма; ведется правовыми средствами борьба с искажением смысла традиционных российских духовно-нравственных ценностей, фальсификацией отечественной истории. Принимаются законодательные и практические меры по ограничению и запрету распространения интернет-контента, связанного с нарушением общепринятых в обществе правил поведения и норм нравственности, преступлениями против несовершеннолетних, распространением недостоверной общественно значимой информации и т. д.⁴.

¹ Об образовании в Российской Федерации: федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собр. законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

² Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // Собр. законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

⁴ Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собр. законодательства РФ. 2006 № 31 (1 ч.). Ст. 3448.

Правовая идеология играет ключевую роль в государственной политике, поскольку способствует формированию профессионального правосознания работников юридических учреждений и правовой культуры представителей гражданского общества, создает мотивационные стимулы для должностных лиц правоохранительных органов к противодействию преступности экстремистской и информационной направленности в профессиональной работе, соблюдению законности всеми лицами, гражданской и служебной этики [1, с. 385].

Мы убеждены, что наряду с правовыми гарантиями необходимо укреплять общие социальные гарантии формирования суверенного российского мировоззрения. Мировоззрение складывается в определенной социальной среде и, как говорится, «свято место пусто не бывает». Свободные «ниши» мировоззрения российских граждан быстро заполняются удобными, практичными и не всегда этически выверенными императивами поведения. В худшем случае идет деградация национальных традиций и ценностей, которые заменяются «альтернативной» этикой индивидуализма и отменяются все человеческие институты: брак, семья, государство, общество, взаимопомощь, гуманизм и т. д.

В первую очередь, нужно последовательно продолжать реформирование системы российского образования, которая должна стать суверенной. Реализацию этой системы необходимо направить на национальные интересы и цели [3, с. 16]. Однако дело здесь не только в трансформации нормативного правового регулирования образования и кадровой комплектности. Суверенность образования означает не плотные границы от остального мирового сообщества, а продуктивное взаимодействие с ним, чтобы отбирать и использовать лишь то, что необходимо для потребностей и ценностей российского общества.

Сейчас не модно ссылаться на советский педагогический опыт, но именно в концепции К.Д. Ушинского предусматривалось всестороннее творческое развитие человека как труженика и созидателя общих дел, что абсолютно коррелирует с современной целью формирования российской цивилизационной идентичности. Педагоги и обучающиеся должны работать в едином образовательном пространстве, иметь юридическую и информационную защищенность, педагоги – высокую материальную обеспеченность. Актуальные тенденции высшего образования состоят в совершенствовании его уровней, критериев и методик оценки знаний, обновлении учебных программ, развитии непрерывного образования.

В итоге национально ориентированная (суверенная) система образования обеспечивает как преемственность с предшествующим социально-культурным опытом, так и гибкость, открытость лучшему. Суверенное образование в России – это самодостаточность образовательной системы в целом и ее отдельных участников.

Для того чтобы система российского образования была самодостаточной и непосредственно содействовала формированию суверенного российского мировоззрения, следует заботиться о становлении суверенного мышления, основанного на развитии национальной культуры и языка. Русская философия права всегда была философией свободы, истины, абсолютного добра (благодати) и справедливости, которые давали возможность независимого историко-политического целеуказания государства в свете абсолютных морально-правовых ценностей, творчески воспринятых православием из положительного опыта других мировых религий [5, с. 183].

По нашему мнению, суверенно мыслить значит адекватно оценивать сою собственную языковую, культурную и национальную идентичность, осознавать самозначимость и независимость от внешних влияний в выборе и реализации жизненных целей и задач. Суверенно мыслить – это самостоятельно вырабатывать и транслировать другим духовные образцы поведения, ценности и смыслы, социальные и этические нормы самоидентификации. В Российской Федерации русский язык является официальным языком русского государствообразующего народа, входящего в многонациональный союз равноправных народов Российской Федерации. Культура в Российской Федерации является уникальным наследием ее многонационального народа и охраняется государством (ст. 68 Конституции РФ).

Например, семейно-правовые ценности столкнулись с угрозой замещения и уничтожения в идеологии глобального миропорядка. Традиционные семейные ценности должны учитывать современные нравственные представления и нуждаются в национальной защите без утраты открытого диалога со всем мировым сообществом по поводу этнокультурного разнообразия семейных моделей [4, с. 185].

Отсюда можно с уверенностью сказать, что национальный язык и суверенная национальная культура создают предпосылки для появления суверенного мышления, а оно, в свою очередь, влияет на создание самобытного и позитивного мировоззренческого образа России, закрепление моральных ценностей и убеждений российского населения.

Несколько слов о суверенной политической системе и суверенной идеологии. Здесь надо отметить, что атрибут «суверенности» может полноценно применяться не всегда и не во

всех аспектах. Думается, что это произошло с феноменом суверенной демократии, которая в отечественном политико-правовом измерении понималась как образ политического мышления и деятельности страны, при которых политические нормы, принципы и отношения разрабатываются и проводятся в жизнь, исходя из собственных национально ориентированных интересов населения и представлений о демократии, ее формах, методах и институтах [8, с. 24]. Однако нужно подчеркнуть, что сам термин «суверенная демократия» появился как раз в связи с его антиподом «управляемой демократией», когда алгоритмы работы политической системы государства задаются извне.

На наш взгляд, идея суверенной политической системы, суверенной демократии не должна связываться сегодня с обоснованием тех или иных форм правления и стремлением «приватизировать» будущее конкретной страны, такое понимание является устаревшим. Существуют общие представления о демократических принципах организации жизни общества и государства, но они имеют разные степени и формы воплощения в национальных политических системах, неодинаковый исторический опыт. Мы полагаем, что если в основе политических решений лежит суверенное мировоззрение (в представленной выше интерпретации), то формулировки «суверенная демократия», «суверенная политическая система» могут использоваться с известными оговорками.

Гораздо сложнее обстоит дело с суверенной идеологией, т. к. эта языковая конструкция предполагает поиск национальной идеи, который давно осуществляется большим количеством ученых и специалистов [2, с. 150–151]. Национальная идея понимается и формулируется по-разному, высказываются аргументированные предложения о необходимости ее законодательного закрепления. Тем не менее, национальная идея является, как нам представляется, мировоззренческим концептом, который объединяет российский многонациональный народ. Формы выражения этой национальной идеи многообразны, что и свидетельствует о возможности существования и развития суверенного российского мировоззрения. Это определяется тем, что вопрос о национальной идее возникает в обществе, производящем поиск некоторых ценностных ориентиров, мировоззренческих констант, и попытка выделить отличия от других социально-культурных и этнонациональных сообществ показывает самостоятельность данного сообщества во взглядах на мир и свое место в нем, следовательно, определенные черты суверенности его мировоззрения.

Наконец, никакие разговоры о суверенном российском мировоззрении не достигнут необходимых результатов без действия такой важнейшей социальной гарантии, как развитие суверенной российской экономики, которой принадлежит ключевая функция в этом процессе.

В июне 2022 г. Президент РФ в своем выступлении на Петербургском международном экономическом форуме (ПМЭФ) обозначил 6 принципов будущего устройства отечественной экономики:

- а) открытость, т. е. реальная включенность в мировое хозяйство;
- б) предпринимательские свободы, т. е. сохранение свободной конкуренции и рыночных начал в экономической деятельности;
- в) ответственная и сбалансированная макроэкономическая политика, т. е. создание оптимальных условий для хозяйственной деятельности;
- г) социальная справедливость, т. е. сочетание частных инициатив и общественных приоритетов воспроизводства человеческого потенциала;
- д) опережающее развитие инфраструктуры, т. е. формирование государством благоприятной среды, как для хозяйствующих субъектов, так и для населения соответствующих территорий;
- е) технологический суверенитет, т. е. реальная защищенность национальной экономики от иностранных воздействий и основа для прорывов в будущее на основе наукоемких технологий⁵.

В настоящее время технологическое лидерство заявлено в качестве одной из национальных целей РФ на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г., укрепляется государственный и сетевой суверенитет, информационная безопасность в информационно-телекоммуникационной сети Интернет⁶.

Суверенная экономика – это независимость страны в финансах, ресурсах и научно-технологическом развитии, из чего следует, что основа создания суверенной национальной экономики России заключена в инновационных знаниях, технологическом лидерстве и управлении страной со стороны молодых достойных, талантливых и способных людей, обладающих суверенным мировоззрением.

Достаточно много сделано для контроля за национальными природными ресурсами и ключевыми отраслями экономики, без которых невозможна в современном мире экономическая

⁵ По итогам XXV Петербургского международного экономического форума, состоявшегося 15-18 июня 2022 г.: перечень поручений Президента РФ № Пр-1269 от 20.07.2022. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Рос. газета. 2024. 11 мая. № 100.

независимость и самостоятельность. В Российской Федерации активно развивается внутреннее производство, реализуются проекты импортозамещения (отечественное продовольствие, лекарства, машины и оборудование и т. д.).

Суверенная экономика означает создание максимально комфортных условий для ведения отечественного бизнеса: долгосрочная государственная поддержка малых и средних предприятий, умеренная демонополизация и деагрегация фирм и кампаний (разброс их рыночной доли), ориентация на новые принципы предпринимательской деятельности «создавай» вместо «покупай» и т. д.

Еще имеются определенные проблемы и затруднения в укреплении курса рубля и уменьшении валютной зависимости, в налогообложении российского бизнеса, в том числе в отраслях, добывающих полезные ископаемые, и пр., однако они решаются и находятся в поле внимания Правительства РФ.

В современном обществе должна развиваться стратегическая национальная бизнес-инфраструктура, цифровые сервисы и продукты, отечественное программное обеспечение и аппаратно-программные комплексы, электронная коммерция, для чего необходимо также создание и развитие суверенного Интернета («Рунета»).

Особенности управления суверенной экономикой Российской Федерации состоят в приоритете государственного регулирования, планировании и координации экономики в масштабах страны, обеспечивающих стабильность и устойчивость ее функционирования. Однако суверенная экономика – это не закрытая система, и управление ею – не догма, а рассчитано на гибкость в принятии решений.

Говоря о научно-технологическом развитии России в предстоящем веке, следует отметить важность учета современных рисков, преодоления вызовов и угроз для развития отечественной экономики, особенно в разрезе крупных национальных проектов. Обеспечение конкурентоспособности отечественной продукции и самостоятельности инновационного научно-технологического развития нуждается в гарантировании общей экономической безопасности, реализуемой через функции ФСБ, УБЭП МВД России, ФСТЭК, Банка России и др. органов власти и организаций [7, с. 75].

Суверенное российское мировоззрение формируется в оптимально складывающихся экономических условиях, при осознании важности собственных знаний и технологий для достижения национальных целей и стратегических приоритетов развития страны. Полностью быть суверенным во всех аспектах жизнедеятельности государство не может, но быть самодостаточным и самоценным в экономической области вполне реально.

Каким же должно быть суверенное российское мировоззрение по внешним формам проявления? Ответ для юриста очевиден и звучит так: правовым. Действительно юридическое мировоззрение в современном мире – это основной способ научно-прогнозируемого управления обществом, интенсификации научно-технического прогресса [10, с. 113]. В то же время оно должно быть конституционно-правовым мировоззрением, т. к. конституционные нормы и принципы наиболее полно охватывают и закрепляют базовые общественные ценности, являющиеся основой суверенного российского мировоззрения. Последнее особенно подходит для подготовки к общественной жизни современной молодежи [9, с. 56–58].

Анализ изложенных соображений определяет теоретическую и практическую актуальность рассмотрения гарантий формирования суверенного российского мировоззрения. Мы пришли к выводу, что данный процесс проходит под влиянием факторов и условий, которые в юридической плоскости можно характеризовать как гарантии. Они подразделяются на общие (экономические, политические, идеологические, культурно-образовательные) и специальные, определяющие особые юридические аспекты: права, обязанности, ограничения, запреты и ответственность. При доработке правовых вопросов защиты российского мировоззрения следует значительно расширить спектр влияния и сферы применения общесоциальных гарантий: суверенной экономики, образования, культуры и т. д.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Анненков Е.В. Правовая идеология в условиях трансформации мировоззрения в российском обществе // Правовая культура и правовая идеология российского общества: сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына. М., 2021.

2. Воронков К.И. К вопросу о необходимости формирования национальной идеи и суверенной государственно-правовой идеологии в Российской Федерации // Правосудность и гуманизм в праве и культуре: Сборник статей всероссийской научно-практической конференции. СПб., 2024.

3. Жевлакович С.С. К вопросу о формировании национально ориентированной, суверенной системы высшего образования Российской Федерации // Юридическое образование и наука. 2023. № 1.

4. Ерохина Е.В., Максименко Е.И. Суверенный подход России к формированию семейно-правовых ценностей в контексте глобальных вызовов // Век глобализации. 2025. № 1 (53).
5. Исмагилов Р.Ф., Сальников В.П. Суверенная философско-правовая мысль у истоков Российской государственности: митрополит Иларион Киевский и преподобный Иосиф Волоцкий // Юридическая наука: история и современность. 2023. № 7.
6. Мазурин С.Ф. Роль идеологии в формировании общественного мировоззрения и построении правового, социально справедливого государства // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 1.
7. Мельник Е.А. Экономическая безопасность как фактор обеспечения суверенного научно-технологического развития и повышения национальной конкурентоспособности Российской Федерации // Экономические стратегии. 2024. № 4 (196). Т. 26.
8. Пушкарев Е.А. Концепция суверенной демократии в российском политико-правовом пространстве // Вопросы государства и права: Сборник научных статей. Краснодар, 2021.
9. Рыбакова О.С. К вопросу о необходимости формирования конституционно-правового мировоззрения современной молодёжи // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 5.
10. Якубенко К.Ю. Проблемы формирования правового мировоззрения юристов и общества в XXI веке // Евразийская адвокатура. 2020. № 2 (45).

REFERENCES

1. Annenkov E.V. Legal ideology in the context of the transformation of worldview in Russian society // Legal culture and legal ideology of Russian society: collection of scientific articles of the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor V.M. Kuritsyn, 2020. Moscow, 2021.
2. Voronkov K.I. On the need to form a national idea and a sovereign state-legal ideology in the Russian Federation // Morality and humanism in law and culture: Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, November 23, 2022. Saint Petersburg, 2024.
3. Zhevlakov S.S. On the formation of a nationally oriented, sovereign system of higher education in the Russian Federation // Legal education and Science. 2023. № 1.
4. Erokhina E.V., Maksimenko E.I. Russia's sovereign approach to the formation of family and legal values in the context of global challenges // The Age of Globalization. 2025. № 1 (53).
5. Ismagilov R.F., Salnikov V.P. Sovereign philosophical and legal thought at the origins of Russian Statehood: Metropolitan Hilarion of Kiev and St. Joseph Volotsky // Legal Science: History and Modernity. 2023. № 7.
6. Mazurin S. F. The role of ideology in shaping a social worldview and building a legal, socially just state // Legal science: history and modernity. 2019. № 1.
7. Melnik E.A. Economic security as a factor of ensuring sovereign scientific and technological development and increasing the national competitiveness of the Russian Federation // Economic strategies. 2024. № 4 (196). Vol. 26.
8. Pushkarev E.A. The concept of sovereign democracy in the Russian political and legal space // Issues of State and law: Collection of scientific articles / Editorial board: L.V. Karnaushenko, A.A. Shvets, E.A. Pushkarev, N.Y. Turisheva, V.N. Korotkov. Krasnodar, 2021.
9. Rybakova O.S. On the issue of the need to form a constitutional and legal worldview of modern youth // Constitutional and municipal law. 2024. № 5.
10. Yakubenko K.Y. Problems of the formation of the legal worldview of lawyers and society in the 21st century // Eurasian Advocacy. 2020. № 2 (45).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ю. А. Гаврилова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры философии и теории права Волгоградского государственного университета. 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, проспект Университетский, 100.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Y. A. Gavrilova – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law of the Volgograd State University. 100, Universitetskiy Avenue, Volgograd 400062 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 19.03.2026; одобрена после рецензирования 28.03.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 19.03.2026; approved after reviewing 28.03.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 34.01

РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПРАВОВОГО РЕЖИМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН¹

Мария Андреевна Коваленко

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация,
pra-241_553745@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8412-7900>

Введение: настоящее исследование посвящено изучению правового регулирования экспериментального правового режима в Российской Федерации и Республике Казахстан.

Материалы и методы: основой работы являются нормативные правовые акты Республики Казахстан и Российской Федерации, закрепляющие возможность проведения экспериментального режима для апробирования инновационных проектов и экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций.

Результаты исследования: проанализированы как существенные характеристики экспериментального правового режима в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации и экспериментального режима для апробирования инновационных проектов, так и правовые требования к организации и проведению данных видов опытной проверки правовых норм.

Выводы и заключения: несмотря на созвучность терминов и общее правовое наследие рассматриваемых государств, можно выделить различия в установленных юридических конструкциях. Данные различия касаются многих важных аспектов, в том числе, способа закрепления права и условий проведения вышеуказанного опытного тестирования, требований к участникам, этапов проведения, сроков и методов рассмотрения инновационной заявки. При этом в Республике Казахстан сделан акцент на реализации именно инновационного проекта, а не самой планируемой инновации.

Ключевые слова: экспериментальный правовой режим, экспериментальный режим, экспериментальное правовое регулирование, цифровые инновации, технологические инновации, регулятивная песочница

Для цитирования: Коваленко М. А. Развитие экспериментального правового режима в Российской Федерации и Республике Казахстан // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 19–24.

Original paper

DEVELOPMENT OF THE EXPERIMENTAL LEGAL REGIME IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Maria Andreevna Kovalenko

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Introduction: this study examines the legal regulation of the experimental legal regime in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan.

Materials and methods: the study is based on regulatory legal acts of the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation that establish the possibility of implementing an experimental regime for testing innovative projects and an experimental legal regime in the field of digital and technological innovation.

Results of the study: the study analyzes both the essential characteristics of the experimental legal regime in the field of digital and technological innovation in the Russian Federation and the experimental regime for testing innovative projects, as well as the legal requirements for organizing and conducting these types of pilot testing of legal norms.

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-78-10175. URL: <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>.

Findings and conclusions: despite the similarity of terms and the common legal heritage of the countries under consideration, differences in the established legal structures can be identified. These differences concern many important aspects, including the method of securing the right and the conditions for conducting the aforementioned pilot testing, requirements for participants, stages of the process, and the timing and methods for reviewing innovation applications. Moreover, in the Republic of Kazakhstan, the emphasis is on the implementation of the innovative project itself, rather than the planned innovation itself.

Keywords: experimental legal regime, experimental regime, experimental legal regulation, digital innovation, technological innovation, regulatory sandbox

For citation: Kovalenko M. A. Development of the experimental legal regime in the Russian Federation and Republic of Kazakhstan // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 19–24.

Современный этап развития общества требует принятия гибких и оперативных государственных мер для достижения согласия между технологическим уровнем и устоявшимся правовым регулированием. Совершенствование технологий осуществляется стремительными темпами, законодатель не всегда поспевает за ним либо же занимает консервативную позицию относительно возможности их использования в социальной среде. Дальнейшая деятельность части участников общественных отношений может зависеть от имплементации в нее новейших технологических решений. Однако такие изменения не должны влиять на незыблемость фундаментальных конституционных положений, происходящих из естественного правопонимания. Государство должно соблюдать баланс между потребностью в технологических цифровых изменениях и приоритетом защиты прав, свобод и законных интересов человека.

В мировой практике стало распространенным установление regulatory sandbox (регулятивной песочницы) для тестирования потенциальной применимости цифровых инноваций в гражданском обороте. Первой юрисдикцией, прибегшей к такому способу правового регулирования, стала Великобритания. В данном государстве в 2015 г. были установлены регулятивные песочницы в рамках финансового сектора. Впоследствии указанный подход был воспринят в Австралии, Сингапуре, Объединенных Арабских Эмиратах, Китае, Бразилии, США и т. д. [1, с. 36–37].

Следуя общемировым трендам и осознавая потребность в экспериментальном правовом регулировании, страны постсоветского пространства также начали искать инструмент для создания благоприятных регулятивных условий для опытной проверки цифровых инноваций в социальной среде. Первый опыт применения такого инструмента связан с деятельностью финансовых регуляторов. С 2018 г. Банк России организовывал регулятивные песочницы в сфере его компетенции, в рамках которых финансовый сектор мог отработать подходы к использованию цифровых инноваций в финансовой сфере. Такое тестирование не предполагало взаимодействие с реальными клиентами, однако имело продуктивный характер. При этом в законодательстве Российской Федерации отсутствовала правовая база для установления таких регулятивных песочниц. Также регулятивные песочницы для проверки инноваций в финансовой сфере проводились и в Республике Казахстан. Например, в 2018 г. реализовалась регулятивная песочница FinTech Lab на территории Международного финансового центра «Астана» [4, с. 36].

В России было инициировано обсуждение законопроекта, регламентирующего основание, условия и порядок проведения такой апробации цифровых инноваций. Итогом стало принятие 31 июля 2020 г. Федерального закона № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»².

Схожий правовой институт был закреплен в законодательстве Республики Казахстан. Законом Республики Казахстан от 21.05.2024 г. № 86-VIII глава 23-1 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан была дополнена статьей 241-10 «Экспериментальный режим для апробирования инновационных проектов»³. Впоследствии постановлением Правительства Республики Казахстан от 08.11.2024 г. № 948 были утверждены Правила инициирования экспериментальных правовых режимов для апробирования инновационных проектов. Данные Правила включают 13 пунктов, объединенных в три главы: «Глава 1. Общие положения», «Глава 2. Инициирование экспериментальных режимов для апробирования инновационных проектов», «Глава 3. Оформление согласия лиц на участие в экспериментальном режиме»⁴. Стоит отметить, что в Предпринимательском кодексе Республики Казахстан содержится глава 23-1

² Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 258-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 20.01.2026).

³ Предпринимательский кодекс Республики Казахстан от 29.10.2015 г. № 375-V. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=38259854&ysclid=mi5t7tpqhm716812014.

⁴ Постановление Правительства Республики Казахстан от 08.11.2024 г. № 948 «Об утверждении Правил инициирования экспериментальных режимов для апробирования инновационных проектов». URL: <https://primeminister.kz/ru/decisions/08112024-948> 9 (дата обращения: 20.01.2026).

«Государственная поддержка инновационной деятельности», введенная Законом Республики Казахстан от 27.12.2021 г. № 87-VII.

Следует обратить внимание, что в мировой практике есть пример закрепления основ экспериментального правового регулирования в конституционном акте. Отмечается, что после вынесения Конституционным Советом Франции решения от 28.07.1993 г. в Конституцию Франции была включена статья 37-1. В ней указывается, что вводимое экспериментальное правовое регулирование должны иметь предметные и временные ограничения [6, с. 115].

Настоящее исследование направлено на анализ сходств и различий между экспериментальным режимом для апробирования инновационных проектов в Республике Казахстан и экспериментального правового режима в области цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации.

В науке отмечается, что экспериментальный (правовой) режим преследует, в том числе и публично значимые цели, заложенные в Конституции, поскольку их установление нацелено на привлечение инвестиций в экономику, улучшение качества товаров, работ и услуг, в целом повышение экономического благосостояния [6, с. 112]. В связи с этим М.Л. Давыдова указывает, что для экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций главной задачей является адаптация технологического решения к существующим условиям, а не модернизация правового регулирования [2, с. 14].

Экспериментальный правовой режим в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации и экспериментальный режим для апробирования инновационных проектов в Республике Казахстан являются правовыми средствами для реализации основных конституционных прав гражданина. Они позволяют найти наиболее эффективный и оптимальный вариант правового регулирования инноваций, что ведет к прогрессивному развитию.

В России и Казахстане законодатель отказался буквально заимствовать термин, используемый в мировой практике для подобных институтов, а выработал собственный. Однако это привело к возникновению множества научных дискуссий о правильности использования термина, о соотношении с другими схожими правовыми институтами – правовой эксперимент, регулятивная песочница, пилотный проект. После выбора другого термина не последовало исключение понятия «регулятивная песочница» из правового поля Российской Федерации. Банк России продолжает прибегать к данному правовому институту и в своей политике указывает, что будет предпринимать меры по их интенсивному и экстенсивному применению. В Основных направлениях развития финансовых технологий на период 2025–2027 гг. Банк России декларирует, что будет способствовать внедрению инноваций с помощью двух юридических конструкций: экспериментального правового режима и регулятивной песочницы. Финансовый регулятор разводит данные категории, выделяя характерные черты регулятивной песочницы. Она проводится в изолируемой контролируемой среде, т. е. без осуществления реальных операций с реальными клиентами⁵. Методологически такое разделение можно признать обоснованным, поскольку требования к организации и проведению тестирования в изолированной (закрытой) и открытой форме должны отличаться. Иначе невозможно будет обеспечить в полной мере защиту прав и законных интересов участников опытной проверки, проводимой в открытой форме.

В Республике Казахстан законодатель отказался от использования прилагательного «правовой», обозначив данное явление как «экспериментальный режим для апробирования инновационных проектов». Это может служить дополнительным подтверждением позиции ряда российских ученых, согласно которой экспериментальный правовой режим не является правовым в сущности, а выступает способом выбора оптимального управленческого решения [5].

Также в Республике Казахстан объектом вводимого экспериментального режима выступает инновационный проект, а не непосредственно цифровые и технологические инновации как в российском аналоге. Определения инновационного проекта, инновационной деятельности, уполномоченного органа в области поддержки инновационной деятельности даны в пункте 2 Правил инициирования экспериментальных режимов для апробирования инновационных проектов от 08.11.2024 г. № 948. Инновационный проект – сложное явление, включающее совокупность мер и представляющее собой план по достижению поставленной цели. Несомненно, результатом реализации такого инновационного проекта выступает внедрение в гражданский оборот нового или усовершенствованного продукта или процесса. Такие продукт и процесс являются инновациями, определение которых дано в пункте 3 статьи 241-1 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан. Думается, такой вариант больше подмечает поисковый характер экспериментального режима. Многие аспекты разработки и внедрения инновации являются неопределенными. Цель состоит не в приспособлении социальных, в том числе, правовых, технических, организационных и других условий под уже

⁵ Основные направления развития финансовых технологий на период 2025–2027 гг. URL: https://cbr.ru/about_br/publ/onfintech/ (дата обращения: 20.01.2026).

готовую инновацию без ее одновременной адаптации под них. Экспериментальный правовой режим направлен именно на поиск компромиссного варианта, подготовку не только среды для внедрения инновации, но и инновации, чтобы она максимально безопасно и эффективно была использована.

Правила инициирования экспериментальных режимов для апробирования инновационных проектов устанавливают, что вместе с инициативной заявкой инициатор представляет в уполномоченный орган согласия физических и юридических лиц на участие в предлагаемом экспериментальном правовом режиме. В Российской Федерации такое условие отсутствует. Уже в ходе проведения экспериментального правового режима его участник должен обеспечить получение информированного, добровольного и осознанного согласия на вступление в правоотношения с ним.

Действие экспериментального режима не может быть более трех лет.

По сравнению с российской правовой системой устанавливается более гибкий и простой порядок представления заявок – через интернет-портал «Единое окно «Национальной инновационной системы». Срок рассмотрения предложения составляет тридцать пять рабочих дней с момента его регистрации. Такая заявка должна соответствовать не только вышеуказанным Правилам, но и статьям 241–241-10 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан.

Примечательным является, что в Республике Казахстан принят отдельный кодифицированный акт в сфере осуществления предпринимательской деятельности, который включает правовые нормы о мерах государственной поддержки предпринимательской инновационной деятельности. Российская Федерация избрала иной путь. Подход, сформированный в Республике Казахстан, подтверждает позицию, что экспериментальный (правовой) режим предназначен для тестирования инноваций именно субъектами предпринимательской деятельности.

В статье 241-1 Предпринимательского кодекса Республики Казахстан отражена важная характеристика инновационной деятельности, которая является основанием для применения экспериментального метода. Такая деятельность сопряжена с высоким предпринимательским риском при отсутствии очевидных и легкодостижимых рыночных перспектив. Предпринимательский риск выражается также в высокой вероятности потери существенных финансовых активов при реализации инноваций.

В качестве примера сфер, в которых требуется введение экспериментального (правового) режима выделяется медицинская сфера. Дячук М.И. указывает, что существуют инновационные проекты, позволяющие передавать лекарственные средства без участия человека на территории больницы, что особо значимо при распространении инфекции. Также при возникновении эпидемии немаловажным для обеспечения конституционного права на оказание квалифицированной медицинской помощи предоставление возможности получения пациентом удаленной медицинской консультации, назначения ему лекарственных средств дистанционно [3, с. 200]. В Российской Федерации так же, как и в Республике Казахстан, действует запрет на постановку диагноза только на удаленной консультации без предварительного проведения очного приема. Для частичного смягчения данного запрета в 2023 г. на территории Российской Федерации был введен экспериментальный правовой режим в сфере применения телемедицинских технологий.

Экспериментальный (правовой) режим не предполагает ограничения правового статуса субъектов права. Экспериментальный рискованный характер не совместим с такой возможностью. Это привело бы к существенному умалению прав его участников. Однако участники экспериментального (правового) режима, в том числе, потенциальные, должны иметь возможность ознакомиться с перечнем проводимых экспериментальных (правовых) режимов. Это позволит сделать осознанный добровольный выбор на вступление в него, соотнести возможные риски и выгоды. Указанные положения экспериментального (правового режима) проистекают из основ конституционного строя Республики Казахстан и Российской Федерации, определяющих данные государства как демократические и правовые. Помимо доведения до субъектов права информации об экспериментальном (правовом) режиме (принцип прозрачности и открытости) принципы правового и демократического государства отражаются в предоставлении государством равных возможностей лиц для участия в таком режиме [6, с. 113]. Последнее позволяет стимулировать конкуренцию между участниками рынка, что также является гарантией реализации конституционных положений.

Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» состоит из 20 статей. В нем устанавливаются стадии проведения экспериментального правового режима и общие правовые нормы, их регламентирующие. Среди этапов можно выделить:

- инициирование проведения экспериментального правового режима;
- рассмотрение инициативного предложения;
- установление экспериментального правового режима;

- мониторинг текущий и заключительный;
- оценка эффективности и результативности экспериментального правового режима.

Устанавливаются правомочия по изменению экспериментального правового режима, прекращению и приостановлению действия экспериментального правового режима. Также в отношении отдельного участника возможно прекратить или приостановить его статус при невыполнении установленных обязанностей.

Срок установления экспериментального правового режима не может быть более трех лет. Однако он может быть продлен. В Правилах инициирования экспериментальных режимов для апробирования инновационных проектов не содержится положения о возможности увеличения срока проведения экспериментального режима.

Также в ст. 8 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» устанавливаются требования к юридическому лицу или индивидуальному предпринимателю, обращающимся с заявкой. В Правилах инициирования экспериментальных режимов для апробирования инновационных проектов такие правовые ограничения по субъектам, имеющих право принять участие в экспериментальном режиме, отсутствуют.

Рассмотрение инициативного предложения по российскому законодательству включает также несколько этапов:

- оценка уполномоченным органом соблюдения требований, установленных в ст. 8 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации», в течение пятнадцати рабочих дней;
- дача заключения субъектами, указанными в ст. 9 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации»;
- оценка уполномоченным органом на соблюдение требований ст. 6 Федерального закона от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» и дача заключения.

Таким образом, экспериментальный правовой режим в Российской Федерации и экспериментальный режим в Республике Казахстан направлены на содействие субъектам предпринимательской деятельности в улучшении или введении новых товаров, работ и услуг в гражданский оборот путем применения новейших технологических и цифровых инноваций. Они позволяют на временной экспериментальной основе протестировать использование таких инноваций, минимизировать риск, предусмотреть возможные сценарии применения. Рисковый характер предопределяет необходимость составления программы действий по созданию и имплементации инновации. Опытному поисковому воздействию должна подвергаться не только среда, в рамках которой предполагается использование инновации, но и непосредственно инновация. Экспериментальный правовой режим в Российской Федерации и экспериментальный режим в Республике Казахстан можно рассматривать как один из механизмов обеспечения действий конституционных положений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Громова Е.А. К вопросу об экспериментальных правовых режимах создания цифровых инноваций (регуляторных песочницах) // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2019. № 3.
2. Давыдова М.Л. Экспериментальное правовое регулирование как средство обеспечения устойчивого развития // Legal Concept = Правовая парадигма. 2022. Т. 21. № 3.
3. Дячук М.И. Регуляторная песочница в Республике Казахстан: пути совершенствования // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2022. № 3 (70).
4. Коцюрко Е.П. Экспериментальные правовые режимы как инструмент модернизации регулирования цифровых инноваций в условиях евразийской интеграции // European and Asian Law Review. 2025. № 2. Т. 8.
5. Тарасов Н.Н. Понятие «эксперимент» в юридической науке и правовом регулировании // Юридическая техника. 2025. № 19.
6. Сушильников И.С. Конституционно-правовые основы экспериментальных правовых режимов // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15).

REFERENCES

1. Gromova E.A. On the Issue of Experimental Legal Regimes for Creating Digital Innovations (Regulatory Sandboxes). Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2019. № 3.

2. Davydova M.L. Experimental Legal Regulation as a Means of Ensuring Sustainable Development. *Legal Concept = Pravovaya paradigma*, 2022. Vol. 21. № 3.

3. Dyachuk M.I. Regulatory Sandbox in the Republic of Kazakhstan: Ways for Improvement. *Bulletin of the Institute of Legislation and Legal Information of the Republic of Kazakhstan*. 2022. № 3 (70).

4. Kotsyurko E.P. Experimental Legal Regimes as a Tool for Modernizing the Regulation of Digital Innovations in the Context of Eurasian Integration. *European and Asian Law Review*. 2025. Vol. 8. № 2.

5. Tarasov N.N. The Concept of “Experiment” in Legal Science and Legal Regulation. *Legal Technique*. 2025. № 19.

6. Sushilnikov I.S. Constitutional and Legal Foundations of Experimental Legal Regimes. *Theoretical and Applied Jurisprudence*. 2023. № 1 (15).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. А. Коваленко – аспирант, младший научный сотрудник кафедры конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета. 400062, Российская Федерация, г. Волгоград, просп. Университетский, д. 100.

INFORMATION ABOUT AUTHOR

M. A. Kovalenko – postgraduate student, junior research fellow, department of constitutional and municipal law of the Volgograd state university. 100, Universitetsky Ave., Volgograd 400062 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 94(47).084.8ВЛИЯНИЕ МИГРАЦИИ НА КРИМИНОГЕННУЮ СИТУАЦИЮ В СССР В ГОДЫ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Сергей Петрович Шатилов

Сибирский государственный университет путей сообщений, Новосибирск, Российская Федерация,
Shatilov_sp@mail.ru

Введение: исследование посвящено анализу влияния масштабных принудительных миграционных процессов, инициированных государством в период Великой Отечественной войны, на рост и трансформацию преступности в советском тылу. Актуальность работы обусловлена необходимостью комплексного историко-правового осмысления социальных последствий чрезвычайного управления в кризисных условиях. Целью исследования является выявление причинно-следственных связей между политикой массового перемещения населения и дестабилизацией криминогенной обстановки в регионах СССР.

Материалы и методы: источниковую базу составили опубликованные документы (указы Президиума Верховного Совета СССР, статистические сборники, научные монографии) и архивные материалы (докладные записки, отчеты НКВД, следственные дела), отражающие как нормативно-правовые основы миграционной политики, так и конкретные проявления преступности. Методология включает сравнительно-исторический анализ, систематизацию данных и правовую экспертизу нормативных актов.

Результаты исследования: проведенный анализ позволил установить несколько ключевых взаимосвязей.

Во-первых, выявлено, что вынужденная миграция (в формах эвакуации и, особенно, депортации целых народов) выступила в качестве мощного системного криминогенного фактора. Массовое, часто стихийное перемещение миллионов людей привело к критическому перенаселению отдельных тыловых регионов, острому дефициту жилья, продовольствия и рабочих мест, что взорвало традиционную социальную структуру и ослабило институты контроля.

Во-вторых, доказано, что правовая ситуация вокруг мигрантов, и в особенности спецпереселенцев, создавала почву для преступности. Их правовой статус определялся не законами, а ведомственными инструкциями НКВД, что означало правовую депривацию и формировало режим исключения. Это порождало правовой нигилизм, маргинализацию и отчаяние, повышая как виктимность данной группы (они часто становились жертвами преступлений), так и их собственную склонность к противоправным способам решения проблем выживания – от хищений до подлога документов.

В-третьих, исследование подтвердило наличие прямой корреляции между плотностью размещения вынужденных мигрантов и ростом уровня преступности в конкретной местности, что подтверждается архивными данными по различным регионам.

В-четвертых, установлено, что тотальная мобилизация мужского населения на фронт усугубила криминогенную обстановку, вызвав демографический дисбаланс, декалфикацию рабочей силы, ослабление семейного и общественного контроля и состояние социальной аномии, наиболее ярко проявившееся в разрушенных прифронтовых городах.

Выводы и заключения: проведенное исследование позволяет утверждать, что преступность в тыловых регионах СССР в годы Великой Отечественной войны была в значительной степени индуцирована государственной миграционной политикой. Рост девиантного поведения стал не следствием индивидуальной склонности, а результатом комплекса социально-правовых условий, созданных мерами чрезвычайного управления: социальной дезорганизацией, правовой депривацией перемещенных лиц, гуманитарной катастрофой в местах спецпоселений и демографическим дисбалансом. Полученные выводы имеют значение для историко-правовой науки и криминологии, демонстрируя долгосрочные негативные последствия внеправового государственного вмешательства в социальные процессы даже в экстремальных условиях военного времени.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, вынужденная миграция, эвакуация, депортация народов, спецпереселенцы, преступность, криминогенная обстановка, тыловые регионы СССР

Для цитирования: Шатилов С. П. Влияние миграции на криминогенную ситуацию в СССР в годы Великой Отечественной войны // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 25–30.

Original paper

THE IMPACT OF MIGRATION ON THE CRIMINAL SITUATION IN THE USSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR

Sergey Petrovich Shatilov

Siberian State University of Railway Communications, Novosibirsk, Russian Federation

Introduction: the study is devoted to the analysis of the impact of large-scale forced migration processes initiated by the state during the Great Patriotic War on the growth and transformation of crime in the Soviet hinterland. The relevance of the work is determined by the need for a comprehensive historical and legal understanding of the social consequences of emergency management in crisis conditions. The aim of the study is to identify the cause-and-effect relationships between the policy of mass population displacement and the destabilization of the criminal situation in the regions of the USSR.

Materials and methods: the source base consists of published documents (decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR, statistical collections, scientific monographs) and archival materials (memos, NKVD reports, investigative files) reflecting both the regulatory framework of migration policy and specific manifestations of crime. The methodology includes comparative historical analysis, data systematization, and legal expertise of regulatory acts.

Results of the study: the conducted analysis allowed us to establish several key relationships. Firstly, it was revealed that forced migration (in the form of evacuation and, especially, deportation of entire nations) acted as a powerful systemic criminogenic factor. The massive, often spontaneous displacement of millions of people has led to critical overpopulation of individual rear regions, acute shortages of housing, food and jobs, which has undermined the traditional social structure and weakened institutions of control. Secondly, it has been proven that the legal situation around migrants, and especially special settlers, created the ground for crime. Their legal status was determined not by laws, but by the departmental instructions of the NKVD, which meant legal deprivation and formed an exclusion regime. This gave rise to legal nihilism, marginalization, and despair, increasing both the victimization of this group (they often became victims of crimes) and their own propensity for illegal ways to solve survival problems, from theft to forgery of documents. Thirdly, the study confirmed the existence of a direct correlation between the density of accommodation of forced migrants and an increase in the crime rate in a particular area, which is confirmed by archival data for various regions. Fourthly, it has been established that the total mobilization of the male population to the front has aggravated the criminogenic situation, causing demographic imbalance, the dequalification of the workforce, the weakening of family and social control and the state of social anomie, most vividly manifested in the destroyed frontline cities.

Findings and conclusions: the conducted research suggests that crime in the rear regions of the USSR during the Great Patriotic War was largely induced by the state migration policy. The increase in deviant behavior was not the result of an individual's inclination, but the result of a complex of socio-legal conditions created by emergency management measures: social disorganization, legal deprivation of displaced persons, humanitarian disaster in special settlements and demographic imbalance. The findings have implications for historical and legal science and criminology, demonstrating the long-term negative consequences of extralegal government intervention in social processes, even in extreme wartime conditions.

Keywords: The Great Patriotic War, forced migration, evacuation, deportation of peoples, special settlers, crime, criminogenic situation, rear regions of the USSR

For citation: Shatilov S. N. In accordance with P. The impact of migration on the criminogenic situation in the USSR during the Great Patriotic War // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 25–30.

На пути перехода экономики страны на военный лад приходилось преодолеть большие сложности. Нужно было переместить на восток значительные производительные силы страны. К концу 1941 г. было перебазировано более 2,5 тыс. предприятий, для чего понадобилось 1,5 млн вагонов [1, с. 156]. За это время в тыл было переправлено по железнодорожным путям около 10 млн. чел. и водным транспортом – 2 млн человек [2, с. 89]. Перемещение в районы тыла значительных масс людей стало одной из основных задач, возникших перед руководством Советского государства в самом начале Великой Отечественной войны. Например, из Ленинграда в первые месяцы войны было эвакуировано около 1,5 млн человек, в основном женщин и детей, что спасло их от верной гибели в блокадном кольце [3, с. 45]. Миграция населения означала не только избавление значительного количества советских граждан от физического уничтожения

и немецкого плена, но и скорое их размещение на новых местах, результативное использование совершеннолетних граждан в интересах экономики, фронта и др.

Однако при исследовании причин и условий преступности вследствие миграционного процесса следует учитывать, что, во-первых, довольно значительной части мигрантов эвакуацию пришлось испытывать как минимум дважды (вынужденный переезд в тыловые районы страны и в дальнейшем возвращение на родину после их освобождения). Во-вторых, в связи с некоторыми аспектами национальной политики Советского государства (в основном необоснованной и несправедливой) в годы Великой Отечественной войны часть мигрантов покидала свои дома принудительно [4, с. 112].

Все вышеизложенное дает основание классифицировать миграцию в годы войны по двум основным критериям: во-первых, миграция по военным причинам, которую можно подразделить на эвакуацию, депортацию, реэвакуацию; во-вторых, исходя из характера волеизъявления перемещаемых лиц, военную миграцию можно классифицировать как добровольную, при которой решение о переезде принималось гражданами самостоятельно; принудительную, осуществлявшуюся по распоряжению властей вне зависимости от желания людей; и вынужденную, когда решение об оставлении дома принималось под непосредственным воздействием военной угрозы, не оставлявшей иного выбора.

Стихийность миграционного процесса в годы Великой Отечественной войны сказалась на дестабилизации многих сфер общественной жизни. Стремительный рост численности населения в тыловых регионах СССР вследствие массовой эвакуации поставил перед государственными органами сложнейшие задачи социально-экономического характера. Требовалось в сжатые сроки обеспечить форсированное жилищное строительство, открыть новые рабочие места и организовать взаимодействие между местными жителями и прибывающими. Однако в условиях военного времени достичь необходимого баланса между демографическими изменениями и развитием инфраструктуры зачастую не удавалось. Например, в Челябинской области, где число жителей за период войны увеличилось приблизительно в два раза [5, с. 78], это привело к критическому дефициту жилого фонда и продовольствия. Подобные диспропорции между ростом населения и возможностями экономики регионов, усугубленные общим кризисом, служили одной из ключевых причин ухудшения криминогенной обстановки.

Процесс переселения сопровождался для людей множеством трудностей. Государство и его местные структуры сталкивались с необходимостью решать комплекс проблем, связанных с трудоустройством и обустройством прибывающих, обеспечением их бытовых и культурных потребностей. В контексте масштабной эвакуации промышленных предприятий и квалифицированных кадров в тыловые регионы перед местными органами власти встала острая задача оперативного обеспечения жильем прибывающих специалистов. Для ее решения краевыми и областными комиссиями применялись меры административного характера, включающие выселение части местных жителей в сельскую местность и так называемое «уплотнение» – уменьшение жилой площади, приходящейся на одну семью. Подобные действия, будучи вынужденными с точки зрения логистики военного времени, зачастую становились источником социальной напряженности.

В качестве примера можно привести решение Алтайской краевой комиссии, предписывавшее выселение из города Барнаула 1 673 семей. Фактически к 13 октября 1942 г. было выселено 380 семей (1 052 человека), а путем уплотнения высвобождена 101 комната.

Данные административные меры спровоцировали рост негативных настроений среди коренного населения. В документах фиксируются характерные высказывания горожан, отражающие чувство несправедливости и социального протеста, например: «Если нас будут выселять из г. Барнаула, то мы устроим восстание» или «Пусть меня хоть вместе с детьми выселяют, но я никуда не пойду. Люди сюда ехали от Гитлера, а мы от кого?» [6]. От оперативности и эффективности решения этих вопросов напрямую зависели дальнейшие последствия: либо люди успешно интегрировались в новые условия, либо, столкнувшись с непреодолимыми препятствиями, могли обратиться к противозаконным способам обеспечения своей жизни.

В местностях с высокой концентрацией беженцев нередко отмечалось падение авторитета власти и правовых институтов в глазах как приезжих, так и коренных жителей. В условиях чрезвычайной ситуации административный контроль иногда ослабевал, что провоцировало часть беженцев к поиску незаконных решений своих проблем. Например, архивные материалы фиксируют факты массовых хищений продовольствия на предприятиях Алтайского края в 1942 г., совершенных с участием эвакуированных [7, с. 15].

Обстановка массового переселения использовалась и профессиональными преступными элементами. Они маскировались под беженцев, что облегчало их перемещение и деятельность. Зафиксированы случаи, когда преступные группы, как, например, в Свердловске в 1943 г. [8], изготавливали и сбывали поддельные документы для эвакуированных. Приток вынужденных мигрантов часто сопровождался активизацией уже существующих и появлением новых преступных формирований.

Отдельно следует выделить эвакуацию несовершеннолетних в годы войны, которая на практике нередко сопровождалась нарушениями, приводившими к утрате государственного

контроля над их судьбой. Только за вторую половину 1941 г. и в начале 1942 г. в тыл было вывезено 976 детских домов с 167 223 воспитанниками [9, с. 184], во время эвакуации и реэвакуации дети терялись, отставали от эшелонов. Характерный пример – эвакуация в 1941 г. воспитанников 8-й артиллерийской спецшколы из Ленинграда в Алтайский край. Из 211 учащихся направленных к месту назначения, 54 человека осталась в госпиталях по пути следования эшелона; 34 воспитанника самовольно оставили эшелон. Массовый переход детей в статус беспризорных создал правовой вакуум и криминогенную уязвимость: отсутствие опеки, крова и законного источника существования объективно повышало риски их вовлечения в противоправную деятельность, как в качестве исполнителей, так и жертв [10, с. 84].

В период Великой Отечественной войны значительно возросло количество беспризорных и безнадзорных несовершеннолетних в том числе и за счет миграции, что непосредственно отразилось на статистике подростковой преступности. Общее число правонарушений, совершенных несовершеннолетними, в 1942 г. увеличилось на 61 % по сравнению с 1941 годом, а к 1944 г. прирост составил уже 181 % [11, с. 22]. Согласно архивным данным, подобная тенденция наблюдалась в большинстве регионов страны. Например, в Молотовской области за разбой, хулиганство и кражи к ответственности в 1941 г. были привлечены 947 человек, в 1942 г. – 1 139, а в 1943 г. – 1 776 человек. Аналогично, в Рязанской области соответствующие показатели составили 521 человек в 1942 г. и 792 человека в 1943 г. [12].

Криминализация подростковой среды вызывала серьезную обеспокоенность у государственных органов. Так, в Красноярском крае из 1120 осужденных несовершеннолетних 92 % привлекались к уголовной ответственности впервые, что свидетельствовало о стремительном вовлечении в преступность ранее не судимых подростков [13].

Самым многочисленным видом миграции во все времена, в том числе и в годы Великой Отечественной войны, была депортация целых народов. Только в 1943–1944 гг. были полностью депортированы карачаевцы, калмыки, чеченцы, ингуши, балкарцы, крымские татары, а также понтийские греки, турки-месхетинцы и другие народы, общее число которых превысило 2 млн человек [14, с. 150–151]. Чтобы понять глубину этой катастрофы в исследуемый период и проследить, в силу существовавшего законодательства, причины и условия депортации народов, необходимо обратиться непосредственно к законодательству и механизму его реализации, которые и явились первопричиной преступности данной категории населения – спецпереселенцев.

Принятые в 1941–1944 гг. указы Президиума Верховного Совета СССР об упразднении автономий депортированных народов всецело противоречили существующему Основному закону страны – Конституции СССР. Например, Указ Президиума ВС СССР от 7 марта 1944 г. «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории» был издан уже после завершения основной фазы депортации, что демонстрировало его формально-прикрывательный характер [15, с. 234–235].

Нормативные документы, исходящие от верховных органов государственной власти СССР в отношении депортации народов, содержали положения, вступающие в противоречие с действовавшим законодательством [16, с. 234–235]. Тем не менее, эти акты получали безусловное исполнение со стороны всех звеньев государственного аппарата. В условиях военного времени подобные решения высшего руководства страны воспринимались исполнителями как обладающие безусловной обязательностью и не подлежащие обсуждению, поскольку сама правовая доктрина того периода отождествляла право с волей государства, выраженной в его официальных распоряжениях. Следовательно, даже те установления, которые явно расходились с правовыми нормами, на практике реализовывались как легитимные и обязательные к выполнению [17, с. 245].

В текстах постановлений о выселении изначально отсутствовало четкое определение юридического и социального статуса перемещаемых лиц. Это вынуждало совнаркомы союзных республик, краевые и областные исполкомы обращаться в центр за официальными разъяснениями. В полученных от НКВД СССР инструкциях утверждалось, что спецпереселенцы сохраняют за собой весь объем гражданских прав, за единственным исключением – свободы передвижения за пределы отведенных для поселения территорий. В документах также подчеркивалось, что за ними сохраняются все права на социальное обеспечение. Однако реальные условия жизни депортированных в местах нового расселения радикально расходились с этими декларациями. Их повседневное существование регулировалось особым режимом, устанавливаемым ведомственными директивами. Так, приказами НКВД от 8 марта и 7 декабря 1945 гг. был официально введен и детализирован режим спецпоселения и административного надзора [18].

На местах дислокации депортированных народов создавались комендатуры, подкрепленные вооруженными постами. В рамках установленного порядка все спецпереселенцы, включая младенцев, ставились на обязательный учет. Для усиления контроля система административного надзора была распространена на низовой уровень: населенные пункты дробились на десятидворки, в каждой из которых назначался ответственный старший, регулярно отчитывавшийся перед комендантом о ситуации на вверенном участке [19].

Таким образом, уже с первых дней спецпереселенцы лишились многих гражданских прав, гарантированных им Конституцией СССР 1936 г., что вызвало у депортированных народов гнев и ненависть к существующему государственному строю.

Другой причиной, повлиявшей на рост преступности среди спецпереселенцев, являлось их чрезвычайно тяжелое материальное и малоэффективное социальное обеспечение. Люди умирали от голода и инфекционных заболеваний. Так, М. Джургаев в своих воспоминаниях пишет: «Я помню, как весной 1944 г. наткнулся на два трупа возле кучи конского навоза, в котором были непереваренные ячменные зерна. Я скажу, что самые трудные дни для чеченцев и ингушей выпали именно на период их жизни в качестве спецпереселенцев. Трупы людей, вспухших от голода, можно было видеть и возле дорог, и на сельских околицах» [20, с. 34]. Официальные данные НКВД также свидетельствуют о высокой смертности: за первые полтора года ссылки умерло около 20 % депортированных крымских татар [21, с. 145].

Положение спецпереселенцев усложнялось тем обстоятельством, что направляемые высшими органами государственной власти в их распоряжение продовольственные и другие фонды использовались чаще всего в других целях или были разбазарены местными органами.

Некачественное медицинское обслуживание влекло развитие различных заболеваний и рост смертности среди спецпереселенцев. Не хватало медперсонала, медикаментов. Медицинская помощь не оказывалась в нерабочее время. Трудно решались задачи, связанные с обеспечением жилья.

Все это способствовало росту преступлений, совершаемых спецпереселенцами. В Казахстане и Средней Азии фиксировались случаи массовых краж скота и продовольствия со стороны спецпереселенцев, отчаянно борющихся за выживание, а также ответные преступления местных жителей против них [22].

Проведенное исследование позволяет констатировать, что динамика преступности в тыловых районах СССР в период Великой Отечественной войны находилась в прямой зависимости от масштабных миграционных процессов, инициированных в условиях чрезвычайного положения. Вынужденное перемещение миллионов граждан, осуществлявшееся в сжатые сроки для спасения населения и промышленного потенциала, объективно создало комплекс социально-экономических и правовых вызовов.

Стихийный характер переселений и резкое увеличение численности населения в отдельных регионах привели к напряжению социальной инфраструктуры. Неспособность в полной мере обеспечить вновь прибывших жильем, работой и продовольствием в условиях тотальной мобилизации ресурсов для нужд фронта способствовала росту социальной напряженности. Это создавало объективные предпосылки для маргинализации части мигрантов и повышало риски их вовлечения в противоправную деятельность как в качестве жертв, так и в качестве субъектов правонарушений.

Особую специфику имела депортация отдельных народов, чей правовой статус как спецпереселенцев регулировался особыми ведомственными актами. Тяжелые условия размещения и жизнеобеспечения в местах нового расселения, на фоне общих трудностей военного времени, создавали дополнительную криминогенную нагрузку на регионы Средней Азии и Казахстана. Отмеченные в архивных документах факты хищений и иных преступлений со стороны спецпереселенцев были в значительной степени обусловлены борьбой за физическое выживание в экстремальных обстоятельствах.

Таким образом, резкий рост уровня преступности в тылу стал одним из системных социальных последствий военного времени, напрямую связанным с логистическими и гуманитарными сложностями, сопровождавшими масштабное перераспределение людских ресурсов. Полученные данные подчеркивают взаимосвязь между масштабными административно-организационными мероприятиями в кризисных условиях и динамикой социальной стабильности, что представляет научный интерес для историков и криминологов, изучающих закономерности социально-правового поведения в экстремальных ситуациях.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945: В 6 т. Т. 2. М., 1961.
2. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.
3. Павлов Д.В. Ленинград в блокаде. М., 1961.
4. Полян П.М. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР. М., 2001.
5. Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Статистический сборник. М., 1990.
6. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18 Д. 158.
7. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. Р-1370. Оп. 1. Д. 45.
8. Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Следственное дело № 3456 по обвинению Смирнова П.И. и др.
9. Малыгин А.Я., Яковлева Е.Н. Из народа и для народа. М., 1988.
10. Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1. Оп. 18 Д. 158.

11. Миньковский, Г. М., Тузов, А. П. Профилактика правонарушений среди несовершеннолетних. Киев, 1987.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9412. Оп. 1. Д. 35.
13. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории. (РЦХИДНИ). Ф. 17. Оп. 43. Д. 994.
14. Бугай Н.Ф. Л. Берия – И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995.
15. Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944. М., 1945.
16. Соломон П. Советская юстиция при Сталине. М., 1998.
17. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9401. Оп. 1. Д. 125.
18. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 136.
19. Джургаев М. Спецпереселенцы: Воспоминания. Грозный, 1993.
20. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М., 2005.
21. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 122. Д. 89.

REFERENCES

1. The history of the Great Patriotic War of the Soviet Union 1941-1945: In 6 volumes. Vol. 2. Moscow, 1961.
2. Zemskov V.N. Special settlers in the USSR, 1930–1960. Moscow, 2005.
3. Pavlov D.V. Leningrad under siege. Moscow, 1961.
4. Polyan P.M. Not by his own will... The history and geography of forced migration in the USSR. Moscow, 2001.
5. The national economy of the USSR in the Great Patriotic War of 1941-1945: A statistical collection. Moscow, 1990.
6. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). F. 1. Op. 18 D. 158.
7. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). F. R-1370. Op. 1. D. 45.
8. Archive of the Federal Security Service of the Russian Federation for the Sverdlovsk region. Investigative case No. 3456 on charges against P.I. Smirnov and others.
9. Malygin A.Ya., Yakovleva E.N. From the people and for the people. Moscow, 1988.
10. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). F. 1. Op. 18, 158.
11. Minkovsky, G. M., Tuzov, A. P. Prevention of offenses among minors. Kiev, 1987.
12. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. 9412. Op. 1. D. 35.
13. The Russian Center for the Storage and study of documents of modern history. (RCCIDNI). F. 17. Op. 43. D. 994.
14. Bugai N.F. L. Beria – to I. Stalin: “According to your instructions...”. Moscow, 1995.
15. Collection of laws of the USSR and decrees of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR. 1938-1944. Moscow, 1945.
16. Solomon P. Soviet justice under Stalin. Moscow, 1998.
17. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-9401. Op. 1. D. 125.
18. The State Archive of the Russian Federation (GARF). F. R-9479. Op. 1. D. 136.
19. Dzhurgaev M. Special settlers: Memoirs. Terrible, 1993.
20. Zemskov V.N. Special settlers in the USSR, 1930-1960. Moscow, 2005.
21. Russian State Archive of Socio-political History (RGASPI). F. 17. Op. 122. D. 89.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. П. Шатилов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и уголовного права Сибирского государственного университета путей сообщений. 630049, Российская Федерация, г. Новосибирск, ул. Дуси Ковальчук, д. 191.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. P. Shatilov – PhD of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil and Criminal Law at the Rostov Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia. 191, Dusi Kovalchuk St., Novosibirsk 630049 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 15.02.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 15.02.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Юрист-Правоведъ. 2026. № 2 (117). С. 31–36.
Jurist-Pravoved. 2026. № 2 (117). Pp. 31–36.

Научная статья
УДК 342.9:349.2

**ПРОБЛЕМЫ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
ЛИЦ ЗА НАРУШЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ
ИНОСТРАННЫМ ГРАЖДАНИНОМ ИЛИ ЛИЦОМ БЕЗ ГРАЖДАНСТВА ТРУДОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Ксения Александровна Киселева

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Российская Федерация,
aksinya.verner@list.ru

Введение: в статье обосновывается актуальность исследования административно-правового регулирования трудовой деятельности иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации. Отмечается, что современные миграционные процессы требуют эффективного правового механизма, однако существующее законодательство содержит ряд противоречий, что негативно сказывается на правоприменительной практике и приводит к росту правонарушений в данной сфере.

Материалы и методы: теоретической базой исследования послужили нормативно-правовые акты РФ, в частности Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (ст. 18.8, 18.20, ч. 3 ст. 18.15). Эмпирическую основу составил анализ судебной практики и материалов дел об административных правонарушениях, связанных с привлечением к ответственности иностранных работников и их работодателей. В работе использовались методы системного анализа, формально-юридический метод и метод правового моделирования.

Результаты исследования: в ходе исследования выявлены ключевые пробелы в законодательстве, создающие препятствия для эффективного привлечения к ответственности. К ним относятся: формализм при оформлении патентов, сложности с идентификацией личности нарушителя и взысканием административных штрафов, а также языковой барьер, затрудняющий производство по делам. Анализ судебной практики показал неоднородность подходов к квалификации правонарушений, предусмотренных ст. 18.8, 18.20 и ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ, и низкую эффективность существующих санкций.

Выводы и заключения: автор приходит к выводу о необходимости комплексного реформирования подходов к регулированию трудовой миграции. Совершенствование норм КоАП РФ должно сопровождаться отказом от формального применения закона в пользу принципа неотвратимости наказания, а также усилением профилактической работы среди мигрантов и работодателей. Предложенные меры направлены на повышение эффективности миграционной политики и обеспечение национальной безопасности.

Ключевые слова: административная ответственность, иностранный гражданин, лицо без гражданства, трудовая деятельность, патент, миграционное законодательство, правоприменительная практика, административное выдворение, работодатель иностранного работника

Для цитирования: Киселева К. А. Проблемы привлечения к административной ответственности лиц за нарушение законодательства в сфере осуществления иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 31–36.

Original paper

**PROBLEMS OF BRINGING INDIVIDUALS TO ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR
VIOLATION OF LEGISLATION IN THE SPHERE OF WORK ACTIVITIES BY A
FOREIGN CITIZEN OR A STATELESS PERSON IN THE RUSSIAN FEDERATION**

Ksenia Aleksandrovna Kiseleva

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod,
Russian Federation

© Киселева К.А., 2026

Introduction: this article substantiates the relevance of studying the administrative and legal regulation of labor activities of foreign citizens and stateless persons in the Russian Federation. It is noted that modern migration processes require an effective legal mechanism; however, existing legislation contains a number of inconsistencies, which negatively impacts law enforcement and leads to an increase in offenses in this area.

Materials and methods: the theoretical basis for the study was provided by Russian regulatory legal acts, in particular the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses (Articles 18.8, 18.20, Part 3 of Article 18.15). The empirical basis was an analysis of judicial practice and case materials on administrative offenses related to the prosecution of foreign workers and their employers. The study utilized methods of systemic analysis, formal legal methods, and legal modeling.

Results of the study: the study identified key gaps in legislation that create obstacles to effective prosecution. These include: formalism in patent processing, difficulties in identifying violators and collecting administrative fines, and a language barrier that complicates case proceedings. An analysis of judicial practice revealed heterogeneity in approaches to classifying offenses under Articles 18.8, 18.20, and Part 3 of Article 18.15 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, and the low effectiveness of existing sanctions.

Findings and conclusions: the author concludes that a comprehensive reform of approaches to regulating labor migration is necessary. Improving the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation should be accompanied by a shift away from formal application of the law in favor of the principle of the inevitability of punishment, as well as by strengthening preventative efforts among migrants and employers. The proposed measures are aimed at improving the effectiveness of migration policy and ensuring national security.

Keywords: administrative liability, foreign citizen, stateless person, labor activity, patent, migration legislation, law enforcement practice, administrative deportation, employer of a foreign worker

For citation: Kiseleva K. A. Problems of Bringing Individuals to Administrative Liability for Violating Legislation Regarding the Employment of Foreign Citizens or Stateless Persons in the Russian Federation // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 31–36.

На сегодняшний день обеспечение законности и правопорядка в области миграционных отношений, особенно в контексте внешней трудовой миграции, в значительной степени достигается посредством применения мер административно-правового принуждения.

Как следует из анализа правоприменительной практики, существующее нормативное регулирование не обеспечивает эффективного привлечения к ответственности иностранного гражданина и работодателя даже при наличии в их поведении формальных признаков административного деликта, что обусловлено нечеткостью и фрагментарностью закрепления соответствующих составов правонарушений и санкций.

Яркой иллюстрацией дисфункции действующего регулирования выступает практика привлечения иностранных граждан к административной ответственности по ст. 18.20 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ). Формально-юридической целью данной меры является профилактика нарушений миграционного режима путем стимулирования своевременного обращения за оформлением патента, необходимого для легальной трудовой деятельности. Однако, по своей сути, указанная норма зачастую применяется как фискальный инструмент, обеспечивающий гарантированное поступление в бюджет доходов в виде фиксированного авансового платежа по налогу на доходы физических лиц, который является неотъемлемым условием получения патента. Таким образом, административно-принудительное воздействие в данном случае трансформируется из средства обеспечения правопорядка в механизм финансово-бюджетного контроля, что свидетельствует о смещении целеполагания нормы и подмене ее административно-предупредительной функции фискальной.

Распространенной схемой уклонения от легализации трудовой деятельности выступает стратегия, при которой иностранный гражданин при въезде в Российскую Федерацию декларирует в миграционной карте цель «работа», создавая тем самым правовые основания для последующего получения патента. Однако в дальнейшем, вопреки установленной законом обязанности, он умышленно не обращается в уполномоченное подразделение Министерства внутренних дел по месту пребывания для оформления разрешительного документа в предусмотренный тридцатидневный срок. Данное бездействие может быть обусловлено как прямым умыслом на минимизацию издержек, связанных с уплатой обязательного авансового платежа (налога), так и формальным следованием правилам с последующим использованием иных способов продления пребывания, что в совокупности направлено на системный обход требований миграционного и налогового законодательства.

Для продления законного нахождения на территории Российской Федерации сверх установленного девяностодневного срока указанное лицо прибегает к стратегии так называемой «челночной миграции». Она заключается в совершении краткосрочного выезда через ближайший пункт пропуска государственной границы с последующим немедленным обратным въездом, что формально обнуляет расчетный период и позволяет начать новый срок пребывания, оставаясь фактически в стране.

Данная практика получает дополнительное распространение на фоне ежегодного сокращения государственных квот на выдачу разрешений на временное проживание (РВП). Это ограничение стимулирует поиск альтернативных способов легализации, в результате чего наблюдается устойчивая тенденция к росту числа случаев получения трудового патента женщинами – супругами легально работающих мигрантов – исключительно для процедурного продления срока пребывания. Их фактический статус и род занятий (ведение домашнего хозяйства, воспитание детей) не соответствуют формально заявленной трудовой цели въезда, а их положение, в отличие от членов семей высококвалифицированных специалистов, не подпадает под льготные режимы федерального законодательства о миграционном учете. Таким образом, формальное обладание патентом при реальном осуществлении деятельности, не связанной с трудовой функцией, формирует состав правонарушения, предусмотренный частью 2 статьи 18.8 КоАП РФ (нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства режима пребывания (проживания) в России), поскольку имеет место несоответствие декларируемой цели визита фактическому роду занятий.

Опосредованно вопросы трудовых отношений с иностранными гражданами регулируются упомянутым выше Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [1].

Фрагментарность и недостаточная проработанность института гражданско-правовых договоров в сфере привлечения иностранной рабочей силы формируют правовой вакуум, которым активно пользуются хозяйствующие субъекты (юридические лица и индивидуальные предприниматели). В отсутствие четкого законодательного регулирования подобных договорных конструкций, контрагенты оформляют фактически трудовые отношения под видом гражданско-правовых соглашений (договоров подряда, оказания услуг). Это позволяет им уклоняться от исполнения ключевых обязанностей работодателя, предусмотренных трудовым законодательством: обеспечения социальных гарантий, оплаты труда в установленном порядке, соблюдения режима труда и отдыха, а также от полного выполнения фискальных обязательств перед государством (уплаты страховых взносов и налогов с фонда оплаты труда). В результате иностранный гражданин, де-факто выполняющий трудовую функцию, лишается предусмотренной законом социальной защиты, оказываясь в уязвимой и зависимой позиции, а его права оказываются не обеспечены соответствующими юридическими гарантиями.

Законодатель, кодифицируя особенности регулирования труда иностранных работников в отдельной главе 50.1 Трудового кодекса Российской Федерации [2], предусмотрел специальный режим, включая императивные сроки заключения и прекращения трудовых договоров с данной категорией субъектов. Однако данное регулирование носит сегментированный характер и распространяется исключительно на отношения в рамках трудового договора. В то же время, для отношений, возникающих из гражданско-правовых договоров (подряда, возмездного оказания услуг) с иностранными гражданами, в рамках которых также может осуществляться фактическая трудовая деятельность, аналогичный специальный процедурный регламент законодательно не закреплён. Таким образом, в правовом поле формируется асимметрия: деятельность заказчика работ (услуг), по своей экономической сути аналогичная функциям работодателя, не обременена столь же строгими формально-юридическими рамками и сроками, что создает предпосылки для злоупотреблений и обхода установленных для трудовых отношений гарантий.

Правовым последствием неправомерного бездействия заказчика работ (услуг) выступает административная ответственность по ч. 3 ст. 18.15 КоАП РФ. Состав данного правонарушения формируется в случае неисполнения установленной законодательством позитивной обязанности – своевременного направления уведомления в территориальный орган МВД России (уполномоченный в сфере миграции) о факте прекращения гражданско-правового договора с иностранным гражданином. Юридически значимым основанием для такого уведомления является утрата иностранным контрагентом легитимного права на пребывание и трудовую деятельность на территории РФ, что наступает вследствие: а) истечения срока действия разрешительного документа (патента, разрешения на временное проживание, вида на жительство); либо б) правомерного аннулирования (прекращения действия) любого из указанных документов уполномоченным государственным органом. Таким образом, норма направлена на обеспечение контроля со стороны миграционных органов за текущим статусом иностранных граждан, продолжающих формально числиться контрагентами по договорам, но утративших легальные основания для нахождения в стране.

Как было отмечено ранее, действующее миграционное законодательство (ст. 13 Федерального закона № 115-ФЗ) устанавливает территориальный принцип осуществления трудовой деятельности иностранными гражданами, привязывая ее к субъекту Российской Федерации, выдавшему разрешительный документ (разрешение на работу, патент) или разрешившему временное проживание. Однако правоприменительная практика демонстрирует коллизию между формальным соблюдением этого принципа органами миграционного контроля и его содержательной оценкой судами общей юрисдикции. Нередки случаи, когда территориальный орган МВД России отказывает в выдаче или переоформлении патента на формальных основаниях, но суд, рассматривая административный иск, удовлетворяет требования иностранного гражданина. При принятии решения суд руководствуется не только буквой закона, но и правовыми позициями Конституционного Суда РФ, предписывающими оценивать всю совокупность обстоятельств дела: длительность и цель пребывания, семейное положение, наличие жилья, намерение получить гражданство, а также мнение работодателя о профессиональной востребованности истца. Такой подход направлен на защиту иностранного гражданина как слабой стороны в правоотношении с публичной властью и на реализацию его конституционного права на труд (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ).

Наглядной иллюстрацией данного правового конфликта служит решение Советского районного суда г. Томска от 7 февраля 2025 года по делу № ... по административному иску Мамадалиева М.М. (далее – Истец) к УМВД России по Томской области [3]. Истец обжаловал решение миграционного органа об отказе в переоформлении патента, несмотря на представление всех требуемых документов, в том числе от работодателя (ООО «...»). Суд, проанализировав доводы сторон, установил, что отказ, хотя и был оформлен уполномоченным лицом в соответствии с Административным регламентом, носил формальный характер и не учитывал конкретные обстоятельства дела, включая правомерность предыдущего пребывания Истца и его фактическую трудовую занятость. Ссылаясь на необходимость избегать формализма и обеспечивать восстановление нарушенных прав (в соответствии с КАС РФ и позицией КС РФ), суд признал оспариваемое решение незаконным и обязал УМВД России по Томской области повторно рассмотреть заявление о переоформлении патента в установленном порядке. Одновременно с Истца были взысканы судебные расходы. Данный прецедент подтверждает тенденцию судебной защиты прав мигрантов от излишне жесткого административного усмотрения, когда формальное соответствие процедуре признается недостаточным для ограничения права на легальную трудовую деятельность.

Необходимо констатировать, что правоприменительная деятельность по привлечению к административной ответственности иностранных граждан, лиц без гражданства, а также хозяйствующих субъектов (юридических лиц и индивидуальных предпринимателей), использующих их труд, традиционно сопряжена с рядом системных проблем. Эти проблемы носят как материально-правовой, так и процессуальный характер.

1. Пробелы в материальном праве. Ключевым препятствием долгое время выступало несовершенство законодательной базы. Законодательством не был детально урегулирован порядок заключения и прекращения гражданско-правовых договоров с иностранными работниками, а также не закреплялись корреспондирующие обязанности сторон в рамках данной договорной конструкции. Это создавало правовой вакуум, в котором формальное следование процедуре уведомления о заключении договора позволяло избежать ответственности даже при фактически фиктивном характере отношений. Отметим, что в настоящее время указанные пробелы последовательно устраняются, однако правоприменительная практика по-прежнему испытывает инерцию сложившихся схем.

2. Процессуальные сложности доказывания. Наиболее существенные затруднения возникают на стадии собирания и процессуальной фиксации доказательств. Правоприменитель сталкивается с диаметрально противоположными поведенческими моделями субъектов ответственности. С одной стороны, часть лиц признает вину и предоставляет информацию о дате прекращения отношений. С другой стороны, распространена защитная позиция, отрицающая саму обязанность заказчика по прекращению договора с иностранным гражданином, утратившим легальный статус пребывания. Более того, недобросовестные контрагенты зачастую выстраивают правовую позицию на утверждении о непрерывности договорных отношений, ссылаясь на гипотетическое или эпизодическое возобновление работ в периоды последующих въездов работника. Подобная аргументация, указывающая на отсутствие конкретной даты прекращения договора как юридического факта, делает невозможным установление объективной стороны правонарушения (бездействия) и, как следствие, влечет прекращение производства по делу.

В результате формируется парадоксальная ситуация, при которой механизм административной ответственности эффективно работает в отношении добросовестных участников рынка, надлежащим образом исполняющих свои трудовые, налоговые и пенсионные

обязательства. В то же время в отношении недобросовестных субъектов, использующих пробелы в праве и процессуальные лакуны для имитации легальности, применение мер принуждения блокируется. Это приводит к ослаблению превентивной функции административной ответственности и существенно затрудняет реализацию эффективного государственного контроля в сфере миграции, труда и налогообложения [4].

Одной из ключевых проблем правоприменительной практики в сфере миграционного контроля выступает низкая эффективность мер административной ответственности в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, допустивших нарушения режима учета. Препятствия носят комплексный характер и требуют системных решений.

1. Проблема исполнимости наказания и поиск альтернативных санкций. Основная сложность заключается в фактической неисполнимости такого классического наказания, как административный штраф, ввиду распространенной неплатежеспособности данной категории нарушителей. Это ставит под сомнение реализацию карательной и превентивной функций ответственности и создает ситуацию правовой неопределенности для судей при одновременном назначении штрафа и выдворения.

Для решения данной проблемы, помимо уже введенной Федеральным законом № 649-ФЗ [5] альтернативы в виде обязательных работ, целесообразно рассмотреть институт субсидиарной (солидарной) ответственности приглашающей стороны. Введение такой нормы, при условии четкой регламентации оснований и процедуры ее применения, создаст действенный экономический стимул для принимающих лиц к контролю за соблюдением миграционных правил их гостями и повысит гарантии исполнения судебных решений. Одновременно следует развивать систему альтернативных наказаний, не связанных с изоляцией или выдворением, таких как обязательные общественно полезные работы с учетом их социальной значимости и организационной осуществимости в регионах.

2. Проблема идентификации личности нарушителя. Отсутствие у части иностранных граждан действительных документов, удостоверяющих личность, парализует производство по делу, ведет к длительному содержанию в специальных учреждениях и нарушает принципы разумности и соразмерности принуждения. Планируемый эксперимент по внедрению электронных идентификаторов с 2025 г. является своевременным, но требует заблаговременной проработки правовых и технических вопросов их признания в административном и судебном процессе.

В качестве оперативной меры до полномасштабного внедрения электронных документов необходимо законодательно закрепить упрощенную процедуру установления личности на основе биометрических данных (дактилоскопия, фотофиксация) с немедленной регистрацией в единой межведомственной базе. Это позволит незамедлительно возбудить и рассмотреть дело, не прибегая к длительной изоляции, а также эффективно идентифицировать лиц при повторных нарушениях.

3. Проблема языкового и процессуального барьера. Языковой барьер является не только коммуникационной, но и процессуальной проблемой, существенно ограничивающей права на защиту и объективное рассмотрение дела. Отсутствие адекватного перевода искажает показания, затрудняет установление истины и может привести к судебной ошибке.

Меры по преодолению данного барьера должны быть институционализированы. Помимо очевидной необходимости создания государственного реестра и системы привлечения сертифицированных переводчиков для административного судопроизводства, требуется внедрение стандартизированных памяток о правах и обязанностях на основных языках мигрантов на всех этапах производства. Наиболее перспективным представляется развитие системы дистанционного видеоперевода с использованием технологий видеоконференц-связи, что особенно актуально для отдаленных регионов и для работы с носителями редких языков. Профилактическую работу по правовому информированию следует перевести в цифровой формат, создав официальный многоязычный онлайн-портал с актуальной информацией о миграционных правилах, ответственности и контактах, а также интегрировать краткие правовые ликбезы в процесс первичной регистрации и выдачи патентов.

Таким образом, повышение эффективности привлечения иностранных граждан к административной ответственности требует перехода от фрагментарных мер к построению целостной системы, сочетающей совершенствование санкций, внедрение современных идентификационных технологий и создание гарантий процессуальных прав с учетом специфики данной категории лиц.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в ред. от 28.12.2024 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 29 июля 2002 г. № 30. Ст. 3032.

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета от 31 декабря 2001 г. № 256.

3. Официальный сайт Советского районного суда г. Томска: решение по делу №2а-977/2025 по иску Мамадалиева М.М. URL: https://sovetsky--tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=27005518&delo_id=41&new=0&text_number=1 (дата обращения: 03.01.2026).

4. Дубовец К.А. Проблемы привлечения к административной ответственности лиц за нарушение законодательства в сфере осуществления иностранным гражданином или лицом без гражданства трудовой деятельности в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2020. № 1 (49).

5. Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 649-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» // СЗ РФ.01.01.2024 г. № 1. Ст. 30.

REFERENCES

1. Federal Law of July 25, 2002 № 115-FZ "On the Legal Status of Foreign Citizens in the Russian Federation" (as amended on December 28, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation of July 29, 2002 № 30. Art. 3032.

2. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001, № 197-FZ (as amended on August 8, 2024) // Rossiyskaya Gazeta of December 31, 2001, № 256.

3. Official website of the Sovetsky District Court of Tomsk: decision on case № 2а-977/2025 on the claim of M.M. Mamadaliev. URL: https://sovetsky--tms.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=27005518&delo_id=41&new=0&text_number=1 (date of access: 03.01.2026).

4. Dubovets K.A. Problems of bringing persons to administrative responsibility for violating legislation in the sphere of labor activity by a foreign citizen or stateless person in the Russian Federation // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 1 (49).

5. Federal Law of December 25, 2023 № 649-FZ "On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses" // SZ RF.01.01.2024 № 1. Art. 30.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

К. А. Киселева – доцент кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук. 603081, Российская Федерация, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.

INFORMATION ABOUT OF AUTHOR

K. A. Kiseleva – associate professor in the department of civil law and procedure at the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Phd in Law. 3 Ankudinovskoye Shosse, Nizhny Novgorod 603081 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.02.2026; одобрена после рецензирования 02.03.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 25.02.2026; approved after reviewing 02.03.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 342.9

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОПОРЯДКА ПРИ ПРОВЕДЕНИИ МАССОВЫХ И ПУБЛИЧНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Оксана Николаевна Кудовба¹, Виталий Валерьевич Коренюгин²

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, oxana.kudovba@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1808-2636>

²Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, pandora31337@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6572-7727>

Введение: статья посвящена комплексному анализу административно-правового механизма обеспечения правопорядка при проведении массовых и публичных мероприятий, нормативно-правовой базы, субъектов правоприменения, форм и методов деятельности органов внутренних дел, а также мер административного воздействия. Актуальность темы обусловлена необходимостью поиска баланса между реализацией конституционного права граждан на свободу собраний и обеспечением общественной безопасности, особенно в контексте современных вызовов (террористические угрозы, усложнение инфраструктуры мероприятий). На основе сравнительно-правового анализа зарубежного опыта (Сингапур, Финляндия, Индия, Гонконг) и доктринальных источников выявляются проблемные аспекты и формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования и практики его реализации.

Материалы и методы: в рамках проведенного исследования использовалась вся система всеобщих принципов познания, общенаучных и специальных методов исследования, применяемых к изучению различных аспектов правовой реальности (диалектика, логический, формально-юридический, герменевтический подход, системный метод, функциональный метод), методологическую основу статьи составляют нормативный, деятельностный и системный подходы научного исследования, позволившие проанализировать административно-правовой механизм обеспечения правопорядка при проведении массовых и публичных мероприятий, выявить проблемные аспекты и предложить пути их устранения.

Результаты исследования: на основе анализа нормативно-правовой базы, правоприменительной практики и доктринальных источников выявлены ключевые проблемы реализации административных полномочий органов внутренних дел. Сформулированы предложения по совершенствованию правового регулирования и организационных мер.

Выводы и заключения: на основании проведенного анализа можно сделать вывод о том, что эффективная охрана общественного порядка во время проведения массовых мероприятий невозможна без продуманного нормативного правового регулирования, а также без детально регламентированных процесса подготовки и проведения массовых мероприятий, действий органов государственной власти и местного самоуправления, направленных на предупреждение и пресечение противоправных действий, привлечения к ответственности виновных лиц. При этом приоритетной задачей выступает поддержание общественной гармонии и гражданского мира, при которых реализация прав и свобод не должна ущемлять законные интересы окружающих.

Ключевые слова: полиция, органы внутренних дел, массовые мероприятия, публичные мероприятия, общественный порядок, административно-юрисдикционная деятельность, административно-правовой механизм, правопорядок, взаимодействие, силы и средства, субъекты правопорядка

Для цитирования: Кудовба О. Н., Коренюгин В. В. Административно-правовой механизм обеспечения правопорядка при проведении массовых и публичных мероприятий // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 37-43.

Original paper

THE ADMINISTRATIVE AND LEGAL MECHANISM FOR ENSURING LAW AND ORDER DURING MASS AND PUBLIC EVENTS

© Кудовба О.Н., Коренюгин В.В., 2026

Oksana Nikolaevna Kudovba¹, Vitaly Valerievich Korenyugin²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to a comprehensive analysis of the administrative and legal mechanism for ensuring law and order during mass and public events, the regulatory framework, subjects of law enforcement, forms and methods of activity of internal affairs bodies, as well as administrative measures. The relevance of the topic is determined by the need to find a balance between the implementation of the constitutional right of citizens to freedom of assembly and ensuring public safety, especially in the context of modern challenges (terrorist threats, increasing complexity of the event infrastructure). Based on a comparative legal analysis of foreign experience (Singapore, Finland, India, Hong Kong) and doctrinal sources, problematic aspects are identified and proposals are formulated to improve legal regulation and the practice of its implementation.

Materials and methods: within the framework of the conducted research, the entire system of universal principles of cognition, general scientific and special research methods applied to the study of various aspects of legal reality (dialectic, logical, formal-legal, hermeneutic approach, systemic method, functional method) was used, the methodological basis of the article is the normative, activity-based and systematic approaches of scientific research, which allowed us to analyze the administrative and legal mechanism for ensuring law and order during mass and public events, identify problematic aspects and suggest ways to eliminate them.

Results of the study: based on the analysis of the regulatory framework, law enforcement practice and doctrinal sources, key problems of the implementation of administrative powers of internal affairs bodies have been identified. Proposals have been formulated to improve legal regulation and organizational measures.

Findings and conclusions: based on the analysis, it can be concluded that effective protection of public order during mass events is impossible without well-thought-out regulatory legal regulation, as well as without a detailed process of preparation and conduct of mass events, actions of state authorities and local governments aimed at preventing and suppressing illegal actions, involving to bring the perpetrators to justice. At the same time, the priority task is to maintain social harmony and civil peace, in which the exercise of rights and freedoms should not infringe on the legitimate interests of others.

Keywords: police, internal affairs bodies, mass events, public events, public order, administrative and jurisdictional activities, administrative and legal mechanism, law and order, interaction, forces and means, subjects of law and order

For citation: Kudovba O. N., Korenyugin V. V. The administrative and legal mechanism for ensuring law and order during mass and public events // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 37-43.

Российская общественность демонстрирует высокую чувствительность к событиям политического, экономического и социального характера как внутри страны, так и на международной арене. Одним из ключевых способов выражения этой активности служит реализация конституционного права на участие в массовых и публичных мероприятиях. Обеспечение данного права требует создания постоянного совершенствования специального административного правового механизма, посредством которого государство гарантирует возможность его практической реализации.

Актуальность темы обусловлена совокупностью существенных факторов. Прежде всего, массовые и публичные мероприятия, особенно общественно-политического характера, выступают важным каналом коммуникации между обществом и властью. Через них граждане выражают согласие либо несогласие с действиями государственных институтов. Примечательно, что даже на высшем уровне признается легитимность подобных форм выражения мнений, протестные акции признаются нормальным явлением для демократического общества при условии их соответствия закону. Вместе с тем массовые протесты нередко превращаются в инструмент политического давления, способный влиять на государственную политику и даже провоцировать смену режима. Подобные ситуации расцениваются как угроза общественной и государственной безопасности в Российской Федерации.

Второй значимый фактор связан с масштабностью самих мероприятий. Независимо от их содержания, они предполагают скоординированные действия большого количества людей. Учитывая высокую ежегодную частоту проведения таких мероприятий, их сопровождение требует привлечения существенных ресурсов правоохранительных органов.

Третьим значимым фактором выступает повышенная криминогенная и террористическая уязвимость мест массового скопления людей. Исторический опыт демонстрирует, что подобные места неизменно привлекают внимание экстремистских группировок.

Подобные негативные явления подчеркивают необходимость комплексного подхода к обеспечению безопасности массовых мероприятий, включающего: совершенствование нормативной правовой базы; координацию действий органов государственной власти, местного самоуправления и правоохранительных органов, в том числе полиции.

Четвертым значимым фактором является высокая динамика и непредсказуемость общественных отношений в сфере массовых и публичных мероприятий. Это накладывает серьезные ограничения на законотворческий процесс: осложняет своевременное обновление нормативной базы и не дает возможности детально регламентировать деятельность органов внутренних дел. В итоге сотрудники полиции зачастую испытывают трудности с формированием четких алгоритмов действий при возникновении нестандартных ситуаций.

Таким образом, возникает насущная необходимость оптимизировать деятельность органов внутренних дел по обеспечению правопорядка на массовых мероприятиях, упорядочить накопленный практический опыт и провести научный анализ сложившейся правоприменительной практики.

В современной доктрине административного права сохраняется терминологическая неопределенность – унифицированного определения понятия «массовое мероприятие» до сих пор не сформулировано. Однако анализ определений, приводимых учеными-административистами, позволяет сделать вывод, что массовое мероприятие представляет собой форму коллективной активности, предполагающую скоординированные, организованные, санкционированные или несанкционированные действия в общественных местах с целью выражения общей позиции участников, защиты конституционных прав и свобод, отстаивания законных интересов, а также удовлетворения потребностей в экономической, политической, социально-культурной, духовно-материальной и иных сферах общественной жизни [1].

По сравнению с понятием «публичное мероприятие» понятие «массовое мероприятие» обладает более широким объемом содержания. Публичная форма массового мероприятия характеризуется рядом отличительных признаков: общедоступностью, мирным (ненасильственным) характером взаимодействия участников, отсутствием радикальной идеологической идеи. Основной функцией таких мероприятий выступает выражение общественного мнения, как реакция на актуальные общественно-политические события или управленческие решения, а также формулирование требований общества к органам государственной власти [2].

Проблема недостаточной правовой определенности в сфере массовых и публичных мероприятий обусловлена отсутствием в законодательстве конкретных признаков, дифференцирующих массовые и публичные мероприятия от иных форм массовых собраний. Это существенно осложняет их правовое регулирование, эффективность которого зависит от четкого юридического понимания каждой из политических свобод. Закрепление соответствующих определений на законодательном уровне позволило бы систематизировать ключевые аспекты организации и проведения массовых мероприятий.

Согласно общепринятой классификации массовые мероприятия характеризуются следующими признаками [3]:

- массовость (присутствие значительного количества участников). Наличие большого скопления людей на массовых мероприятиях характеризуется тем, что люди присоединяются к толпе, им передается настроение этой толпы – неуправляемость, эмоциональность, стремление к разрушительным действиям, они становятся частью этой толпы;

- организованность действий, под которой понимается четкий порядок действий всех субъектов, участвующих в подготовке и проведении мероприятий, обеспечивающих их безопасность, то есть разрабатывается программа мероприятия, определяются меры безопасности, а также участники мероприятия, их компетенция, создаются органы координации действий;

- наличие цели. В зависимости от целей массовые мероприятия могут быть направлены на удовлетворение политических, культурных, духовных, профессиональных, спортивных и других потребностей большого количества людей, которые объединены общими интересами. Характерной особенностью здесь является удовлетворение группами граждан разнообразных потребностей в одном мероприятии;

- проведение в общественных местах. Это объясняется тем, что волевые отношения между людьми формируются не повсеместно, а исключительно в тех сферах, где пересекаются интересы значительного числа граждан, прежде всего в общественных местах;

- регламентация порядка проведения. Представляет собой завершающий, но крайне значимый признак массовых мероприятий, цель которого – обеспечить более надежную защиту прав, свобод и законных интересов граждан, а также укрепить существующие правовые гарантии.

Административно-правовой механизм обеспечения правопорядка представляет собой комплекс специальных правовых инструментов, посредством которых осуществляется

регулирование общественных отношений, возникающих при подготовке и проведении массовых мероприятий. Кроме того, он охватывает деятельность уполномоченных субъектов по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. В структуре данного механизма можно выделить ряд основополагающих элементов.

Во-первых, это нормативно-правовая основа – иерархически организованной системе источников права. Ее основу составляет Конституция РФ, которая закрепляет право граждан на проведение публичных мероприятий и одновременно возлагает на государство обязанность обеспечивать общественный порядок. Ключевое специальное регулирование содержится в Федеральном законе от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях». Закон определяет уведомительный порядок организации мероприятий, регламентирует права и обязанности их организаторов и участников, а также устанавливает основания для приостановления или прекращения публичного мероприятия. Существенное значение имеют положения Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (глава 20), устанавливающие ответственность за нарушения порядка организации и проведения публичных мероприятий [4]. Правовой статус субъектов, обеспечивающих правопорядок (в том числе полиции и войск национальной гвардии), закреплён в соответствующих профильных федеральных законах.

Во-вторых, это субъекты обеспечения правопорядка, которые подразделяются на: организаторов мероприятия (физические или юридические лица), на которых законом возложена первичная ответственность за обеспечение общественного порядка и безопасности в месте проведения мероприятия; государственные органы (органы внутренних дел (полиция), войска национальной гвардии, органы исполнительной власти субъектов РФ, органы местного самоуправления), осуществляющие функции по охране правопорядка, согласованию условий проведения мероприятия и надзору за его проведением; иных участников (частные охранные организации, народные дружины, внештатные сотрудники полиции, казацкие дружины), привлекаемые для содействия в охране порядка.

В-третьих, это административно-правовые средства и методы, включающие: административно-правовые режимы (нормальное функционирование, повышенная готовность, чрезвычайное положение); разрешительную и уведомительную процедуры как способы легализации мероприятия и предварительного контроля; меры административного принуждения (предупреждение, пресечение правонарушений, административное задержание, применение физической силы и специальных средств); институт административной ответственности за правонарушения в рассматриваемой сфере.

Комплексный характер массовых мероприятий, сопряженный с повышенной вероятностью возникновения угроз общественной безопасности – от административных правонарушений и преступлений до чрезвычайных ситуаций, в условиях несовершенства правовых механизмов реализации конституционных прав и свобод граждан объективно требует развернутой и структурированной нормативно-правовой регламентации общественных отношений на всех стадиях: от подготовительного этапа до непосредственной реализации подобных акций.

В период подготовки сотрудники полиции выполняют комплекс мероприятий:

- анализ оперативной обстановки, информации, предоставленной организаторами мероприятия, оценить потенциальных рисков (включая возможность совершения правонарушений и преступлений, а также проявления антиобщественного поведения со стороны участников);

- планирование сил и средств: разработка дислокации нарядов, определение маршрутов патрулирования, расчет необходимого количества личного состава, задействованного в охране порядка, численности резервного состава на случай возникновения грубых нарушений общественного порядка, создающих угрозу общественной безопасности. Законность и согласованность действий сотрудников полиции на этапе планирования является залогом эффективности последующих мероприятий [5];

- взаимодействие с организаторами: согласно Федеральному закону от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», органы внутренних дел участвуют в согласовании условий проведения мероприятия, разъясняют организаторам их права и обязанности, принимают уведомления о проведении мероприятий.

Существенную роль на этапе подготовки играет умение сотрудников полиции выстраивать конструктивное взаимодействие с организаторами мероприятия. Это взаимодействие необходимо как при применении мер предупредительного характера, так и в случае необходимости применения мер государственного реагирования на возможные нарушения.

Непосредственное проведение массового мероприятия представляет собой наиболее ответственный этап, предъявляющий к сотрудникам полиции высокие требования в части профессионализма, эмоциональной устойчивости и неукоснительного соблюдения норм

законодательства. В ходе проведения массовых и публичных мероприятий первостепенной задачей органов внутренних дел выступает обеспечение общественной безопасности и поддержание правопорядка. Для ее решения необходимо последовательно реализовать комплекс соответствующих мероприятий.

1. Охранительные и профилактические меры. Основной задачей полиции является обеспечение безопасных условий для участников мероприятия и иных граждан. Это достигается путем выставления оцепления, ограничения дорожного движения, организации досмотровых мероприятий. Важнейшая составляющая – профилактика административных правонарушений и преступлений. При выявлении каких-либо нарушений сотруднику полиции следует начинать с самой мягкой меры – требования прекратить противоправное поведение, сопровождая его разъяснением сути нарушения и возможных последствий.

2. Меры административного пресечения и принуждения. При выявлении правонарушений или возникновения угрозы общественной безопасности сотрудники полиции уполномочены применять меры административного принуждения, среди которых доставление в служебные помещения, административное задержание, а также применение физической силы и специальных средств в строго регламентированных законом случаях. Ключевым условием правомерности таких действий является их соразмерность и строгое соответствие закону.

3. Административно-юрисдикционная деятельность. Значительная часть правонарушений, совершаемых в период массовых мероприятий, квалифицируется по статьям главы 20 КоАП РФ. К ним относятся не только нарушения установленного порядка организации либо проведения публичного мероприятия (ст. 20.2 КоАП РФ), но и сопутствующие правонарушения: мелкое хулиганство (ст. 20.1), появление в общественных местах в состоянии опьянения (ст. 20.21), неповиновение законному распоряжению сотрудника полиции (ст. 19.3) и др. [3].

Документирование данных правонарушений имеет свою специфику, обусловленную значительным скоплением людей, повышенной эмоциональной обстановкой и возможным наличием провокаторов. Сотрудник полиции должен не только грамотно составить процессуальные документы, но и обеспечить личную безопасность, соблюдать безопасную дистанцию, фиксировать происходящее для подтверждения законности своих действий.

Анализ зарубежного законодательства и практики позволяет выявить как общие подходы, так и специфические национальные особенности, учет которых может быть полезен для совершенствования российской модели.

Сингапур демонстрирует модель строгого государственного контроля, обусловленную полиэтническим и поликонфессиональным составом населения. В соответствии с Законом об общественном порядке (Public Order Act), проведение публичных шествий и демонстраций требует обязательного получения разрешения от полиции. Особое внимание уделяется мероприятиям, способным затронуть межрасовые или межрелигиозные отношения. Например, религиозные пешие процессии подвергаются общему запрету с 1964 г. (после расовых беспорядков), и лишь для трех индуистских праздников сделано исключение. Также законодательно ограничено участие в указанных мероприятиях не граждан государства: полиция не выдает разрешения на мероприятия, организуемые иностранцами или с их участием, если они направлены на достижение политических целей. При этом существует либерализованная зона (Speakers' Corner), где граждане Сингапура могут проводить мероприятия без получения предварительного разрешения, соблюдая установленные законом условия [6].

Финляндия представляет собой пример детальной регламентации уведомительного порядка с акцентом на планирование безопасности. Уведомление о проведении публичного мероприятия подается в полицию не позднее чем за 5 дней до его начала. Однако ключевая особенность – обязательная разработка плана безопасности и спасения (safety and rescue plan), который представляется вместе с уведомлением. Такой план обязателен, если ожидаемое количество участников превышает 200 человек, планируется использование открытого огня или пиротехники, или мероприятие проводится в помещении, не предназначенном для массового пребывания людей. План включает оценку рисков, описание мер по предотвращению чрезвычайных ситуаций, организацию эвакуационных путей и взаимодействие с экстренными службами. Такой подход перекладывает значительную часть организационных и финансовых затрат по обеспечению безопасности на организатора, который несет основную ответственность [7].

Индия (штат Карнатака) предлагает дифференцированный подход к определению уровня административного органа, выдающего разрешение, в зависимости от масштаба мероприятия. После трагедии в Бангалоре был разработан законопроект, устанавливающий, что для мероприятий с ожидаемым числом участников до 7 000 человек разрешение выдает участковый уполномоченный полиции; от 7 000 до 50 000 человек – заместитель суперинтенданта полиции; свыше 50 000 человек – суперинтендант или комиссар полиции. Законопроект также вводит жесткие санкции за нарушения, вплоть до лишения свободы на срок 7 лет за организацию несанкционированного мероприятия, повлекшего тяжкие последствия, что подчеркивает тенденцию к ужесточению ответственности организаторов [8].

Гонконг обращает внимание на детальную регламентацию деятельности вспомогательных участников – распорядителей. Полиция Гонконга издала подробные рекомендации, определяющие их роль, требования к идентификации (цветная одежда, повязки), обязанности (поддержание связи с полицией, управление толпой, помощь уязвимым категориям граждан, контроль уровня шума). Это способствует профессионализации помощников организатора и повышению общей безопасности мероприятия [9].

Анализ правоприменительной практики и доктринальных источников позволяет выделить ряд проблем, возникающих в деятельности полиции при обеспечении правопорядка на массовых мероприятиях.

Первая проблема связана с квалификацией действий участников и привлечением их к ответственности за нарушение порядка проведения мероприятия. Формальный подход в данной деятельности недопустим; требуется исследование всех обстоятельств дела в их совокупности.

Вторая проблема – обеспечение баланса между открытостью деятельности полиции (ст. 8 Федерального закона «О полиции») и необходимостью пресечения правонарушений [10]. Присутствие значительного числа граждан, в том числе СМИ, требует от сотрудников полиции особой культуры общения и сдержанности, так как любое их действие может стать предметом общественного обсуждения. Сотрудникам полиции важно не поддаваться на возможные провокации, действовать строго в рамках закона.

Третья проблема – координация действий различных служб. Опыт зарубежных стран показывает эффективность использования системы инцидент-командования, которая позволяет объединить в едином центре управления органы внутренних дел, пожарную службу, медицину и экстренные службы. Такой подход позволяет синхронизировать действия, быстро распределять ресурсы и реагировать на внештатные ситуации, сохраняя при этом атмосферу мероприятия.

Эффективная охрана общественного порядка во время проведения массовых мероприятий невозможна без продуманного нормативного правового регулирования, а также без детально регламентированных процесса подготовки и проведения массовых мероприятий, действий органов государственной власти и местного самоуправления, направленных на предупреждение и пресечение противоправных действий, привлечения к ответственности виновных лиц. При этом приоритетной задачей выступает поддержание общественного мира, при котором реализация прав и свобод не должна ущемлять законные интересы окружающих.

Крайне важно пресекать любую деятельность, которая может разжечь социальную, расовую, национальную или религиозную вражду и ненависть, поскольку они разрушат межкультурное взаимопонимание и единство общества.

Административно-правовой механизм обеспечения правопорядка при проведении массовых и публичных мероприятий находится в постоянном развитии, реагируя на изменение социально-политических условий, появление новых угроз и совершенствование практики правоприменения. Анализ показывает, что в мире существует множество моделей такого механизма – от жестко централизованных (Сингапур) до более децентрализованных и ориентированных на планирование безопасности самим организатором (Финляндия).

Ключевым направлением совершенствования деятельности полиции в исследуемой сфере является: совершенствование правового регулирования: законодательное закрепление требований к планированию безопасности; внедрение элементов системы инцидент-командования при подготовке массовых и публичных мероприятий, создание межведомственных центров управления с участием экстренных служб; ориентация правоприменительной практики на необходимость индивидуализации ответственности и исследования всех обстоятельств, что будет способствовать снижению числа необоснованно привлеченных к ответственности лиц.

Предполагается, что четкий порядок действий будет оказывать положительный эффект обеспечения безопасности участников мероприятий, учитывая возникновение различных угроз, которые могут нарушить повседневный порядок организации таких мероприятий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Звягин М.М. Административно-правовые средства охраны общественного порядка и права граждан на проведение публичных мероприятий в Российской Федерации // Современное право. 2020. № 10.
2. Лемешко Ю.Н. Конституционно-правовые основы участия граждан в массовых публичных мероприятиях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009.
3. Ларин В.В. Понятие административно-правовой организации охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Теория и практика совершенствования охраны общественного порядка. М., 1985.
4. Осинцев Д.В. Административная ответственность: учебник для вузов. 5-е изд., испр. и доп. М., 2023.
5. Кавецкий Д.Б. О подготовке сил и средств ОВД к действиям по обеспечению охраны общественного порядка при проведении массовых мероприятий // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (3).

6. Maintaining Public Order / Ministry of Home Affairs, Singapore. URL: <https://www.mha.gov.sg/what-we-do/maintaining-law-and-order/maintaining-public-order/> (дата обращения 11.02.2026).
7. Permits and notifications / Municipality of Janakkala. URL: <https://www.janakkala.fi/en/municipality-and-decision-making/participate/organizing-an-event/permits-and-notifications/> (дата обращения: 11.02.2026).
8. Karnataka tables new bill to regulate crowds at events after stadium stampede // Hindustan Times. 2025.
9. Hong Kong Police Force. URL: https://www.police.gov.hk/ppp_sc/03_police_message/nono/generalinformation05.html (дата обращения: 11.02.2026).
10. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Zvyagin M.M. Administrative and legal means of protecting public order and the right of citizens to hold public events in the Russian Federation // Modern law. 2020. № 10 (date of access: 11.02.2026).
2. Lemeshko Yu.N. Constitutional and legal bases of citizens' participation in mass public events: dis. of the candidate. jurid. nauk. Moscow, 2009 (date of access: 11.02.2026).
3. Larin V.V. The concept of administrative and legal organization of public order protection during mass events // Theory and practice of improving public order protection. Moscow, 1985 (date of access: 11.02.2026).
4. Osintsev D.V. Administrative responsibility: textbook for universities. 5th ed., ispr. and add. Moscow, 2023.
5. Kavetsky D.B. On the preparation of the forces and means of the Department of Internal Affairs for actions to ensure the protection of public order during mass events // Scientific Digest of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 3 (3) (date of access: 11.02.2026).
6. Maintaining Public Order / Ministry of Home Affairs, Singapor. URL: www.mha.gov.sg/what-we-do/maintaining-law-and-order/maintaining-public-order/ (date of access: 11.02.2026).
7. Permits and notifications / Municipality of Janakkala. URL: <https://www.janakkala.fi/en/municipality-and-decision-making/participate/organizing-an-event/permits-and-notifications> (date of access: 11.02.2026).
8. Karnataka tables new bill to regulate crowds at events after stadium stampede // Hindustan Times. 2025 (date of access: 11.02.2026).
9. Hong Kong Police Force. URL: https://www.police.gov.hk/ppp_sc/03_police_message/nono/generalinformation05.html (date of access: 11.02.2026).
10. Federal Law «On Police» dated 07.02.2011 № 3-FZ. Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

О. Н. Кудовба – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

В. В. Кореньюгин – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Ростовского филиала Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, 20.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

O. N. Kudovba – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law at the Rostov Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

V. V. Korenyugin – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 20, Budennovskiy Ave., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 13.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 13.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 351.74

ПРАВОВЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КАДРОВОГО КРИЗИСА В ПОДРАЗДЕЛЕНИЯХ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ

Геннадий Святославович Працко¹, Екатерина Юрьевна Ковган², Максим Вячеславович Давыдов³

¹Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, dasha_sam94@mail.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, katerina27-93@mail.ru

³Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация, mdd86.m@yandex.ru

Введение: проблема дефицита кадровых ресурсов в патрульно-постовой службе полиции выходит за рамки внутриведомственного управления и приобретает статус стратегической угрозы для национальной безопасности. Некомплект в ППСП на уровне 40 % при текущей кадровой, превышающей интенсивность поступления сотрудников в соотношении 1,38:1, обуславливает необходимость комплексного анализа правовых и организационных факторов кризиса.

Материалы и методы: исследование выполнено с использованием юридико-догматического метода при анализе федерального законодательства, регулирующего службу в органах внутренних дел, а также системного подхода, примененного к изучению организационной структуры МВД России. Эмпирическую базу составили официальная статистика и результаты социологических исследований. Источниковую основу исследования образовали федеральные законы, приказы МВД России, статистические материалы ведомственного руководства и данные, отражающие региональный опыт комплектования подразделений органов внутренних дел.

Результаты исследования: выявлены фундаментальные противоречия в действующей системе кадрового обеспечения: унификация правового статуса при фактическом неравенстве условий службы; недостаточная дифференциация материального стимулирования в зависимости от специфики службы; отсутствие механизмов удержания квалифицированных сотрудников на первоначальных должностях. Установлено, что помимо правовых факторов значимую роль играют организационные причины: замкнутый цикл «некомплект – перегрузка – выгорание – увольнение»; формализм в организации наставничества; ограниченность карьерных перспектив. Доказано, что качество управления и организационная культура на уровне территориального органа компенсируют недостатки материального обеспечения.

Выводы и заключения: для разрешения кадрового кризиса требуется комплексная стратегия, включающая законодательное закрепление особого статуса сотрудников ППСП с повышенными коэффициентами денежного довольствия и льготным исчислением выслуги лет; дифференцированные квалификационные требования для кандидатов; установление минимального гарантированного срока службы на первоначальной должности; создание системы горизонтальной карьерной мобильности; восстановление полноценного наставничества с материальным стимулированием; повышение качества управления на уровне подразделений. Особую перспективу представляет активное привлечение ветеранов специальной военной операции, обладающих необходимыми морально-психологическими качествами и высокой мотивацией к государственной службе.

Ключевые слова: кадровый кризис, патрульно-постовая служба полиции, комплектование органов внутренних дел, правовой статус сотрудников, материальное стимулирование, текучесть кадров, профессиональное выгорание, организационная культура

Для цитирования: Працко Г. С., Ковган Е. Ю., Давыдов М. В. Правовые и организационные аспекты преодоления кадрового кризиса в подразделениях патрульно-постовой службы полиции // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 44–49.

LEGAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS OF OVERCOMING
THE PERSONNEL CRISIS IN POLICE PATROL UNITSGennady Svyatoslavovich Pratsko¹, Ekaterina Yurievna Kovgan², Maxim Vyacheslavovich Davydov³¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation³Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov, Orel, Russian Federation

Introduction: the problem of a shortage of human resources in the police patrol and guard service goes beyond the scope of internal departmental management and has acquired the status of a strategic threat to national security. The 40 % shortage in the patrol and guard service, coupled with a high turnover rate of 1.38:1, necessitates a comprehensive analysis of the legal and organizational factors contributing to the crisis.

Materials and methods: the study was conducted using the legal-dogmatic method in the analysis of federal legislation regulating service in the internal affairs bodies, as well as a systematic approach applied to the study of the organizational structure of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. The empirical base was formed by official statistics and the results of sociological research. The source basis of the study was formed by federal laws, orders of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, statistical materials of the departmental management, and data reflecting the regional experience of staffing the internal affairs bodies.

Results of the study: fundamental contradictions in the current system of personnel support have been identified: unification of legal status with actual inequality of service conditions; insufficient differentiation of material incentives depending on the specifics of service; and lack of mechanisms for retaining qualified employees in their initial positions. It has been established that, in addition to legal factors, organizational reasons play a significant role: the closed cycle of “understaffing – overwork – burnout – dismissal”; formalism in the organization of mentoring; and limited career prospects. It has been proven that the quality of management and organizational culture at the territorial level compensate for the shortcomings of material support.

Findings and conclusions: to resolve the personnel crisis, a comprehensive strategy is required, which includes the legislative consolidation of the special status of the PSSP employees with increased monetary allowances and preferential calculation of seniority; differentiated qualification requirements for candidates; establishment of a minimum guaranteed period of service in the initial position; creation of a system of horizontal career mobility; restoration of full-fledged mentoring with material incentives; improvement of the quality of management at the unit level. A special perspective is represented by the active involvement of veterans of the special military operation, who have the necessary moral and psychological qualities and high motivation for public service.

Keywords: personnel crisis, police patrol and guard service, recruitment of internal affairs bodies, legal status of employees, material incentives, staff turnover, professional burnout, organizational culture

For citation: Pratsko G. S., Kovgan E. Yu., Davydov M. V. Legal and organizational aspects of overcoming the personnel crisis in police patrol units // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 44–49.

Проблема кадрового дефицита в органах внутренних дел приобрела статус системного кризиса, требующего комплексного анализа и неотложного решения. По официальным данным МВД России, число вакансий достигло 212 тысяч должностных единиц, что свидетельствует о масштабной нехватке персонала в системе правоохранительных органов. При этом основной объем некомплекта сосредоточен именно в подразделениях, осуществляющих непосредственное взаимодействие с населением: в патрульно-постовой службе полиции дефицит составляет 40 %, в подразделениях уголовного розыска – 30 %, в следственных органах – 27 %, в службе участковых уполномоченных полиции – свыше 25 %. Региональный анализ обнаруживает существенную неравномерность в распределении проблемы: в 41 субъекте Российской Федерации дефицит персонала превышает 25 % штатной численности, тогда как в 19 районных подразделениях некомплект достигает более 50 % утвержденной численности [1].

Анализ динамики текучести кадров позволяет говорить о сугубо системном характере проблемы, обусловленном взаимодействием множества факторов. С 2020 г. из системы органов внутренних дел уволилось 350 тысяч человек, что означает, что личный состав

обновился примерно на 50 %. При этом в 2025 г. вновь принято на аттестованные должности 58 тысяч сотрудников, а уволилось 80 тысяч человек. Это соотношение, составляющее 1,38:1, свидетельствует о принципиальном дефиците эффективных механизмов удержания молодых специалистов в системе и указывает на рекуррентный характер кадровой проблемы, когда каждые новые попытки комплектования наталкиваются на волны досрочных увольнений [2].

Особенность кадрового кризиса в ППСП состоит в том, что его проявления влияют непосредственно на способность государства выполнять свои функции в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности. В условиях кадрового дефицита в 40 % один сотрудник вынужден выполнять объем работы, рассчитанный на нескольких человек, что неизбежно приводит к физическому и эмоциональному истощению и детерминирует высокие показатели профессионального выгорания, снижающие качество правоохранительной деятельности [3].

Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» закрепил единый, унифицированный правовой статус сотрудника органов внутренних дел, независимо от специфики выполняемых функций и места прохождения службы [4]. Такое решение было закономерно продиктовано стремлением обеспечить правовое равенство сотрудников. Однако на практике подобная унификация выявила внутреннее противоречие: сотрудник ППСП, несущий службу на улицах в любых погодных условиях, работающий посменно и круглосуточно, постоянно взаимодействующий с правонарушителями и готовый к немедленному реагированию на чрезвычайные ситуации, обладает тем же основным правовым статусом, что и его коллега, занимающийся аналитикой либо документальным сопровождением деятельности подразделения в комфортных условиях учреждения.

Глава 11 указанного закона, регулирующая основы формирования кадрового состава органов внутренних дел (статьи 75–79), провозглашает приоритет профессионализма и компетентности кандидатов. Вместе с тем в ее положениях отсутствуют специальные механизмы, обеспечивающие дифференцированное стимулирование в отношении сотрудников отдельных подразделений. Закон предусматривает возможность устанавливать особенности прохождения службы для отдельных категорий сотрудников (ст. 75), однако эта норма до сих пор остается нереализованной в отношении строевых подразделений патрульно-постовой службы полиции. При этом специфика их повседневной деятельности очевидна и весьма значительна.

В результате в системе МВД России отсутствуют специальные правовые механизмы, которые делали бы службу в ППСП финансово и социально более привлекательной по сравнению с другими должностями той же категории. Это создает устойчивый стимул для перехода наиболее квалифицированных и мотивированных сотрудников в подразделения, традиционно считающиеся более престижными.

Вопрос о материальном обеспечении сотрудников органов внутренних дел выходит на первый план, когда речь заходит о причинах кадрового дефицита. Руководство МВД России прямо признает: низкий уровень заработной платы остается одним из главных факторов, которые делают службу в полиции непривлекательной для потенциальных кандидатов и серьезно затрудняют комплектование подразделений квалифицированными сотрудниками [3]. Монетизация социальных льгот, проведенная в ходе реформы 2011–2012 гг., привела к сокращению покупательной способности денежного довольствия сотрудников полиции на 45 %. При этом механизм индексации заработной платы, хотя и проводится на регулярной основе, не обеспечивает достаточной компенсации отставания от инфляционных процессов. По официальным данным, средняя заработная плата сотрудника МВД России в 2023 г. составила 84 тысячи рублей, однако эта усредненная цифра скрывает существенный разброс в доходах. Показательным является то, что сотрудница миграционного подразделения в том же 2023 г. получала менее 17 тысяч рублей в месяц, что свидетельствует о крайней неравномерности в распределении заработной платы по различным подразделениям и должностям [5].

Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации» предусматривает систему надбавок и компенсационных выплат [6]. Однако механизм их исчисления не обеспечивает содержательной дифференциации в пользу строевых подразделений, работающих в наиболее тяжелых физических и психологических условиях. В результате складывается парадоксальная ситуация, при которой сотрудник ППСП, подвергающийся тяжелым физическим нагрузкам и стрессовым воздействиям, часто получает заработную плату, не превышающую доходы своих коллег из штабных или аналитических подразделений, где условия труда существенно более благоприятны.

Сложившаяся в органах внутренних дел практика демонстрирует, что ППСП широкой частью поступающих на службу лиц воспринимается не как место для долгосрочной карьеры,

а как стартовая ступень, временное место работы до перевода в подразделения, считающиеся более престижными – уголовный розыск, следственные органы, подразделения по борьбе с экономическими преступлениями. Нормативное регулирование порядка переводов между подразделениями в действующем законодательстве не устанавливает значимых ограничений, которые позволили бы удерживать перспективных сотрудников в строевых подразделениях достаточное время для формирования устойчивого профессионального ядра коллектива.

Одновременно установленный законодательством порядок расторжения контракта по инициативе сотрудника формирует у части граждан, рассматривающих возможность поступления на службу, повышенные опасения относительно ограниченного во времени характера служебно-правовых отношений и риска потери работы. Указанное обстоятельство снижает мотивационный потенциал для потенциальных кандидатов, которые руководствуются принципом возможности самостоятельного прекращения служебных отношений при первых сложностях адаптации к условиям работы.

В условиях кадрового дефицита в подразделениях ППСР МВД России воспроизводится классический социологический паттерн «порочного круга»: недостаток личного состава приводит к перегрузке работающих сотрудников, что в свою очередь провоцирует их досрочные увольнения, усугубляя исходный некомплект и замыкая порочный цикл. При дефиците в 25 % один сотрудник ОВД вынужден выполнять объем работы, рассчитанный на четверых человек, и темпы физического и эмоционального истощения личного состава оказываются несовместимы с длительной профессиональной карьерой [3].

Проблема профессионального выгорания приобретает особую остроту применительно к ППСР, где служба связана с постоянным пребыванием на открытом воздухе в любую погоду, высокой двигательной нагрузкой, физическим утомлением и неизбежным конфликтным взаимодействием с гражданами, в том числе лицами в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. Исследования профессионального выгорания в системе правоохранительных органов, проведенные в различных регионах России, неизменно демонстрируют, что сотрудники строевых подразделений характеризуются значительно более высокими показателями эмоционального истощения по сравнению с коллегами, занятыми в закрытых офисных условиях. Данные психологических исследований свидетельствуют, что состояние выгорания достигает критических уровней уже на 3–5 год службы в ППСР при интенсивных нагрузках [7].

Анализ региональной практики комплектования подразделений ППСР показывает, что в ряде субъектов Российской Федерации, где уровень денежного содержания сотрудников полиции не отличается от среднероссийского, показатели некомплекта существенно ниже средних показателей по системе. Объяснение этому феномену следует искать в качестве управления на уровне конкретного территориального органа [8]. Существенные факторы удержания кадров коренятся в характере отношений между командным составом и личным составом, в атмосфере служебного коллектива, в том, насколько реально и действительно функционируют механизмы социальной защиты, в справедливости распределения служебных задач и в личном примере руководителя, демонстрирующего приверженность служебному долгу и заботу о подчиненных. Организационная культура подразделения и личный авторитет руководителя оказывают на показатели укомплектованности влияние, сопоставимое с финансовыми факторами. Это принципиально важное обстоятельство нередко упускается из виду при анализе проблемы на федеральном уровне [9].

Дифференциация правового статуса сотрудников ППСР предстает одним из ключевых направлений совершенствования системы их мотивации. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ уже содержит в ст. 75 правовую возможность установления особенностей прохождения службы применительно к отдельным категориям сотрудников. Однако эта норма остается нереализованной в отношении строевых подразделений ППСР, несмотря на явную специфику их служебной деятельности, связанной с постоянным наружным патрулированием в любых погодных условиях.

Обоснованным представляется включение в названный федеральный закон специальной нормы, которая закрепляла бы особый правовой режим службы в ППСР с дополнительными мерами материального и социального стимулирования сотрудников, проходящих службу в строевых подразделениях полиции. Речь может идти об увеличении размеров денежного довольствия с учетом специфики служебных задач на 15–25 %; введении специальной надбавки за особые условия несения службы; применении льготного порядка исчисления выслуги лет при предоставлении соответствующих социальных гарантий.

Работу по комплектованию патрульно-постовой службы полиции целесообразно строить сразу по двум основным векторам.

Первый – это серьезная перезагрузка системы приема новых сотрудников. Здесь важно запустить специальные программы профориентации для молодежи и гораздо активнее вовлекать в полицию ветеранов специальной военной операции. Эти люди уже доказали на практике свои морально-волевые качества, выдержку и реальный боевой опыт. Идея активно поддержана на

расширенном заседании коллегии МВД 4 марта 2026 года: Владимир Путин прямо указал, что ветераны СВО со своей закалкой и навыками могут заметно усилить кадровый состав ведомства, и дал поручение энергичнее отбирать таких кандидатов на открытые вакансии [10].

Второй вектор – создание нормальной внутренней карьеры внутри самого подразделения. Если ввести разные уровни (категории) должностей с четким продвижением, то хорошие, опытные сотрудники смогут расти профессионально и занимать более высокие позиции, оставаясь при этом в ППСП, а не уходя в другие службы в поисках перспектив.

Проведенный анализ дает все основания утверждать: кадровый кризис в патрульно-постовой службе полиции давно перешел в разряд системных проблем. Он прямо бьет по способности полиции качественно выполнять свои главные обязанности – охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности.

Исследование показало серьезные разрывы между тем, что написано в нормативных актах, регулирующих службу, и тем, как все происходит на практике в ППСП. Когда правовой статус, квалификационные требования и социальные гарантии для всех одинаковы, а реальные условия труда – принципиально разные, возникает парадокс: самая тяжелая, изматывающая физически и психологически работа оказывается при этом наименее привлекательной с точки зрения карьерного роста и перспектив.

Без нормальных механизмов дифференцированного стимулирования ППСП фактически превращается в «кузницу кадров» для остальных подразделений. Лучшие сотрудники уходят туда, где условия и статус лучше, и в итоге в патрульно-постовой службе крайне сложно сформировать стабильное, профессиональное ядро.

Решить эту проблему одной-двумя мерами – будь то просто прибавка к зарплате, срочные поправки в закон или отдельные организационные реформы – не получится. Нужна полноценная, продуманная и научно обоснованная стратегия. В нее должны войти: четкая правовая дифференциация статуса именно сотрудников ППСП, гибкие механизмы комплектования и удержания квалифицированных людей, а также изменение управленческой культуры на уровне самих подразделений.

От того, насколько успешно удастся реализовать такую стратегию, зависит не только численность штатов, но и в целом уровень общественной безопасности, эффективность работы полиции и то, насколько граждане России доверяют правоохранительной системе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. РИА Новости. Колокольцев рассказал о проблеме комплектования в МВД // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20260219/mvd-2075426348.html> (дата обращения: 02.03.2026).
2. МВД России. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России 2026 // Официальный информационный портал МВД России. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokoltseva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/> (дата обращения: 05.03.2026).
3. Российская газета. Колокольцев описал некомплект сотрудников МВД фразой «один работает за четверых» // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2024/05/14/kolokolcev-opisal-nekomplekt-sotrudnikov-mvd-frazoj-odin-rabotaet-za-chetveryh.html> (дата обращения: 05.03.2026).
4. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
5. Фонтанка.ру. Колокольцев: некомплект личного состава МВД в России превышает 150 тысяч человек. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/14/73575668/> (дата обращения: 07.03.2026).
6. Федеральный закон от 19 июля 2011 г. № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4595.
7. Гуняев Е.В. Профессиональное выгорание у сотрудников органов внутренних дел: причины, последствия и меры профилактики // Наука-2020. 2025. № 6 (80).
8. Ковган Е.Ю. Основные направления совершенствования управления патрульно-постовой службы полиции в обеспечении общественного порядка // Актуальные проблемы правоохранительной деятельности. Ростов н/Д, 2025.
9. Корчагина К.А. Совершенствование кадрового потенциала в органах внутренних дел Российской Федерации // Административно-правовое регулирование охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: проблемы и пути их решения. СПб., 2025.
10. Владимир Путин выступил на ежегодном расширенном заседании коллегии Министерства внутренних дел России // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/community_meetings/79255 (дата обращения: 07.03.2026).

REFERENCES

1. RIA Novosti. Kolokoltsev spoke about the recruitment problem in the Ministry of Internal Affairs // RIA Novosti. URL: <https://ria.ru/20260219/mvd-2075426348.html> (date of access: 02.03.2026).
2. The Ministry of Internal Affairs of Russia. Vladimir Kolokoltsev's speech at the expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia 2026 // The official information portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL: <https://mvdmedia.ru/news/official/vystuplenie-vladimira-kolokolceva-na-rasshirennom-zasedanii-kollegii-mvd-rossii-2026/> (date of access: 02.03.2026).
3. Rossiyskaya gazeta. Kolokoltsev described the shortage of Interior Ministry staff with the phrase "one works for four" // Rossiyskaya Gazeta. URL: <https://rg.ru/2024/05/14/kolokolcev-opisal-nekomplekt-sotrudnikov-mvd-frazoj-odin-rabotaet-za-chetveryh.html> (date of access: 05.03.2026).
4. Federal Law № 342-FZ of November 30, 2011 "On Service in the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 49 (part 1). Art. 7020.
5. Kolokoltsev: the shortage of personnel of the Ministry of Internal Affairs in Russia exceeds 150 thousand people. URL: <https://www.fontanka.ru/2024/05/14/73575668/> (date of application: 07.03.2026).
6. Federal Law № 247-FZ of July 19, 2011 "On Social Guarantees to Employees of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 30 (part 1). Article 4595.
7. Gunyaev E.V. Professional burnout among law enforcement officers: causes, consequences and preventive measures.-2020. 2025. № 6 (80).
8. Kovgan E.Y. The main directions of improving the management of the patrol and post police service in ensuring public order // Actual problems Law enforcement. Rostov-on-Don, 2025.
9. Korchagina K.A. Improving human resources in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Administrative and legal regulation of public order and public safety: problems and ways to solve them. St. Petersburg, 2025.
10. Putin V.V. Vladimir Putin spoke at the annual expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Official website of the President of the Russian Federation. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/communitiy_meetings/79255 (date of access: 07.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Г. С. Працко – доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета. 344003, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1.

Е. Ю. Ковган – преподаватель кафедры административного права Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

М. В. Давыдов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

G. S. Pratsko – Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Commercial and Business Law of the Don State Technical University. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344003 Russian Federation.

E. Y. Kovgan – Lecturer at the Department of Administrative Law of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83 Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

M. V. Davydov – PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Administrative Law and Administrative Activities of the Internal Affairs Bodies of the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Ignatova St., Orel 302027 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 18.02.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 18.02.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Юрист-Правоведъ. 2026. № 2 (117). С. 50–57.
Jurist-Pravoved. 2026. № 2 (117). Pp. 50–57.

Научная статья
УДК 347.918:004

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ
В УСЛОВИЯХ АВТОМАТИЗАЦИИ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА:
ОТ СМАРТ-КОНТРАКТОВ К ИСКУССТВЕННОМУ ИНТЕЛЛЕКТУ**

Сергей Анушаванович Григорянц¹, Мария Геннадьевна Гутенева², Елена Владимировна Кравченко³

^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Российская Федерация

³Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

¹grigorynz@mail.ru

²mariaguteneva@yandex.ru

³Helena72@yandex.ru

Введение: в рамках представленного исследования рассматривается эволюция механизмов обеспечения прав субъектов предпринимательской деятельности в системе цифрового правосудия. Обосновывается актуальность перехода от традиционных «традиционных» моделей регулирования к инновационным инструментам защиты, обусловленным интеграцией блокчейн-архитектуры и технологий искусственного интеллекта (ИИ). Ставится проблема фундаментального противоречия между технологической «жесткостью» программных алгоритмов и базовыми институтами гражданского права, а также выявляются риски «цифрового неравенства» в третейском производстве.

Материалы и методы: методологическую основу работы составил системный анализ актуальных доктринальных подходов (труды Е.Е. Фроловой, Ю.С. Харитоновой, Н.В. Никольского и др.) и складывающейся правоприменительной практики в сфере цифровых прав. В ходе исследования применялись формально-юридический метод при анализе норм ГК РФ и АПК РФ, а также метод сравнительного правоведения для сопоставления классической модели арбитража с децентрализованными системами онлайн-урегулирования споров (ODR).

Результаты исследования: в ходе работы выявлено, что смарт-контракт выступает качественно новой ступенью превентивной защиты бизнеса, нивелирующей «человеческий фактор» на стадии исполнения обязательств. Авторами систематизированы риски применения информационных оракулов и предложена концепция их солидарной ответственности за трансляцию недостоверных данных. Отдельно проанализированы пределы использования ИИ в арбитраже: обосновано, что полная алгоритмизация правосудия недопустима ввиду отсутствия у машин категорий «совести» и «внутреннего убеждения». Предложена модель «усиленного интеллекта» (augmented intelligence), где окончательное решение остается прерогативой человека.

Выводы и заключения: сформулирован вывод о необходимости перехода от модели «декларативной защиты» к модели «технической исполнимости» арбитражных решений. В качестве ключевой рекомендации предложено внедрение механизма «корректирующих транзакций» и «аннулирующих записей» непосредственно в архитектуру распределенных реестров. Это позволит интегрировать юридическую силу судебных актов в неизменяемую блокчейн-среду, обеспечивая предпринимателям реальную, а не формальную защиту их прав.

Ключевые слова: третейское разбирательство, защита прав предпринимателей, смарт-контракт, блокчейн, информационные оракулы, искусственный интеллект, цифровые права, исполнимость судебных актов

Для цитирования: Григорянц С. А., Гутенева М.Г., Кравченко Е.В. Трансформация правовых гарантий защиты предпринимателей в условиях автоматизации третейского разбирательства: от смарт-контрактов к искусственному интеллекту // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац. -методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 50–57.

**TRANSFORMATION OF LEGAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION
OF ENTREPRENEURS IN THE CONTEXT OF AUTOMATED ARBITRATION
PROCEEDINGS: FROM SMART CONTRACTS TO ARTIFICIAL INTELLIGENCE****Sergey Anushavanovich Grigoryants¹, Maria Gennadievna Guteneva², Elena Vladimirovna Kravchenko³**^{1,2}Rostov State University of Economics (RINH), Rostov-on-Don, Russian Federation³Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the presented research examines the evolution of mechanisms for ensuring the rights of business entities in the digital justice system. The relevance of the transition from traditional «traditional» regulatory models to innovative protection tools due to the integration of blockchain architecture and artificial intelligence (AI) technologies is substantiated. The article raises the problem of the fundamental contradiction between the technological «rigidity» of software algorithms and the basic institutions of civil law, and also identifies the risks of «digital inequality» in arbitration proceedings.

Materials and methods: the methodological basis of the work was a systematic analysis of current doctrinal approaches (the works of E.E. Frolova, Y.S. Kharitonova, N.V. Nikolsky, etc.) and emerging law enforcement practice in the field of digital rights. In the course of the study, the formal legal method was used to analyze the norms of the Civil Code of the Russian Federation and the Agribusiness Code of the Russian Federation, as well as the method of comparative law to compare the classical arbitration model with decentralized online dispute resolution (ODR) systems.

Results of the study: in the course of the work, it was revealed that the smart contract acts as a qualitatively new stage of preventive business protection, leveling the «human factor» at the stage of fulfilling obligations. The authors systematize the risks of using information oracles and propose the concept of their joint responsibility for broadcasting unreliable data. The limits of using AI in arbitration are analyzed separately: it is proved that complete algorithmization of justice is unacceptable due to the lack of categories of «conscience» and «inner conviction» in machines. A model of «enhanced intelligence» is proposed, where the final decision remains the prerogative of man.

Findings and conclusions: the conclusion is formulated about the need to move from the model of «declarative protection» to the model of «technical enforceability» of arbitral awards. As a key recommendation, it is proposed to implement the mechanism of «corrective transactions» and «canceling records» directly into the architecture of distributed registries. This will integrate the legal force of judicial acts into an immutable blockchain environment, providing entrepreneurs with real, rather than formal, protection of their rights.

Keywords: arbitration, protection of entrepreneurs' rights, smart contract, blockchain, information oracles, artificial intelligence, digital rights, enforceability of judicial acts

For citation: Grigoryants S.A., Guteneva M.G., Kravchenko E. V. Transformation of legal guarantees for the protection of entrepreneurs in the context of automated arbitration proceedings: from smart contracts to artificial intelligence // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 50–57.

Современный этап мировой экономики отмечен масштабной цифровизацией, которая меняет облик привычных правовых институтов порой до неузнаваемости. Е.Е. Фролова и Е.В. Купчина указывают на то, что переход к цифровой среде заметно сузил возможности участников правоотношений контролировать собственные активы в рамках классических моделей регулирования, а значит, возникает запрос на принципиально иные, технологически оснащенные инструменты защиты [1, с. 485]. Надо сказать, это не просто академическое наблюдение – практика уже давно обгоняет теорию.

В предпринимательской сфере третейское разбирательство исторически считалось наиболее гибким способом урегулирования конфликтов: стороны сами определяют правила игры, опираясь на принцип автономии воли. Классическая процессуальная форма арбитража, однако, сегодня столкнулась с вызовом иного рода, речь идет о том, что блокчейн-архитектура и смарт-контракты формируют собственную, технологическую автономию, которая не всегда вписывается в привычные юрисдикционные рамки. Правда, насколько этот вызов действительно разрушителен для арбитража, а не просто требует его адаптации – вопрос открытый.

В современных условиях внедрение смарт-контрактов в систему предпринимательского взаимодействия представляется правомерным рассматривать в качестве значимой превентивной меры защиты, поскольку автоматизированный характер исполнения обязательств

позволяет существенно минимизировать риски, связанные с недобросовестным поведением контрагента [2, с. 17]. Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении обнаруживается наличие фундаментального противоречия между технологической «жесткостью» программного алгоритма и базовыми институтами гражданского права. В частности, с долей определенной осторожности можно констатировать, что так называемая проблема «необратимости» смарт-контракта вступает в прямой конфликт с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [3], гарантирующими участникам оборота право на расторжение или изменение условий договора при существенном изменении обстоятельств [4, с. 49]. Более того, если смотреть на проблему под иным углом, масштабная цифровизация третейского производства становится катализатором возникновения новых процессуальных рисков. Представляется необходимым подчеркнуть, что угроза «цифрового неравенства» ставит предпринимателей, не обладающих равнозначным доступом к технологической инфраструктуре, в заведомо уязвимое положение [5, с. 106]. Параллельно с этим, принимая во внимание специфику дискуссии о потенциальной замене арбитра-человека системами искусственного интеллекта (ИИ), нельзя не согласиться с тем, что на первый план выходит вопрос сохранения категории «внутреннего убеждения» и обеспечения стандартов публичного порядка. Опираясь на данные последних исследований, следует признать обоснованным тезис о недопустимости полной алгоритмизации правосудия на текущем этапе, поскольку системы ИИ по своей сути остаются «черным ящиком», лишенным фундаментальных этических категорий и совести [6, с. 43].

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы выявить направления, по которым меняется система правовых гарантий защиты предпринимателей в третейском разбирательстве, и сформулировать рекомендации по согласованию технологических инструментов (смарт-контрактов, оракулов, ИИ) с базовыми принципами гражданского процесса.

В рамках сложившейся юридической доктрины классическая дифференциация механизмов защиты прав субъектов предпринимательства на восстановительные и превентивные претерпевает определенную трансформацию. Смарт-контракты, функционирующие на базе технологии распределенных реестров, представляется правомерным квалифицировать как качественно иную ступень реализации именно превентивного функционала. Данный тезис обусловлен тем, что в качестве неотъемлемой характеристики подобных инструментов выступает фактическое нивелирование так называемого «человеческого фактора» непосредственно на стадии материального исполнения обязательств, что позволяет рассматривать их как автономный гарант соблюдения договорной дисциплины.

Готовчиков Е.В. определяет смарт-контракт как «сделку, совершенную на базе цифровой платформы, обязательства в рамках которой исполняются автоматически, без активных действий со стороны участников» [2, с. 18]. С учетом специфики обеспечения интересов бизнес-сообщества, подобную автоматизацию представляется правомерным рассматривать в качестве эффективного заслона на пути недобросовестных попыток контрагента уклониться от исполнения обязательств по оплате или отгрузке продукции. Нельзя не заметить, что программный алгоритм, после его активации участниками сделки, фактически исключает вероятность произвольного отказа от следования условиям договора. Следует подчеркнуть, что подобный подход способствует значительному снижению операционной нагрузки на институты третейского разбирательства, существенно сокращая массив бесспорных требований, связанных исключительно с констатацией факта неисполнения. Вместе с тем, при углубленном анализе выявляется, что вопрос о юридической идентификации данного цифрового инструмента по-прежнему сохраняет свой остродискуссионный характер. В работах В.Н. Пахомова отмечается, что сегодня в науке наблюдается «конкуренция двух правовых идей – смарт-контракт как технология обеспечения исполнения частноправовых обязательств и смарт-контракт как самостоятельная разновидность частноправового соглашения (договора)» [4, с. 47]. Автор подчеркивает, что смарт-контракт – это, прежде всего, «компьютерная программа, которая автоматически исполняет и регулирует условия соглашения между сторонами на основе заранее заданных правил».

Никольский Н.В. дополняет этот анализ, указывая на синтетическую природу данного явления. Он характеризует смарт-контракты как «программные конструкции, заменяющие собой традиционные формы договорного взаимодействия и обеспечивающие выполнение обязательств без участия сторон после активации алгоритма» [7, с. 213]. Специфика такой «замены» для предпринимателя заключается в том, что право перестает существовать вне технической системы: «его переход, ограничение или утрата обусловлены не волеизъявлением субъекта как таковым, а действием программного алгоритма, подтвержденным записью в реестре».

Тщательное изучение данного аспекта позволяет констатировать, что именно в исследуемой плоскости концентрируются специфические риски, способные подрывать действенность

правовых гарантий, предусмотренных для субъектов предпринимательства. Представляется необходимым подчеркнуть, что технологический автоматизм в сочетании с алгоритмической жесткостью программного кода неизбежно провоцирует возникновение сложной доктринальной проблемы «необратимости» обязательственных отношений. Как справедливо замечает Пахомов В.Н., «неизменность и самоисполнимость смарт-контрактов как технологические атрибуты этих явлений следует рассматривать как ограничения для действия принципа свободы договора в гражданском праве» [4, с. 49]. Отметим, что в ситуации, когда субъект хозяйствования сталкивается с обстоятельствами непреодолимой силы или существенным изменением условий сделки (в контексте ст. 451 ГК РФ), технологическая специфика классического смарт-контракта фактически блокирует возможность оперативной приостановки исполнения обязательств. Представляется обоснованным допустить, что указанная алгоритмическая жесткость программного кода потенциально ведет к возникновению существенных неоправданных издержек. При этом системный доктринальный разбор обозначенного правового поля показывает наличие специфических угроз, обуславливающих необходимость внедрения гибридных правовых моделей, ориентированных на снижение рисков и обеспечение паритета интересов в бизнес-среде. В рамках доктринального анализа Е.В. Готовчиков выделяет концепцию «Legal wrappers» (правовую оболочку) в качестве действенного инструмента минимизации рисков. Представляется необходимым подчеркнуть, что содержательное наполнение данного подхода заключается в формировании надстроечного юридического соглашения, которое функционирует параллельно со смарт-контрактом. Как отмечает исследователь, подобная конструкция призвана устранить правовую неопределенность, возникающую в процессе алгоритмического исполнения обязательств, и обеспечить их соответствие императивным нормам законодательства [2, с. 17].

Смарт-контракт в третейском производстве – не замена гражданско-правовому договору, а технический инструмент исполнения воли сторон. Причем инструмент, который действительно работает лишь при условии «юридической связки» с нормами национального законодательства и сохранения возможности арбитражной коррекции. Без этого он остается, по сути, автоматизированным механизмом без правовой опоры.

Автоматизация третейского разбирательства с использованием смарт-контрактов неизбежно упирается в одну практическую проблему: программный код не существует в вакууме и постоянно нуждается в данных из внешней среды. Блокчейн по своей природе замкнут, и это, надо сказать, одновременно его сильная сторона и очевидное ограничение. Чтобы исполнить условия договора (скажем, зафиксировать факт пересечения грузом таможенной границы или отреагировать на изменение валютного курса), системе требуется получить сведения извне. Роль такого посредника между закрытой блокчейн-средой и реальным миром берут на себя информационные «оракулы». Готовчиков Е.В. дает наиболее точное определение этому явлению, называя оракулы «элементами инфраструктуры цифровой платформы, позволяющими отслеживать исполнение обязательств, опосредованных смарт-контрактами или возникающих из них. В рамках проводимого исследования автором предлагается дифференциация информационных оракулов на две основные категории: аппаратные, функциональное назначение которых заключается в аккумулировании данных посредством физических периферийных устройств (в частности, видеокамер или сканирующих систем) и программные, ориентированные на получение и верификацию сведений из глобальных цифровых источников, включая финансовые агрегаторы и распределенные базы данных. В целях объективности исследования следует дополнить, что в контексте обеспечения правовых гарантий субъектов бизнеса первостепенное значение приобретает дилемма ответственности в ситуациях, когда оракулом транслируются недостоверные сведения, инициирующие автоматическое изъятие активов или применение штрафных санкций. Вместе с тем, критическое осмысление вышеизложенного позволяет выявить, что на сегодняшний день нормативно-правовой статус провайдеров подобных сервисов остается лишенным должной регламентации, что де-факто формирует правовой вакуум или так называемую «серую зону». В связи с этим Е.В. Готовчиков предлагает инновационный подход к защите бизнеса: «Наилучшим вариантом видится законодательное установление солидарной ответственности между нарушителем обязательства и владельцем оракула, если информация о нарушении не была должным образом зафиксирована оракулом». Кроме того, по мнению исследователя, владельцы оракулов должны нести гражданско-правовую ответственность «основываясь на принципе вины, как субъекты предпринимательской деятельности» [2, с. 19].

К технологическим рискам также относится риск системного сбоя и утраты доступа к управлению смарт-контрактом. Н. В. Никольский подчеркивает, что «правовая защита интересов участников становится затрудненной... в условиях отсутствия регламентации идентификационных процедур в российском праве» [7, с. 214]. Представляется необходимым

подчеркнуть, что в ситуации утраты предпринимателем криптографического ключа возникает риск фактического ограничения его возможности подтвердить собственную правосубъектность в рамках конкретной цифровой экосистемы. С долей определенной осторожности можно констатировать, что подобная технологическая уязвимость де-факто блокирует механизмы правовой идентификации субъекта, делая его участие в распределенном реестре не имеющем юридической силы. Без надежной привязки между реальным субъектом права и владельцем ключа «невозможна эффективная правовая защита интересов участников».

Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что в качестве существенного деструктивного фактора, ограничивающего реализацию принципа справедливости в третейском производстве, выступает феномен так называемого «цифрового неравенства». С долей определенной осторожности можно констатировать, что данная коллизия создает новые вызовы для обеспечения процессуального паритета сторон в условиях высокотехнологичной правовой среды». Ульянов А.В. указывает, что «нарушение процессуального равенства сторон арбитража, вызванное ограничениями доступа к цифровым технологиям, может достичь такой степени, чтобы пострадавшая сторона заявила о несправедливости разбирательства» [5, с. 103]. В предпринимательских спорах подобная ситуация возникает, когда крупная корпорация (владелец платформы) вынуждает мелкого контрагента работать с ее оракулами и алгоритмами, которые для последнего остаются непрозрачными (по сути, тем самым «черным ящиком»).

Ульянов А.В. указывает, что ненадлежащее уведомление стороны или лишение ее права давать объяснения в рамках онлайн-арбитража образует «юридические препятствия к исполнению арбитражного решения» – государственные суды вправе отказать в его признании, опираясь на ст. 239 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ) [8], и положения Нью-Йоркской конвенции 1958 г. [9].

Выходит, что трансформация правовых гарантий в цифровой среде должна двигаться в сторону усиления ответственности технологических посредников, владельцев оракулов и операторов платформ, при одновременном обеспечении прозрачности алгоритмов. Надо сказать, пока «цифровая инфраструктура» не поставлена под реальный юридический контроль, предприниматель получает лишь декларативную защиту в третейском суде, а не действительную.

Отдельного внимания заслуживает использование блокчейн-записей в качестве доказательств – это, пожалуй, одна из наиболее весомых процессуальных гарантий защиты прав предпринимателей, причем особенно ощутимой она становится в спорах об интеллектуальной собственности. В. Н. Пахомов отмечает, что децентрализованные платформы выступают «надежным средством для регистрации объектов... обеспечивая неизменность данных, что делает невозможным несанкционированное изменение информации» [4, с. 50]. Фролова Е.Е. и Купчина Е.В. указывают на то, что такие базы данных «обеспечивают защиту прав владельца за счет отслеживания метки времени и активности правообладателя» [1, с. 493]. С точки зрения третейского процесса, это минимизирует риски фальсификации доказательств, так как данные «хранятся неизменным, надежным и прозрачным образом», что позволяет предпринимателю подтвердить юридический факт создания продукта или совершения транзакции без обращения к дорогостоящим экспертизам.

Автоматизация третейского разбирательства закономерно приводит к вопросу об ИИ, и тут уже речь идет не просто об исполнении, а о самом процессе принятия юрисдикционных решений. Смарт-контракты дают автоматизм там, где алгоритм заранее известен; ИИ же претендует на нечто большее – участие в оценке, квалификации, выводе. Именно здесь права предпринимателей оказываются под давлением этических и правовых вопросов, которые пока не имеют устоявшихся ответов.

В специальной литературе за ИИ закреплена роль вспомогательного инструмента (в рамках направления LegalTech), и это, надо сказать, не случайно. Фролова Е.Е. и Купчина Е.В. указывают на широкий спектр его применения: «ИИ применяется в составлении арбитражного соглашения... поиске, систематизации и оценке документов выборе арбитров» [1, с. 494]. Представляется необходимым подчеркнуть, что в контексте обеспечения интересов бизнес-сообщества фундаментальное значение приобретает внедрение технологий предиктивного правосудия (predictive justice). Опираясь на данные последних исследований, можно констатировать, что современные алгоритмические системы демонстрируют способность к прогнозированию исходов правовых конфликтов с показателем верификации, достигающим 79 %. Вместе с тем, системное изучение вопроса позволяет констатировать, что подобная математическая точность требует глубокого критического осмысления с точки зрения сохранения фундаментальных принципов законности» что, по мнению авторов, «окажет положительное влияние как на предсказуемость арбитражного процесса, так и на правовую определенность».

Несмотря на очевидные технологические преимущества, идея превратить ИИ в полноценного «арбитра» сталкивается с вполне обоснованным скептицизмом и, надо сказать, небезосновательно. Ульянов А.В. подчеркивает, что «полноценная научно-юридическая концепция цифрового арбитража» еще не выработана, а передача функций арбитра компьютеру может быть признана неконституционной [5, с. 107]. Машине недостает того, что составляет саму основу правосудия – человеческих качеств, без которых этот процесс попросту теряет смысл. Как отмечается в обзоре А.В. Ульянова со ссылкой на доклад группы Томаса Клэя, «способность принять юрисдикционное решение зависит от совести, которая является свойством, присущим человеческой природе вынесение подобных решений должно быть прерогативой человеческого разума» [5, с. 108].

Предпринимателю, решившемуся на ИИ-арбитраж, придется столкнуться с так называемой проблемой «черного ящика»: алгоритм выносит решение, однако понять, по какой логике он к нему пришел, практически невозможно. Курносов А.А. справедливо отмечает: «полномасштабная замена судьи искусственным интеллектом в любом правовом порядке рассматривается как преждевременная и нежелательная в этико-социальном контексте» [6, с. 42]. В рамках авторской аргументации подчеркивается, что сущностная природа арбитража как процедуры жестко детерминирована необходимостью принятия императивного решения исключительно «нейтральным лицом». Вместе с тем, при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что любой программный алгоритм априори лишен такой фундаментальной правовой категории, как «внутреннее убеждение». Нельзя не заметить, что именно этот когнитивный и ценностный механизм, органически присущий человеку, выступает базисом при осуществлении всесторонней оценки представленных доказательств, что делает механистический подход ИИ юридически небезупречным.

Между тем системное изучение вопроса указывает на то, что в контексте обеспечения правовых гарантий предпринимательской деятельности критическую значимость приобретает риск последующей отмены или отказа в признании «автоматизированного» арбитражного акта со стороны государственных судебных инстанций. С долей определенной осторожности можно констатировать, что потенциальная отмена такого решения де-факто нивелирует все технологические преимущества цифрового разбирательства, создавая ситуацию правовой неопределенности для субъектов бизнеса. А.В. Ульянов указывает, что «недопустимость принятия решения арбитром-компьютером обусловлена тем, что иначе может быть нарушен публичный порядок» [5, с. 104]. Представляется необходимым подчеркнуть, что фактическая деформация принципов независимости и беспристрастности арбитра в их традиционном доктринальном осмыслении неизбежно выступит в качестве императивного основания для последующего отказа в принудительном исполнении подобного акта. Более того, если смотреть на проблему под иным углом, в работах А.А. Курносова содержится обоснованное предостережение относительно недопустимости отождествления систем онлайн-урегулирования споров (ODR), функционирующих на базе крупнейших маркетплейсов (в частности, «Яндекс», «Ozon», «Wildberries»), с институтом классического арбитража. С определенной долей осмотрительности допустимо утверждать, что стремление к отождествлению указанных дефиниций привносит значительную неопределенность в правовое пространство, фактически замещая независимое отправление правосудия процессами локального управленческого регламентирования. В таких системах администратор платформы объективно связан с продавцом, поэтому «говорить о соблюдении принципа независимости арбитра не приходится», а использование термина «арбитраж» в данном контексте «неприемлемо и вносит лишь путаницу» [6, с. 41].

Если говорить о гарантиях для предпринимателей, применение ИИ в третьейском производстве разумно удерживать в рамках того, что принято называть «усиленным интеллектом» (augmented intelligence). Суть здесь простая: технология берет на себя аналитическую часть работы, тогда как окончательное правовое решение остается за арбитром-человеком. Заменить его в этой точке ИИ не может и, надо сказать, не должен.

Проведенное исследование охватывает трансформацию правовых гарантий в системе цифрового третейского разбирательства и дает основания для нескольких выводов – значимых и в теоретическом плане, и в сугубо прикладном, применительно к защите предпринимателей.

Блокчейн-технологии и смарт-контракты меняют саму логику арбитража: вместо восстановительной модели, при которой права защищаются уже после нарушения через судебное преследование, приходит превентивная – автоматическое исполнение условий договора без какого-либо вмешательства. Надо сказать, именно здесь возникает серьезное противоречие. «Неизменность и самоисполнимость смарт-контрактов» [4, с. 54] плохо совместимы с гражданско-правовыми принципами свободы договора и его расторжения при существенном изменении обстоятельств – это объективный конфликт, а не частный технический недостаток. Выходом служит концепция «Legal wrappers», подчиняющая программный код

нормам национального законодательства и тем самым сохраняющая за предпринимателем право на судебную коррекцию алгоритма. Правда, насколько такой механизм окажется рабочим на практике – вопрос отдельный.

Вместе с тем цифровизация арбитража ставит и другую проблему – ответственности технологической инфраструктуры. Смарт-контракты зависят от внешних данных, поступающих через информационные оракулы, однако правовой статус владельцев этих оракулов до сих пор законодательно не закреплён. Применительно к цифровым цепочкам поставок обоснована целесообразность введения солидарной ответственности владельцев оракулов и нарушителей обязательств в тех случаях, когда передача недостоверных сведений повлекла автоматические убытки стороны.

В сфере доказательственного права блокчейн-записи заслуживают статуса полноценных цифровых доказательств – временных меток, фиксирующих юридически значимые факты: возникновение актива или совершение сделки. На нормативном уровне стоит закрепить презумпцию владения цифровым правом за тем, кто располагает уникальным криптографическим ключом. Это, надо сказать, избавит предпринимателей от необходимости оплачивать дорогостоящие технические экспертизы при защите интересов в арбитраже.

Что касается автоматизации правосудия, здесь границы существенны. Искусственный интеллект в третейском разбирательстве применим лишь в роли аналитического ассистента, так называемая модель «усиленного интеллекта» (augmented intelligence), где алгоритм поддерживает арбитра, но не подменяет его. Полноценная замена арбитра машиной невозможна: у последней нет ни «внутреннего убеждения», ни этических категорий. Вдобавок подобная замена создает высокий риск нарушения «публичного порядка», а это уже прямое препятствие для признания и исполнения арбитражного решения государственным судом.

Среди мер, способных реально улучшить положение предпринимателей в цифровой среде, выделяется одна – возложить на операторов блокчейн-платформ и информационных систем обязанность технически обеспечивать исполнение судебных актов. Пока такой нормы нет, складывается парадоксальная ситуация: суд выносит решение о восстановлении права, однако привести его в исполнение невозможно – реестр неизменяем по своей природе. Назовем это «декларативной защитой», когда формально право есть, а фактически воспользоваться им нельзя. Именно поэтому предлагается закрепить на программном уровне механизм аннулирующих записей или корректирующих транзакций. Только встроив юридическую силу судебного акта прямо в архитектуру распределенного реестра, можно дать предпринимателю защиту, которая работает не на бумаге, а на практике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Фролова Е.Е. Цифровые инструменты защиты прав на интеллектуальную собственность: на примере блокчейн и искусственного интеллекта / Е.Е. Фролова, Е.В. Купчина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 61.
2. Готовчиков Е.В. Правовая специфика применения смарт-контрактов в цепочках поставок // Научные записки НГУЭУ. 2025. № 1.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025, с изм. от 25.03.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. Пахомов В.Н. Проблемы использования смарт-контрактов в рамках авторско-правовой защиты результатов интеллектуальной деятельности // Юридические исследования. 2025. № 3.
5. Ульянов А.В. О правовых проблемах применения цифровых технологий в арбитраже // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 4: Государство и право. 2022. № 3.
6. Курносов А.А. Пределы внедрения технологий искусственного интеллекта в третейское разбирательство // Применение Конституции Российской Федерации в судебной деятельности: проблемы теории и практики: материалы Всероссийской научно-практической конференции (Кемерово, 16 ноября 2023 г.). М., 2024.
7. Никольский Н.В. Инновационные технологии и защита цифровых прав: роль блокчейна и смарт-контрактов // Теория и практика общественного развития. 2025. № 5 (205).
8. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 15.12.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
9. Конвенция Организации Объединенных Наций о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений (Заключена в г. Нью-Йорке в 1958 г.) // Вестник ВАС РФ. 1993. № 8.

REFERENCES

1. Frolova E.E. Digital tools for the protection of intellectual property rights: on the example of blockchain and artificial intelligence / E. E. Frolova, E. V. Kupchina // Bulletin of Perm University. Juridical Sciences. 2023. No. 61.
2. Gotovchikov E.V. Legal specifics of the use of smart contracts in supply chains / E. V. Gotovchikov // Scientific notes of NSUEM. 2025. № 1.
3. Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 № 51-FZ (rev. dated 31.07.2025, as amended on 25.03.2026) (amended and supplemented, entry by virtue of 01.08.2025) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. № 32. Art. 3301.
4. Pakhomov V.N. Problems of using smart contracts within the framework of copyright protection of the results of intellectual activity // Legal research. 2025. № 3.
5. Ulyanov A.V. On legal problems of the use of digital technologies in arbitration // Social and humanitarian sciences. Domestic and foreign literature. Series 4: State and Law. 2022. № 3.
6. Kurnosov A.A. Limits of implementation of artificial intelligence technologies in arbitration proceedings // Application of the Constitution of the Russian Federation in judicial activity: problems of theory and practice: Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Kemerovo, November 16, 2023). Moscow, 2024.
7. Nikolsky N.V. Innovative technologies and protection of digital rights: the role of blockchain and smart contracts // Theory and practice of social development. 2025. № 5(205).
8. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 № 95-FZ (rev. dated 15.12.2025) (amended and supplemented, entry by virtue of 01.01.2026) // Collection of legislation of the Russian Federation. 2002. № 30. Art. 3012.
9. United Nations Convention on the Recognition and Enforcement of Foreign Arbitral Awards (Concluded in New York in 1958) // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 1993. № 8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. А. Григорянц – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 344022, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 166.

М. Г. Гутенева – преподаватель кафедры процессуального права юридического факультета Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), 344022, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 166.

Е. В. Кравченко – старший научный сотрудник научно-исследовательского отдела Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. A. Grigoryants – Candidate of Law, Associate Professor, Department of Procedural Law, Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINH). 166, Maxim Gorky St., Rostov-on-Don 344022 Russian Federation.

M. G. Guteneva – Lecturer at the Department of Procedural Law, Faculty of Law, Rostov State Economic University (RINH). 166, Maxim Gorky St., Rostov-on-Don 344022 Russian Federation.

E. V. Kravchenko – Senior Researcher, Research Department at the Rostov Law Institute Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 20.05.2026; одобрена после рецензирования 28.05.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 20.05.2026; approved after reviewing 28.05.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 347.78ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДМЕТА ЛИЦЕНЗИОННОГО ДОГОВОРА:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКАЕлена Владимировна Демьяненко¹, Андрей Викторович Шпак²¹Ростовский филиал Российской таможенной академии, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, elena.demianenko@gmail.com²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, a161aa161@mail.ru

Введение: быстрое расширение сферы применения цифровых технологий, в том числе искусственного интеллекта, оказывает серьезное воздействие на различные стороны жизни современного общества, часто существенно видоизменяя не только форму, но и содержание многих из них. Это порождает большое число совершенно новых проблем, с которыми сталкиваются отдельные граждане, различные их сообщества, а также государство во всех своих институтах и по всей иерархии самых различных управленческих функций. Сложность и неординарность этих проблем во многом обусловлены скоростью, с которой происходит технологическая трансформация общественной жизни.

Право интеллектуальной собственности занимает особое место в системе гражданского права, поскольку результаты интеллектуальной деятельности, обладая нематериальной природой, выступают важнейшим экономическим ресурсом современного общества. В условиях цифровизации именно эффективные юридические механизмы распоряжения исключительными правами обеспечивают баланс интересов авторов, правообладателей и пользователей. Одним из ключевых таких механизмов является лицензионный договор, который справедливо назвать самым гибким способом по передаче имущественных прав использования авторских произведений другим лицам и контролю за использованием своего объекта правообладателем. Актуальность исследования лицензионного договора как способа распоряжения исключительным правом обусловлена, во-первых, ростом оборота объектов авторского права, во-вторых, усложнением способов их использования в цифровой среде, а в-третьих, наличием теоретических и практических проблем правового регулирования лицензионных отношений. Несмотря на закрепление в части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ) общего регулирования лицензионных договоров, в доктрине и судебной практике сохраняются дискуссии о правовой природе данного договора, его содержании и моменте заключения. В рамках исследования рассмотрены отдельные проблемы правового регулирования лицензионного договора, сделан вывод о необходимости уточнения предмета лицензионного договора и о внесении изменений в п. 1 ст. 1235 ГК РФ.

Целью настоящей работы является анализ предмета лицензионного договора в отношении авторских произведений, вопросы определения объема передаваемых прав, выявление проблем правового регулирования и возможных путей их решения с учетом научных разработок и судебной практики.

Материалы и методы: для проведения исследования использован комплекс общенаучных и частно-научных методов познания. Основу составил диалектический метод, позволивший рассмотреть предмет лицензионного договора в развитии и взаимосвязи с институтом исключительного права. Применялись формально-юридический метод (анализ содержания правовых норм), сравнительно-правовой метод, системный метод. Нормативную базу исследования составили положения Гражданского кодекса РФ, эмпирическую базу – опубликованные судебные решения по делам, возникающим из лицензионного договора.

Результаты исследования: проведен анализ лицензионного договора как одного из способов распоряжения исключительным правом на произведение, раскрыт его предмет на основании сущности исключительного права, рассмотрены проблемы определения объема передаваемых прав, в результате изучения судебной практики определены особенности предмета доказывания по этой категории дел. Авторами сделан вывод о необходимости уточнения предмета лицензионного договора и о внесении изменений в п. 1 ст. 1235 и п. 1 ст. 1286 ГК РФ.

Выводы и заключения: в рамках исследования выделены отдельные проблемы правового регулирования лицензионного договора и сделан вывод о необходимости уточнения предмета лицензионного договора и о внесении изменений в п. 1 ст. 1235 и п. 1 ст. 1286 ГК РФ. Исходя из содержания исключительного права, перечня способов использования авторского произведения, анализа объема передаваемых прав, представлено определение лицензионного договора.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, авторское право, исключительное право, способы использования, лицензионный договор, предмет

Для цитирования: Демьяненко Е. В., Шпак А. В. Определение предмета лицензионного договора: теория и практика // Юрист-Правовед: науч.-теоретич. и информац. -методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 58–63.

Original paper

DEFINITION OF THE SUBJECT OF THE LICENSE AGREEMENT: THEORY AND PRACTICE

Elena Vladimirovna Demyanenko¹, Andrey Viktorovich Shpak²

¹Rostov Branch of the Russian Customs Academy, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the rapid expansion of the scope of application of digital technologies, including artificial intelligence, has a significant impact on various aspects of modern society, often significantly altering not only the form but also the content of many of them. This has led to a wide range of new challenges faced by individuals, communities, and the state in all its institutions and across the entire hierarchy of governance functions. The complexity and uniqueness of these challenges are largely due to the rapid pace of technological transformation in society.

The right of intellectual property occupies a special place in the system of civil law, as the results of intellectual activity, being of an intangible nature, are the most important economic resource of modern society. In the context of digitalization, it is the effective legal mechanisms for managing exclusive rights that ensure a balance between the interests of authors, copyright holders, and users. One of the key mechanisms is the license agreement, which can be considered the most flexible way to transfer the property rights to use copyrighted works to others and to control the use of the work by the copyright holder. The relevance of the study of a license agreement as a method of managing exclusive rights is due, firstly, to the growing turnover of copyright objects, secondly, to the complexity of their use in the digital environment, and thirdly, to the existence of theoretical and practical problems in the legal regulation of license relations. Despite the general regulation of license agreements in Part Four of the Civil Code of the Russian Federation (CC RF), there are still discussions in the doctrine and judicial practice about the legal nature of this agreement, its content, and the moment of its conclusion. The study examines certain issues of legal regulation of a license agreement and concludes that it is necessary to clarify the subject of a license agreement and amend Article 1235 of the Civil Code of the Russian Federation.

The purpose of this work is to analyze the subject of a license agreement for copyright works, to determine the scope of the transferred rights, and to identify legal regulation issues and possible solutions based on scientific research and judicial practice.

Materials and methods: the study was conducted using a combination of general scientific and specific scientific methods of cognition. The study was based on the dialectical method, which allowed the author to examine the subject of the license agreement in its development and relationship with the institution of exclusive rights. The study also used the formal legal method (analysis of the content of legal norms), the comparative legal method, and the systemic method. The study was based on the provisions of the Civil Code of the Russian Federation and the published court decisions on cases arising from license agreements.

Results of the study: the article analyzes the license agreement as one of the ways to manage the exclusive right to a work, reveals its subject based on the essence of the exclusive right, discusses the problems of determining the scope of the transferred rights, and identifies the specific features of the subject of proof in this category of cases based on the study of judicial practice. The authors conclude that it is necessary to clarify the subject of the license agreement and to amend Article 1235 and Article 1286 of the Civil Code of the Russian Federation.

Findings and conclusions: as part of the study, certain problems of legal regulation of the license agreement were identified, and it was concluded that it is necessary to clarify the subject of the license agreement and to amend paragraphs 1 of Articles 1235 and 1286 of the Civil Code of the Russian Federation. Based on the content of the exclusive right, the list of ways to use an author's work, and the analysis of the scope of the transferred rights, a definition of the license agreement was presented.

Keywords: intellectual property, copyright, exclusive right, methods of use, license agreement, subject matter

For citation: Demyanenko E. V., Spak A. V. Definition of the subject of the license contract: theory and practice // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 58–63.

Для раскрытия темы, понимания предмета лицензионного договора, определения объема передаваемых лицензиатам следует обратиться к содержанию исключительного права. В соответствии со статьей 1229 ГК РФ [1], исключительное право представляет собой имущественное право, принадлежащее правообладателю и позволяющее ему использовать результат интеллектуальной деятельности по своему усмотрению и распоряжаться этим правом любым не противоречащим закону способом. Специалисты неоднозначно определяют соотношение функций исключительного права, на наш взгляд, негативная и позитивная функции взаимосвязаны, но каждая из них имеет самостоятельный характер. Более того, в российском гражданском праве комплексно не исследована структура исключительного права, что, к сожалению, негативно отражается на качестве правового регулирования отношений в сфере оборота интеллектуальной собственности.

Спиридонова Н.Б. верно отмечает: «Обосновано, что основу регулирования содержания исключительных авторских прав составляют способы использования их объектов. Выражением данной регулятивной стратегии на уровне структуры исключительного авторского права является превалирующее значение детализирующих правовую позицию правообладателя дозволительных правомочий, соответствующих на нормативном уровне различным способам использования произведений» [2, с. 10].

Основными способами распоряжения исключительным правом являются договор об отчуждении исключительного права и лицензионный договор. В п. 1 ст. 1233 ГК РФ вышеуказанные договоры названы в качестве договорных способов распоряжения исключительным правом.

Передача на договорных началах прав на использование авторских произведений играет огромную роль не только в национальной экономике, но и в международном сотрудничестве. Заметим, что полная уступка прав, опосредованная договором об отчуждении исключительных прав, относительно редко используется правообладателями, хотя востребована в области киноиндустрии (продюсерские договоры) и в издательском деле.

Лицензионный договор занимает центральное место среди способов коммерциализации произведений, поскольку именно он позволяет гибко регулировать объем и пределы использования произведения, сохраняя при этом контроль за его дальнейшей эксплуатацией.

В доктрине гражданского права лицензионный договор рассматривается как самостоятельный гражданско-правовой договор [3]. Так, А.П. Сергеев указывает, что лицензионные договоры образуют особую группу договоров, опосредующих использование объектов интеллектуальной собственности, и обладают рядом специфических признаков, обусловленных нематериальной природой их предмета [4, с.175]. Аналогичную позицию занимают О.А. Рузакова [5], Калининчева Э.П. [6] и другие исследователи.

Согласно п. 1 ст. 1235 ГК РФ, по лицензионному договору одна сторона – правообладатель (лицензиар) предоставляет или обязуется предоставить другой стороне (лицензиату) право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации в установленных договором пределах. Таким образом, лицензионный договор не направлен на переход исключительного права в полном объеме, а предполагает лишь предоставление права использования произведения при сохранении исключительного права за лицензиаром.

Мурзин Д.В. отмечает: «Правообладатель может передать другому лицу не исключительное право в полном объеме, а только правомочия (все или некоторые из них), входящие в состав исключительного права, на определенный срок» [7, с. 390].

Позиция Е.П. Калининчевой о том, что «возможность лицензиата использовать указанные объекты предполагает предоставление ему не только соответствующего права, но и самих этих объектов» [6, с. 12], на наш взгляд, несостоятельна в силу того, что автором не учтена нематериальная природа объектов интеллектуальной собственности, несмотря на их материальное воплощение.

Для рассмотрения заявленной темы необходимо сравнить определения родственных договоров, опосредующих передачу исключительных прав, – договора об отчуждении исключительного права и лицензионного договора. В первую очередь, отметим их общую цель – распоряжение исключительным правом. Общим также является то, что указанные договоры опосредуют отношения по поводу одних объектов гражданского права – результатов интеллектуальной собственности.

На уровне ГК РФ (главы 69) закрепляются определения договора об отчуждении исключительного права (п. 1 ст. 1234 ГК РФ) и лицензионного договора (п. 1 ст. 1235 ГК РФ), из которых вытекает понимание предмета этих обязательств. В главе 70 ГК РФ практически продублированы понятия указанных соглашений применительно к объектам авторских прав (п. 1 ст. 1285, п. 1 ст. 1286 ГК РФ). В договоре об отчуждении исключительного права «по сути происходит полная замена правообладателя» [8, с. 51].

Видьма В.В. отмечает некорректность определений, содержащихся в ст. 1285 и 1286 ГК РФ [9, с. 60]. В подтверждение своей позиции автор рассматривает исключительное право в плоскости входящих в него правомочий и делает вывод, что «объектом указанных договоров вне зависимости от вида является единое и неделимое исключительное право» [9, с. 60].

Разделяя точку зрения В.В. Видьма, также обратим внимание на отсутствие легального определения «право использования», что порождает в доктрине разнообразие толкования как содержания исключительного права, так и его отдельных элементов.

Исключительно правообладателю принадлежит право использовать и распоряжаться результатом интеллектуальной деятельности (РИД), по общему правилу только с разрешения правообладателя иные лица могут использовать РИД. Содержание исключительного права раскрывается через использование произведения и примерный перечень способов использования, указанных в ст. 1270 ГК РФ. В п. 2 ст. 1270 ГК РФ не только перечислены правомочия, определяющие исключительное право, но и раскрывается их содержание. Так, например, воспроизведение произведения определено как «изготовление одного и более экземпляра произведения или его части в любой материальной форме, в том числе в форме звуко- или видеозаписи, изготовление в трех измерениях одного и более экземпляра двухмерного произведения и в двух измерениях одного и более экземпляра трехмерного произведения».

То, что сегодня воспринималось как новое, очень быстро становится вчерашним днем. Поэтому исключительно актуальной становится пересмотр самой парадигмы реакции государства, всей его правовой системы на происходящие изменения. На наш взгляд, это должны быть усилия соответствующих государственных органов, которые бы направлялись не только и не столько на нормативное закрепление возникшего и уже устоявшегося явления общественной жизни, требующего государственного регулирования.

В рамках своих научных интересов автор обращался уже к исследованию авторских договоров, в том числе договора авторского заказа и был сделан вывод о том, что «предмет договора авторского заказа – передача исключительного права на созданное по заказу произведение в объеме, определенном в договоре» [10, с. 64].

При распоряжении исключительным правом, на наш взгляд, возможна только консенсуальная конструкция договора, что требует закрепления в законе. Реальные договоры характерны для передачи именно вещи, а при передаче прав на использование объекта ИС закономерен консенсуальный договор.

Законодатель закрепляет виды лицензий (простая и исключительная), предусматривает для простой лицензии открытую лицензию. Критерием разграничения таких лицензий является объем предоставляемых прав и круг лиц, приобретающих такие права, т. е. главным отличием является полнота передаваемых способов использования. Заметим, что не получили законодательного регулирования вопросы заключения исключительной лицензии при наличии уже имеющихся простых лицензий. Представляется целесообразным ввести правило о прекращении простой лицензии при предоставлении исключительной лицензии, указав основание прекращения, момент прекращения, последствия. Таким образом, ст. 1236 ГК РФ нуждается в дополнении.

Таким образом, в качестве предмета лицензионного договора (то, о чем этот договор), на наш взгляд, является передача исключительного права, предельно и объем которого определяются в соглашении. Лицензионный договор – соглашение, в силу которого лицензиар (обладатель исключительного права) обязуется предоставить лицензиату исключительное право на произведение в пределах, установленных договором.

Авторское право в большей мере ощущает на себе происходящие цифровые трансформации общественных отношений, применение искусственного интеллекта. Достаточно указать на особенности в современных условиях оборота авторских произведений, который для нормального функционирования общества и его развития имеет исключительное значение. Все элементы этого оборота – создание, использование и охрана авторских произведений науки, литературы и искусства – во все возрастающих размерах связаны с непосредственным применением цифровых технологий и искусственного интеллекта. Оно существенно повышает доступность указанных произведений самому широкому кругу заинтересованных лиц, значительно расширяет возможности их модификаций, а, следовательно, нарушения авторских прав, что делает крайне сложной задачу их защиты, обеспечение исключительного права на авторские произведения. Решение такой задачи должно носить комплексный характер, иметь ряд взаимосвязанных направлений: техническое, технологическое, информационное, организационное, правовое, моральное.

Судебная практика играет ключевую роль в формировании подходов к толкованию и применению норм о лицензионных договорах. В практике наблюдается смешение договоров, неверное определение предмета конкретного договора, неполнота содержания обязательства, для разрешения подобных ситуаций требуется толкование заключенного договора.

Позиция Верховного Суда РФ о разграничении договора об отчуждении исключительного права и лицензионного договора определена в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 [11]. Обратим внимание, что Верховный Суд апеллирует именно понятием «исключительное право».

Ознакомление с судебными решениями, вынесенными при разрешении споров, вытекающих из авторских правоотношений, указывает на использование судами категории «передача исключительных прав». Так, например, в решении Дзержинского районного суда г. Волгограда

от 10 марта 2025 г. по делу № 2-1423/2025 сказано: «Лицензионный договор о передаче исключительных авторских прав на использование произведений изобразительного искусства (рисунков) с ответчиком не заключался» [12].

В решении Семилукского районного суда Воронежской области от 21 апреля 2025 г. по делу № 2-419/2025 также содержится аналогичная формулировка – «никаких лицензионных договоров о передаче исключительных авторских прав на использование произведений изобразительного искусства – рисунки «Крош» с ответчиком не заключалось» [13].

Спор о взыскании неосновательного обогащения между государственным бюджетным учреждением культуры г. Москвы «Московский театр «Современник»» и общероссийской общественной организацией «РАО» был рассмотрен Арбитражным судом г. Москвы и в удовлетворении иска было отказано (решение Арбитражного суда г. Москвы от 26 июня 2025 г. по делу № А40-47419/2025) [14]. Предметом исследования в данном деле был лицензионный договор – неисключительная лицензия – о публичном исполнении обнародованных произведений авторов: Бела Барток (1881–1945 гг.) и Арнольд Шёнберг (1874–1951 гг.). Доводы истца об отсутствии обязанности платить за произведения, которые фактически не использовались в репертуаре, оказались несостоятельными, т. к. в лицензионном договоре не предусматривалось условие выплаты вознаграждения при условии фактического использования произведений.

Важное практическое значение для темы исследования имеют и решения судов общей юрисдикции, в которых отражена позиция судов в отношении передачи прав на авторские произведения. Так, например, Московский городской суд (решение от 11 августа 2025 г. по делу № 3-0801/2025), исследуя предоставленный истцом лицензионный договор (исключительная лицензия), сделал вывод о наличии у истца «исключительных прав на использование спорных аудиовизуальных произведений» [15].

Таким образом, в результате исследования действующей нормативной правовой базы и судебной практики по делам, возникающим из лицензионных договоров, сделан вывод о необходимости закрепления консенсуальной конструкции, уточнения предмета лицензионного договора и о внесении изменений в п. 1 ст. 1235 и п. 1 ст. 1286 ГК РФ. Предмет лицензионного договора – передача правообладателем исключительного права на произведение в пределах, установленных договором.

Очень важно, чтобы нормы права содержали значительный потенциал развития, были сориентированы на будущее, стали важнейшим условием прогрессивных изменений в обществе, выступали одним из их локомотивов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 25.02.2006. № 52(1ч). Ст. 5496.
2. Спиридонова Н.Б. Структура исключительного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. 2022.
3. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М., 2018.
4. Гражданское право: учебник: в 3 т. Т. 3 / Е.Н. Абрамова, Н.Н. Аверченко, Ю.В. Байгушева [и др.]; под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
5. Рузакова О.А. Договоры о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: учебно-практическое пособие для магистров. М., 2017.
6. Калининцева Е.П. Лицензионный договор как основание возникновения обязательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов, 2011.
7. Гражданское право: учебник: в 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. М., 2017.
8. Демьяненко Е.В., Шпак А.В. О предмете лицензионного договора // Юрист-Правовед. 2024. № 2 (109).
9. Видьма В.В. Особенности договоров о распоряжении исключительными авторскими правами // автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Новосибирск, 2016.
10. Демьяненко Е.В. Некоторые вопросы правового регулирования договора авторского заказа // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2020. № 2 (39).
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.
12. Решение Дзержинского районного суда г. Волгограда от 10 марта 2025г. по делу № 2-1423/2025. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Решение Семилукского районного суда Воронежской области от 21 апреля 2025г. по делу № 2-419/2025. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 26 июня 2025 г. по делу № А40-47419/2025. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Решение Московского городского суда от 11 августа 2025 г. по делу № 3-0801/2025. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Civil Code of the Russian Federation (Part Four) dated 18.12.2006 № 230-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 25.02.2006. № 52(1ch). Art. 5496.
2. Spiridonova N.B. The Structure of Exclusive Right. Abstract of Dissertation ... Candidate of Legal Sciences. Moscow. 2022.
3. Civil Law Concept of Intellectual Property in the System of Russian Law: Monograph / A.A. Bogustov, V.N. Glonina, M.A. Rozhkova, et al.; edited by M.A. Rozhkova. Moscow, 2018.
4. Civil law: textbook: in 3 volumes Vol. 3 / E.N. Abramova, N.N. Averchenko, Yu.V. Baigusheva [et al.]; edited by A. P. Sergeev. 2nd ed. M., revised. and add. Moscow, 2016.
5. Ruzakova O.A. Agreements on the Creation of Intellectual Property Results and the Disposal of Exclusive Rights: A Practical Guide for Masters. Moscow, 2017.
6. Kalinicheva E.P. A License Agreement as a Basis for the Emergence of an Obligation. Abstract of Dissertation ... Candidate of Legal Sciences. Rostov-on-Don, 2011.
7. Civil Law: Textbook. In 2 vols. / Ed. by B.M. Gongalo. Vol. 1. 2nd ed. and add. Moscow, 2017.
8. Demyanenko E.V., Shpak A.V. On the subject of the license agreement // Lawyer-Jurist. 2024. № 2 (109).
9. Vidma V.V. Features of Contracts on the Disposal of Exclusive Copyright Rights // Abstract of Dissertation ... Candidate of Legal Sciences. Novosibirsk, 2016.
10. Demyanenko E.V. Some Issues of Legal Regulation of the Copyright Order Agreement // Academic Bulletin of the Rostov Branch of the Russian Customs Academy. 2020. № 2 (39).
11. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation №. 10 dated April 23, 2019, "On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2019. № 7.
12. Decision of the Dzerzhinsky District Court of Volgograd dated March 10, 2025, in case № 2-1423/2025. Access from the legal system «ConsultantPlus».
13. Decision of the Semiluksky District Court of the Voronezh Region dated April 21, 2025, in case № 2-419/2025. Access from the legal system «ConsultantPlus».
14. Decision of the Moscow Arbitration Court dated June 26, 2025, in case № А40-47419/2025. Access from the legal system «ConsultantPlus».
15. Decision of the Moscow City Court dated August 11, 2025, in case № 3-0801/2025. Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. В. Демьяненко – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский филиал Российской таможенной академии. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденовский, 20.

А. В. Шпак – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. V. Demyanenko – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov branch of the Russian Customs Academy. 20, Budenovsky Ave., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

A. V. Shpak – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko Str., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 13.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 13.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Юрист-Правоведъ. 2026. № 2 (117). С. 64–69.
Jurist-Pravoved. 2026. № 2 (117). Pp. 64–69.

Научная статья
УДК 347.4

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ДОГОВОРА ТРАНСПОРТНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ: НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА

Елена Георгиевна Негодаева

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
a.negodaeva@bk.ru

Введение: в 2025–2026 гг. институт транспортной экспедиции в российском гражданском праве переживает фундаментальную трансформацию, обусловленную принятием Федерального закона от 7 июня 2025 г. № 140-ФЗ Цифровизация документооборота, создание национальной цифровой платформы «ГосЛог», расширение административной ответственности экспедиторов и усиление контрольных функций правоохранительных органов формируют новую парадигму правового регулирования. Настоящая статья посвящена анализу указанных изменений, выявлению их влияния на квалификацию договорных отношений, распределение рисков и ответственности сторон, а также определению перспектив развития института транспортной экспедиции в условиях цифровой экономики.

Материалы и методы: методологическую основу работы образуют формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы научного познания.

Результаты исследования: в результате исследования установлено введение с 1 сентября 2026 г. обязательного электронного документооборота для ключевых экспедиторских документов, выявлена устойчивая тенденция судебной практики к переквалификации договоров-заявок в договоры транспортной экспедиции на основе фактической роли участника, а также обосновано существенное расширение публично-правовых обязанностей экспедиторов, включая подключение информационных систем к пункту управления ФСБ России и введение новой классификации экспедиторов в зависимости от факта принятия груза.

Выводы и заключение: договор транспортной экспедиции в 2026 г. трансформируется из частноправового инструмента в институт, пронизанный публично-правовыми элементами. Цифровизация меняет саму конструкцию договора, создавая предпосылки для унификации экспедиторских документов. Судебная практика переходит от формального анализа названия договора к оценке фактического содержания отношений. Усиление контрольных функций государства, включая подключение информационных систем экспедиторов к ФСБ, ставит вопрос о балансе безопасности и коммерческой тайны. Перспективы института связаны со стандартизацией электронного документооборота и формированием единого правового пространства в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

Ключевые слова: договор транспортной экспедиции, цифровизация, электронный документооборот, ГосЛог, судебная практика, экспедитор, ответственность, административные штрафы, место оказания услуг

Для цитирования: Негодаева Е. Г. Цифровая трансформация и публично-правовые ограничения договора транспортной экспедиции: новый этап развития института // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 64–69.

Original paper

DIGITAL TRANSFORMATION AND PUBLIC LAW RESTRICTIONS OF THE TRANSPORT EXPEDIENCE CONTRACT: A NEW STAGE IN THE DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE

Elena Georgievna Negodaeva

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in 2025–2026, the institution of transport expedition in Russian civil law underwent a fundamental transformation due to the adoption of Federal Law № 140-FZ dated June 7, 2025.

© Негодаева Е.Г., 2026

The digitalization of document management, the creation of the national digital platform GosLog, the expansion of administrative liability for freight forwarders, and the strengthening of control functions by law enforcement agencies are forming a new paradigm of legal regulation. This article aims to analyze these changes, identify their impact on the qualification of contractual relations, the distribution of risks and responsibilities between parties, and determine the prospects for the development of the transport expedition institution in the digital economy.

Materials and methods: the article is based on the formal-legal, comparative-legal, and systemic-structural methods of scientific inquiry.

Results of the study: the study revealed the introduction of mandatory electronic document management for key freight forwarding documents as of September 1, 2026, a steady trend in judicial practice towards reclassifying application contracts into transport expedition contracts based on the actual role of the participant, and a significant expansion of the public legal obligations of freight forwarders, including the connection of information systems to the FSB of Russia's control center and the introduction of a new classification of freight forwarders based on the acceptance of cargo.

Findings and conclusions: in 2026, the transport expedition contract will transform from a private law instrument into an institution with public law elements. Digitalization is changing the very structure of the contract, creating the preconditions for the unification of freight forwarding documents. Judicial practice is shifting from a formal analysis of the contract's name to an assessment of the actual content of the relationship. The strengthening of the state's control functions, including the integration of freight forwarders' information systems with the Federal Security Service, raises questions about the balance between security and commercial confidentiality. The institute's prospects are related to the standardization of electronic document management and the formation of a unified legal space within the Eurasian Economic Union (EAEU).

Keywords: freight forwarding contract, digitalization, electronic document management, GosLog, judicial practice, forwarder, liability, administrative fines, place of service provision

For citation: Negodaeva E. G. Digital Transformation and Public Law Limitations of the Freight Forwarding Contract: a New Stage in the Development of the Institute // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 64–69.

Договор транспортной экспедиции традиционно определяется как гражданско-правовая сделка, в соответствии с которой одна сторона (экспедитор) за вознаграждение принимает на себя обязательство по поручению и за счет другой стороны (клиента) оказать транспортно-экспедиционные услуги [1; 3]. Легальное определение, закрепленное в Правилах транспортно-экспедиционной деятельности, акцентирует внимание на организационной функции экспедитора: услуги по организации перевозки груза, заключению договоров перевозки, обеспечению отправки и получения груза, а также иные услуги, связанные с перевозкой [3].

Особенностью правовой конструкции договора является возможность экспедитора выступать в отношениях с перевозчиком как от своего имени, так и от имени клиента. В первом случае экспедитор приобретает статус «договорного перевозчика», становясь стороной договора перевозки и неся перед клиентом ответственность за действия фактического перевозчика [9; 10]. Во втором случае экспедитор действует в рамках агентской модели, что существенно влияет на распределение рисков и объем ответственности [8].

Доктринальное понимание договора транспортной экспедиции долгое время основывалось на его факультативном характере по отношению к договору перевозки. Однако законодательные изменения 2025–2026 гг. свидетельствуют о стремлении законодателя придать экспедиторской деятельности самостоятельное, публично значимое значение, выходящее за рамки частноправового регулирования [2; 8].

Ключевым событием 2026 года является введение обязательного транспортного электронного документооборота (ЭДО). Федеральный закон № 140-ФЗ от 7 июня 2025 г. установил, что с 1 сентября 2026 г. следующие документы подлежат оформлению исключительно в электронном виде: транспортные накладные, заказы и заявки, поручение экспедитору, экспедиторские и складские расписки, транспортные железнодорожные накладные, авиационные грузовые накладные [2; 15].

С позиции формально-юридического анализа данное нововведение предполагает ряд принципиальных изменений. Во-первых, бумажный документооборот утрачивает статус основного способа оформления отношений, связанных с перевозкой, уступая место электронным форматам. Во-вторых, законодательно закрепляется исчерпывающий перечень видов документов, которые подлежат обязательному оформлению в электронной форме. В-третьих, вводится обязательная процедура регистрации транспортных документов в Государственной информационной системе электронных перевозочных документов (ГИС ЭПД). Кроме того, устанавливается требование об аккредитации операторов информационных систем ЭПД,

которая осуществляется Министерством транспорта Российской Федерации; по сведениям на март 2026 г. соответствующую аккредитацию получили 11 операторов [15].

Особое внимание следует обратить на новое правило, касающееся использования квалифицированной электронной подписи (КЭП) при оформлении электронных документов. Согласно разъяснениям, представленным ФНС России, в тех случаях, когда подпись ставится не руководителем организации и не индивидуальным предпринимателем, а иным работником, требуется также применение машиночитаемой доверенности (МЧД), которая служит подтверждением соответствующих полномочий такого сотрудника [15]. Введение данного требования влечет за собой заметное усложнение внутрикорпоративных процедур, связанных с согласованием документации. Ранее, в аналогичных ситуациях, было достаточно использовать корпоративную электронную подпись, и оформление МЧД не являлось обязательным. В сложившихся условиях организации вынуждены адаптировать действующие подходы к наделению персонала полномочиями, а также организовать процесс оформления машиночитаемых доверенностей в отношении каждого сотрудника, который принимает участие в подписании документов [15].

С точки зрения цивилистической доктрины переход на электронный документооборот означает трансформацию требований к письменной форме сделки. Поскольку закон устанавливает императивное требование об электронной форме для перечисленных документов, их оформление на бумажном носителе может повлечь признание документа недействительным или неприемлемым для целей подтверждения факта оказания услуг. Это создает риски для участников оборота, не завершивших переход на ЭДО в установленный срок (до 1 сентября 2026 г.) [2; 15].

Анализ судебной практики 2024–2025 гг. позволяет выявить устойчивую тенденцию: суды все чаще отказываются от формальной квалификации договорных отношений на основе названия документа и переходят к оценке фактической роли участника в организации перевозки [7; 14].

Как отмечает руководитель юридической компании «Богатов групп» Сергей Богатов, «по закону исходите из того, что вы хоть как-то организуете перевозку – вы экспедитор. Вы при этом не подписываете договор на перевозку, но 140-й закон называет вас экспедитором, и суд, скорее всего, вас тоже назовет экспедитором» [14]. Особенно остро эта проблема проявляется в конфликтных ситуациях – при утрате или хищении груза суды анализируют не столько название договора, сколько фактическую роль компании в цепочке поставки [7; 11].

Высшие судебные инстанции последовательно проводят линию на расширительное толкование понятия «экспедитор». В «Обзоре судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017) указано, что наличие права грузоотправителя требовать возмещения ущерба с перевозчика само по себе не является основанием для отказа в удовлетворении требования грузоотправителя к экспедитору, если последний также несет ответственность за сохранность груза [7]. Верховный Суд РФ подчеркивает, что ответственность экспедитора может наступать независимо от того, заключен ли им договор перевозки от своего имени или от имени клиента [6; 7].

Особое значение для правоприменительной практики имеет позиция Суда по интеллектуальным правам, который в обзоре за период с 1 января 2018 г. по 30 июня 2025 г. указал на необходимость разграничения услуг по предоставлению транспортных средств (прокат) и собственно транспортно-экспедиционных услуг, имеющих разного потребителя и разные назначения [11]. Это разграничение важно для квалификации договора и определения применимого правового режима.

Федеральный закон № 140-ФЗ вводит принципиально новое деление экспедиторов на две категории в зависимости от того, принимают ли они груз к перевозке [2].

Первая категория (экспедиторы, принимающие груз): обязаны выдать клиенту экспедиторскую расписку; принимают организационные меры по выявлению предметов и веществ, запрещенных в обороте или ограниченно оборотоспособных; выдают складскую расписку в случае приема груза на складское хранение; предоставляют клиенту оригиналы или копии заключенных договоров.

Вторая категория (экспедиторы-посредники, не принимающие груз): заключают договоры от имени клиента по доверенности или от своего имени; предоставляют клиенту оригиналы или копии заключенных договоров.

При этом обязанность по проверке груза на наличие запрещенных веществ возлагается на всех экспедиторов, включая тех, кто физически не принимает груз [2]. Это создает очевидные сложности для второй категории экспедиторов, которые не имеют доступа к грузу и вынуждены полагаться на информацию клиента. Закон устанавливает жесткий срок информирования уполномоченных государственных органов о выявлении запрещенных веществ – одного часа с момента обнаружения.

Значительное расширение получили обязанности экспедиторов по взаимодействию с правоохранительными органами. Постановление Правительства РФ № 1318 от 29.08.2025

утвердило Правила взаимодействия экспедитора с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации [5]. Согласно пункту 6 этих Правил, установка, подключение и эксплуатация программно-технических средств производится экспедитором в соответствии с планом мероприятий по внедрению, разработанным уполномоченным подразделением органа федеральной службы безопасности совместно с экспедитором. В плане указываются срок ввода в эксплуатацию программно-технических средств и технические условия подключения к пункту управления уполномоченного подразделения органа ФСБ.

По сути, это означает прямое подключение информационных систем экспедитора к пункту управления ФСБ России, что предоставляет последнему непрерывный доступ и мониторинг информации экспедитора [4; 5]. Такое регулирование ставит вопрос о балансе между публичными интересами безопасности и частными интересами коммерческой тайны, а также о соответствии конституционным принципам неприкосновенности частной жизни и предпринимательской деятельности.

Закон № 140-ФЗ ввел новые составы административных правонарушений, предусмотренные статьей 11.14.3 КоАП РФ. Характерной особенностью является установление оборотных штрафов за отдельные нарушения, что существенно повышает риски для экспедиторов [2]. Оборотные штрафы исчисляются от выручки правонарушителя, что в условиях низкорентабельного логистического бизнеса может привести к банкротству даже при однократном нарушении.

В налоговой сфере важным является вопрос о месте оказания услуг при международных перевозках в рамках ЕАЭС. Согласно позиции Минфина России, изложенной в письме от 15.08.2023 № 03-07-13/1/76702, а также разъяснениям в рамках Протокола о взимании косвенных налогов в ЕАЭС, местом реализации транспортно-экспедиционных услуг признается территория государства, где исполнитель имеет место нахождения [12]. Если транспортные услуги оказывает казахстанский перевозчик, то местом реализации услуг признается территория Республики Казахстан, и российская организация не является налоговым агентом по НДС [12].

Судебная практика демонстрирует тенденцию к перекалфикации договоров-заявок в агентские договоры или договоры транспортной экспедиции при рассмотрении налоговых споров. Как отмечают эксперты, особенно пристальное внимание уделяется случаям, где выявляются схемы с так называемым «бумажным НДС» [12]. Это требует от участников оборота особой осторожности при структурировании отношений, чтобы избежать доначисления налогов и пеней.

С целью выявления направлений эволюции отечественного правового регулирования целесообразно обратиться к анализу тенденций, наблюдаемых в европейской практике. В 2026 г. на территории Европы начинают действовать новые нормативные положения, ориентированные на цифровизацию транспортно-логистической сферы и повышение ее экологической устойчивости [16]. Важным событием становится полномасштабное распространение на логистические компании Регламента ЕС об искусственном интеллекте (AI Act), который с 2026 г. начинает применяться в полном объеме. Данный акт относит к категории высокорисковых систем искусственного интеллекта широкий перечень типовых приложений, используемых в логистике, включая алгоритмы оптимизации маршрутов, системы управления автономными транспортными средствами, а также инструменты анализа эффективности работы персонала, предъявляя к их разработчикам и операторам строгие требования [16].

Одним из ключевых различий между европейской и российской моделями регулирования выступает приоритетность экологической повестки в странах ЕС. В течение 2026 г. на территории Европы вводится новая система взимания платы за передвижение грузового транспорта, которая ставится в прямую зависимость от объема выбрасываемого углекислого газа. Параллельно с этим вводится специальный налоговый сбор на выбросы CO₂, ставка которого устанавливается в диапазоне от 55 до 65 евро за каждую тонну. Кроме того, ужесточаются требования к корпоративной отчетности в сфере ESG, охватывающей экологические, социальные аспекты и вопросы корпоративного управления [16]. Совокупность перечисленных мер призвана способствовать ускоренному переходу логистической отрасли на более экологичные технологические решения, а также обеспечить более высокий уровень прозрачности в вопросах воздействия транспортного сектора на состояние окружающей среды.

Российский законодатель, напротив, делает акцент на усилении контрольных функций государства и обеспечении безопасности, практически не затрагивая экологические аспекты экспедиторской деятельности. Это свидетельствует о различных приоритетах правового регулирования в сопоставляемых правовых системах.

Учитывая существенные изменения нормативного регулирования и усиление публичного контроля, особую актуальность приобретает своевременная адаптация участников логистического рынка к новым требованиям. В этой связи участникам оборота рекомендуется завершить переход на обязательный электронный документооборот до 1 сентября 2026 г., обеспечив наличие

у сотрудников квалифицированных электронных подписей и машиночитаемых доверенностей; до 1 мая 2026 г. пройти регистрацию в реестре экспедиторов на платформе «ГосЛог»; пересмотреть договорные конструкции с учетом судебной практики переквалификации договоров-заявок в договоры транспортной экспедиции; разработать внутренние процедуры проверки грузов на предмет запрещенных веществ, а также обеспечить техническую готовность информационных систем к подключению к пункту управления ФСБ России в соответствии с Постановлением Правительства РФ № 1318.

Анализ законодательных изменений и судебной практики позволяет выделить следующие перспективные направления развития института договора транспортной экспедиции:

– завершение формирования реестра экспедиторов. С 1 марта 2026 г. вводится обязанность по регистрации в реестре уведомлений о транспортно-экспедиционной деятельности на национальной цифровой платформе «ГосЛог». Все действующие экспедиторы обязаны пройти регистрацию до 1 мая 2026 г. Отсутствие регистрации может рассматриваться как препятствие для осуществления деятельности;

– дальнейшая унификация экспедиторских документов. Правительство РФ получило полномочия определять форматы электронных экспедиторских документов, что создает предпосылки для создания единого транспортного документа, объединяющего функции поручения экспедитору, экспедиторской и складской расписки;

– возможное расширение сферы обязательного электронного документооборота на иные виды документов, связанные с перевозкой. Логика законодателя предполагает последовательный переход к полностью безбумажному документообороту в транспортной сфере;

– усиление ответственности экспедиторов, включая возможное введение уголовной ответственности за грубые нарушения правил перевозки, повлекшие тяжкие последствия.

Проведенное исследование позволяет заключить, что договор транспортной экспедиции в 2026 г. трансформируется из частноправового института в комплексный правовой режим, сочетающий элементы гражданского, административного и информационного права. Цифровизация приобретает императивный характер: электронный документооборот становится единственным допустимым способом оформления перевозочных документов. Судебная практика эволюционирует от формальной квалификации договоров к оценке фактического содержания отношений, что требует от участников оборота особого внимания к документированию своей роли в логистической цепочке. Публично-правовые обязанности экспедиторов существенно расширены и включают элементы, традиционно не свойственные гражданско-правовым отношениям, такие как подключение к системам ФСБ, локализация данных и обязанность по проверке груза. Дифференциация правового статуса экспедиторов в зависимости от факта принятия груза требует пересмотра подходов к организации бизнес-процессов и распределению рисков.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ «О транспортно-экспедиционной деятельности» (ред. от 07.06.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
2. Федеральный закон от 07.06.2025 № 140-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности» Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
3. Постановление Правительства РФ от 08.09.2006 № 554 «Об утверждении Правил транспортно-экспедиционной деятельности» Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
4. Постановление Правительства РФ от 29.08.2025 № 1317 «О порядке раскрытия информации компетентным органам» Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
5. Постановление Правительства РФ от 29.08.2025 № 1318 «Об утверждении Правил взаимодействия экспедитора с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации» Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 26 «О некоторых вопросах применения законодательства о договоре перевозки автомобильным транспортом грузов, пассажиров и багажа и о договоре транспортной экспедиции». Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
7. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договорами перевозки груза и транспортной экспедиции (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 20.12.2017). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
8. Борисов А.Н. Комментарий к Федеральному закону «О транспортно-экспедиционной деятельности» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М., 2025.
9. Кархалев Д.Н. Договор автомобильной перевозки // Право и экономика. 2024. № 2.
10. Бажина М.А. Исполнение договора перевозки с привлечением третьих лиц // Предпринимательское право. 2022. № 1.
11. Петрановский И.А. Исполнение обязательства ненадлежащему лицу // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2025. № 4, 5.
12. Столяров Д.А. НДС при заключении договора на оказание ТЭУ с иностранной компанией // Туристические и гостиничные услуги: бухгалтерский учет и налогообложение. 2023. № 3.

13. Янина С.А. Договор перевозки грузов и его применение // Аграрное и земельное право. 2024. № 12 (240).
14. RZD-Partner. Кого считать экспедитором? Суд может решить за вас. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/comments/kogo-schitat-ekspeditorom-cud-mozhet-reshit-za-vas/>. (дата обращения: 17.03.2026)
15. ФНС России. Обязательный транспортный ЭДО. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/el_doc/el_bus_entities/edotransp/ (дата обращения: 17.03.2026).
16. System Alliance Europe. Logistics in 2026: What's New for Companies in Europe. URL: <https://www.system-alliance.eu/about/>. (дата обращения: 17.03.2026)

REFERENCES

1. Federal Law № 87-FZ dated June 30, 2003 «On Freight Forwarding Activities» (as amended on June 7, 2025) // SPS «Garant».
2. Federal Law № 140-FZ dated June 7, 2025 «On Amendments to the Federal Law on Freight Forwarding Activities» // SPS «Garant».
3. Decree of the Government of the Russian Federation № 554 dated 08.09.2006 «On Approval of the Rules for Freight Forwarding Activities» // SPS «Garant».
4. Government Decree № 1317 dated 29 August 2025 «On the Procedure for Disclosing Information to Competent Authorities» // SPS «Garant».
5. Decree of the Government of the Russian Federation № 1318 dated August 29, 2025 «On Approval of the Rules for the Freight Forwarder's Interaction with Authorized State Bodies Engaged in Operational Investigative Activities or Ensuring the Security of the Russian Federation» // SPS «Garant».
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 26 dated June 26, 2018 «On Certain Issues of Applying the Legislation on the Contract for Carriage of Goods, Passengers, and Luggage by Road and the Contract for Transportation Expedition» // SPS «Garant».
7. Review of Judicial Practice on Disputes Related to Cargo Transportation and Transport Expedition Agreements (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 20, 2017) <https://www.vsrfr.ru/documents/all/26243/> // SPS «Garant».
8. Borisov A.N. Commentary on the Federal Law «On Transport and Expeditionary Activities» (by article). 2nd edition, revised. and add. M.: Yustitsinform, 2025.
9. Karkhalev D.N. The Contract of Carriage by Road // Law and Economics. 2024. № 2.
10. Bazhin M.A. Execution of the Contract of Carriage with the Involvement of Third Parties // Entrepreneurial Law. 2022. № 1.
11. Petranovsky I.A. Performance of an Obligation to an Inadequate Person // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2025. № 4, 5.
12. Stolyarov D.A. VAT when concluding a contract for the provision of TEU with a foreign company // Tourism and Hotel Services: Accounting and Taxation. 2023. № 3.
13. Yanina S. A. The Contract for the Transportation of Cargo and Its Application // Agrarian and Land Law. 2024. № 12 (240).
14. RZD-Partner. Who should be considered an экспедитор? The court may decide for you. URL: <https://www.rzd-partner.ru/logistics/comments/kogo-schitat-ekspeditorom-cud-mozhet-reshit-za-vas/> (date of access: 17.03.2026).
15. Federal Tax Service of Russia. Mandatory transport EDI. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/el_doc/el_bus_entities/edotransp/ (date of access: 17.03.2026).
16. System Alliance Europe. Logistics in 2026: What's New for Companies in Europe. URL: <https://www.system-alliance.eu/about/> (date of access: 17.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. Г. Негодаева – начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. G. Negodaeva – Head of the Department of Civil Law Disciplines, Candidate of Law, Associate Professor at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; одобрена после рецензирования 17.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 17.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 347.4

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ И ИНСТРУМЕНТОВ ФИНАНСОВОЙ ПОЛИТИКИ: ПРОБЛЕМА ДУАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

Елена Александровна Рыбалка

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
alena-61-rus@mail.ru

Введение: в статье исследуется проблема дуалистической правовой природы цифрового рубля как уникального правового феномена, сочетающего признаки объекта гражданских прав и инструмента публичной финансовой политики. На основе анализа новейшего законодательства, включая Указание Банка России от 8 октября 2025 г. № 7203-У, и формирующейся правоприменительной практики, обосновывается тезис о том, что цифровой рубль не укладывается в классическую дихотомию частного и публичного права. Выявлены доктринальные противоречия в квалификации цифрового рубля, проанализированы коллизии между гражданско-правовым режимом имущества и публично-правовыми механизмами контроля. Предложена авторская концепция «гибридного правового режима» цифрового рубля и сформулированы рекомендации по совершенствованию законодательства, направленные на снятие выявленных противоречий.

Материалы и методы: эмпирическую и нормативную базу исследования составили четыре группы источников.

1. Нормативные правовые акты и иные официальные документы. В ходе исследования проанализированы Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая), Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля», а также Указание Банка России от 8 октября 2025 г. № 7203-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 3 августа 2023 года № 820-П «О платформе цифрового рубля»». Указанные акты исследовались в действующей редакции с учетом официальных публикаций и регистрационных данных Министерства юстиции Российской Федерации.

2. Материалы официального толкования и разъяснения. Использованы официальные комментарии и интервью представителей Банка России, в том числе интервью Ларисы Павловой информационному агентству «Время Н» (июль 2025 г.), содержащее позицию регулятора по вопросам защиты информации об операциях с цифровыми рублями.

3. Научная литература. Проанализированы рецензируемые научные публикации по проблематике цифрового рубля, включая работы Е.С. Сагалаевой и Л.Э. Боташевой, Самородова Д.А. и М.С. Мережкиной, Е.С. Витовской, Е.В. Караваевой и Р.Р. Байбурина, опубликованные в ведущих российских журналах в 2024–2025 гг.

4. Аналитические материалы профессиональных сообществ. Использована статья Ассоциации юристов России «Цифровой рубль после 7203-У» (2025 г.), содержащая экспертный анализ изменений регулирования цифрового рубля.

Результаты исследования: предложена концепция гибридного правового режима цифрового рубля, разрешающая противоречие между его частноправовой и публично-правовой природой на основе трехуровневой модели регулирования.

Выводы и заключения: цифровой рубль представляет собой уникальный правовой феномен, требующий выработки новых доктринальных подходов к пониманию природы денег, границ государственного вмешательства в частные отношения и механизмов обеспечения баланса публичных и частных интересов в цифровой среде. Предложенная в статье концепция гибридного правового режима создает теоретическую основу для дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики в сфере цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта центрального банка, объекты гражданских прав, дуалистическая правовая природа, финансово-правовое регулирование, платформа цифрового рубля, гибридный правовой режим

Для цитирования: Рыбалка Е. А. Цифровой рубль в системе объектов гражданских прав и инструментов финансовой политики: проблема дуалистической правовой природы // Юрист-Правоведь : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 70–76.

Original paper

THE DIGITAL RUBLE IN THE SYSTEM OF CIVIL RIGHTS AND FINANCIAL POLICY INSTRUMENTS: THE PROBLEM OF A DUALISTIC LEGAL NATURE

Elena Alexandrovna Rybalka

Rostov Law Institute of the Ministry of International Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the problem of the dualistic legal nature of the digital ruble as a unique legal phenomenon combining the features of an object of civil rights and an instrument of public financial policy. Based on the analysis of the latest legislation, including the Bank of Russia's Instruction № 7203-U dated October 8, 2025, and emerging law enforcement practice, the thesis is substantiated that the digital ruble does not fit into the classical dichotomy of private and public law. Doctrinal contradictions in the qualification of the digital ruble have been identified, and conflicts between the civil law regime of property and public law control mechanisms have been analyzed. The author's concept of a «ybrid legal regime» of the digital ruble is proposed and recommendations for improving legislation aimed at removing the identified contradictions are formulated.

Materials and methods: the empirical and normative base of the study was made up of four groups of sources.

1. Regulatory legal acts and other official documents. The study analyzed the Civil Code of the Russian Federation (Part One), Federal Law № 340-FZ dated July 24, 2023 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation», Regulation of the Bank of Russia dated August 3, 2023 № 820-P «On the Digital Ruble Platform», as well as the Instruction of the Bank of Russia dated October 8, 2025, № 7203-U «On Amendments to the Regulation of the Bank of Russia dated August 3, 2023, № 820-P «On the Digital Ruble Platform». These acts were studied in the current version, taking into account official publications and registration data of the Ministry of Justice of the Russian Federation.

2. Materials of official interpretation and clarification. The official comments and interviews of representatives of the Bank of Russia were used, including an interview with Larisa Pavlova to the Vremya N news agency (July 2025), containing the regulator's position on the protection of information on transactions with digital rubles.

3. Scientific literature. The peer-reviewed scientific publications on the digital ruble are analyzed, including the works of E.S. Sagalaeva and L.E. Botasheva, D.A. Samorodov and M.S. Merezhkina, Vitovskaya E.S., E.V. Karavaeva and R.R. Baiburin, published in leading Russian journals in 2024-2025.

4. Analytical materials of professional communities. The article of the Russian Bar Association «The Digital Ruble after 7203» (2025) was used, which contains an expert analysis of changes in the regulation of the digital ruble.

Results of the study: the concept of a hybrid legal regime of the digital ruble is proposed, resolving the contradiction between its private-law and public-law nature on the basis of a three-level regulatory model.

Findings and conclusions: the digital ruble is a unique legal phenomenon that requires the development of new doctrinal approaches to understanding the nature of money, the boundaries of government intervention in private relations, and mechanisms for balancing public and private interests in the digital environment. The concept of a hybrid legal regime proposed in the article creates a theoretical basis for further improvement of legislation and law enforcement practice in the field of the digital ruble.

Keywords: digital ruble, central bank digital currency, objects of civil rights, dualistic legal nature, financial and legal regulation, digital ruble platform, hybrid legal regime

For citation: Rybalka E. A. The digital ruble in the system of civil rights and financial policy instruments: the problem of a dualistic legal nature // Yurist-Pravoved' : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 70–76.

Внедрение цифрового рубля знаменует собой принципиально новый этап в развитии не только финансовой системы, но и всей системы права России. Как справедливо отмечается в юридической литературе, цифровой рубль становится «третьей формой российской национальной валюты»

наряду с наличной и безналичной [6]. Однако за внешней простотой этой формулы скрывается глубокое концептуальное противоречие: один и тот же феномен одновременно выступает объектом частноправовых отношений (имущество, средство платежа, объект наследования и взыскания) и инструментом реализации публичной финансовой политики (средство контроля за денежными потоками, обеспечения финансовой безопасности, реализации суверенной денежной эмиссии).

Осень 2025 года стала переломным моментом для правового режима цифрового рубля. Принятие Указания Банка России от 8 октября 2025 г. № 7203-У, которым существенно переработано Положение о платформе цифрового рубля № 820-П, зафиксировало переход «от тестовой и инфраструктурной логики к режиму жесткого нормативного администрирования» [12]. Этот документ, по точному замечанию практикующих юристов, «не выглядит революционным на уровне лозунгов, но именно такие, на первый взгляд, технические правки обычно и формируют новую правоприменительную реальность» [12].

Цель данного исследования заключается в выявлении и анализе дуалистической правовой природы цифрового рубля, определении коллизий между его частноправовыми и публично-правовыми характеристиками, а также в обосновании путей разрешения выявленных противоречий в рамках единой правовой концепции.

Правовое регулирование цифрового рубля в Российской Федерации прошло несколько этапов. Первоначально в Концепции цифрового рубля Банка России 2021 г. новая форма валюты позиционировалась преимущественно как технологическая инновация. Принятие Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» заложило основу для внедрения цифрового рубля, внося изменения в Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон «О национальной платежной системе» и другие нормативные акты.

Однако именно подзаконное регулирование, прежде всего Положение Банка России от 3 августа 2023 г. № 820-П «О платформе цифрового рубля», определило конкретные механизмы функционирования цифровой валюты. Важнейшим этапом стало принятие Указания Банка России от 8 октября 2025 г. № 7203-У, которое, по оценкам экспертов Ассоциации юристов России, «существенно переработало Положение о платформе цифрового рубля» [12].

Анализ Указания № 7203-У позволяет выделить ряд содержательных новаций, определяющих правовой режим цифрового рубля.

Во-первых, законодатель отказался от ранее использовавшейся конструкции «обеспечивает исполнение распоряжений», заменив ее формулой «исполняет распоряжения». Как верно замечено в юридической литературе, данное изменение «в юридическом смысле принципиально», поскольку Банк России «перестает позиционировать себя как нейтрального оператора инфраструктуры и прямо принимает на себя роль субъекта, совершающего юридически значимые действия» [12]. Следствием такой трансформации становится переход регулятора из позиции «арбитра» в статус непосредственного участника правоотношений, что закономерно актуализирует проблематику ответственности за неисполнение либо ненадлежащее исполнение операций по счетам цифрового рубля.

Во-вторых, нормативным актом существенно расширены процессуальные возможности взыскателей за счет включения в перечень допустимых форм подачи распоряжений заявлений на бумажном носителе. Указанная новелла наглядно свидетельствует о стремлении регулятора сохранить преемственность правового регулирования, не допуская выведения цифрового рубля за рамки «классических институтов исполнительного производства и наследственного права» [12]. Цифровая валюта, таким образом, последовательно включается в орбиту действия традиционных правовых институтов, опосредующих обращение взыскания, возврат денежных сумм, наследственное правопреемство и компенсационные выплаты.

В-третьих, ужесточение требований к идентификации пользователей: обязательное предоставление ИНН и СНИЛС, регистрация в ЕСИА, получение ключей электронной подписи. Это формирует, по оценкам специалистов, «предельно персонифицированную модель использования цифрового рубля», которая является «самой прозрачной формой безналичных расчетов в российской юрисдикции» [12].

В-четвертых, закрепление правила об одном счете цифрового рубля для каждого пользователя в зависимости от его правового статуса, что «исключает возможность операционного маневрирования через несколько счетов» [12].

Вопрос о месте цифрового рубля в системе объектов гражданских прав, установленной статьей 128 Гражданского кодекса РФ, является дискуссионным. Витовская Е.С. справедливо указывает на необходимость разграничения денег и денежных средств, а также на проблему применения вещного подхода к деньгам в условиях цифровизации. Таким образом целесообразно сделать вывод о том, что «не следует игнорировать эволюцию понятия денег и подгонять современные явления под классическую систему гражданского права», что «вызывает

необходимость обеспечения вхождения денег (в наличной, безналичной и цифровой форме) в объем понятия «имущество» как самостоятельного имущественного блага» [11].

Самородов Д.А. и Мережкина М.С., анализируя понятие цифрового рубля, приходят к выводу о его двойственной природе: цифровой рубль сочетает признаки:

- 1) объекта гражданских прав;
- 2) формы валюты Российской Федерации, используемой для расчетов в порядке и на условиях, предусмотренных нормами отечественного банковского и валютного законодательства, а также законодательства о национальной платежной системе России [10].

В доктрине высказываются различные позиции относительно квалификации цифрового рубля. Одни авторы рассматривают его как разновидность безналичных денежных средств, другие – как самостоятельный объект гражданских прав, третьи – как цифровые права в смысле ст. 141.1 ГК РФ. Представляется, что цифровой рубль обладает спецификой, не позволяющей отождествить его ни с одной из существующих категорий.

Сагалаева Е.С. и Боташева Л.Э., исследуя публично-правовые и частноправовые начала в регулировании цифровой валюты, обосновывают тезис о двойственной правовой природе цифрового рубля. Эта двойственность, по их мнению, «проявляется в том, что цифровой рубль является объектом финансового права, как национальная цифровая валюта, эмитируемая Банком России, с другой стороны, обязательственная природа цифрового рубля, отражающаяся в положениях частного права и Федерального закона «О национальной платежной системе» [9].

Публично-правовая составляющая включает:

- эмиссионный суверенитет государства (исключительное право Банка России на эмиссию цифровых рублей);
- функцию денежно-кредитного регулирования;
- механизмы финансового мониторинга и противодействия легализации доходов;
- возможность принудительного ограничения доступа к платформе по основаниям, предусмотренным законодательством о противодействии легализации доходов.

Как отмечается в литературе, «доступ к цифровому рублю перестает быть технической опцией и превращается в юридически обусловленное право, зависящее от комплаенс-профиля пользователя» [12].

Тем не менее, анализ действующего законодательства позволяет выявить ряд объективных противоречий в регулировании цифрового рубля.

Первое противоречие касается правового режима цифрового рубля как объекта взыскания. С одной стороны, как показано выше, регулятор последовательно встраивает цифровой рубль в систему исполнительного производства. С другой стороны, высокая степень персонификации и централизованный контроль создают предпосылки для формирования особого режима обращения, где традиционные гарантии прав кредиторов могут вступать в конфликт с публичными интересами.

Второе противоречие связано с распределением ответственности. В случае сбоев в работе платформы, ошибок при совершении операций или несанкционированного доступа возникает вопрос: несет ли Банк России ответственность как оператор платформы и если да, то в каком объеме? Замена формулировки «обеспечивает исполнение» на «исполняет», зафиксированная в Указании № 7203-У, создает предпосылки для признания Банка России непосредственным участником правоотношений, однако пределы его ответственности остаются неопределенными.

Третье противоречие касается баланса между прозрачностью операций и банковской тайной. Как заявляют представители Банка России, «объем информации об операциях с цифровыми рублями не больше того, что уже установлен для операций с безналичными деньгами. Сведения о цифровых рублях и их балансе на цифровых кошельках защищены банковской тайной точно так же, как и информация по счетам в банках» [6]. Однако сама архитектура платформы, предполагающая концентрацию информации о всех операциях у единого оператора – Банка России, объективно создает риски повышенной прозрачности.

Караваева Е.В. и Байбурун Р.Р., исследуя институциональные аспекты внедрения цифрового рубля, приходят к выводу, что «доминирование директивных управленческих моделей, слабая правовая определенность, ограниченность регуляторного эксперимента и недостаточный уровень доверия формируют неблагоприятный институциональный ландшафт, в рамках которого цифровой рубль рискует остаться формально внедренным, но практически невостребованным инструментом».

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровой рубль представляет собой правовой феномен, не укладывающийся в классическую дихотомию частного и публичного права. Это обусловлено некоторыми факторами.

Субъектный состав: Банк России, являясь публично-правовым институтом, выступает непосредственным участником частноправовых отношений на платформе цифрового рубля.

Объектные характеристики: Цифровой рубль как имущество (объект гражданских прав) одновременно является инструментом реализации денежно-кредитной политики (публичная функция).

Режимные особенности: оборот цифрового рубля регулируется как нормами гражданского законодательства (о договорах, сделках, обязательствах), так и нормами финансового и административного права (о валютном регулировании, противодействии легализации доходов).

На этой основе предлагается концепция гибридного правового режима цифрового рубля, под которым понимается особый порядок правового регулирования, сочетающий элементы частноправового и публично-правового воздействия на отношения, связанные с эмиссией, обращением и погашением цифровой валюты центрального банка, при сохранении специфики, не позволяющей свести его полностью ни к одной из традиционных отраслей права.

Гибридный правовой режим цифрового рубля включает три уровня регулирования:

I. Конституционный – закрепляет денежный суверенитет государства, определяет статус национальной валюты и полномочия Банка России по ее эмиссии и защите.

II. Отраслевой (частноправовой) – определяет место цифрового рубля в системе объектов гражданских прав, особенности совершения сделок, наследования, обращения взыскания.

III. Функциональный (публично-правовой) – устанавливает механизмы контроля и надзора, требования к идентификации, правила финансового мониторинга, порядок приостановления и ограничения доступа.

Предложенная концепция выполняет несколько взаимосвязанных функций. Она позволяет:

- дать адекватное объяснение правовой специфике цифрового рубля, избегая его насильственной «подгонки» под традиционные юридические конструкции;
- доказать обоснованность сочетания императивных и диспозитивных регуляторов в границах одного правового института;
- установить разграничительные линии между частноправовыми и публично-правовыми регуляторами;
- создать необходимые теоретические предпосылки для устранения противоречий между нормами различных отраслей права.

Переходя к вопросам имплементации, следует отметить, что внедрение цифрового рубля запланировано регулятором в три этапа. Первый этап (с 1 сентября 2026 г.) ориентирован на крупнейшие банки и торговые сети с выручкой свыше 120 млн рублей. Второй этап (до 1 сентября 2027 г.) распространяется на банки с универсальной лицензией и продавцов с выручкой от 30 млн рублей. Третий этап (до 1 сентября 2028 г.) охватывает всех остальных участников с выручкой от 20 млн рублей [6].

Развитие платформы не ограничивается лишь подключением новых пользователей. Одновременно прогнозируется расширение ее функционала: от внедрения смарт-контрактов до реализации в обозримом будущем автономных режимов функционирования при отсутствии интернет-соединения.

Важно учитывать, что цифровой рубль является частью глобального процесса внедрения цифровых валют центральных банков (CBDC). По состоянию на май 2025 г. официальный запуск цифровых денег осуществлен на Багамских островах («Sand Dollar»), в Нигерии («eNaira»), Зимбабве («ZiG») и на Ямайке («JamDex») [11].

Более того, как отмечает Т. Аитов, «цифровой рубль – это прежде всего международный проект». В рамках инициативы Банка международных расчетов (BIS) формируется концепция единой платформы для трансграничных расчетов в CBDC. «Если CBDC будут находиться на этой платформе, а платформы в странах-участниках проекта будут определенным образом сопряжены между собой, проблемы мгновенных трансграничных переводов будут решены» [10].

Обобщение результатов исследования позволяет предложить ряд мер, направленных на развитие законодательства в рассматриваемой сфере.

1. Целесообразно внести в Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» легальную дефиницию цифрового рубля, закрепив в ней указание на двойственный характер данной категории, выступающей одновременно объектом гражданских прав и инструментом реализации финансовой политики государства [10].

2. Требуется конкретизировать объем и пределы ответственности Банка России за неосуществление либо ненадлежащее осуществление операций с цифровыми рублями, в том числе в ситуациях, обусловленных техническими сбоями или противоправными действиями третьих лиц.

3. Необходимо разработать и законодательно закрепить процедурные механизмы, обеспечивающие защиту прав пользователей в случаях ограничения их доступа к платформе цифрового рубля. Указанные механизмы должны включать как досудебные (административные) способы обжалования, так и последующий судебный контроль.

4. Следует модернизировать нормативные положения о банковской тайне применительно к цифровому рублю, установив исчерпывающий перечень оснований и четкие пределы доступа государственных органов к соответствующей информации.

5. Важно сформировать правовую основу для применения смарт-контрактов в обороте цифровых рублей, определив их юридическую природу, условия действительности и порядок исполнения.

Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд обобщающих выводов.

Цифровой рубль характеризуется дуалистической правовой природой: ему в равной мере присущи свойства объекта гражданских прав и качества инструмента публичной финансовой политики. Указанная двойственность представляет собой не конъюнктурное или временное явление, а имманентную характеристику цифровой валюты, эмитируемой центральным банком.

Изучение изменений в нормативных правовых актах, в особенности Указания Банка России от 8 октября 2025 г. № 7203-У, позволяет проследить устойчивую тенденцию к усилению публично-правовых компонентов в регулировании цифрового рубля. При этом частноправовой функционал данной категории сохраняется в полном объеме, что порождает необходимость поиска баланса между разнородными регуляторными подходами.

Выявленные коллизии между частноправовыми и публично-правовыми элементами регулирования требуют разрешения на основе концепции гибридного правового режима, которая позволяет учесть специфику цифрового рубля без «насилованного» подведения его под традиционные отраслевые категории.

Дальнейшее развитие законодательства должно быть направлено на обеспечение баланса между публичными интересами (финансовый контроль, денежно-кредитная политика) и частными правами пользователей (свобода распоряжения, защита от неправомерных ограничений, банковская тайна).

Международное измерение цифрового рубля требует учета зарубежного опыта внедрения CBDC и участия в формировании единых стандартов трансграничных расчетов в цифровых валютах центральных банков.

Цифровой рубль перестает быть технологическим экспериментом и становится пространством повышенной юридической ответственности, где переплетаются публичное право, финансовое регулирование и защита частных интересов. Для юридической науки и практики это означает необходимость выработки новых подходов к пониманию природы денег, границ государственного вмешательства в частные отношения и механизмов обеспечения баланса публичных и частных интересов в цифровой среде.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ: принят Государственной Думой 21 окт. 1994 г.: в ред. Федерального закона от 24.07.2023 № 339-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 16.03.2026).

2. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (принят ГД ФС РФ 13.07.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240050> (дата обращения: 16.03.2026).

3. Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля» (Зарегистрировано в Минюсте России 05.12.2023 № 76289) // Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 16.03.2026).

4. Указание Банка России от 08.10.2025 № 7203-У «О внесении изменений в Положение Банка России от 3 августа 2023 года № 820-П «О платформе цифрового рубля» (Зарегистрировано в Минюсте России 23.01.2026 № 85031) // Официальный сайт Банка России. URL: <http://www.cbr.ru/> (дата обращения: 16.03.2026).

5. Витовская Е.С. Актуальные вопросы гражданско-правового значения цифрового рубля // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2025. № 10.

6. Интервью Ларисы Павловой информационному агентству «Время Н» // Банк России. 17 июля 2025 г. URL: <https://cbr.ru/press/regevent?id=60507> (дата обращения: 16.03.2026).

7. Караваева Е.В., Байбури Р.Р. Цифровые деньги: определение и функции // Проблемы современной экономики. 2024. № 3 (91).

8. Комахин Б.Н. Коллизии регулирования цифрового рубля // Административное право и процесс. 2025. № 3.

9. Сагалаева Е.С., Боташева Л.Э. Публично-правовые и частно-правовые начала в регулировании цифровой валюты // Гуманитарные и юридические исследования. 2024. Т. 11. № 2.

10. Самородов Д.А., Мережкина М.С. Цифровой рубль как объект правового регулирования в Российской Федерации: понятие и перспективы применения // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2024. № 4 (44).
11. Цифровой рубль – проект прежде всего международный // PLUSworld.ru. 2026. 29 января. URL: <https://plusworld.ru/articles/detail.php?CODE=tsifrovoy-rubl-proekt-prezhde-vsego-mezhdunarodnyy> (дата обращения: 16.03.2026).
12. Цифровой рубль после 7203-У // Ассоциация юристов России. 2025. URL: <https://alrf.ru/articles/tsifrovoy-rubl-posle-7203-u/#menu-item-1> (дата обращения: 16.03.2026).

REFERENCES

1. The Civil Code of the Russian Federation (Part one) of 11/30/1994 № 51-FZ: adopted by the State Duma on October 21, 1994: as amended. Federal Law № 339-FZ dated 07/24/2023 // Official Internet portal of legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru/> (date of access: 16.03.2026).
2. Federal Law № 340-FZ dated 07/24/2023 «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» (adopted by the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation on 13.07.2023) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202307240050> (date of access: 16.03.2026).
3. Regulation of the Bank of Russia dated 03.08.2023 № 820-P «On the Digital Ruble Platform» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 05.12.2023 № 76289) // Official website of the Bank of Russia. URL: <http://www.cbr.ru/> (date of access: 16.03.2026).
4. Instruction of the Bank of Russia dated 10/08/2025 № 7203-U «On Amendments to the Regulation of the Bank of Russia dated August 3, 2023 № 820-P «On the Digital Ruble Platform» (Registered with the Ministry of Justice of Russia on 23.01.2026 № 85031) // Official website of the Bank of Russia. URL: <http://www.cbr.ru/> (date of access: 16.03.2026).
5. Vitovskaya E.S. Actual Issues of the Civil Law Significance of the Digital Ruble // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Economics and Law. 2025. № 10.
6. Interview with Larisa Pavlova for the Vremya N news agency // Bank of Russia. July 17, 2025. URL: <https://cbr.ru/press/regevent?id=60507> (date of access: 16.03.2026).
7. Karavaeva E.V., Bayburin R.R. Digital Money: Definition and Functions // Problems of Modern Economics. 2024. № 3 (91).
8. Komakhin B.N. Collisions in the Regulation of the Digital Ruble // Administrative Law and Procedure. 2025. № 3.
9. Sagalaeva E.S., Botasheva L.E. Public and Private Legal Principles in the Regulation of Digital Currency // Humanitarian and Legal Research. 2024. Vol. 11. № 2.
10. Samorodov D.A., Merezhkina M.S. The Digital Ruble as an Object of Legal Regulation in the Russian Federation: Concept and Prospects of Application // Bulletin of the Moscow University named after S. Yu. Witte. Series 2: Legal Sciences. 2024. № 4 (44).
11. The Digital Ruble is Primarily an International Project // PLUSworld.ru. 2026. January 29. URL: <https://plusworld.ru/articles/detail.php?CODE=tsifrovoy-rubl-proekt-prezhde-vsego-mezhdunarodnyy> (date of access: 16.03.2026).
12. The Digital Ruble after 7203-U // Russian Lawyers Association. 2025. URL: <https://alrf.ru/articles/tsifrovoy-rubl-posle-7203-u/#menu-item-1> (date of access: 16.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. А. Рыбалка – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. A. Rybalka – Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 17.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 17.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 347.9:004

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПОВ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ЭЛЕКТРОННОМ ПРАВОСУДИИ

Наталья Владимировна Федоренко¹, Алексей Сергеевич Кострюков²

^{1,2}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ) Ростов-на-Дону, Российская Федерация

¹gr_process38@mail.ru

²alex.ostra@yandex.ru

Введение: статья посвящена анализу воздействия электронного правосудия на применение основополагающих принципов гражданского процесса. Рассматриваются теоретико-правовые основы принципов гражданского процесса и их трансформация под воздействием информационного развития общества и правосудия. Проанализированы примеры судебной практики, иллюстрирующие, как новые технологии способствуют или наоборот создают пробелы реализации принципов судопроизводства. Проведен обзор изменений нормативно-правовой базы, направленных на внедрение информационно-коммуникационных технологий в деятельность судов и сделан вывод о том, что цифровые технологии при надлежащем применении способны повысить эффективность правосудия и обеспечить дополнительные гарантии соблюдения процессуальных принципов.

Материалы и методы: методологическую основу исследования составили принципы научной объективности, системности и юридической достоверности. В качестве основных методов использовались:

– формально-юридический метод – для анализа нормативных правовых актов, регулирующих принципы гражданского судопроизводства в условиях цифровизации (Конституция РФ, ГПК РФ, АПК РФ, ФЗ № 63-ФЗ от 06.04.2011, ФЗ № 440-ФЗ от 30.12.2021 и др.);

– сравнительно-правовой анализ – при сопоставлении традиционного понимания процессуальных принципов с их цифровыми реализациями (например, принцип гласности в условиях видеоконференц-связи);

– историко-правовой метод – для выявления этапов становления и трансформации принципов гражданского процесса от советского периода до цифровой эры;

– системный и структурно-функциональный подход – для выявления взаимосвязи между цифровыми технологиями и фундаментальными принципами правосудия;

– доктринальный анализ – на основе трудов М.К. Треушникова, В.В. Яркова, С.Н. Абрамова, Боннера А.Т. и других авторов.

Результаты исследования: выявлено, что цифровизация влияет не только на форму основополагающих дефиниций, но и на реализацию ключевых принципов гражданского судопроизводства – таких как состязательность, равноправие сторон, гласность, доступ к правосудию и судебная защита. Цифровая трансформация обострила проблемы правового регулирования электронных процедур, особенно в части идентификации сторон, допустимости цифровых доказательств и обеспечения открытости судебной информации. Отдельное внимание заслуживает деформация обеспечения непосредственности при онлайн-заседаниях. Практика судов и подходы правоведов показывают потребность в актуализации принципов через призму цифровой реальности.

Выводы и заключения: принципы гражданского процесса продолжают выполнять основополагающую регулятивную и гарантийную функцию, несмотря на трансформацию процессуальных форм. Однако их содержание требует динамической адаптации к новым условиям функционирования цифрового правосудия. Для этого необходимо не только обновление законодательства, но и развитие судебной практики, ориентированной на сохранение баланса между технологичностью и справедливостью. Разработка доктрины «цифрового процессуального принципа» может стать важным направлением будущих исследований.

Ключевые слова: гражданский процесс, цифровизация, электронное правосудие, процессуальные принципы, судопроизводство, судебная трансформация

Для цитирования: Федоренко Н. В., Кострюков А.С. Проблемы реализации принципов гражданского процесса в электронном правосудии // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 77–82.

Original paper

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE PRINCIPLES OF THE CIVIL PROCESS
IN ELECTRONIC JURISDICTIONNatalia Vladimirovna Fedorenko¹, Alexey Sergeevich Kostryukov²^{1,2}Rostov State University of Economics (RINH) Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to the analysis of the impact of electronic justice on the application of the fundamental principles of the civil process. The article examines the theoretical and legal foundations of the principles of the civil process and their transformation under the influence of the information development of society and justice. The article analyzes examples of judicial practice that illustrate how new technologies contribute to or create gaps in the implementation of the principles of legal proceedings. The article provides an overview of changes in the regulatory framework aimed at introducing information and communication technologies into the activities of courts, and concludes that digital technologies, when properly implemented, can enhance the efficiency of justice and provide additional guarantees for the observance of procedural principles.

Materials and methods: the study was based on the principles of scientific objectivity, systematicity, and legal reliability. The main methods used were: formal legal method – for analyzing regulatory legal acts that regulate the principles of civil proceedings in the context of digitalization (Constitution of the Russian Federation, Civil Procedure Code of the Russian Federation, Arbitration Procedure Code of the Russian Federation, Federal Law № 63-FZ dated April 6, 2011, Federal Law № 440-FZ dated December 30, 2021, etc.); comparative legal analysis – when comparing the traditional understanding of procedural principles with their digital implementations (for example, the principle of publicity in the context of video conferencing); historical and legal method – to identify the stages of formation and transformation of the principles of the civil process from the Soviet period to the digital era; systemic and structural-functional approach – to identify the relationship between digital technologies and the fundamental principles of justice; doctrinal analysis – based on the works of M.K. Treushnikov, V.V. Yarkov, S.N. Abramov, A.T. Bonner, and other authors.

Results of the study: it has been revealed that digitalization affects not only the procedural form, but also the implementation of key principles of civil proceedings, such as adversarial proceedings, equality of the parties, publicity, access to justice, and judicial protection. Digital transformation has exacerbated the problems of legal regulation of electronic procedures, especially in terms of the identification of parties, the admissibility of digital evidence, and ensuring the openness of judicial information. Special attention should be paid to the distortion of the principle of directness in online proceedings. The practice of courts and the approaches of legal scholars demonstrate the need to update the principles through the lens of digital reality.

Findings and conclusions: the principles of the civil process continue to perform a fundamental regulatory and guarantee function, despite the transformation of procedural forms. However, their content requires dynamic adaptation to the new conditions of digital justice. This requires not only the updating of legislation, but also the development of judicial practice that focuses on maintaining a balance between technology and justice. The development of the doctrine of the “digital procedural principle” could be an important area for future research.

Keywords: civil process, digitalization, electronic justice, procedural principles, legal proceedings, and judicial transformation

For citation: Fedorenko N. V., Kostryukov A. S. Problems of implementing the principles of the civil process in electronic justice // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 77–82.

Принципы цивилистического процесса – это исходные, руководящие нормативные положения, выражающие наиболее важные идеи, на которых строится деятельность суда и участников процесса при рассмотрении и разрешении гражданских дел. К числу классических принципов относятся, а именно законность и соблюдение правосудия только судом, независимость судей, равенство всех перед законом и судом, состязательность и равноправие сторон, диспозитивность (инициатива и контроль сторон за развитием процесса), гласность (открытость судебного разбирательства), язык судопроизводства, непосредственность исследования доказательств, устность и непрерывность судебного разбирательства и др. Данные начала закреплены в гражданском и арбитражном процессуальных кодексах РФ и направлены на обеспечение справедливого, эффективного и прозрачного судопроизводства.

В условиях стремительной цифровизации многие исследователи отмечают, что информационно-коммуникационные технологии могут стать инструментом для более полной реализации указанных принципов. Электронное правосудие традиционно определяется как особый способ осуществления правосудия, основанный на использовании современных цифровых технологий и обеспечивающий гласность, открытость и доступность судебного

процесса [1, с. 175]. Другими словами, внедрение электронных систем должно способствовать укреплению таких фундаментальных принципов как открытость судопроизводства, прозрачность правосудия и доступ граждан к судебной защите. Так, по мнению отдельных авторов, электронное правосудие выступает проводником между обществом и судебной властью, создающим более доступные и удобные способы реализации права на суд и тем самым развивающим основные начала правосудия [2, с. 201].

Действительно, цифровые технологии при грамотном использовании способны усилить действие ряда принципов. Принцип гласности и открытости судебного разбирательства получает новое развитие благодаря интернет-технологиям. Согласно ст. 10 ГПК РФ разбирательство дел происходит открыто и сегодня исполнение этой нормы обеспечивается публикацией информации о деятельности судов в сети Интернет в соответствии с установленными требованиями¹. Эта мера существенно повысила прозрачность правосудия. Теперь любые заинтересованные лица могут получить доступ к судебным решениям и информации о ходе дел удаленно, что ранее было затруднительно или требовало личного присутствия. Показательно, что во всех арбитражных судах уже многие годы действует Картотека арбитражных дел, где в открытом доступе публикуются тексты судебных актов по делам арбитражной юрисдикции (за исключением случаев, когда дело слушалось в закрытом режиме). Это позволяет сторонам процесса и обществу оперативно узнавать о движении дела, реализуя принцип гласности и публичности правосудия. Суды общей юрисдикции также выполняют требования по опубликованию решений – в системе ГАС «Правосудие» формируются электронные банки судебных актов, доступные через официальные сайты судов.

Внедрение элементов электронного правосудия заметно изменило практику отправления правосудия по гражданским делам. Нормативное закрепление электронных процедур произошло постепенно, по мере развития технологий. Одним из первых шагов стало использование электронного документооборота для уведомления участников процесса. Сегодня суды общей юрисдикции используют Государственную автоматизированную систему «Правосудие» (ГАС «Правосудие») для отправки повесток и сообщений в электронном виде, а арбитражным судам – систему «Мой Арбитр». Это нововведение направлено на реализацию принципа процессуальной экономии и доступности – электронные уведомления значительно ускоряют коммуникацию с участниками по сравнению с традиционной почтой. Кроме того, автоматизированная фиксация времени и факта доставки электронного сообщения обеспечивает дополнительную гарантию надлежащего уведомления, снимая споры о получении повестки. В настоящее время законодательством установлено, что участник, согласившийся на электронное уведомление через портал госуслуг, считается извещенным надлежащим образом при наличии подтверждения доставки сообщения.

Электронный документооборот затронул и сам процесс представления доказательств и материалов. Теперь суды все чаще работают с электронными копиями документов, электронными доказательствами (включая переписку электронной почты, цифровые фотографии, видео и т. д.). Принцип непрерывности и концентрации судебного разбирательства выигрывает от того, что необходимые материалы могут быть мгновенно переданы в зал заседания через электронные системы, не требуется откладывать слушание для предоставления бумажных доказательств. Однако остро встал вопрос об обеспечении подлинности и достоверности электронных материалов. Не все судьи и адвокаты изначально были готовы доверять цифровым документам. На практике отмечались случаи, когда судьи отказывались учитывать доказательства, представленные в электронной форме, сомневаясь в возможности проверить их подлинность. Это указывает на проблему недостаточной технической и методической подготовленности кадров. Для сохранения действия принципа допустимости и надежности доказательств были введены требования электронной подписи. Как уже отмечалось, документы, направляемые через официальные системы, должны быть заверены усиленной квалифицированной электронной подписью либо иной предусмотренной законом усиленной электронной подписью. Такой механизм юридически приравнивает электронный документ к бумажному оригиналу, обеспечивая его аутентификацию.

Кроме того, развиваются технологии проверки целостности файлов, фиксации метаданных и времени отправки, которые в совокупности позволяют удостовериться, что электронное доказательство не было подделано или изменено в процессе передачи.

Таким образом, принцип достоверности (истинности) доказательств поддерживается новыми техническими средствами контроля.

В судебных заседаниях происходят самые заметные изменения: не редкость ситуация, когда одна из сторон участвует в слушании по видеоконференц-связи из другого города или даже из дома. Закон теперь прямо допускает проведение заседаний в режиме веб-конференции с использованием личных средств связи (компьютеров, смартфонов) при условии обеспечения идентификации личности участника и соблюдения процедурных правил. Для идентификации удаленного участника применяются государственные информационные системы – Единая система идентификации и аутентификации (ЕСИА, используемая на портале госуслуг) или даже Единая биометрическая система. Это новшество позволяет реализовать право на участие в процессе широкой категории лиц, тем самым подкрепляя принцип доступности правосудия.

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532. Ст. 10.

Однако одновременно в профессиональном сообществе возникла дискуссия о влиянии дистанционного формата на принцип устности и непосредственности. Некоторые эксперты указывают, что отсутствие физического контакта с судом может ослаблять эффект живого слова, усложняет оценку невербального поведения свидетелей и сторон. Кроме того полностью электронное взаимодействие участников с судом фактически устраняет личные отношения, что меняет привычную динамику процесса. По мнению И.А. Федоровой, при полном переходе на электронное общение могут пострадать сразу несколько процессуальных принципов – устность, непосредственность, гласность судебного разбирательства, а это чревато снижением качества правосудия [3, с. 20].

Пока что российский законодатель избрал взвешенный подход, дистанционные заседания проводятся с согласия участников и при наличии технической возможности.

Следует подчеркнуть, что цифровизация правосудия выявила и новые риски для реализации принципов. Во-первых, существует проблема информационной безопасности и конфиденциальности. Публикация судебных решений в интернете и электронное хранение данных требуют защиты персональных данных участников процессов. Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов»² содержит нормы, направленные на предотвращение разглашения сведений конфиденциального характера: например, в открытом доступе не публикуются решения по делам, содержащим государственную или иную охраняемую законом тайну, а в тексты, размещаемые в сети, могут вноситься обезличенные данные. Тем не менее, риск несанкционированного доступа или кибератак на судебные информационные системы существует. Нарушение принципа законности и справедливости может произойти, если, например, злоумышленники вмешиваются в электронный документооборот или подделают электронные доказательства. Поэтому наряду с внедрением электронных технологий в суде усиливается внимание к кибербезопасности: разрабатываются регламенты защиты информации, резервного копирования данных, аутентификации пользователей и т. д. Принцип законности в цифровой среде подразумевает и соблюдение специальных технических стандартов работы с электронными документами, чтобы процессуальные действия были легитимными.

Во-вторых, проблемой стало появление новых технологий, таких как автоматизированные системы и элементы искусственного интеллекта в судебной деятельности. Хотя в российском гражданском процессе пока решения полностью алгоритмами не принимаются, эксперименты за рубежом вызывают вопросы о соответствии таких практик фундаментальным принципам, включая независимость и внутреннее убеждение судьи, право на мотивированное решение, принцип справедливости. Отечественные авторы подчеркивают, что цифровизация судопроизводства не должна становиться самоцелью или подменять собой суть правосудия. Так, авторы справедливо отмечают, что оцифровка процессуальной деятельности должна служить лишь средством совершенствования механизма реализации задач правосудия и повышения эффективности защиты прав, но не может подменить собой деятельность по существу отправлению правосудия человеком. Иначе говоря, даже самые продвинутые алгоритмы должны рассматриваться лишь как вспомогательные инструменты для судей и участников, но не как носители новых принципов. Основные принципы гражданского процесса остаются неизменными, пусть и реализуются в трансформированных формах.

Подводя итог этой части, подчеркнем, что изменения в реализации процессуальных принципов под влиянием цифровизации имеют комплексный характер. Большинство принципов получили развитие и новые гарантии, например, гласность через онлайн-публикации и трансляции, доступность через электронное обращение в суд, состязательность через выравнивание технических возможностей сторон и фиксацию хода процесса на аудио/видео и др. Одновременно появились проблемные места, требующие внимания, а именно: необходимость обучения судей и персонала, обеспечение равного технического доступа сторон, нормативное урегулирование статуса электронных доказательств, защита данных.

Так, электронные коммуникации позволяют сделать правосудие по-настоящему открытым для общества, когда любой желающий может наблюдать ход рассмотрения дела в режиме реального времени. Особенно востребованными такие решения оказались в периоды ограничений, например, во время пандемии COVID-19, когда физическое присутствие в зале суда было затруднено. Онлайн-формат заседаний позволил осуществлять правосудие даже при невозможности соблюдать привычный порядок проведения процессов.

Не менее важно влияние технологий на принцип доступности правосудия. Доступность предполагает реальную возможность для каждого защитить свои права в суде без лишних препятствий. Цифровизация значительно облегчает гражданам взаимодействие с судом. Во-первых, сегодня подать исковое заявление или другие процессуальные документы можно в электронной форме, не выходя из дома. При этом электронные документы могут быть подписаны электронной подписью, что приравнивает их к бумажным оригиналам с точки зрения доказательственной силы. Возможность дистанционной подачи документов

² Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 11.

не только экономит время и средства граждан, но и отражается на реализации принципов диспозитивности и состязательности: стороны получают больше возможностей оперативно направлять ходатайства, доказательства, жалобы и реализовывать свои процессуальные права. Граждане активно пользуются новыми средствами, количество обращений в суды в электронном виде неуклонно растет с каждым годом. Например, в период с 18.03.2020 по 20.04.2020, в разгар пандемийных ограничений, в суды поступило 225 200 документов в электронном виде. Эта динамика показывает, что электронные сервисы востребованы и реально повышают доступность судебной защиты, особенно в экстремальных условиях.

Принцип состязательности и равноправия сторон также получает новые гарантии благодаря цифровым нововведениям. Обеспечение равных возможностей для сторон в представлении своей позиции и доказательств является сердцевинной состязательного начала. Электронные коммуникации в суде позволяют более эффективно реализовать это требование. Так, все участники процесса могут ознакомиться с материалами дела удаленно через электронные кабинеты или специализированные системы, данная возможность прямо предусмотрена законодательством при наличии технических условий. С 2022 г. участникам предоставлено право удаленного доступа к материалам дела посредством информационной системы, определяемой Судебным департаментом при ВС РФ. Это означает, что стороны в равной мере могут изучать материалы, не тратя время на поездки в суд, что особенно важно, если стороны территориально удалены друг от друга. Кроме того, законодателем расширены возможности дистанционного участия в судебных заседаниях с помощью систем веб-конференции (например, видеосвязь через Интернет с использованием персонального компьютера). Теперь истец, ответчик или иное лицо, участвующее в деле, при наличии технической возможности у суда и подав соответствующее ходатайство, может быть заслушано судом удаленно. Такое новшество чрезвычайно актуально в случаях, когда личное присутствие затруднено (по состоянию здоровья, из-за нахождения в другом регионе и т. д.). Дистанционное участие поддерживает состязательность, поскольку обеспечивает сторонам реализацию права быть заслушанными даже в ситуациях, когда явка невозможна. В то же время важнейшим условием здесь выступает техническая нейтральность – у обеих сторон должен быть равный доступ к требуемым технологиям и навыкам, иначе принцип равноправия может оказаться нарушенным.

В целом, первые годы развития электронного правосудия в России показывают, что судебная практика воспринимает цифровые нововведения достаточно позитивно, рассматривая их как естественное продолжение традиционных процедур. Основные тенденции можно сформулировать так: суды охотно используют возможности ускорить и упростить процесс (электронные уведомления, видеосвязь, электронные документы), но при этом сохраняют бдительность в вопросах обеспечения прав участников и соблюдения процессуальных норм. Формируется понимание, что принципы судопроизводства остаются тем фундаментом, на котором строится и электронное правосудие. Новые технологии – это лишь инструменты, которые должны применяться так, чтобы усиливать, а не подрывать этот фундамент.

Развитие цифровых технологий в XXI в. неизбежно трансформирует сферу правосудия. Проведенное исследование показывает, что принципы цивилистического процесса в условиях цифровизации не утрачивают своего значения, а претерпевают эволюцию, направленную на повышение эффективности и удобства судопроизводства. Цифровизация судебной деятельности при надлежащем нормативном сопровождении и организационных мерах способна усилить гарантии реализации основных принципов гражданского судопроизводства.

К числу положительных эффектов следует отнести существенное расширение гласности и открытости правосудия через интернет-публикации и онлайн-трансляции, повышение доступности суда благодаря электронному взаимодействию (дистанционная подача исков, участие в заседаниях онлайн), укрепление принципа состязательности за счет равного доступа сторон к информации и фиксации хода процесса техническими средствами [4, с. 245]. Многие традиционные принципы лишь приобретают новую форму выражения: например, непосредственность теперь обеспечивается не только очным восприятием, но и использованием видеоконференций, а принцип процессуальной экономии реализуется через мгновенный обмен электронными документами.

В то же время цифровизация ставит перед судебной системой и ряд вызовов. Среди них есть необходимость обеспечения кибербезопасности и защиты конфиденциальных данных, преодоление цифрового неравенства, адаптация процессуальных норм к новым форматам. Не менее важно, это обучение судей и работников судов новым навыкам, формирование у них доверия к цифровым инструментам. Выявленные случаи, когда недостаток подготовки приводил к игнорированию электронных документов или затруднениям в ведении онлайн-заседаний, подтверждают актуальность данной проблемы [5, с. 73].

Главный вывод заключается в том, что принципы правосудия сохраняют свою основополагающую роль и в электронную эпоху. Цифровые технологии должны рассматриваться не как угроза этим принципам, а как инструменты для их более полной реализации. Однако применение таких инструментов должно быть осторожным и продуманным.

Таким образом, в условиях цифровизации правосудия происходит трансформация вектора реализации принципов гражданского судопроизводства в сторону повышения эффективности, но при этом неизменным остается их содержание и значение. Законность, независимость, справедливость, равенство сторон, гласность и другие начала по-прежнему лежат в основе судебной деятельности, а цифровые новации призваны им содействовать. От компетентных действий законодателя и судебной системы зависит, будет ли достигнут оптимальный баланс между технологическим прогрессом и верностью фундаментальным принципам правосудия.

На данный момент можно констатировать, что основная линия развития – это интеграция и синтез традиционных процессуальных ценностей с новыми цифровыми возможностями. При сохранении такого подхода электронное правосудие станет надежным помощником судебной власти, обеспечивая современный уровень доступности и прозрачности, не поступаясь при этом вековыми устоями справедливого судебного разбирательства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Треушников М.К. Гражданский процесс: учебник / 9-е изд., перераб. и доп. М., 2019.
2. Ярков В.В. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: научно-практический комментарий. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2021.
3. Федорова И.А. Принципы гражданского процессуального права в условиях цифровизации правосудия // Российский судья. 2021. № 11.
4. Абрамов С.Н. Советский гражданский процесс: учебник. М., 1984.
5. Боннер А.Т. Принципы гражданского процессуального права. М., 2008.

REFERENCES

1. Treushnikov M.K. Civil Procedure: Textbook / 9th edition, revised and expanded. Moscow, 2019.
2. Yarkov V.V. Civil Procedure Code of the Russian Federation: Scientific and Practical Commentary. 5th edition, revised and expanded. Moscow, 2021.
3. Fedorova I.A. Principles of Civil Procedural Law in the Context of the Digitalization of Justice // Rossiyskiy sud. 2021. № 11.
4. Abramov S.N. Soviet Civil Procedure: Textbook. Moscow, 1984.
5. Bonner A.T. Principles of Civil Procedural Law. Moscow, 2008.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Н. В. Федоренко – доктор социальных наук, кандидат юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда РО в заслуженной отставке г. Ростов-на-Дону, заведующая кафедрой процессуального права Ростовского государственного экономического университета. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.

А. С. Кострюков – аспирант 2 курса, ассистент кафедры процессуального права Ростовского государственного экономического университета. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

N. V. Fedorenko – Doctor of Social Sciences, Candidate of Law, Professor, Chairman of the Arbitration Court of Rostov-on-Don, Head of the Department of Procedural Law of Rostov State University of Economics. 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

A. S. Kostryukov – 2nd year postgraduate student, Assistant Professor of the Department of Procedural Law at Rostov State University of Economics. 69, Bolshaya Sadovaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.02.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 12.02.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Юрист-Правоведъ. 2026. № 2 (117). С. 83–88.
Jurist-Pravoved. 2026. № 2 (117). Pp. 83–88.

Научная статья
УДК 343.97:343.85

**СОВРЕМЕННЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ**

Александр Анатольевич Брюхнов

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
lexandr@mail.ru

Введение: состояние, структура и динамика подростковой преступности не только отражают текущие социально-экономические и нравственные проблемы, но и во многом определяют будущий облик всей преступности в стране, поскольку именно в несовершеннолетнем возрасте формируются устойчивые криминальные установки, закладывается фундамент рецидивной и профессиональной преступности.

Материалы и методы: основой научной статьи явились законодательство Российской Федерации, научная литература, монографии, а также материалы периодических изданий.

Методы: исторический, сравнительный, логический, сравнительно правовой анализ научной и специальной литературы и др.

Результаты исследования: рассматриваются актуальные тенденции преступности несовершеннолетних в Российской Федерации на современном этапе. Автор анализирует количественные и качественные изменения в структуре подростковой преступности, выявляет новые формы криминальной активности, обусловленные цифровизацией общественных отношений и трансформацией криминальной субкультуры. Особое внимание уделяется роли взрослых лиц в детерминации преступного поведения несовершеннолетних, а также проблемам профилактики и уголовно-правового противодействия данному негативному социальному явлению. Формулируются предложения по совершенствованию уголовного законодательства и правоприменительной практики.

Выводы и заключения: дополнить ст. 150 и 151 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»; разработать на уровне Пленума Верховного Суда РФ разъяснения о критериях установления заведомости знания возраста потерпевшего при дистанционном вовлечении; внедрить системы мониторинга социальных сетей на предмет выявления маркеров вовлечения несовершеннолетних в деструктивную и криминальную активность; активизировать информационно-просветительскую работу с родителями о рисках цифровой среды и способах их минимизации.

Ключевые слова: несовершеннолетние, преступность, криминологическая характеристика, цифровизация, вовлечение, профилактика, уголовная ответственность, криминальная субкультура

Для цитирования: Брюхнов А. А. Современные особенности преступности несовершеннолетних: криминологический и уголовно-правовой анализ // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 83–88.

Original paper

**MODERN FEATURES OF JUVENILE DELINQUENCY: CRIMINOLOGICAL
AND CRIMINAL LAW ANALYSIS**

Alexander Anatolyevich Bryukhnov

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the state, structure and dynamics of juvenile delinquency not only reflect current socio-economic and moral problems, but also largely determine the future appearance of all crime in the country, since it is at the age of minors that stable criminal attitudes are formed, the foundation of recidivism and professional crime is laid.

Materials and methods: the main scientific article was the legislation of the Russian Federation, scientific literature, monographs, as well as materials from periodicals.

© Брюхнов А.А., 2026

Methods: historical, comparative, logical, comparative legal analysis of scientific and specialized literature, etc.

Results of the study: current trends in juvenile delinquency in the Russian Federation at the present stage are considered. The author analyzes quantitative and qualitative changes in the structure of juvenile delinquency, identifies new forms of criminal activity caused by the digitalization of public relations and the transformation of the criminal subculture. Special attention is paid to the role of adults in determining the criminal behavior of minors, as well as to the problems of prevention and criminal legal counteraction to this negative social phenomenon. Proposals are being formulated to improve criminal legislation and law enforcement practice.

Findings and conclusions: 150 and 151 of the Criminal Code of the Russian Federation with the qualifying sign “commission of an act using information and telecommunication networks”; to develop explanations at the level of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the criteria for establishing knowledge of the victim’s age during remote involvement; to introduce social network monitoring systems to identify markers of involvement of minors in destructive and criminal activity; To step up information and educational work with parents about the risks of the digital environment and ways to minimize them.

Keywords: minors, crime, criminological characteristics, digitalization, involvement, prevention, criminal responsibility, criminal subculture

For citation: Bryukhnov A. A. Modern features of juvenile delinquency: criminological and criminal law analysis // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 83–88.

Преступность несовершеннолетних традиционно рассматривается в криминологической науке как индикатор социального благополучия общества и эффективности государственной политики в сфере защиты детства. Состояние, структура и динамика подростковой преступности не только отражают текущие социально-экономические и нравственные проблемы, но и во многом определяют будущий облик всей преступности в стране, поскольку именно в несовершеннолетнем возрасте формируются устойчивые криминальные установки, закладывается фундамент рецидивной и профессиональной преступности.

Современный этап развития российского общества характеризуется беспрецедентными по своей глубине и скорости трансформационными процессами, затрагивающими все сферы жизнедеятельности, включая подростковую среду. Цифровизация, изменение коммуникативных практик, появление новых форм социальной активности и досуга, трансформация института семьи – все это оказывает существенное влияние на генезис и проявления преступности несовершеннолетних. В этих условиях традиционные подходы к пониманию подростковой преступности, сформировавшиеся во второй половине XX в., требуют критического переосмысления и адаптации к новым реалиям.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении и научном осмыслении современных особенностей преступности несовершеннолетних, определении ключевых детерминант, обуславливающих ее качественную трансформацию, а также в формулировании предложений по совершенствованию уголовно-правовых и криминологических мер противодействия данному явлению.

Анализ статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ и ГИАЦ МВД России за последние пять лет позволяет выявить несколько разнонаправленных тенденций. С одной стороны, наблюдается устойчивое снижение абсолютного числа зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии. Если в 2020 г. этот показатель составлял 37 771 преступление, то по итогам 2025 г. он увеличился на 3,5 % [1]. Подобная динамика, безусловно, может рассматриваться как отрицательный результат реализации государственной политики в сфере профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Однако было бы преждевременно делать вывод о коренном переломе ситуации. Криминологическая наука давно установила феномен искусственной латентности подростковой преступности, обусловленный, в частности, либерализацией уголовной политики в отношении несовершеннолетних, расширением практики прекращения уголовных дел по нереабилитирующим основаниям (в связи с примирением сторон, с применением принудительных мер воспитательного воздействия), а также переводом значительной части деяний в разряд административных правонарушений. По оценкам отдельных исследователей, реальный уровень подростковой преступности может в 2,5–3 раза превышать официально регистрируемый [2, с. 56].

Более показательными являются качественные изменения в структуре преступности несовершеннолетних. На смену традиционным корыстно-насильственным преступлениям

(кражи, грабежи, угоны транспортных средств), доминировавшим в подростковой среде на протяжении десятилетий, приходят новые высокотехнологичные и высокодоходные виды криминальной активности.

Во-первых, отмечается взрывной рост вовлеченности несовершеннолетних в незаконный оборот наркотических средств и психотропных веществ в качестве «закладчиков», «курьеров», «трафаретчиков». Удельный вес данной категории преступлений в общей структуре подростковой преступности вырос с 12 % в 2020 г. до 25 % в 2025 г. [3]. Привлекательность наркобизнеса для подростков обусловлена несколькими факторами: кажущейся безнаказанностью (организаторы сознательно используют несовершеннолетних, рассчитывая на более мягкие санкции или освобождение от ответственности), дистанционным характером вербовки (через социальные сети и мессенджеры), а также иллюзией «легкого заработка», активно культивируемой вербовщиками.

Во-вторых, широкое распространение получили дистанционные хищения (телефонные и интернет-мошенничества), совершаемые несовершеннолетними в качестве «дропов» – лиц, предоставляющих свои банковские карты и счета для транзита и обналичивания похищенных денежных средств. Данный вид криминальной активности особенно опасен тем, что вовлекает в преступную орбиту подростков из внешне благополучных семей, ранее не попадавших в поле зрения правоохранительных органов.

В-третьих, фиксируется рост преступлений экстремистской и террористической направленности, совершаемых несовершеннолетними под влиянием деструктивного контента в сети Интернет. Речь идет как о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ), так и о заведомо ложных сообщениях об актах терроризма (ст. 207 УК РФ), которые в подростковой среде нередко воспринимаются как форма протеста или «игра».

В-четвертых, сохраняется высокий уровень групповой преступности несовершеннолетних. По данным МВД России, около 40 % преступлений совершаются подростками в составе групп, причем примерно в трети случаев – в группах со смешанным составом (с участием взрослых лиц) [4, с. 70]. Именно участие взрослых, как будет показано далее, выступает ключевым криминогенным фактором, определяющим качественную трансформацию подростковой преступности.

Наиболее значимой детерминантой, определяющей современный облик преступности несовершеннолетних, является тотальная цифровизация подростковой среды. Современные подростки – это первое поколение, социализация которого с раннего детства происходит в условиях гибридной реальности, где границы между физическим и виртуальным миром размыты. Данное обстоятельство имеет далеко идущие криминологические последствия.

Вербовка через социальные сети и мессенджеры. Традиционные способы вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность, предполагавшие непосредственный личный контакт (уговоры во дворе, в подъезде, в компании), уступают место дистанционной вербовке через популярные среди молодежи платформы: Telegram, WhatsApp, VK, Discord. Вербовщики используют технологии таргетированной рекламы и психологического профилирования, выявляя подростков, находящихся в уязвимом эмоциональном состоянии, испытывающих потребность в признании, самоутверждении или быстром заработке.

Анонимность и шифрование коммуникаций в мессенджерах существенно затрудняют выявление и доказывание фактов вовлечения. Взрослый вербовщик может никогда не встречаться с завербованным подростком лично, оставаясь для правоохранительных органов «цифровым призраком». Как справедливо отмечается, «цифровая среда создает принципиально новые условия для совершения преступлений, связанных с вовлечением несовершеннолетних, требуя пересмотра традиционных подходов к установлению субъективной стороны и доказыванию умысла» [5, с. 195].

Криминальная субкультура в цифровом пространстве. Интернет стал основным каналом распространения криминальной субкультуры, романтизации преступного образа жизни и пропаганды насилия. Если ранее приобщение подростка к криминальным ценностям происходило преимущественно через непосредственное общение с носителями таких ценностей (ранее судимыми лицами, членами криминальных группировок), то теперь достаточно подписаться на соответствующие сообщества в социальных сетях или каналы в мессенджерах.

Особую тревогу вызывает распространение контента, связанного с движением «Колумбайн» (признано террористическим и запрещено в РФ), «А.У.Е.» (признано экстремистским и запрещено в РФ), а также иных деструктивных субкультур, пропагандирующих насилие, суицидальное поведение, ненависть к социальным институтам. Потребление такого контента формирует у подростков искаженную картину мира, снижает порог чувствительности к насилию и легитимизирует противоправные способы достижения целей.

Геймификация преступной деятельности. Одной из специфических особенностей современной подростковой преступности является ее геймификация – восприятие противоправных действий как своеобразной игры, квеста или соревнования. Организаторы наркобизнеса сознательно используют

игровые механики: рейтинги «закладчиков», бонусы за скорость и объем выполненной работы, переход на новые «уровни» с расширением полномочий и повышением заработка. Подросток, погруженный в такую квазиигровую среду, не в полной мере осознает реальную общественную опасность своих действий и тяжесть возможных правовых последствий.

Психологи отмечают, что для современных подростков, выросших в цифровой среде, характерно клиповое мышление и снижение критичности восприятия информации [6, с. 94]. Это делает их особенно уязвимыми для манипулятивных техник, используемых вербовщиками, и требует разработки новых подходов к профилактической работе, учитывающих особенности цифровой социализации.

Несмотря на технологическую трансформацию, ключевым криминогенным фактором подростковой преступности остается негативное влияние взрослых лиц. Анализ уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних показывает, что более чем в 60 % случаев подростки совершали преступления под прямым или косвенным воздействием взрослых.

Формы такого воздействия многообразны и не ограничиваются уголовно наказуемым вовлечением (ст. 150 УК РФ). К ним относятся:

1. Прямое вовлечение (склонение к совершению конкретного преступления путем обещаний, обмана, угроз, использования зависимого положения).

2. Косвенное вовлечение (создание условий, при которых подросток вынужден или считает для себя приемлемым совершать преступления – например, систематическое пьянство родителей, выталкивающее ребенка на улицу).

3. Вовлечение через демонстрацию криминального образа жизни (подросток воспринимает преступное поведение взрослого как норму и воспроизводит его).

4. Использование несовершеннолетнего как орудия преступления (особенно характерно для наркобизнеса и дистанционных хищений).

Особую озабоченность вызывает рост числа случаев вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность родителями и иными близкими родственниками. Если ранее подобные факты носили единичный характер и были связаны преимущественно с маргинальными семьями, то в настоящее время они все чаще фиксируются и во внешне благополучных семьях, где родители используют детей для совершения дистанционных хищений, оформления кредитов, участия в финансовых пирамидах.

Действующая редакция ст. 150 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за вовлечение, совершенное родителем, педагогом или иным лицом, обязанным воспитывать несовершеннолетнего (ч. 2 ст. 150 УК РФ). Однако практика показывает недостаточную эффективность данной нормы. Во-первых, сложность представляет доказывание заведомости знания возраста потерпевшего, особенно при дистанционном вовлечении через Интернет. Во-вторых, назначение реального лишения свободы родителям, вовлекшим детей в преступную деятельность, часто влечет негативные социальные последствия (помещение ребенка в детское учреждение), что вынуждает суды применять условное осуждение или иные мягкие меры, не обеспечивающие должного превентивного эффекта.

Традиционно в криминологии несовершеннолетние рассматриваются преимущественно как субъекты преступлений. Однако современные реалии требуют уделять не меньшее внимание виктимологическому аспекту – подростки все чаще становятся жертвами преступных посягательств со стороны взрослых, и эта виктимизация нередко предшествует их собственной криминализации.

Исследования показывают, что значительная часть несовершеннолетних, совершивших преступления, ранее сами подвергались преступным посягательствам: физическому и сексуальному насилию в семье, вовлечению в употребление алкоголя и наркотиков, эксплуатации (включая трудовую и сексуальную), психологическому насилию и травле (буллингу) [7, с. 147]. Не получив своевременной психологической и правовой помощи, такие подростки усваивают модель поведения «жертва-агрессор» и в дальнейшем воспроизводят ее, но уже в роли субъекта преступления.

Особенно уязвимой категорией являются несовершеннолетние мигранты и дети из семей мигрантов, которые в силу языковых и культурных барьеров, социальной изоляции и экономических трудностей становятся легкой добычей для вербовщиков в наркобизнес и иные формы криминальной активности. По экспертным оценкам, удельный вес данной категории в структуре подростковой преступности в крупных городах достигает 15–20 %.

Анализ современного состояния преступности несовершеннолетних выявляет ряд проблем в уголовно-правовом регулировании и правоприменительной практике, требующих законодательного и организационного решения.

Действующие редакции ст. 150 и 151 УК РФ, сформированные в основном в 1990-е годы, не в полной мере учитывают реалии цифровой эпохи. В частности, отсутствует квалифицирующий

признак, связанный с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, что не позволяет адекватно дифференцировать ответственность за наиболее латентные и опасные способы вовлечения. Представляется необходимым дополнить ч. 2 ст. 150 и ч. 2 ст. 151 УК РФ соответствующим квалифицирующим признаком.

При дистанционном вовлечении через Интернет установление того факта, что виновный достоверно знал о несовершеннолетнем возрасте потерпевшего, крайне затруднено. Подростки нередко указывают в профилях социальных сетей ложный возраст, используют фотографии, на которых выглядят старше. В таких условиях требуется выработка Пленумом Верховного Суда РФ дополнительных разъяснений о критериях оценки заведомости при дистанционном вовлечении, в том числе с учетом возможного использования виновным данных о возрасте, имеющихся в открытом доступе.

Существующая система профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, основанная на Федеральном законе от 24.06.1999 № 120-ФЗ, ориентирована преимущественно на выявление и учет уже совершивших правонарушения подростков и неблагополучных семей. В то же время ранняя профилактика, направленная на выявление подростков, находящихся в зоне риска (потребители деструктивного контента, жертвы буллинга, дети с признаками цифровой зависимости), развита недостаточно. Требуется внедрение современных методов мониторинга социальных сетей с использованием технологий искусственного интеллекта для выявления маркеров вовлечения несовершеннолетних в деструктивную и криминальную активность.

Эффективное противодействие современной подростковой преступности невозможно без наличия в правоохранительных органах, образовательных учреждениях и социальных службах специалистов, обладающих компетенциями в области цифровой психологии, кибербезопасности, медиации. Необходимо расширение программ повышения квалификации для инспекторов по делам несовершеннолетних, следователей, судей, педагогов-психологов с акцентом на современные формы девиантного и делинквентного поведения подростков в цифровой среде.

Проведенный анализ позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Преступность несовершеннолетних в современной России претерпевает качественную трансформацию, характеризующуюся:

- смещением от традиционных корыстно-насильственных преступлений к высокотехнологичным видам криминальной активности (участие в наркобизнесе в качестве «закладчиков», дистанционные хищения в качестве «дропов»);
- цифровизацией способов вовлечения и коммуникации в криминальной среде;
- геймификацией преступной деятельности, снижающей критичность восприятия противоправного характера совершаемых действий;
- возрастанием роли взрослых как организаторов и подстрекателей, использующих несовершеннолетних в качестве инструмента преступной деятельности.

Ключевыми детерминантами современной подростковой преступности выступают:

- тотальная цифровизация подростковой среды и связанная с ней уязвимость для манипулятивного воздействия;
- распространение деструктивного контента и криминальной субкультуры в сети Интернет;
- целенаправленная деятельность взрослых вербовщиков, использующих психологические особенности несовершеннолетних;
- недостатки системы ранней профилактики и дефицит квалифицированных кадров, способных работать с современными формами подростковой девиантности.

Для повышения эффективности противодействия преступности несовершеннолетних представляется необходимым:

- в уголовно-правовой сфере: дополнить ст. 150 и 151 УК РФ квалифицирующим признаком «совершение деяния с использованием информационно-телекоммуникационных сетей»; разработать на уровне Пленума Верховного Суда РФ разъяснения о критериях установления заведомости знания возраста потерпевшего при дистанционном вовлечении;
- в криминологической и профилактической сфере: внедрить системы мониторинга социальных сетей на предмет выявления маркеров вовлечения несовершеннолетних в деструктивную и криминальную активность; расширить программы подготовки специалистов по цифровой психологии и кибербезопасности; активизировать информационно-просветительскую работу с родителями о рисках цифровой среды и способах их минимизации;
- в сфере межведомственного взаимодействия: обеспечить более тесную координацию деятельности органов внутренних дел, образовательных организаций, органов опеки и попечительства, комиссий по делам несовершеннолетних в вопросах раннего выявления и сопровождения подростков, находящихся в зоне риска.

Только комплексный подход, сочетающий совершенствование уголовного законодательства, внедрение современных технологий профилактики и подготовку квалифицированных кадров, способен обеспечить эффективное противодействие современным вызовам в сфере подростковой преступности и защитить подрастающее поколение от криминального влияния.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020–2025 годы // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 01.04.2026).
2. Демидова-Петрова Е.В. Преступность несовершеннолетних в современной России: теоретико-прикладные проблемы предупреждения: монография. Казань, 2021.
3. Состояние преступности в России за январь–декабрь 2025 года. URL: <http://www.мвд.рф> (дата обращения: 01.04.2026).
4. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Учет особенностей преступности несовершеннолетних в профилактической деятельности полиции // Вестник Томского государственного университета. Право. 2023. № 47.
5. Буданова Е.А., Козаренко Ю.И. Проблемы квалификации деяний, связанных с фактами вовлечения несовершеннолетних в совершение различных преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2025. № 3.
6. Гилинский Я.И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2021.
7. Горшенков А. Г., Горшенков Г. Г., Горшенков Г. Н. Преступление как фактор виктимизации несовершеннолетних // Виктимология. 2023. Т. 10. № 2.

REFERENCES

1. Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2020-2025 // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <http://www.cdep.ru> (date of access: 01.04.2026).
2. Demidova-Petrova E.V. Juvenile delinquency in modern Russia: theoretical and applied problems of prevention: monograph. Kazan, 2021.
3. The state of crime in Russia in January-December 2025. URL: <http://www.мвд.рф> (date of access: 01.04.2026).
4. Prozumentov L.M., Shesler A.V. Consideration of the features of juvenile delinquency in the preventive activities of the police // Bulletin of Tomsk State University. Right. 2023. № 47.
5. Budanova E.A., Kozarenko Yu.I. Problems of qualification of acts related to the facts of involving minors in committing various crimes // Bulletin of the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. № 3.
6. Gilinsky Ya.I. Deviantology: sociology of crime, drug addiction, prostitution, suicide and other “deviations”. 3rd ed., ispr. and add. St. Petersburg, 2021.
7. Gorshenkov A.G., Gorshenkov G.G., Gorshenkov G.N. Crime as a factor of victimization of minors // Victimology. 2023. Vol. 10. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. А. Брюхнов – кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, д. 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. A. Bryukhnov – Candidate of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 10.04.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 343.97: 343.988

ВЫЯВЛЕНИЕ И НЕЙТРАЛИЗАЦИЯ АКТУАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ПРЕСТУПНИКА-ЭКСТРЕМИСТА – ОСНОВА ДЛЯ ПРОФИЛАКТИКИ ЭКСТРЕМИЗМА

Наталья Алексеевна Вакуленко

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
foroposha@mail.ru

Введение: в современных условиях (2023–2026 гг.) экстремизм характеризуется высокой адаптивностью, использованием цифровых технологий, «омоложением» участников и смещением акцента на идеологическую обработку в сети.

Выбор темы исследования обусловлен необходимостью криминологического осмысления экстремизма как явления, способного подрывать основы конституционного строя и общественной безопасности. Кроме того, на сегодняшний день радикализация все чаще развивается в молодежной и цифровой среде. Экстремизм, перерастающий в терроризм, является глобальной проблемой XXI в., характеризующийся ростом числа преступлений, особенно в информационной среде, и требующей жестких профилактических мер.

Практическая значимость проработки темы заключается в попытке акцентировать внимание на выявлении и устранении наиболее значимых свойств и качеств преступника-экстремиста в целях формулирования профилактических предложений, ориентированных на снижение вовлеченности граждан, особенно несовершеннолетних и молодежи в деструктивные объединения и интернет-сообщества.

Меры информационно-психологической нейтрализации, социально-педагогической адаптации, оперативно-профилактической работы, правовой нейтрализации могут быть эффективными только при условии понимания точечного воздействия на свойства и качества личности, детерминирующие совершение преступлений экстремистской направленности.

Материалы и методы: общенаучные методы познания, в том числе объективности, системности, индукции, дедукции, анализ теоретических и нормативных правовых источников, контент-анализ СМИ, обобщение и анализ правоприменительной практики, статистические методы.

Результаты исследования: теоретическая значимость публикации состоит в возможности выделить и проанализировать репрезентативные свойства и качества лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, что позволит осуществить методическое обеспечение деятельности, направленной на усовершенствование мер предупреждения преступности экстремистского характера.

Практическая значимость публикации заключается в возможности использования ее результатов в профилактической деятельности в отношении лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, поскольку повышенные показатели интенсивности и структуры отдельных преступных деяний, иные криминологические особенности и параметры данного вида преступности, вопросы детерминации, сложности превенции ввиду масштабности проявлений, снижают индекс ее эффективности.

Выводы и заключения: выявление и нейтрализация актуальных характеристик преступника-экстремиста являются базисом профилактики экстремизма, т. к. позволяют воздействовать не только на следствие (уже совершенное криминальное деяние), но и на причины, формирующие личность радикала. Полагаем, что в деле профилактики экстремизма сегодняшних дней в Российской Федерации наиболее репрезентативными характеристиками преступника-экстремиста являются: социально-демографические (чаще всего это молодые люди, включая несовершеннолетних, которые легче поддаются манипулированию и идеологическому воздействию), психологические (высокий уровень агрессивности, фанатизм, нетерпимость к иным взглядам, склонность к насилию, замкнутость, повышенная внушаемость и, одновременно, жажда признания), идеологические (приверженность к радикальным идеям, неонацизму, религиозному радикализму, использование теорий заговора

и исторического ревизионизма), поведенческие (активное использование социальных сетей и мессенджеров для распространения запрещенных материалов, вербовки, участия в деструктивных сообществах, использование «клипового мышления» для быстрого усвоения экстремистских нарративов). Таким образом, становится очевидным, что эффективная профилактика строится на понимании того, что современный экстремист часто не использует физическое насилие сразу, а действует через информационные манипуляции, требующие превентивного реагирования.

Ключевые слова: экстремизм, несовершеннолетний, молодежь, экстремист, преступление, личность преступника, радикал, криминогенная активность, детерминация, профилактика, репрезентативные характеристики

Для цитирования: Вакуленко Н. А. Выявление и нейтрализация актуальных характеристик преступника-экстремиста – основа для профилактики экстремизма // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 89–95.

Original paper

IDENTIFICATION AND NEUTRALIZATION OF ACTUAL CHARACTERISTICS OF AN EXTREMIST CRIMINAL – BASIS FOR PREVENTING EXTREMISM

Natalya Alekseevna Vakulenko

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in modern conditions (2023-2026), extremism is characterized by high adaptability, the use of digital technologies, the «rejuvenation» of participants and a shift in focus to ideological processing on the network.

The choice of the research topic is due to the need for criminological understanding of extremism as a phenomenon that can undermine the foundations of the constitutional order and public safety. In addition, today radicalization is increasingly developing in the youth and digital environment. Extremism, developing into terrorism, is a global problem of the 21st century, characterized by an increase in the number of crimes, especially in the information environment, and requiring strict preventive measures.

The practical significance of the study of the topic lies in an attempt to focus on identifying and eliminating the most significant properties and qualities of an extremist criminal in order to formulate preventive proposals aimed at reducing the involvement of citizens, especially minors and young people, in destructive associations and the Internet community.

Measures of information and psychological neutralization, socio-pedagogical adaptation, operational and preventive work, legal neutralization can be effective only if we understand the targeted impact on the properties and qualities of the person that determine the commission of extremist crimes.

Materials and methods: general scientific methods of cognition, including objectivity, consistency, induction, deduction, analysis of theoretical and regulatory legal sources, media content analysis, generalization and analysis of law enforcement practice, statistical methods.

Results of the study: the theoretical significance of the publication is the ability to identify and analyze the representative properties and qualities of persons committing crimes of an extremist nature, which will make it possible to provide methodological support for activities aimed at improving measures to prevent crime of an extremist nature.

The practical significance of the publication lies in the possibility of using its results in preventive activities against persons committing crimes of an extremist nature, since increased indicators of the intensity and structure of individual criminal acts, other criminological features and parameters of this type of crime, issues of determination, the complexity of prevention due to the scale of manifestations, reduce the index of its effectiveness.

Findings and conclusions: identification and neutralization of the current characteristics of an extremist criminal is the basis for the prevention of extremism, since they allow influencing not only the investigation (already committed criminal act), but also the reasons that form the identity of the radical. We believe that in the prevention of extremism today in the Russian Federation, the most representative characteristics of an extremist criminal are: socio-demographic (most often young people, including minors, who are more easily manipulated and ideologically influenced), psychological (high level of aggressiveness, fanaticism, intolerance to other views, tendency to violence, isolation, increased suggestibility and, at the same time, thirst for recognition), ideological (adherence to radical ideas, neo-Nazism, religious radicalism, use of conspiracy theories and

historical revisionism), behavioral (active use of social networks and instant messengers to distribute prohibited materials, recruit, participate in destructive communities, use “clip thinking” to quickly assimilate extremist narratives). Thus, it becomes obvious that effective prevention is based on the understanding that a modern extremist often does not use physical violence immediately, but acts through information manipulations that require a preventive response.

Keywords: extremism, minor, youth, extremist, crime, criminal identity, radical, criminogenic activity, determination, prevention, representative characteristics

For citation: Vakulenko N. A. Identification and neutralization of actual characteristics of an extremist criminal – basis for preventing extremism // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 89–95.

Экстремизм сегодня выступает одним из наиболее опасных социальных явлений, поскольку затрагивает основы конституционного строя, общественную безопасность, межнациональное и межконфессиональное согласие, а также формирует предпосылки для радикализации отдельных социальных групп. Для криминологии и практики важно, что экстремизм обладает высокой латентностью, активно использует информационно-коммуникационные технологии и способен быстро приспосабливаться к мерам государственного противодействия, изменяя формы пропаганды, вербовки и организации противоправной деятельности.

Актуальность подтверждается и официальными статистическими показателями, которые показывают нестабильность (волнообразность) динамики и общую тенденцию роста в Российской Федерации: в 2020 г. зарегистрировано 833 преступления экстремистской направленности, в 2021 г. – 1 057, в 2022 г. – 1 566, в 2023 г. – 1 340, в 2024 г. – 1 719, в 2025 г. – 2241 [5]. Тем самым проблема сохраняет устойчиво высокие показатели преступности рассматриваемого вида и требует постоянного обновления криминологических оценок и мер предупреждения.

Позиция правоохранительных органов подтверждает, что ключевым каналом вовлечения становятся онлайн-коммуникации. Так, председатель Следственного комитета Российской Федерации А.И. Бастрыкин обращает внимание на необходимость работы в Интернете, «где идет вербовка детей» в противоправную деятельность» [1]. В отношении методики учета важно учитывать и публичные оценки о недопустимости формального «накручивания» статистики по делам об экстремизме, поскольку криминогенный анализ должен опираться на сопоставимые и проверяемые показатели.

При определении любого вида преступности, в том числе экстремистской направленности, следует помнить, что это не только совокупность соответствующих криминальных деяний, но и лиц, их совершивших. Личность преступника выступает предметом многих исследований. Так как личность помогает «вскрывать» факторы, детерминирующие совершение преступления, важно уделять особое внимание ее изучению, поскольку данный подход поможет надежно и эффективно профилировать в дальнейшем преступления.

Таблица 1

Сведения о количестве преступлений экстремистской направленности и лиц, их совершивших [6]

Экстремистской направленности		Количество преступлений, зарегистрированных в отчетном периоде	Количество предварительно расследованных преступлений в отчетном периоде	Приостановлены по п.п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ	Выявлено лиц
2021	Россия	1057	909	51	925
	ЮФО	109	112	1	105
	Ростовская область	17	18	0	25

2022	Россия	2140	1257	77	1078
	ЮФО	185	168	5	133
	Ростовская область	42	25	1	20
2023	Россия	1340	1274	101	1035
	ЮФО	177	191	12	131
	Ростовская область	30	43	1	32
2024	Россия	1719	1497	99	1387
	ЮФО	173	181	6	138
	Ростовская область	36	29	0	31
2025	Россия	2241	2035	113	1704
	ЮФО	247	237	12	166
	Ростовская область	41	47	1	44

Оценивая официальные показатели статистики количества выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности за последние 5 лет в России, стоит указать на серьезно возрастающие показатели. Так, в 2021 году количество выявленных лиц составило 925 (+ 11,0 %), в 2022 г. – 1 078 (+ 16,5 %), в 2023 г. – 1 035 (- 4,0 %), в 2024 г. – 1 387 (+ 34,0 %), в 2025 г. – 1 704 (+ 22,9 %) [6].

Показатели рассматриваемого вида в Южном федеральном округе повторяют общероссийские тенденции: в 2021 году количество выявленных лиц составило 105, в 2022 г. – 133 (+ 26,7 %), в 2023 – 131 (- 1,5 %), в 2024 – 138 (+ 5,3 %), в 2025 – 166 (+ 20,3 %) [6].

Количество выявленных лиц, совершивших преступления экстремистской направленности в Ростовской области, представлено следующими объемами: в 2021 году количество выявленных лиц составило 25, в 2022 г. – 20 (- 20 %), в 2023 – 32 (+60 %), в 2024 – 31 (- 3,1 %), в 2025 – 44 (+ 41,9 %) [6].

Личность преступника, совершающего преступления экстремистской направленности, является элементом криминологической характеристики экстремизма, поскольку именно через особенности субъекта проявляются механизмы радикализации, мотивы, способы вовлечения и выбор конкретных форм противоправного поведения. Для экстремистской преступности характерно сочетание идеологического компонента (установки ненависти, радикальные убеждения) и социально-психологического (поиск принадлежности, статус в группе, внушаемость, конформизм), что отличает ее от обычной корыстной преступности и требует особого профилактического подхода [3, с. 98].

В криминологической литературе отмечается, что большая доля лиц, вовлеченных в экстремистскую деятельность, относится к молодежным группам, что объясняется возрастной восприимчивостью к максимализму, внушаемости, потребности в самоутверждении и принадлежности к группе [4].

При этом, социально-демографический портрет не является единообразным для всех форм экстремизма: он различается в зависимости от того, идет ли речь о преступлениях информационного характера (публичные призывы, распространение материалов), организационных составах (участие, организация сообщества) либо о насильственных преступлениях по мотиву ненависти. В обобщенных моделях личности преступника по делам экстремистской направленности нередко указывается доминирование лиц мужского пола и молодежного возраста, что связывается с групповыми формами радикализации и агрессивно-конфликтным стилем поведения, характерным для части неформальных объединений. Вместе с тем, для современных условий нужно учитывать, что цифровая среда расширяет социальную базу вовлечения: роль пола и возраста может быть менее строгой в тех ситуациях, где экстремизм проявляется в форме онлайн-активности (администрирование сообществ, распространение контента).

Для преступлений экстремистской направленности типично, что субъект может быть формально социально-адаптирован (учится, работает), однако испытывает дефицит социальных связей, неудовлетворенность статусом, чувство несправедливости или отчуждения. В отдельных исследованиях отмечаются признаки среднего, среднего профессионального образования, отсутствие устойчивых социальных лифтов и наличие переходного статуса (учеба, нестабильная занятость), что создает благоприятную среду для влияния радикальных групп и идеологов [4]. С криминологической точки зрения это принципиально, потому что экстремистская преступность далеко не всегда связана только с крайним социальным неблагополучием. Во многих случаях решающую роль играет социально-психологическая уязвимость человека, т. е. потребность в признании, ощущение несправедливости, поиск простой и понятной картины мира, склонность к влиянию авторитетов. Когда при этом человек попадает в значимую для него группу, где радикальные установки поддерживаются и поощряются, экстремистская идеология постепенно воспринимается как допустимая и «обычная», а участие в соответствующей деятельности – как логичное и оправданное поведение.

Мотивация лиц, совершающих преступления экстремистской направленности, обычно не сводится к одному фактору и складывается из нескольких уровней. На практике чаще всего просматриваются сочетания мотивов и установок: у одних доминирует идеологическая убежденность – противопоставление «своих» и «чужих», готовность оправдывать дискриминацию или насилие, представления об исключительности собственной группы, а у других ведущей становится групповая мотивация, когда важнее всего принадлежность, признание и статус внутри сообщества, а поведение определяется его нормами и ожиданиями. Нередко встречается и компенсаторная составляющая – стремление к самоутверждению, снятию внутреннего напряжения, поиск простого и эмоционально понятного объяснения сложных социальных процессов.

Из материалов различных уголовных дел следует, что немалый процент преступников (30 %), осужденных за совершение преступлений экстремистской направленности ранее уже совершали соответствующие преступления. Так, 45 % из них осуждались за посягательства, направленные против жизни, а еще 30 % за хулиганство, и лишь 13 % за экстремизм. Психологические свойства экстремиста также играют важную роль. В целом психологические качества, свойственные исполнителям экстремистских преступлений, включают в себя стабильную совокупность индивидуальных качеств: для преступников характерна приверженность к определенной идеологии, может присутствовать и фанатизм; вследствие экстремальной и групповой деятельности может иметь место преобладание групповой идентичности над самоидентичностью. Последняя категория имеет слабую выраженность; преступники ориентированы на применение насилия, а также устрашения, что свидетельствует о присутствии ярко выраженного параноидного радикала в структуре личности.

Для криминологического анализа экстремизма крайне важно рассматривать преступника и как результат процесса радикализации. В литературе выделяются этапы: когнитивный этап (формирование радикальных установок (кто виноват, кто враг, какие действия допустимы)); социальный этап (включение в группу или информационное сообщество, принятие норм и языка группы); поведенческий этап (переход от взглядов к действиям – распространение материалов, призывы, участие в организации, подготовка насильственных акций). Сегодня специфика заключается в том, что большая часть радикализации протекает в информационной среде, и это отражается в структуре выявляемых преступлений: заметная доля экстремистских деяний фиксируется с использованием ИКТ, что подтверждается аналитическими публикациями со ссылкой на официальные показатели [7, с. 853].

В рамках криминологической характеристики обычно выделяют следующие психологические особенности, повышающие вероятность вовлечения: внушаемость и зависимость от мнения группы, склонность к черно-белому восприятию мира (поляризация свой-чужой), повышенная конфликтность и агрессивность либо, напротив, социальная изолированность, низкая критичность к источникам информации и авторитету лидера и идеолога.

В поведении части лиц, склонных к экстремистской деятельности, нередко просматриваются демонстративные формы самопрезентации (публичные высказывания, регулярное участие в тематических сообществах, распространение материалов, использование символики, поддержка лидеров или организаций), однако с криминологической точки зрения нужно не подменять оценку – такие маркеры сами по себе не означают наличия состава

преступления и не могут рассматриваться как доказательство виновности, их значение иное – они позволяют выдвигать рабочие версии о рисках радикализации, выявлять уязвимые группы и своевременно планировать меры профилактического воздействия.

Для прикладного анализа целесообразно выделить типы субъектов (условно), поскольку разные типы требуют разных профилактических мер: идеолог (убежденный радикал) – лицо с устойчивыми мировоззренческими установками, часто продуцирует и распространяет идеи; организатор, координатор обеспечивают структуру, коммуникации, подбор участников, дисциплину и конспирацию; вербовщик специализируется на вовлечении, психологическом воздействии, подборе уязвимых лиц, в т. ч. несовершеннолетних; исполнитель реализует конкретные действия: от распространения материалов до насильственных эпизодов; ситуативный участник – лицо, вовлеченное под влиянием группы, онлайн-среды без идеологической базы (особенно характерно для молодежной среды) [2, с. 118].

Типологизация имеет прикладное значение для профилактики, потому что разные категории участников требуют разных мер воздействия. То, что может сработать в отношении ситуативно вовлеченного лица – адресная психолого-педагогическая профилактика, работа с семьей и ближайшим окружением, коррекция социальной среды, – как правило, не дает результата в отношении организаторов и идеологов. В таких случаях необходимы иные инструменты: последовательная правоохранительная работа по пресечению деятельности, выявлению связей и каналов вовлечения, а также системное информационное противодействие, направленное на разрушение идеологической базы и предотвращение дальнейшей вербовки.

Таким образом, исследование личности преступника-экстремиста позволяет определять целевые аудитории для проведения профилактической работы, повышая тем самым возраст первой радикализации. С помощью знания типичных свойств и качеств рассматриваемого преступника удастся спрогнозировать варианты социально отклоняющегося поведения экстремистской направленности, происходящие в дальнейшем. Для подростков с экстремистскими проявлениями актуальна неустойчивость нервных процессов и маргинальность. Готовность к стачкам и погромам увеличивается вследствие слабой материальной обеспеченности молодежи. Данное обстоятельство подталкивает молодых людей к участию в оплаченных акциях протеста, поскольку это выступает для них дополнительным или основным видом заработка. Кроме того, проработка наиболее репрезентативных характеристик преступника, совершающего преступление экстремистского характера, коррелирует с серьезной значимостью работы правоохранительных органов в Интернет-пространстве, где на сегодняшний день позволительно выявлять группы риска по лексике и символике.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бастрыкин назвал число дел об экстремизме против молодежи и отметил необходимость работы в интернете, где идет вербовка детей // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c793e599a79472597f3336d> (дата обращения: 22.03.2026).
2. Владимиров Д.М. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего преступления экстремистской направленности // В сборнике: XIII Балтийский юридический форум «Закон и правопорядок в третьем тысячелетии». Материалы международной научно-практической конференции. Калининград, 2025.
3. Гомбожапов З.Э. Личность преступника, совершающего преступления экстремистской направленности // Актуальные проблемы юриспруденции: сборник статей по материалам LXXXVII международной научно-практической конференции. Новосибирск, 2024.
4. Ившин В.Г., Кондаков А.С. Криминологическая характеристика личности преступника – экстремиста // Вестник Удмуртского университета, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lichnosti-prestupnika-ekstremista-1> (дата обращения: 20.03.2026).
5. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2025 года и ожидаемые тенденции ее развития // Аналитический обзор, М., 2026.
6. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за 2020–2025 годы // Министерство внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/26023627/> (дата обращения: 14.03.2026).
7. Турганбекова А.С., Дробот С.А. Некоторые криминологические характеристики личности лиц, совершающих преступления экстремистского или террористического характера // Аллея науки. 2023. Т. 1. № 6 (81).

REFERENCES

1. Bastrykin named the number of cases of extremism against young people and noted the need to work on the Internet, where children are being recruited // RBC. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/5c793e599a79472597f3336d> (date of access: 22.03.2026).
2. Vladimirov D.M. Criminological characteristics of the personality of the criminal who committed extremist crimes // In the collection: XIII Baltic Legal Forum “Law and Order in the Third Millennium.” Materials of the international scientific-practical conference. Kaliningrad, 2025.
3. Gombozhapov Z.E. The identity of a criminal committing extremist crimes // In the collection: Actual problems of jurisprudence. collection of articles based on the materials of the LXXXVII international scientific and practical conference. Novosibirsk, 2024.
4. Ivshin VG, Kondakov A.S. Criminological characteristics of the identity of the criminal – extremist // Bulletin of Udmurt University, 2015. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskaya-harakteristika-lichnosti-prestupnika-ekstremista-1> (date of access: 20.03.2026).
5. A comprehensive analysis of the state of crime in the Russian Federation at the end of 2025 and the expected trends in its development // Analytical review, M., All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2026.
6. Brief description of the state of crime in the Russian Federation for 2020-2025 // Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. URL: <https://mvd.rf/reports/item/26023627/> (date of access: 14.03.2026).
7. Turganbekova A.S., Drobot S.A. Some criminological characteristics of the personality of persons committing crimes of an extremist or terrorist nature // Alley of Science. 2023. Vol. 1. № 6 (81).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Н. А. Вакуленко – кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

N. A. Vakulenko – PhD of Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko Str., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 23.03.2026; одобрена после рецензирования 26.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 23.03.2026; approved after reviewing 26.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 343.13

ОГРАНИЧЕНИЯ ЗАЩИТНИКА В ИССЛЕДОВАНИИ ЛИЧНЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ОБВИНЕНИЯ И ПУТИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Александр Геннадьевич Васильев

Оренбургский городской филиал Башкирской республиканской коллегии адвокатов, Оренбург,
Российская Федерация, o.g.korm@gmail.com

Введение: в судебной практике вопреки принципам состязательности и равноправия сторон сложились ограничения защитника в исследовании обвинительных личных доказательств, что требует законодательных мер их нейтрализации.

Материалы и методы: при исследовании судебной практики ограничения защитников в исследовании обвинительных личных доказательств применялись общенаучные методы изучения явлений в сфере уголовного процесса: диалектический метод, методы дедукции и индукции; анализа и синтеза, также частные методы: сравнительного анализа, моделирования.

Результаты исследования: выявлено наличие трех основных методов ограничения председательствующим судьей защитника в исследовании личных доказательств, представленных стороной обвинения, а также ряд приемов, которыми реализуются эти методы.

Выводы и заключения: сделаны выводы о возможных путях нейтрализации правовыми средствами ограничений участия защитника в исследовании личных доказательств, представленных стороной обвинения. Разработана система предложений по созданию уголовно-процессуальных гарантий, которые должны обеспечить защитнику возможность в исследовании в судебном следствии личных доказательств обвинения.

Ключевые слова: защитник, обвинительные личные доказательства, исследование личных доказательств, ограничения права на защиту, уголовно-процессуальные гарантии

Для цитирования: Васильев А. Г. Ограничения защитника в исследовании личных доказательств обвинения и пути их преодоления // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 96–100.

Original paper

THE LIMITATIONS OF THE DEFENSE ATTORNEY IN EXAMINING THE PROSECUTION'S PERSONAL EVIDENCE AND WAYS TO OVERCOME THEM

Alexander Gennadievich Vasiliev

Orenburg city branch of the Bashkir Republican Bar Association, Orenburg, Russian Federation

Introduction: in judicial practice, contrary to the principles of adversarial equality of arms, limitations have emerged on defense counsel in examining incriminating personal evidence, necessitating legislative measures to neutralize them.

Materials and methods: in studying judicial practice limiting defense counsel in examining incriminating personal evidence, general scientific methods were used to study phenomena in criminal procedure: the dialectical method, deduction and induction, analysis and synthesis, as well as specific methods: comparative analysis and modeling.

Results of the study: three main methods by which presiding judges restrict defense counsel in examining personal evidence presented by the prosecution, as well as several techniques used to implement these methods, were identified.

Findings and conclusions: conclusions were drawn regarding possible legal avenues for neutralizing restrictions on defense counsel's participation in examining personal evidence presented by the prosecution. A system of proposals for establishing criminal procedural guarantees was developed to ensure defense counsel's ability to examine personal evidence presented by the prosecution during a trial.

Keywords: defense counsel, incriminating personal evidence, examination of personal evidence, restrictions on the right to defense, criminal procedural guarantees

© Васильев А.Г., 2026

For citation: Vasiliev A. G. The limitations of the defense attorney in examining the prosecution's personal evidence and ways to overcome them // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 96–100.

В УПК РФ закреплены принципы состязательности и равноправия сторон в представлении доказательств и исследовании доказательств, включая личные доказательства обвинения (ст. 15, 243, 244, 274 УПК РФ). Однако на практике сложилась система ограничений участия защитника в исследовании таких доказательств при рассмотрении уголовного дела судом. Наличие данного явления подтверждается в многочисленных научных работах [1, с. 123–132; 2, с. 41–47; 3, с. 28–30; 4, с. 120–122], а также личным опытом участия автора в судебных процессах.

Первопричина ограничения участия защитника в формировании личных доказательств в суде порождена типом отечественного уголовного процесса, который принято характеризовать как смешанный. Большая часть таких доказательств формируется следователем и представляется суду уже в составе уголовного дела в виде письменных документов (протоколов следственных действий, включая протоколы допросов; заключений экспертов, специалистов, иных документов) [5, с. 348–354]. Суд по своему усмотрению вполне может удовлетвориться исследованием личным доказательством в письменном – производном виде: путем оглашения в порядке статьи 281 УПК РФ протоколов допросов, иных вербальных следственных действий. Тем самым создается предпосылка для ограничения участия защитника в судебной стадии формирования личного доказательства путем обращения к его первоисточнику: лицу, сообщившему сведения о фактических обстоятельствах дела.

Двуединство личных доказательств, образуемое: (а) показаниями и (б) протоколами (иными письменными материалами уголовного дела), в которых они зафиксированы, позволяет государственному обвинителю распоряжаться представлением обвинительных личных доказательств в письменном или устном виде. У государственного обвинителя существует дискреционное усмотрение в определении порядка представления личных доказательств, собранных по делу, этим определяются как предмет, так допустимые средства исследования представляемого обвинительного личного доказательства. Выбор защитником способов и средств исследования обвинительных личных доказательств и сама возможность этого зависят от порядка и формы представления государственным обвинителем личных доказательств и от дискреционного усмотрения председательствующего судьи, ведущего процесс.

Сложился стандарт активного участия председательствующего судьи в формировании личных доказательств сторонами, который вопреки смыслу части 2 ст. 243, 274 УПК РФ, вмешивается в исследование сторонами доказательств, главным образом – в исследование защитником личных доказательств обвинения. Такая модель ведения судебного следствия может быть охарактеризована как проявление обвинительного уклона. Она включает ограничения участия защитника, прежде всего, в формировании обвинительных личных доказательств, путем правоограничительного толкования смысла закона судьями.

Способствует такой судебной практике и неопределенность формулировок закона относительно порядка проведения судебных допросов, в том числе о «наводящем вопросе», «вопросе, не относящемся к делу», «существенных противоречиях».

Можно выделить три основных метода ограничения участия защитника в формировании личных доказательств в суде, каждый из которых включает несколько приемов.

Первый метод состоит в том, что защитник лишается возможности допросить свидетеля обвинения – вместо этого показания свидетеля обвинения оглашаются в соответствии со ст. 281 УПК РФ.

Второй метод состоит в ограничении председательствующим судьей (в то числе по инициативе государственного обвинителя) предмета допроса и объема средств исследования показаний свидетеля обвинения защитником.

При выявлении противоречий между показаниями в суде и ранее данными показаниями, а также другими доказательствами, имеющимися в деле, защитник вправе воспользоваться этим и сделать предметом критического исследования как показания свидетеля обвинения, так и его личность, в том числе возможную пристрастность. Однако председательствующий судья обычно препятствует этому, исходя из того, что в предмет допроса защитником свидетеля обвинения могут входить только (а) показания, данные им на первоначальном допросе, (б) оглашенные в порядке статьи 281 УПК РФ ранее данные этим лицом показания, (в) уже представленные суду другие доказательства.

Основной прием, которым реализуется этот способ, состоит в допросе государственным обвинителем потерпевшего (основного свидетеля обвинения) прежде представления всех других доказательств. В результате, при допросе защитником этого участника процесса

председательствующим судьей отсекаются другие доказательства, в том числе и ранее данные им показания, под тем предлогом, что они еще не представлены государственным обвинителем. Таким образом, защитник ограничивается в выборе и использовании в ходе допросов свидетелей обвинения фактического материала, в том числе, для изобличения лица в даче заведомо ложных показаний, добросовестном заблуждении или выявлении противоречия его показаний с другими доказательствами по делу.

Для исправления подобной ситуации и предоставления большей свободы защитнику в исследовании обвинительных личных доказательств, а также и своих (защитительных), предлагается на законодательном уровне закрепить следующие положения:

- сторона защиты вправе представлять предметы и документы, собранные самостоятельно;
- при исследовании доказательства обвинения участники со стороны защиты для проверки их достоверности, относимости и допустимости вправе представлять любые материалы уголовного дела путем их оглашения с разрешения суда.

Кроме того, в УПК РФ внести, дополнения, связанные с наделением защитника следующими правами:

- самостоятельно определять предмет, ход и направление допроса, как свидетелей защиты, так свидетелей обвинения;

- предъявлять допрашиваемому вещественные доказательства и документы, протоколы следственных действий, воспроизводить материалы аудио- и (или) видеозаписи, приложенные к письменным материалам уголовного дела, в том числе на электронных носителях информации – с участием специалиста;

- предъявлять с разрешения председательствующего судьи допрашиваемому предметы и документы, самостоятельно полученные при адвокатском расследовании.

Третий метод ограничения участия защитника в формировании личных доказательств касается «способов» формирования показаний – личных доказательств и состоит в отклонении председательствующим судьей вопросов, которые задает допрашиваемому защитником. Более всего распространен этот метод при допросе защитником свидетелей обвинения.

Вопросы составляют суть метода расспроса, который лежит в основе не только допроса, но и других вербальных следственных, процессуальных действий. Как отмечается в научной литературе, вопросы образуют единственное содержание допроса; вопросы есть средство собирания (проверки) личных доказательств. Они являются масштабируемым процессуальным средством доказывания, восходящим к допросу [6, с. 54–56]. Контроль над вопросами составляет важнейший элемент формирования личных доказательств [7, с. 240–269].

Наиболее распространенным предлогом для отклонения вопросов защитника является их не относимость к делу. Сложилась устойчивая практика отклонения председательствующим судьей вопросов защитника свидетелю обвинения, которые он трактует как не относящиеся к делу или как несвоевременные в виду того, что они затрагивают те материалы уголовного дела, которые не были представлены суду государственным обвинителем, или как наводящие.

В целях преодоления подобной практики отклонения вопросов под предлогом их не относимости к делу предлагается в части первой статьи 275 УПК РФ формулировку «вопросы, не имеющие отношения к уголовному делу» заменить словами «вопросы, не имеющие отношения к предмету доказывания по делу и выходящие за пределы доказывания».

Для прекращения практики произвольного использования понятия «наводящий вопрос» с целью ограничения права стороны на защиту путем допроса свидетелей обвинения необходимо, в первую очередь, определить в законе понятие наводящего вопроса. Абсолютный запрет на постановку наводящих вопросов, содержащийся в ч. 2 ст. 189 ст. 193 УПК РФ ст. 194, ч. 1 ст. 275 УПК РФ, неправилен [8, с. 443–462]. Давно уже указывается на то, что наводящие вопросы допустимы при допросах, других следственных действиях, которые направлены на проверку личных доказательств, представленных на исследование суду и участникам судебного следствия. Общеизвестно, что наводящие вопросы допустимы при перекрестном допросе лица, давшего показания на прямом допросе [9, с. 338–372].

В этой связи поддерживаем предложение некоторых авторов [10, с. 183–186; 11, с. 35–43; 12, с. 55–58] разделить наводящие вопросы на допустимые и недопустимые. На наш взгляд, целесообразно дополнить статью пятую пунктом 17.2 следующего содержания: «17.2. Недопустимый наводящий вопрос – это наводящий вопрос, содержащий в себе ответ относительно фактического обстоятельства, ранее не бывшего предметом показаний допрашиваемого, который навязывается отвечающему ведущим допрос лицом».

В то же время должен быть запрет на постановку наводящих вопросов как допрашивающим, так и председательствующим судьей, при даче лицом показаний о фактах, которые ранее не были предметом его показаний.

Обобщая вышесказанное об использовании наводящих вопросов в следственном допросе, полагаем целесообразным сформулировать в статье 189 УПК РФ такие предписания:

- участникам допроса запрещено задавать недопустимые наводящие вопросы, определенные в пункте 17.2 статьи пятой УПК РФ;
- соблюдение данного запрета обеспечивается следователем. Защитник вправе требовать соблюдения этого запрета следователем;
- при повторном нарушении защитником, иным участником допроса запрета на постановку недопустимых наводящих вопросов, следователь вправе лишить его права задавать вопросы;
- по окончании свободного рассказа участниками допроса допрашиваемому могут быть заданы вопросы, направленные на уточнение и дополнение данных показаний (направляющие вопросы). Защитнику разрешается задавать допрашиваемому направляющие вопросы по показаниям, данным на вопросы следователя.

Также предлагается изменить формулировку о запрете «наводящих вопросов» (ч. 1 ст. 275 УПК РФ), сделав оговорку о их допустимости при исследовании данных в суде показаний, т. е. формулировку «вопросы, не имеющие отношения к уголовному делу» заменить на формулировку «вопросы, не имеющие отношения к предмету доказывания по делу и выходящие за пределы доказывания». Кроме того, предлагается включить в статью 278 УПК РФ запрет на немотивированное отклонение председательствующим судьей вопросов сторон.

Выступаем за переход от запретительной, ограничительной практики судов относительно использования защитником прямо не запрещенных способов ведения допросов к разрешительной, допускающей большую свободу защитника в использовании способов проверки, исследования надежности показаний свидетелей обвинения и их самих.

Активность суда не может ограничивать право на защиту. Председательствующий судья вправе ограничить участников стороны защиты в формировании личных доказательств только тогда, когда их действия явно входят в противоречие с назначением уголовного судопроизводства и интересами правосудия. В этой связи предлагается часть вторую статьи 243 УПК РФ дополнить нормой о том, что председательствующему судье запрещено вмешиваться в представление и исследование сторонами доказательств, пока их действия не нарушают кодекс и судебную этику.

Как представляется, вносимые нами предложения, основанные на разработках ученых-исследователей, законодательных инициативах¹, могут способствовать укреплению состязательности в отечественном правосудии и обеспечению права на защиту при представлении и исследовании в суде личных доказательств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гришин С.П. Судебное следствие в смешанном уголовном процессе (гносеологический, процессуальный и тактико-криминалистический аспекты). М., 2008.
2. Машовец А.О. Проблемы уголовно-процессуального доказывания в суде: монография. Екатеринбург, 2015.
3. Новолодский Ю.М. Судебное следствие. СПб., 2021.
4. Хайдаров А.А. К вопросу о реализации положений о равенстве прав сторон в ходе судебного следствия // Вестник Московского университета МВД России. 2012. № 8.
5. Дубинина А.А. Спорность монополии следственной формы передачи суду доказательственной информации в условиях цифрового общества // Вопросы российского и международного права. 2019. Том 9. № 10А.
6. Зашляпин Л.А. Вопрос – масштабируемое процессуальное средство доказывания // Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: история, современность и перспективы развития: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения Цили Моисеевны Каз. Саратов, 2020.
7. Зашляпин Л.А. Вопросы как средство достижения истины в судопроизводстве // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудия. 2015. № 1.
8. Центров Е.Е. Наводящий вопрос и пределы использования информации на допросе // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М.К. Треушникова, М., 2005.
9. Александров А.С., Гришин С.П., Конева С.И. Перекрестный допрос в суде (объяснение его сущности, принципов и порядка проведения, а также практическое наставление к употреблению): монография. 3-е изд., доп. М., 2014.

¹ Законопроект № 856221-8 «О внесении изменений в статьи 217 и 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (в части конкретизации оснований и пределов оглашения в судебном заседании показаний, данных при производстве предварительного расследования, с одновременным предоставлением обвиняемому права допрашивать свидетельствующих против него лиц). URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/856221-8> (дата обращения: 07.01.2026); Проект Федерального закона «О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 58 и 80 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. URL: <https://meicexpert.ru/tpost/tk9ketokl1-zakonoproekt-uravnivaet-spetsialista-i-e> (дата обращения: 07.01.2026).

10. Зинченко И.А. Процессуально-правовые дозволения и запреты на постановку наводящих вопросов в допросах: компаративистский взгляд // Пенитенциарная система и общество. Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, 5–7 апреля 2023 г. Т. 2. Пермь, 2023.

11. Баянов А.И. Наводящий вопрос в истории дореволюционного, советского и постсоветского периода уголовно-процессуального законодательства России» // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета: материалы конференций 2020–2021 г. М., 2021.

12. Гриба Ю.А. Правовое регулирование постановки наводящих вопросов в уголовном процессе: сравнительный аспект // Вестник науки и образования. 2019. № 14. Ч. 1 (68).

REFERENCES

1. Grishin S.P. Judicial Investigation in Mixed Criminal Proceedings (Epistemological, Procedural, and Tactical-Criminalistic Aspects). Moscow, 2008.

2. Mashovets A.O. Problems of Criminal Procedural Evidence in Court: Monograph. Yekaterinburg, 2015.

3. Novolodskiy Yu.M. Judicial Investigation. St. Petersburg, 2021.

4. Khaidarov A.A. On the Implementation of Provisions on the Equality of Rights of the Parties during a Trial // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. № 8.

5. Dubinina A.A. The Controversial Nature of the Monopoly of the Investigative Form of Transferring Evidentiary Information to the Court in a Digital Society // Issues of Russian and International Law. 2019. Vol. 9. № 10A.

6. Zashlyapin L.A. The Question: A Scalable Procedural Means of Proof // Evidence and Proof in Criminal Proceedings: History, Modernity, and Development Prospects: A Collection of Articles Based on the Materials of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 95th Anniversary of the Birth of Tsilya Moiseyevna Kaz, Saratov, April 3, 2020 / Editorial Board: Yu. V. Franciforov et al.]. Saratov, 2020.

7. Zashlyapin L.A. Questions as a Means of Achieving the Truth in Legal Proceedings // Bulletin of the International Association for the Assistance of Justice. 2015. № 1.

8. Tsentro E.E. Leading Questions and the Limits of Using Information during Interrogation // Moscow State University Legal Scholars on Modern Law / edited by M.K. Treushnikov, Moscow, 2005.

9. Aleksandrov A.S., Grishin S.P., Koneva S.I. Cross-Examination in Court (Explanation of its Essence, Principles, and Procedure, as well as Practical Instructions for Use): Monograph. 3rd ed., suppl. Moscow, 2014.

10. Zinchenko I.A. Procedural and Legal Permissions and Prohibitions on Asking Leading Questions during Interrogations: A Comparative Perspective // The Penitentiary System and Society. Collection of Materials of the 10th International Scientific and Practical Conference, April 5–7, 2023. Vol. 2. Perm, 2023.

11. Bayanov A.I. The Leading Question in the History of the Pre-Revolutionary, Soviet, and Post-Soviet Periods of Criminal Procedure Legislation in Russia // Scientific School of Criminal Procedure and Forensic Science of St. Petersburg State University: Conference Proceedings 2020–2021: Collection of Articles, Ed. N.G. Stoyko, Moscow, 2021.

12. Griba Yu.A. Legal regulation of asking leading questions in criminal proceedings: a comparative aspect // Bulletin of Science and Education. 2019. № 14. Part 1 (68).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. Г. Васильев – адвокат Оренбургского городского филиала Башкирской республиканской коллегии адвокатов. 460014, Российская Федерация, г. Оренбург, Ленинская улица, 59, корп.1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. G. Vasiliev – lawyer of the Orenburg city branch of the Bashkir Republican Bar Association. 59, Leninskaya St., building 1, Orenburg 460014 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 16.03.2026; одобрена после рецензирования 21.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 16.03.2026; approved after reviewing 21.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 004.056(470)**ДИПФЕЙКИ И ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ – КАК НОВЫЙ ВЫЗОВ
ДЛЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**Давид Кромвелович Григорян¹, Малика Маратовна Ажигалиева²¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, davo-davo23@mail.ru²Южно-российский институт управления Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, mazhigalieva-22@ranepa.ru

Введение: в эпоху стремительного развития цифровизации и глобализации информационная безопасность стала одним из ключевых элементов национальной безопасности. Стоит уделять особое внимание исследованию взаимосвязи искусственного интеллекта и медиа-манипуляций, которые представляют собой серьезную угрозу для информационной безопасности. В статье рассматриваются способы, с помощью которых искусственный интеллект может использоваться для создания и распространения фейковых новостей, дезинформации и пропаганды, поэтому требуется детальное рассмотрение современных методов защиты от подобных манипуляций, основанных на разработке специальных алгоритмов и инструментов для выявления фейковых новостей и дезинформации, а также на повышении уровня информационной грамотности населения, в рамках научных исследований.

Материалы и методы: в процессе исследования автор опирался на комплексный подход, объединяющий методы анализа данных и социологического исследования. Теоретическая база опиралась на работы в области информационной безопасности, политологии, социологии, медиа и когнитивных наук. Для анализа влияния искусственного интеллекта были применены методы контент-анализа новостных потоков и социальных сетей. В качестве эмпирической базы использовались публикации в научной литературе, данные социологических опросов, статистические данные о распространении дезинформации и дипфейков, а также документы международных организаций, занимающиеся проблемами информационной безопасности.

Результаты исследования: в статье рассматривается угроза информационной безопасности путем значительного расширения возможности медиа-манипуляций с применением искусственного интеллекта. Были выявлены основные векторы данных манипуляций с использованием искусственного интеллекта, а также группы населения, наиболее уязвимым к таким манипуляциям. Анализ данных позволил оценить эффективность существующих технологий обнаружения дипфейков. Кроме того, были идентифицированы ключевые проблемы регулирования использования искусственного интеллекта в медиа-пространстве.

Выводы и заключения: искусственный интеллект представляет серьезную угрозу информационной безопасности из-за его потенциала для медиа-манипуляций. Для эффективной борьбы с этой угрозой необходимо разрабатывать и внедрять новые технологии обнаружения и предотвращения распространения дипфейков и дезинформации, повышать медиаграмотность населения и усиливать международное сотрудничество в этой сфере. Только комплексный подход, объединяющий технические, правовые и образовательные меры, может обеспечить эффективную защиту от медиа-манипуляций с использованием искусственного интеллекта.

Ключевые слова: искусственный интеллект, информационная безопасность, медиа, манипуляции, фейк, средство массовой информации, deepfake

Для цитирования: Григорян Д. К., Ажигалиева М. М. Дипфейки и искусственный интеллект – как новый вызов для информационной безопасности России // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 101–108.

Original paper

DEEPPAKES AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE – AS A NEW CHALLENGE FOR RUSSIA'S INFORMATION SECURITY

David Kromvelovich Grigoryan¹, Malika Maratovna Azhigaliyeva²¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation²South Russian Institute of Management Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: in the era of rapid development of digitalization and globalization, information security has become one of the key elements of national security. Particular attention should be paid to the study of the relationship between artificial intelligence and media manipulation, which pose a serious threat to information security. The article discusses the ways in which artificial intelligence can be used to create and disseminate fake news, disinformation and propaganda, so a detailed consideration of modern methods of protection against manipulation is required, based on the development of special algorithms and tools for identifying fake news and disinformation, as well as on increasing the level of information literacy of the population, within the framework of scientific research.

Materials and methods: in the course of the study, the author relied on an integrated approach combining data analysis and sociological research methods. The theoretical base was based on works in the field of information security, political science, sociology, media and cognitive sciences. To analyze the impact of artificial intelligence on manipulation, methods of content analysis of news flows and social networks were used. Publications in scientific literature, data from sociological surveys, statistical data on the spread of disinformation and deepfakes, as well as documents of international organizations dealing with information security issues were used as an empirical base.

Results of the study: the article examines the threat to information security by significantly expanding the possibility of media manipulation using artificial intelligence. The main vectors of media manipulation using artificial intelligence were identified, as well as the population groups most vulnerable to such manipulation. Data analysis made it possible to assess the effectiveness of existing deepfake detection technologies. In addition, key issues in regulating the use of artificial intelligence in the media space were identified.

Findings and conclusions: artificial intelligence poses a serious threat to information security due to its potential for media manipulation. To effectively combat this threat, it is necessary to develop and implement new technologies for detecting and preventing the spread of deepfakes and disinformation, improve media literacy of the population and strengthen international cooperation in this area. Only an integrated approach that combines technical, legal and educational measures can provide effective protection against media manipulation using artificial intelligence.

Keywords: artificial intelligence, information security, media, manipulation, fake, mass media, deepfake

For citation: Grigoryan D. K., Azhigaliyeva M. M. Deepfakes and artificial intelligence – as a new challenge for Russia's information security // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 101–108.

Современный мир находится в состоянии динамичного развития, определяемого стремительным прогрессом технологий. Искусственный интеллект становится неотъемлемым элементом человеческой цивилизации, оказывая глубокое влияние на все сферы жизни.

Одна из наиболее актуальных проблем, связанных с искусственным интеллектом – его использование для медиа-манипуляций. Сегодня информация подается таким образом, что не удастся окончательно понять ее суть и истинное предназначение [2]. Вследствие развития технологий создания дипфейков, поддельных видео и аудио материалов, сгенерированных искусственным интеллектом может привести к серьезным негативным последствиям для общественного устройства.

Согласно статье 5 Национальной Стратегии развития искусственного интеллекта до 2030 г., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 года, искусственным интеллектом является совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум

сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов [1].

В категорию технологических решений входит не только программное обеспечение (включая применение методов искусственного интеллекта), но и инфраструктура информационных и коммуникационных технологий, процессы и услуги, связанные с обработкой данных и поиском решений. Считаем нужным отметить, что искусственный интеллект – это мощный инструмент, способный приносить как неоспоримую пользу государству и его гражданам, так и серьезные опасности для объектов критической информационной инфраструктуры, создавая угрозу информационной безопасности общества и государства, так как его влияние распространяется на все сферы человеческой жизнедеятельности, в том числе и на медиа-коммуникации.

Медиа, как обширное понятие, включает в себя средства коммуникации, способы передачи информации и создаваемую ими среду. В свою очередь, медиа-манипуляция – это использование средств массовой информации для воздействия на «общественный разум» с целью достижения определенных, зачастую скрытых, целей. Это обусловлено тем, что человеческий мозг эволюционно запрограммирован на восприятие визуальной информации как более достоверной: фотографии, видео- и аудиозаписи, являющиеся продуктами современных технологий, воспринимаются как объективные свидетельства произошедших событий, способные существенно повысить уровень доверия населения к полученной информации. Однако в нынешнюю эпоху цифровых технологий, где, благодаря достижениям научно-технического прогресса, фальсификация информации достигла небывалого уровня, ввиду этого критическое восприятие информации становится необходимым условием для формирования объективной картины мира. Собранные сведения, представленные в виде визуальных и аудио материалов, не всегда отражают реальность, и их достоверность требует тщательной проверки. Иными словами, медиа-сфера может содержать полностью или частично поддельные, искаженные информационные материалы, которые создаются с целью введения населения в заблуждение. К ним относятся фальшивые новости, поддельные фото или видео, ложная информация в социальных сетях. Фальшивая информация, преподносимая в качестве достоверной, в медиа-пространстве именуется фейком или дипфейком. Последний термин возник на стыке двух понятий «deep learning» и «fake». Deep learning «глубокое обучение» – это область машинного изучения, которое занимается нейронными сетями.

Использование дипфейков в криминальной деятельности осуществляется следующим образом: часто киберпреступники могут создавать дипфейки с целью обмана людей для передачи денег или конфиденциальной информации. Также дипфейки широко используются для идентификационных целей: подписи лица, фотографии в документах. Создание фальшивых аудио, видеозаписей с участием известных личностей или политических деятелей, в конечном счете, может привести к различным провокациям, подрыву безопасности государства и его граждан. Напомним, что в РФ «закон о фейках» депутаты Государственной Думы приняли 4 марта 2022 года – Федеральный закон № 32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [3].

Технология создания дипфейков, генерируемых глубокими нейронными сетями, подразделяется на 4 вида:

- генеративные состязательные (GAN) – тип нейронных сетей, который состоит из двух моделей – генератор и дискриминатор. Генератор производит фальшивые медиа-материалы, а дискриминатор целым образом оценивает их на подлинность. Таким образом, данные модели искусственного интеллекта дополняют работу друг друга, что позволяет на выходе получить вполне достоверный результат;

- автоэнкодеры – вид нейросетей, которые применяются для создания дипфейков, путем сжатия изображения или видео в скрытое представление и последующего восстановления с измененными параметрами;

- диффузионная модель – один из наиболее распространенных и современных методов, который используется для генерации видеоматериалов практически с нуля;

- постпродакшен полученных материалов, подразумевающий обработку изображений с применением следующих инструментов: изменение освещения, коррекция цветовой гаммы, добавление шума, подгон ракурса по ключевым точкам лица для обеспечения наиболее гладкой склейки вставленного изображения.

Негативные последствия такой подделки могут быть катастрофическими: от распространения ложной информации и подрыва репутации и до уголовной ответственности за действия, которые человек на самом деле не совершал. Так, одним из неблагоприятных следствий распространения дипфейков является видео с российским политическим деятелем, бывшим губернатором Курской области, Алексеем Борисовичем Смирновым. Правительство Курской области опровергло подлинность видеозаписи, на которой якобы губернатор Алексей Борисович комментирует успехи ВСУ в продвижении в регионе и пугает угрозой полного захвата области, в своем Telegram-канале власти региона назвали видео фейком, изготовленным спецслужбами Украины [5]. В фальшивом видео губернатор как будто бы говорит о достижениях ВСУ в Глушковском и Кореневском районах Курской области и об угрозе захвата противником всей территории области. Власти призвали жителей следить только за официальными источниками информации, так как видео с лицом Алексея Борисовича Смирнова было создано с помощью искусственного интеллекта [6].

Другим примером использования искусственного интеллекта могут быть ситуации при планировании атаки или изготовлении дипфейков, в которых нейросети добились впечатляющих результатов. Так, во время ежегодной пресс-конференции «Итоги года с Владимиром Путиным» в 2023 г. был задан вопрос студентом СПбГУ, созданный с помощью искусственного интеллекта. Система «Зефир» проекта «Лапша медиа», которая отслеживает сфабрикованный контент, проанализировала видео и оценила фрагменты, превышающие пять секунд, на 78 % подлинными, и было установлено, что видео было создано на основе выступления президента от 25 января 2021 г. Начальник аналитического отдела АНО «Диалог регионы» Сергей Павлович Маклаков отметил высокое качество дипфейка и подчеркнул, что для создания такого рода дипфейков часто используются похожие на целевую персону актеры. Он также выразил обеспокоенность по поводу возможности использования дипфейков в злонамеренных целях и подчеркнул важность разработки систем их обнаружения [7]. Также АНО «Диалог регионы» составила «Карту региональных фейков», которая демонстрирует, что Москва, Крым, ДНР, Запорожье, Белгородская, Курская, Новосибирская область и Краснодарский край являются регионами с наибольшим количеством фейковой информации, распространяемой через платформы социальных сетей.

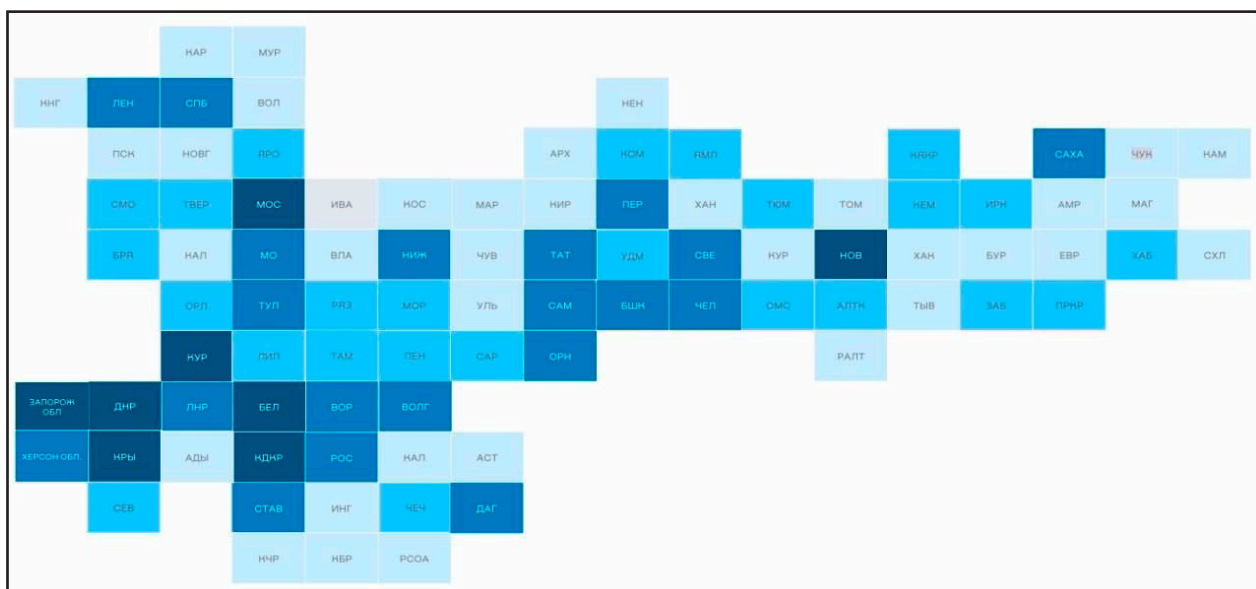

Рис. 1. Карта региональных фейков

Карта служит доказательством распространённости неправдивой информации в Интернете и подчеркивает необходимость систем обнаружения ложных материалов.

Кроме того, посредством персональных компьютеров и мобильных телефонов проводится завуалированная и открытая Интернет-пропаганда, в социальных сетях (SMM, таргетированная реклама, «лайкеры», и т. д.), через почтовую рассылку и мобильные приложения и прочих) [4]. По данным экспертов ВЦИОМ, на сегодняшний день количество атак с применением дипфейков увеличилось на 30 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года [8]. Прогнозируется, что через некоторое время дипфейки будут использоваться в половине всех мошеннических схем, связанных с телефонными звонками.

Злоумышленники используют дипфейки для создания поддельных видео и аудио, чтобы вызвать доверие у жертвы. Чаще всего мошенники представляются близкими людьми – «сыном», «дочерью», «пожилым родственником» или «коллегой». Более 70 % зафиксированных атак были направлены на физических лиц с целью кражи материальных благ. 20 % атак были направлены на сотрудников коммерческих организаций с целью хищения конфиденциальных данных. Также отмечаются персонализированные атаки на руководителей организаций, направленные на кражу как информационных, так и финансовых активов.

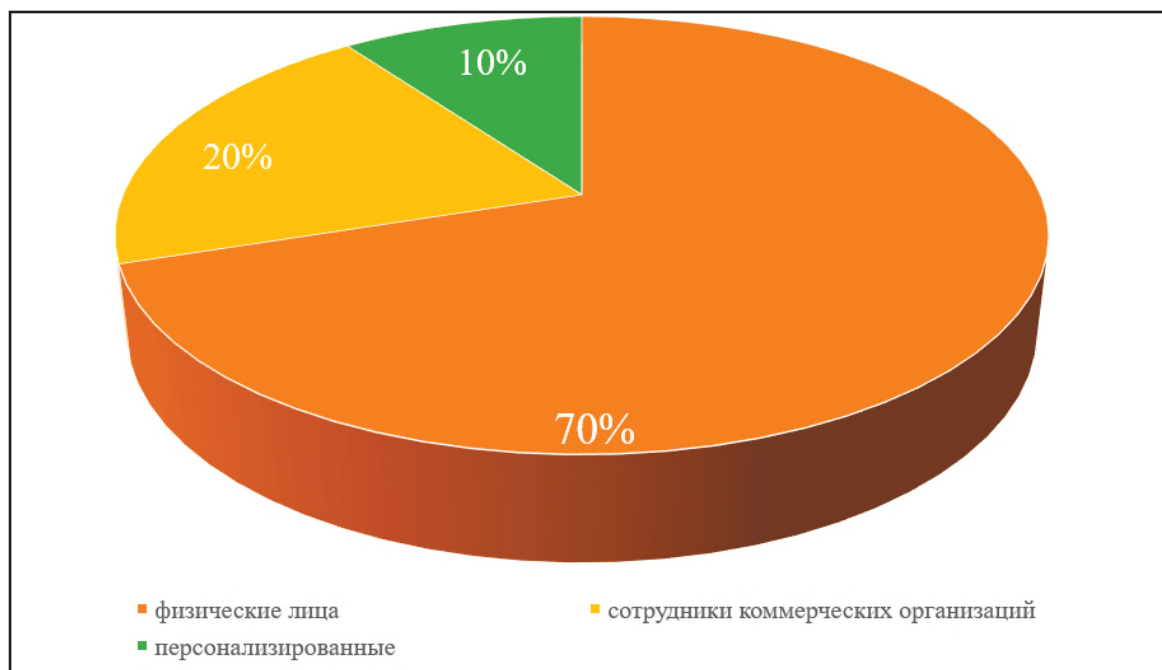

Рис. 2. Процент соотношение групп, подвергающихся хищению

Для урегулирования угроз, возникающих в медиа-пространстве, в мире активно обсуждается проблема безопасности искусственного интеллекта, так как его влияние на медиа стало серьезной угрозой информационной безопасности. Поэтому международное сообщество обеспокоилось данной проблемой и стали активно принимать меры по ее регулированию. В мае 2024 г. Совет Европейского Союза одобрил регламент об искусственном интеллекте, принятый Европейским парламентом в марте того же года. Регламент классифицирует и регулирует использование приложений на основе искусственного интеллекта в зависимости от риска причинить вред пользователю [9]. Система искусственного интеллекта делится на три категории:

- запрещенные системы с недопустимым риском (например, с использованием подсознательных техник, уязвимостей человека);
- подвергнуты усиленному регулированию и контролю системы с высоким риском (оказывающие влияние на возможности людей получать средства к существованию, связанные с биометрическими данными или объектами критической инфраструктуры);
- на системы с ограниченным риском распространяются упрощенные обязательства по прозрачности (конечные пользователи должны быть осведомлены о том, что они взаимодействуют с искусственным интеллектом).

В случае игнорирования запретов на какой-либо вид использования искусственного интеллекта на компанию будет налагаться штраф в виде 35 млн евро или 7 % годовой выручки (в глобальном масштабе, если компания является транснациональной).

В нашей стране принимаются следующие меры противодействия проблеме проникновения искусственного интеллекта во многие сферы жизни людей и государства: в Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Указом Президента Российской Федерации от 15.02.2024 № 124 был внесен пункт о необходимости обеспечения безопасности при разработке и использовании технологий искусственного интеллекта. При поддержке Минцифры был создан консорциум для исследования безопасности технологий искусственного интеллекта [10].

В его состав вошли:

- Национальный технологический центр цифровой криптографии;
- Академия криптографии Российской Федерации;
- Институт системного программирования им. В.П. Иванникова РАН.

Исследования искусственного интеллекта проводятся в ведущих научных центрах, таких как лаборатория «Вычислительные технологии и искусственный интеллект» (СТАИ) на базе СВФУ им. М.К. Аммосова г. Якутск, лаборатория искусственного интеллекта и робототехники на базе ЮФУ им. И.И. Воровича, научно-исследовательский центр оптоэлектроники, медицинской техники и искусственного интеллекта на базе МФТИ и во многих других [11]. В Российской разработке есть программы, которые помогают выявлять дипфейки. Одна из успешных – автономная некоммерческая организация «Диалог», работающая в сфере интернет-коммуникаций. Также «Диалог» создает международную ассоциацию по фактчекингу – проверке информации: вместе с другими дружественными странами организация будет разрабатывать сервисы, которые позволяют опровергать недостоверные данные.

Несмотря на значительные успехи в технологии обнаружения дипфейков, на данный момент нельзя утверждать, что их всегда можно идентифицировать, так как методы создания дипфейков постоянно совершенствуются, вследствие чего они могут содержать минимальное количество артефактов или ошибок, которые обычно выявляются технологиями машинного обучения. Однако, любая система искусственного интеллекта не идеальна. Параллельно ей существуют и развиваются специальные метрики оценки качества, такие как точность, полнота и мера, благодаря которым удалось достичь достаточно хороших результатов обнаружения дипфейков.

Существует порядка 6 технологий, позволяющих выявить вмешательство искусственного интеллекта:

- анализ артефактов – технология, благодаря которой искусственный интеллект может быть обучен находить артефакты, такие как неестественный контур лица, искажение, неестественность производимых движений, поведения и прочих объектов – все, что может намекать или прямо свидетельствовать об использовании современных технологий, чтобы создать дипфейк;
- применение методов спектрального анализа для выявления аномалии в частотных характеристиках аудио- и видеоконтента;
- использование метода сравнения имеющихся материалов с их оригиналом с целью выявления расхождений;
- анализ методанных и цифровой подписи, позволяющие выявить наличие изменений, которым мог подвергаться медиа-контент;
- анализ контекста видеоматериалов, а именно освещения, фона, содержания и частоты аудио, а также других подобных факторов для того, чтобы выявить разные несоответствия и отклонения;
- методы «глубокого обучения», такие как сверточные сети, сети глубокого обучения, рекуррентные нейронные сети, активно используемые в комбинации с вышеупомянутыми технологиями.

Таким образом, система обнаружения применения искусственного интеллекта строится в три этапа: использование контекстуальных методов и анализа артефактов для сбора и обработки данных; применение различных типов нейронных сетей для обработки данных после их соответствующей разметки; дополнительная обработка данных с целью повышения точности и корректности выводов.

Возникновение искусственного интеллекта привело к появлению нового направления в информационной безопасности – обеспечение безопасности самого искусственного интеллекта. В компаниях появились системы защиты разрабатываемых моделей искусственного интеллекта, охватывающие все этапы их жизненного цикла. Так, для выявления «ядовитых» данных в обучающих датасетах стал использоваться кластерный анализ – метод анализа, при котором объекты разделяют на группы по важным критериям. Чтобы обеспечить конфиденциальность при хранении данных, помимо обычных, базовых ресурсов разграничения доступа, также применяется гомоморфное шифрование, с помощью которого удастся выполнять вычисление зашифрованных данных. При использовании open source – компонентов, проводится анализ кода и проверка модели на открытых датасетах, обработанных и структурируемых массивов данных.

Исходя из вышеизложенного, стоит подчеркнуть, что искусственный интеллект, являясь мощным инструментом прогресса, представляет собой значительный вызов для информационной безопасности. Применение искусственного интеллекта в медиа-пространстве открывает новые возможности для манипуляций и дезинформации, что требует активного и комплексного подхода к решению проблемы.

Развитие дипфейков – это лишь один из примеров того, как искусственный интеллект может быть использован в злонамеренных и преступных целях.

Мы считаем, необходимо прилагать усилия для развития технологий распознавания дипфейков, повышения медиа-грамотности населения и регулирования медиа-пространства, чтобы смягчить риски, связанные с использованием искусственного интеллекта для манипуляции. Поэтому задачей первостепенной важности является создание доверенных и безопасных моделей искусственного интеллекта.

Также необходимо усилить межведомственное сотрудничество между государством, бизнесом и гражданским обществом для эффективного реагирования на вызовы, связанные с искусственным интеллектом и медиа-манипуляциями. Проблема искусственного интеллекта и медиа-манипуляции требует глубокого анализа и системного подхода к решению. Только совместные усилия могут обеспечить информационную безопасность в эпоху искусственного интеллекта. Сражаясь с информационными угрозами искусственного интеллекта сообща, мы можем создать более безопасный и надежный ландшафт цифровых технологий, в котором будут защищены ценные данные и устранены злоупотребление искусственным интеллектом.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (дата обращения 14.10.2024)
2. Григорян Д.К., Кондратенко Е.Н. Характерные особенности современных информационных войн политической направленности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 2.
3. Григорян Д.К. Законодательное властно-элитное реагирование на фейк-угрозы национальной безопасности России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2022. Выпуск 8(89). 2022. Том 12.
4. Кондратенко Е.Н., Григорян Д.К., Делов Н.С. Формирование теоретических подходов к анализу экстремизма и терроризма в киберпространстве // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 1.
5. Telegram-канал Курской области. URL: <https://t.me/kurskadm> (дата обращения 13.10.2024).
6. В Интернете появился дипфейк с врио главы Курской области Смирновым. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/08/07/23626687.shtml?updated> (дата обращения 10.10.2024 г.).
7. За основу дипфейк-вопроса Владимиру Путину был взят видеоролик с его выступлением 2021 года – KP.RU. URL: <https://www.kp.ru/daily/27594/4866327/> (дата обращения 21.11.2024).
8. ВЦИОМ. Новости: Отдай мне свои данные! Россиян атакуют дипфейки. URL: <https://wciom.ru/expertise/otdai-mne-svoi-dannye-rossijan-atakujut-dipfeiki> (дата обращения: 20.10.2024).
9. Искусственный интеллект Российской Федерации. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikhstranakh/2024_reglament_evropeyskogo_soyuza_ob_iskusstvennom_intellekte_ano_cifrovaya_ekonomika/ (дата обращения: 09.10.2024).
10. В России создадут консорциум для исследования информационной безопасности ИИ. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20583533> (дата обращения: 09.10.2024).
11. Исследовательские центры и научные организации в сфере ИИ на карте, образование и разработчики в сфере искусственного интеллекта РФ. URL: <https://ai.gov.ru/ai/ecosystem/> (дата обращения: 15.10.2024).

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation of 10.10.2019 № 490 «On the Development of Artificial Intelligence in the Russian Federation». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731> (date of access: 14.10.2024).

2. Grigoryan D.K., Kondratenko E.N. Characteristic features of modern information wars of a political nature // State and municipal administration. Scientific notes. 2024. № 2.
3. Grigoryan D.K. Legislative response of the authorities and the elite to fake threats to Russia's national security // Issues of national and federal relations. 2022. Issue 8(89). 2022. Vol. 12.
4. Kondratenko E.N., Grigoryan D.K., Delov N.S. Formation of theoretical approaches to the analysis of extremism and terrorism in cyberspace // State and municipal administration. Scientific notes. 2024. № 1.
5. Telegram channel of the Kursk region. URL: <https://t.me/kurskadm> (date of access: 13.10.2024).
6. A deepfake with the acting head of the Kursk region Smirnov appeared on the Internet. URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/08/07/23626687.shtml?updated> (date of access: 10.10.2024).
7. The deepfake question to Vladimir Putin was based on a video of his 2021 speech – KP.RU. URL: <https://www.kp.ru/daily/27594/4866327/> (date of access: 21.11.2024).
8. VTsIOM. News: Give me your data! Russians are being attacked by deepfakes. URL: <https://wciom.ru/expertise/otdai-mne-svoi-dannye-rossijan-atakujut-dipfeiki> (date of access: 20.10.2024).
9. Artificial intelligence of the Russian Federation. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/dokumenty-po-razvitiyu-ii-v-drugikhstranakh/2024_reglament_evropeyskogo_soyuza_ob_iskusstvennom_intellekte_ano_cifrovaya_ekonomika_/ (date of access: 09.10.2024).
10. A consortium for the study of AI information security will be created in Russia. URL: <https://tass.ru/ekonomika/20583533> (date of access: 09.10.2024).
11. Research centers and scientific organizations in the field of AI on the map, education and developers in the field of artificial intelligence of the Russian Federation. URL: <https://ai.gov.ru/ai/ecosystem/> (date of access: 15.10.2024).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Д. К. Григорян – кандидат политических наук, доцент, начальник кафедры информационного обеспечения ОВД Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

А. М. Маратовна – преподаватель факультета политологии и этнополитики Южно-российского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 344002, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

D. C. Grigoryan – PhD in Political Sciences, associate professor, head of the Department of Information Support of the Department of Internal Affairs of the Ministry of Internal Affairs at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

M. M. Azhigaliev – Bachelor of the Faculty of Political Science and Ethnopolitics. The South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 07.02.2026; одобрена после рецензирования 20.02.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 07.02.2026; approved after reviewing 20.02.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 342.31

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ОБЪЕКТАХ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ (МЕТРОПОЛИТЕН,
ВОКЗАЛЫ, АЭРОПОРТЫ) И РОЛЬ ПАТРУЛЬНО-ПОСТОВОЙ СЛУЖБЫ ПОЛИЦИИ
В НИХ**

Светлана Викторовна Девятковская¹, Елена Александровна Миллерова², Анастасия Борисовна Шумилина³

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, sdevyatovskaya@yandex.ru

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, millerovyevea@yandex.ru

³Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Nashum82@mail.ru;

Введение: транспортная безопасность – важнейший элемент национальной безопасности, напрямую влияющий на стабильность социально-экономического развития государства и качество жизни граждан. Объекты транспортной инфраструктуры (метрополитены, вокзалы, аэропорты) являются местами массового скопления людей и стратегически значимыми узлами, что делает их приоритетными целями для противоправных действий, включая террористические акты, хищения, диверсии и другие угрозы. В этих условиях ключевую роль в обеспечении безопасности играют не только технические средства и системы контроля, но и человеческие ресурсы, в частности – патрульно-постовая служба полиции.

Актуальность темы обусловлена комплексом взаимосвязанных факторов, отражающих современные вызовы в сфере обеспечения безопасности транспортной инфраструктуры. В условиях роста числа террористических актов, кибератак и иных противоправных действий, целенаправленно ориентированных на объекты транспорта, критически возрастает потребность в постоянном совершенствовании защитных мер. Одновременно сложность самой системы транспортной инфраструктуры – включающей разнородные объекты с индивидуальными характеристиками и специфическими уязвимостями (метрополитены, вокзалы, аэропорты) – затрудняет унификацию подходов к обеспечению их безопасности. Дополнительную проблематику создают нормативные пробелы: несмотря на существование законодательной базы (в т. ч. Федерального закона № 16-ФЗ «О транспортной безопасности» [1]), сохраняются сложности с четким распределением ответственности между субъектами транспортной инфраструктуры и государственными органами, а также отмечается недостаточная детализация требований применительно к отдельным видам транспортных объектов. Совокупность этих факторов формирует актуальную научно-практическую задачу по разработке комплексных решений в области транспортной безопасности.

Материалы и методы: данное исследование базируется на комплексном анализе разнообразных материалов, обеспечивающих всестороннее изучение проблем и перспектив обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры (метрополитенах, вокзалах, аэропортах) и роли патрульно-постовой службы полиции в этом процессе.

В качестве источников данных использованы:

– нормативно-правовые акты (Федеральный закон от 09.02.2007 № 16-ФЗ «О транспортной безопасности»);

– научные и методические источники (статьи в рецензируемых научных журналах, аналитические обзоры зарубежного опыта обеспечения транспортной безопасности).

Для обработки и интерпретации собранных данных применен комплекс научных методов:

– общенаучные (анализ и синтез для систематизации информации, индукция и дедукция для формулирования выводов, системный подход для рассмотрения транспортной безопасности как комплексной системы, сравнительный метод для сопоставления практик обеспечения безопасности на разных типах объектов и в разных регионах);

– специальные научные (формально-юридический метод для толкования норм права).

Сочетание указанных материалов и методов позволяет обеспечить объективность и достоверность результатов исследования, дать комплексную оценку текущего состояния

транспортной безопасности и выработать обоснованные рекомендации по повышению эффективности деятельности патрульно-постовой службы полиции на объектах транспортной инфраструктуры.

Результаты исследования: в ходе комплексного исследования проблем и перспектив обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры (метрополитенах, вокзалах, аэропортах) и роли патрульно-постовой службы полиции (далее – ППС) в этом процессе получены следующие результаты.

Выявлены основные угрозы безопасности, характерные для объектов транспортной инфраструктуры: террористические акты и попытки диверсий, хищения и вандализм, нарушения общественного порядка (драки, хулиганство), несанкционированное проникновение на охраняемые территории, кибератаки на системы управления инфраструктурой, а также техногенные риски, усугубляемые человеческим фактором.

Анализ эффективности действующих мер защиты показал дифференцированную картину: наиболее высокий уровень защищенности отмечен на объектах с многоуровневой системой контроля – в аэропортах, где успешно интегрированы технические средства и человеческий фактор. На железнодорожных вокзалах зафиксированы средние показатели безопасности, что связано с неравномерностью распределения ресурсов. Наибольшая уязвимость выявлена в метрополитенах в час пик: массовое скопление людей затрудняет оперативное реагирование и создает дополнительные риски.

Системный анализ позволил обнаружить ряд существенных проблем:

- недостаточная координация между ведомственными службами (МВД, Росгвардия, службы безопасности объектов);
- неравномерное техническое оснащение разных типов объектов;
- пробелы в подготовке сотрудников ППС к действиям при кибератаках и техногенных авариях;
- низкая автоматизация обмена информацией между подразделениями.

Выводы и заключения: Обеспечение транспортной безопасности требует комплексного подхода, сочетающего современные технические средства (видеонаблюдение, датчики, системы контроля доступа), грамотное распределение сил и средств ППС, четкое межведомственное взаимодействие и регулярную актуализацию нормативно-правовой базы.

ППС остается ключевым элементом системы безопасности на объектах с массовым пребыванием людей. Ее эффективность напрямую зависит от штатной численности и графика дежурств, уровня подготовки сотрудников, оснащенности средствами связи и спецтехникой.

Кроме этого, приоритетными направлениями совершенствования следует считать:

- внедрение интеллектуальных систем поддержки решений для ППС (анализ данных с камер, прогнозирование рисков);
- разработку единых стандартов патрулирования для разных типов объектов;
- усиление межведомственной интеграции через создание цифровых платформ обмена информацией;
- повышение квалификации сотрудников в сфере кибербезопасности и антитеррористической подготовки.

Таким образом, модернизация системы обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры должна охватывать как материально-техническую базу, так и организационные механизмы работы ППС. Опора на цифровые технологии и межведомственную кооперацию позволит создать устойчивую и адаптивную систему защиты, способную эффективно противостоять современным угрозам.

Ключевые слова: транспортная безопасность, объекты транспортной инфраструктуры, метрополитен, вокзалы, аэропорты, патрульно-постовая служба полиции (ППС)

Для цитирования: Девятковская С. В., Миллерова Е. А., Шумилина А. Б. Проблемы и перспективы обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры (метрополитен, вокзалы, аэропорты) и роль патрульно-постовой службы полиции в них // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 109–114.

Original paper

PROBLEMS AND PROSPECTS OF SECURITY ENSURING AT TRANSPORT INFRASTRUCTURE FACILITIES (METROPOLITAN, STATION, AIRPORT) AND ROLE OF POLICE PATROL AND GUARD SERVICE IN THEM

Devyatovskaya Svetlana Viktorovna¹, Millerova Elena Aleksandrovna², Anastasia Borisovna Shumilina³

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russian Federation

³Don State Technical University Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: transport security is an essential element of national security, directly affecting the stability of the socio-economic development of the state and the quality of life of citizens. Transport infrastructure facilities (subways, train stations, airports) are places of mass gathering of people and strategically important hubs, which makes them priority targets for illegal actions, including terrorist acts, theft, sabotage and other threats. In these conditions, not only technical means and control systems, but also human resources, in particular, the police patrol service, play a key role in ensuring security.

The relevance of the topic is due to a complex of interrelated factors reflecting modern challenges in the field of transport infrastructure security. In the context of an increasing number of terrorist acts, cyberattacks, and other illegal actions specifically targeting transport facilities, there is a critical need for continuous improvement of protective measures. At the same time, the complexity of the transport infrastructure system itself, which includes diverse facilities with individual characteristics and specific vulnerabilities (such as subways, railway stations, and airports), makes it difficult to unify approaches to ensuring their security. Regulatory gaps create additional problems: despite the existence of a legislative framework (including Federal Law № 16-FZ «On Transport Security»), there are still difficulties with the clear distribution of responsibilities between transport infrastructure entities and government agencies, and there is a lack of detailed requirements for specific types of transport facilities. These factors together form an urgent scientific and practical challenge in developing comprehensive solutions for transport security.

Materials and methods: this study is based on a comprehensive analysis of various materials that provide a comprehensive study of the problems and prospects of ensuring security at transport infrastructure facilities (subways, railway stations, and airports) and the role of the police patrol service in this process.

The following sources of data were used:

- regulatory legal acts (Federal Law № 16-FZ dated 09.02.2007 «On Transport Security»);
- scientific and methodological sources (articles in peer-reviewed scientific journals, analytical reviews of foreign experience in ensuring transport security).

A complex of scientific methods was used to process and interpret the collected data:

- general scientific methods (analysis and synthesis for systematizing information, induction and deduction for formulating conclusions, a systematic approach for considering transport security as a complex system, and a comparative method for comparing security practices at different types of facilities and in different regions);
- special scientific methods (a formal legal method for interpreting legal norms).

The combination of these materials and methods ensures the objectivity and reliability of the research results, provides a comprehensive assessment of the current state of transport security, and allows for the development of reasonable recommendations for improving the efficiency of police patrol and guard services at transport infrastructure facilities.

Results of the study: in the course of a comprehensive study of the problems and prospects of ensuring security at transport infrastructure facilities (subways, railway stations, and airports) and the role of the police patrol and guard service (hereinafter referred to as the PPGS) in this process, the following results were obtained.

The main security threats specific to transport infrastructure facilities were identified, including terrorist acts and sabotage attempts, theft and vandalism, violations of public order (brawls and hooliganism), unauthorized entry into secure areas, cyberattacks on infrastructure management systems, and technological risks exacerbated by human factors.

An analysis of the effectiveness of existing security measures revealed a differentiated picture: the highest level of security was observed at facilities with a multi-level control system, such as airports, where technical equipment and human factors are successfully integrated. At railway stations, the security indicators were average, which is due to the uneven distribution of resources. The most vulnerable areas were identified in the subway system during peak hours, as the large number of people makes it difficult to respond quickly and poses additional risks.

A systematic analysis revealed a number of significant problems:

- insufficient coordination between departmental services (Ministry of Internal Affairs, Russian National Guard, and security services of facilities);
- uneven technical equipment of different types of facilities;
- gaps in the training of PSSP officers for actions in case of cyberattacks and man-made accidents;
- low automation of information exchange between units.

Findings and conclusions: Ensuring transport security requires a comprehensive approach that combines modern technical means (video surveillance, sensors, and access control systems), proper distribution of PPSP forces and resources, clear interdepartmental cooperation, and regular updating of the regulatory framework.

PPSP remains a key element of the security system at facilities with a large number of people. Its effectiveness directly depends on the number of personnel and the duty schedule, the level of training, and the availability of communication equipment and special equipment.

In addition, the following areas should be considered as priority areas for improvement:

- implementation of intelligent decision support systems for patrols (analysis of camera data, risk forecasting);
- development of unified patrol standards for different types of facilities;
- strengthening interdepartmental integration through the creation of digital information exchange platforms;
- improving the skills of employees in the field of cybersecurity and anti-terrorism training.

Thus, the modernization of the security system at transport infrastructure facilities should cover both the material and technical base and the organizational mechanisms of the PSSP. Relying on digital technologies and interdepartmental cooperation will allow for the creation of a sustainable and adaptive protection system capable of effectively countering modern threats.

Keywords: transport security, transport infrastructure facilities, metro, train stations, airports, police patrol and patrol service

For citation: Devyatovskaya S. V., Millerova E. A., Shumilina A. B. Problems and prospects of ensuring security at transport infrastructure facilities (subways, railway stations, and airports) and the role of the police patrol service in them // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 109–114.

Проблема обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры (метрополитенах, вокзалах, аэропортах) остается одной из наиболее актуальных в контексте национальной безопасности Российской Федерации. Рост числа террористических угроз, кибератак и иных противоправных действий требует постоянного совершенствования мер защиты и адаптации существующих механизмов реагирования.

В ходе комплексного исследования проблем и перспектив обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры (метрополитенах, вокзалах, аэропортах) и роли патрульно-постовой службы полиции в этом процессе получены следующие результаты.

Прежде всего, с опорой на подходы, предложенные И.В. Потапенковой в исследовании полномочий органов внутренних дел в сфере транспортной безопасности [2, с. 182–185], детально проанализирован спектр актуальных угроз безопасности на указанных объектах. Выявлены и систематизированы следующие виды рисков: террористические акты и попытки диверсий; хищения и акты вандализма; нарушения общественного порядка (включая драки, хулиганство, появление в состоянии опьянения); несанкционированное проникновение на охраняемые территории; кибератаки на автоматизированные системы управления транспортной инфраструктурой; техногенные аварии, вероятность которых повышается из-за человеческого фактора и перегрузок в час пик.

Кроме этого, нами был проведен сравнительный анализ эффективности действующих мер защиты на разных типах объектов транспортной инфраструктуры – в соответствии с методологией Алиуллова Р.Р., рассматривавшего органы внутренних дел как субъект обеспечения транспортной безопасности России [3, с. 16–19.]. Установлено, что наиболее высокий уровень защищенности демонстрируют аэропорты, где успешно интегрированы многоуровневые системы контроля доступа, видеонаблюдения, досмотра и работа специализированных служб безопасности. На железнодорожных вокзалах показатели безопасности оцениваются как средние, что обусловлено неравномерностью распределения ресурсов охраны, недостаточной оснащенностью периферийных зон и высокой динамикой пассажиропотока. Наибольшая уязвимость зафиксирована в метрополитенах, особенно в утренние и вечерние час пик: массовое скопление людей затрудняет оперативное реагирование, создает «слепые зоны» для систем видеонаблюдения и повышает риск возникновения паники при чрезвычайных ситуациях (что согласуется с выводами И.Н. Архипцева о специфике обеспечения безопасности на различных видах транспорта [5, с. 86–90]).

В рамках оценки роли ППС, опираясь на концептуальные положения М.М. Зиганшина и С.И. Агафонова о роли полиции в сфере транспортной безопасности [4, с. 164–169], подтверждено, что патрульные наряды играют ключевую роль в системе обеспечения безопасности: по собранным статистическим данным, они обеспечивают оперативное реагирование на 68 % инцидентов на вокзалах и в метро. В аэропортах функции ППС носят преимущественно вспомогательный характер и дополняют работу профильных служб безопасности. Наибольшую эффективность демонстрируют смешанные патрули (пешие и мобильные), которые позволяют гибко перераспределять силы в зависимости от текущей обстановки и оперативно перекрывать зоны повышенного риска. Вместе с тем выявлены существенные проблемы: дефицит персонала в

ночные смены и на удаленных участках объектов, недостаточная оснащенность современными средствами связи и спецтехникой, пробелы в подготовке сотрудников к действиям при кибератаках и техногенных авариях.

Рассматривая вышеуказанные тезисы, нами был проведен системный анализ, выполненный с учетом теоретических положений Р.Р. Алиуллова [3, с. 16–19], который позволил выявить ряд институциональных проблем:

- слабая координация между ведомственными структурами (МВД, Росгвардия, службы безопасности объектов), приводящая к дублированию функций и пробелам в зонах ответственности;
- неравномерное техническое оснащение разных типов объектов, снижающее общую эффективность системы защиты;
- низкая автоматизация обмена информацией между подразделениями, замедляющая принятие решений в экстренных ситуациях;
- отсутствие единых стандартов патрулирования, учитывающих специфику метрополитенов, вокзалов и аэропортов.

Изучение зарубежного опыта (на примере США, Великобритании, Германии и Сингапура), проведенное с опорой на сравнительно-правовой анализ М.Ю. Павлика и К.В. Боричева [6, с. 128–135], показало перспективность внедрения следующих решений:

- систем видеоаналитики с алгоритмами распознавания подозрительного поведения и автоматического оповещения дежурных служб;
- использования дронов и мобильных роботов для мониторинга больших территорий и труднодоступных зон;
- создания единых центров управления безопасностью на базе технологий искусственного интеллекта и больших данных;
- развития механизмов взаимодействия с гражданами через мобильные приложения для оперативного сообщения о подозрительных предметах и лицах.

На основе полученных данных, с учетом рекомендаций М.М. Зиганшина и С.И. Агафонова [4, с. 164–169] и выводов И.В. Потапенковой [2, с. 182–185], сформулированы предложения по совершенствованию системы транспортной безопасности:

- внедрение интеллектуальных систем поддержки решений для ППСП, включая анализ данных с камер, прогнозирование рисков и оптимизацию маршрутов патрулирования;
- разработка единых стандартов организации службы ППСП на объектах разных типов с учетом пассажиропотока, архитектуры и криминогенной обстановки;
- усиление межведомственной интеграции через создание цифровых платформ обмена информацией в режиме реального времени;
- повышение квалификации сотрудников ППСП в сфере кибербезопасности, антитеррористической подготовки и работы с новыми техническими средствами;
- оптимизация графика дежурств и распределения сил с акцентом на час пик и периферийные зоны.

Ожидаемые результаты реализации предложенных мер:

- сокращение времени реагирования на инциденты на 25–30 %;
- снижение количества правонарушений на объектах транспортной инфраструктуры на 15–20 % в среднесрочной перспективе;
- повышение доверия граждан к системе безопасности за счет прозрачности и оперативности действий правоохранительных органов;
- создание устойчивой и адаптивной системы защиты, способной эффективно противостоять современным угрозам.

Таким образом, результаты исследования, подкрепленные научными положениями упомянутых авторов, подтверждают необходимость комплексной модернизации системы обеспечения безопасности на объектах транспортной инфраструктуры с опорой на цифровые технологии, межведомственную кооперацию и усиление роли ППСП как ключевого элемента оперативного реагирования. Дальнейшие исследования целесообразно направить на апробацию пилотных проектов по внедрению интеллектуальных систем мониторинга и оценку их экономической эффективности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Федеральный закон «О транспортной безопасности» от 09.02.2007 № 16-ФЗ (последняя редакция). URL: <https://base.garant.ru/12151931/> (дата обращения: 20.03.2026).
2. Потапенкова И.В. Роль полиции в обеспечении транспортной безопасности Российской Федерации как одного из элементов системы национальной безопасности страны // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12.
3. Алиуллов Р.Р. Органы внутренних дел как субъект обеспечения транспортной безопасности России (вопросы теории и правового регулирования) // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28).

4. Зиганшин М.М., Агафонов С.И. К вопросу о роли полиции в сфере обеспечения транспортной безопасности (история и современность) Вестник Московского университета МВД России. 2016. № 8.

5. Архипцев И.Н. К вопросу об особенностях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности на железнодорожном, воздушном и водном транспорте // Проблемы правоохранительной деятельности. 2015. № 4.

6. Павлик М.Ю., Боричев К.В. Обеспечение антитеррористической безопасности на объектах транспорта в России и США (сравнительно-правовой анализ) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 1 (81).

REFERENCES

1. Federal Law «On Transport Security» dated 09.02.2007 № 16-FZ (latest edition). URL: <https://base.garant.ru/12151931/> (date of access: 20.03.2026).

2. Potapenkova I.V. The Role of the Police in Ensuring Transport Security of the Russian Federation as an Element of the Country's National Security System / I.V. Potapenkova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2014. № 12.

3. Aliullov R.R. Internal Affairs Bodies as a Subject of Ensuring Transport Security in Russia (Issues of Theory and Legal Regulation) // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 2 (28).

4. Ziganshin M.M., Agafonov S.I. On the Role of the Police in Ensuring Transport Security (History and Modernity) // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 8.

5. Arkhiptsev I.N. On the Peculiarities of Ensuring Public Order and Public Security in Railway, Air, and Water Transport // Problems of Law Enforcement. 2015. № 4.

6. Pavlik M.Yu., Borichev K.V. Ensuring Anti-Terrorist Security at Transport Facilities in Russia and the USA (Comparative Legal Analysis) // Bulletin of the Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1 (81).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. В. Девятовская – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

Е. А. Миллерова – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права и уголовно-правовых дисциплин Ростовского государственного университета путей сообщения. 344038, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового полка Народного ополчения, 2.

А. Б. Шумилина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры коммерческого и предпринимательского права Донского государственного технического университета. 344000, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. V. Devyatovskaya – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

E. A. Millerova – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Administrative Law and Criminal Law Disciplines of the Rostov State Transport University. 2, Rostovskogo Streletskogo Polka Narodnogo Opolcheniya Square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

A. B. Shumilina – Associate Professor of the Department of Civil Law and Process of the Rostov State University of Railway Transport Rostov-on-Don. 1, Gagarin Square, Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 05.02.2026; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 05.02.2026; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.352.3

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПОСРЕДНИКА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ И ДОКАЗЫВАНИЯ

Георгий Александрович Дятлов

Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация,
gadyatlov@sevsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7708-4386>

Введение: рассматриваются проблемы уголовной ответственности посредника во взяточничестве, связанные с квалификацией и доказыванием.

Материалы и методы: проанализированы нормы УК РФ, разъяснения Верховного Суда РФ, судебная практика и научные источники с применением формально-юридического метода.

Результаты исследования: выявлены сложности разграничения посредничества и соучастия, а также квалификации обещания посредничества.

Выводы и заключения: обоснована необходимость уточнения ч. 5 ст. 291.1 УК РФ.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве, квалификация, доказывание, обещание посредничества, судебная практика, состав преступления

Для цитирования: Дятлов Г. А. Уголовная ответственность посредника во взяточничестве: проблемы квалификации и доказывания // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 115–119.

Original paper

CRIMINAL LIABILITY OF AN INTERMEDIARY IN CORRUPTION: QUALIFICATION AND PROOF ISSUES

Georgy Alexandrovich Dyatlov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

Introduction: the article discusses the problems of criminal liability of a mediator in bribery, related to qualification and proof.

Materials and methods: the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, explanations of the Supreme Court of the Russian Federation, judicial practice, and scientific sources are analyzed using the formal-legal method.

Results of the study: the article identifies the difficulties in distinguishing between mediation and complicity, as well as the qualification of the promise of mediation.

Findings and conclusions: the article substantiates the need to clarify Part 5 of Article 291.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: mediation in bribery, qualification, proof, promise of mediation, judicial practice, elements of the crime

For citation: Dyatlov G. A. Criminal liability of an intermediary in corruption: qualification and proof issues // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 115–119.

Уголовно-правовая регламентация посредничества во взяточничестве закреплена законодателем как самостоятельный состав коррупционного преступления, призванный охватить участие третьего лица в передаче незаконного вознаграждения либо в обеспечении договоренности между взяточдателем и взяточполучателем. Норма ст. 291.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), связывает уголовную ответственность посредника с тем, что он действует в интересах сторон коррупционного взаимодействия: лица, передающего незаконные

вознаграждения и должностного лица (либо лица, выполняющего управленческие функции), его принимающего¹. Объективная сторона охватывает как физическую передачу ценностей по поручению одной из сторон, так и действия, направленные на обеспечение договоренностей и ее практического исполнения, когда посредник организует коммуникацию, согласование условий, способ передачи, место и время, а также обеспечивает сокрытие факта передачи.

Посредник действует в интересах обеих сторон коррупционной сделки: его поведение функционально направлено на обеспечение встречного обмена «взятка – служебное действие (бездействие)» и на снижение рисков выявления для взяткодателя и взяткополучателя. При этом посредник по смыслу закона не подменяет ни взяткодателя (ст. 291 УК РФ), ни взяткополучателя (ст. 290 УК РФ): он выступает связующим звеном, обеспечивающим передачу и согласование [1, с. 35].

Юридически значимо и то, что посредничество во взяточничестве сконструировано отдельный состав, а не как разновидность соучастия. На доктринальном уровне подчеркивается проблема такой конструкции в части соотношения с традиционными ролями соучастников, однако сама идея выделения посредника законодателям задана однозначно. Так, Д.Е. Селиверстов, обращает внимание, что: «недостаточно обоснованно формализовано законодателем как более общественно опасное деяние, чем основные составы получения и дачи взятки, а обещание или предложение посредничества во взяточничестве (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ) как тяжкое преступление» [2, с. 41].

Отдельного акцента требует ответственность за обещание или предложение посредничества (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ). Закон прямо криминализует ситуации, когда лицо еще не передало взятку и даже может не приступить к организационным действиям, но уже заявляет о готовности выступить посредником либо предлагает свои услуги посредника. В практическом плане это означает, что уголовно наказуемым становится ранний этап коррупционного взаимодействия, когда «сделка» еще находится на уровне переговоров [3, с. 37].

Для уголовной ответственности не требуется фактическая передача предмета взятки; преступление может признаваться оконченным раньше – на стадии сформированного и выраженного вовне обещания/предложения либо на стадии действий по обеспечению договоренности (если они подпадают под «иное содействие»). Данный вывод следует из самой конструкции ч. 5 ст. 291.1 УК РФ и подтверждается тем, что судебная практика рассматривает «предложения посредничества» как самостоятельные завершённые эпизоды при наличии доказательств доведения предложения до адресата и направленности умысла².

Проблемы квалификации по ст. 291.1 УК РФ в значительной степени связаны с тем, что одни и те же фактические обстоятельства могут быть по-разному оценены при применении уголовного закона: одни и те же внешние действия могут восприниматься как посредничество, пособничество, покушение на дачу/получение взятки либо мошенничество. В научной литературе подчеркивается, что даже при формальной определенности диспозиции сохраняется правоприменительная неоднородность: «неурегулированность ряда вопросов порождает сложность их квалификации и отсутствие единообразия в судебной практике» [4, с. 80].

Наиболее типичная квалификационная ошибка связана с тем, что действия лица, содействующего взяточничеству, механически относят к пособничеству (ст. 33 УК РФ) либо, наоборот, любую помощь автоматически квалифицируют по ст. 291.1 УК РФ. Между тем разграничение должно строиться не по формальному признаку «помог/не помог», а по юридически значимому содержанию действий и их связи с коррупционным соглашением.

Если лицо обеспечивает связь между взяткодателем и взяткополучателем (передает предмет взятки по поручению, организует передачу, согласует условия, подтверждает готовность сторон, устраняет препятствия к встрече и передаче), то при наличии иных признаков применяется ст. 291.1 УК РФ. Если лицо оказывает содействие без осуществления посреднической функции, например, предоставляет помещение, транспорт или средства связи, не участвуя в достижении или реализации договоренности о даче и получении взятки, такие действия могут подлежать квалификации по правилам соучастия в преступлении [5, с. 720].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.; одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

² О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации [от 9 июля 2013 г. № 24] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

Показательно, что в судебных актах, где посредничество признается доказанным, суды, как правило, фиксируют не только факт передачи/получения, но и то, что посредник доводит предложение до адресата, согласует условия и обеспечивает техническую реализуемость договоренности (включая реквизиты, время и способ передачи). Так, в одном из приговоров 2025 г. суд описывает роль посредника через доведение предложения, передачу реквизитов и организацию безналичного перечисления, квалифицируя действия как посредничество в даче взятки³.

Особую практическую сложность образуют ситуации, когда лицо берет у взяткодателя деньги якобы для передачи должностному лицу, но изначально (или впоследствии) не намерено передавать их и обращает в свою пользу. Здесь происходит столкновение антикоррупционного состава и имущественного состава: правоприменитель должен установить направленность умысла и момент его формирования.

Содержательно данная ситуация описывается как «лжепосредничество», когда создается видимость коррупционной коммуникации, но фактически реализуется посягательство на собственность. М.А. Малетина формулирует исходную характеристику так: «действий лжепосредника», направленных на завладение предметом взятки и обращение его в свою пользу» [6, с. 62].

Юридический смысл разграничения заключается в установлении направленности умысла лица. Если доказано, что лицо использует ситуацию, связанную с предполагаемой передачей взятки, исключительно как способ хищения и не намерено обеспечивать передачу предмета взятки адресату, содеянное подлежит квалификации как мошенничество либо покушение на него в зависимости от стадии и наступивших последствий. Вместе с тем судебная практика фиксирует и более сложные случаи, когда часть денежных средств передается, а часть присваивается либо умысел на присвоение формируется уже после их получения, что обуславливает неоднородность правоприменения и подтверждает необходимость уточнения критериев квалификации в разъяснениях, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁴.

Проблема момента окончания особенно заметна при квалификации действий, когда посредник активно участвует в согласовании, но фактическая передача денег пресечена на ранней стадии. Для «основных» частей ст. 291.1 УК РФ (когда речь идет о передаче либо об обеспечении реализации соглашения) правоприменение обычно ориентируется на то, совершены ли действия, реально обеспечивающие передачу или реализацию договоренности. Однако применительно к ч. 5 ст. 291.1 УК РФ уголовная ответственность предусмотрена за обещание или предложение посредничества как за оконченное преступление при наличии установленных законом признаков. Сказанное означает, что для привлечения лица к ответственности не требуется фактическая передача предмета взятки, а юридически значимым признается само выражение готовности осуществить посредничество, если оно обладает необходимой конкретностью и направленностью.

Окончание возможно до фактической передачи взятки, потому что опасность законодатель видит уже в создании коррупционного канала и в формировании готовности посредника обеспечить сделку. При этом практическая сложность заключается в доказывании того, что имела место не бытовая бравада и не неопределенный разговор, а выраженное обещание/предложение, адресованное конкретному субъекту и ориентированное на реальную реализацию посреднических действий.

Наиболее дискуссионный фрагмент ст. 291.1 УК РФ – это ч. 5, потому что она криминализирует поведение, внешне похожее на переговоры. В этом месте правоприменителю приходится решать, где заканчиваются неэтичные обсуждения и начинается уголовно наказуемое деяние. А.В. Куликов и М.Д. Ферстер справедливо обращают внимание на специфику данной части, отмечая, что она по смыслу объективной и субъективной сторон отличается от других частей статьи [7, с. 30].

Квалификационно значимыми признаками в рассматриваемых ситуациях являются определенность и конкретность намерения лица, адресность обещания посредничества, его связь с предметом взятки, а также с условиями и способом ее предполагаемой передачи.

³ Приговор Центрального районного суда г. Тюмени № 1-37/2025, 1-426/2024 от 19 марта 2025 г. по делу № 1-37/2025 // Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tsbP5ASpGJYX/> (дата обращения: 22.02.2026).

⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации [от 9 июля 2013 г. № 24] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2013. № 9.

Существенное значение имеет и направленность поведения на содействие взяткодателю и взяткополучателю в достижении либо реализации договоренности о даче и получении взятки.

В практической деятельности остается дискуссионным вопрос о необходимости установления реальной возможности исполнения обещанного посредничества. В случаях, когда лицо не располагает связями, не способно обеспечить контакт между сторонами и не предпринимает действий, свидетельствующих о подготовке к передаче взятки, возникает риск подмены уголовно-правовой оценки фактического поведения формальной оценкой словесных высказываний, что противоречит принципу вины и требованию определенности уголовно-правового запрета.

Посредничество во взяточничестве, криминализованное статьей 291.1 УК РФ, занимает особое место в иерархии должностных и коррупционных преступлений.

Посредник часто минимизирует личное участие в передаче предмета взятки, а коммуникация переносится в мессенджеры и краткие контакты. Это делает центральными для доказывания вопросы умысла, содержания договоренности и конкретной роли посредника.

В доказательственной системе по делам о посредничестве во взяточничестве существенную роль играют результаты оперативно-розыскных мероприятий, включая аудио- и видеозаписи, данные переписки и наблюдения, использование которых возможно лишь при строгом соблюдении процессуальных требований допустимости. При этом особое значение приобретает оперативный эксперимент, позволяющий в контролируемых условиях зафиксировать содержание договоренности и конкретные действия посредника, что особенно важно по делам об обещании посредничества, где отсутствует факт передачи взятки и доказательства имеют преимущественно переговорный характер. Сказанное находит отражение в постановлении Талицкого районного суда Свердловской области № 1-354/2023 от 9 ноября 2023 г. по делу № 1-354/2023, в котором действия обвиняемого квалифицированы по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ. Суд указал, что для правильной квалификации необходимо установить фактическое содействие взяткодателю и взяткополучателю в достижении и последующей реализации соглашения о даче и получении взятки. При этом в судебном акте разграничивается посредничество и соучастие, поскольку оценка действий обвиняемого основывалась на их функциональной роли в обеспечении договоренности между сторонами, а не на формальном выполнении отдельных вспомогательных действий⁵.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что основная проблема ч. 5 ст. 291.1 УК РФ сосредоточена в границе между уголовно наказуемым обещанием посредничества и неопределенными переговорами. Чтобы снизить риск расширительного толкования и одновременно сохранить возможность раннего пресечения коррупционной активности, целесообразно уточнить диспозицию, закрепив критерий конкретности и адресности обещания, а также его связи с организационными действиями.

В связи с этим предлагается дополнить ч. 5 ст. 291.1 УК РФ после слов «Обещание или предложение посредничества во взяточничестве» словами: «выраженные в определенной и адресной форме, предусматривающие согласование существенных условий передачи предмета взятки либо совершение действий, направленных на организацию передачи предмета взятки или на достижение соглашения о даче и получении...».

Указанное изменение позволит определить содержание уголовно наказуемого обещания или предложения посредничества через наличие конкретных и адресных действий, направленных на согласование условий передачи взятки либо организацию такой передачи.

Таким образом, можно перейти к следующим выводам:

- правоприменительная практика по ст. 291.1 УК РФ характеризуется неоднородностью квалификации, прежде всего при разграничении посредничества и соучастия, а также при оценке мнимого посредничества и обещания посредничества;
- наибольшие сложности связаны с применением ч. 5 ст. 291.1 УК РФ, поскольку усеченный характер состава требует строгого установления конкретности и адресности обещания при отсутствии фактической передачи предмета взятки;
- судебные решения, включая приговор Тюменского Центрального районного суда и постановление Талицкого районного суда по ч. 2 ст. 291.1 УК РФ, показывают, что устойчивость квалификации зависит от точного определения роли лица в обеспечении договоренности и ее реализации.

⁵ Постановление Талицкого районного суда (Свердловская область) № 1-354/2023 от 9 ноября 2023 г. по делу // Судебные и нормативные акты РФ. URL: № 1-354/2023 <https://sudact.ru/regular/doc/e205zm01Jyx/> (дата обращения: 23.02.2026).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Замараев В.И. Предупреждение посредничества во взяточничестве // Legal Bulletin. 2023. Т. 8. № 3.
2. Селиверстов Д. Е. Проблемы квалификации и привлечения к уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Вестник магистратуры. 2024. № 2–1 (149).
3. Белов Ф.О. Особенности квалификации и проблемы привлечения к уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве в Российской Федерации // Вестник магистратуры. 2024. № 1–3 (148).
4. Колосова Д.А. Актуальные проблемы квалификации преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве в Российской Федерации // Молодой ученый. 2023. № 32 (479).
5. Нежгальцев А.Е. Актуальные проблемы уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Вестник науки. 2025. Т. 3. №. 6 (87).
6. Малетина М.А. Мнимое посредничество во взяточничестве: проблемы теории и правоприменения // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2022. № 4 (49).
7. Куликов А.В., Ферстер М.Д. Обещание или предложение посредничества во взяточничестве: проблемы квалификации и правоприменения // Российский следователь. 2024. № 11.

REFERENCES

1. Zamaraev V. I. Prevention of Mediation in Bribery // Legal Bulletin. 2023. Vol. 8. № 3.
2. Seliverstov D.E. Problems of Qualification and Criminal Liability for Mediation in Bribery. Vestnikmagistrature. 2024. № 2–1 (149).
3. Belov F.O. Features of Qualification and Problems of Criminal Liability for Mediation in Bribery in the Russian Federation // Bulletin of the Magistrate. 2024. № 1–3 (148).
4. Kolosova D.A. Current Issues in the Qualification of Crimes Related to Bribery Mediation in the Russian Federation // MolodoyUchenyy. 2023. № 32 (479).
5. Nezhgaltsev A.E. Actual Problems of Criminal Liability for Mediation in Bribery // Bulletin of Science. 2025. Vol. 3. № 6 (87).
6. Maletina M.A. Imaginary Mediation in Bribery: Problems of Theory and Law Enforcement // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (49).
7. Kulikov A.V., Ferster M.D. Promise or Offer of Bribery Mediation: Issues of Qualification and Law Enforcement // Russian Investigator. 2024. № 11.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Г. А. Дятлов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Севастопольского государственного университета. 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

G. A. Dyatlov – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure at the Law Institute of Sevastopol State University. 33, Universitetskaya St., Sevastopol 299053 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 12.04.2026; одобрена после рецензирования 25.04.2026; принята к публикации 08.04.2026.

The article was submitted 12.04.2026; approved after reviewing 25.04.2026; accepted for publication 08.04.2026.

Научная статья
УДК 343.12:343.985.7:343.37

НЕПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДОЗНАВАТЕЛЕЙ И СЛЕДОВАТЕЛЕЙ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сергей Германович Еремин

Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, sg-eremin@mail.ru

Введение: актуальность настоящей рукописи заключается в исследовании и решении некоторых проблем при производстве дознавателями и следователями непроцессуальных действий на первоначальном этапе раскрытия и расследования преступлений в сфере экономической деятельности. Автор излагает важные действия, обуславливающие эффективное раскрытие и расследование экономических преступлений: обследование и осмотр производственных, офисных и иных помещений; контрольная проверка; инвентаризация; ревизия финансово-хозяйственной деятельности и др. С помощью вышеуказанных действий существенно повышается эффективность первоначальных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, обеспечивается максимально возможное возмещение ущерба, причиненного потерпевшим юридическим и физическим лицам.

Материалы и методы: основными материалами исследования служат объекты, подлежащие обследованию, осмотру, инвентаризации, ревизии, общенаучные методы синтеза, анализа, аналогии, сопоставления документальных и фактических показателей при изучении юридической, экономической документации, финансовых, налоговых показателей хозяйствующих субъектов.

Результаты исследования: автором проанализированы общетеоретические положения юридических, экономических, психологических и других знаний, названа необходимость их применения в целях выявления, раскрытия, расследования и предотвращения преступлений в сфере экономики. Отмечены субъекты проведения непроцессуальных действий и объекты, подлежащие исследованию, названы эффективные методы и приемы исследования, с помощью которых можно обнаружить замаскированные следы преступной деятельности.

Выводы и заключения: предусматривают подачу материала для разработки эффективных методических рекомендаций для сотрудников правоохранительных органов, прежде всего оперативных сотрудников, следователей и специалистов по организации и производству каждого их перечисленных непроцессуальных действий в целях быстрого обнаружения фактов преступлений, получения криминалистически значимой информации и доказательств экономических преступлений.

Ключевые слова: специалист, обследование и осмотр помещений, признаки экономических преступлений, бухгалтерские документы, комплексная проверка, инвентаризация, документальная ревизия, налоговая проверка

Для цитирования: Еремин С. Г. Непроцессуальная деятельность дознавателей и следователей на первоначальном этапе раскрытия и расследования преступлений в сфере экономической деятельности // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 120–126.

Original paper

THE NON-PROCEDURAL ACTIVITIES OF INTERROGATORS AND INVESTIGATORS AT THE INITIAL STAGE OF DISCLOSURE AND INVESTIGATION OF CRIMES IN THE SPHERE OF ECONOMIC ACTIVITY

Sergey Germanovich Eremin

Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russian Federation

Introduction: the relevance of this manuscript lies in the study and solution of some problems in the production of non-procedural actions by interrogators and investigators at the initial stage of disclosure and investigation of crimes in the field of economic activity. The author outlines important actions

© Еремин С.Г., 2026

that lead to the effective detection and investigation of economic crimes: inspection and inspection of industrial, office and other premises; control inspection; inventory; audit of financial and economic activities, etc. With the help of the above actions, the effectiveness of initial operational search measures and investigative actions is significantly increased, and the maximum possible compensation for damage caused to injured legal entities and individuals is ensured.

Materials and methods: the main research materials are objects to be examined, inspected, inventoried, audited, general scientific methods of synthesis, analysis, analogy, comparison of documentary and factual indicators in the study of legal, economic documentation, financial, tax indicators of business entities.

Results of the study: the author analyzes the general theoretical provisions of legal, economic, psychological and other knowledge, and identifies the need for their application in order to identify, disclose, investigate and prevent economic crimes. The subjects of non-procedural actions and the objects to be investigated are noted, effective research methods and techniques are named, with the help of which it is possible to detect disguised traces of criminal activity.

Findings and conclusions: provide for the submission of material for the development of effective methodological recommendations for law enforcement officers, primarily operational officers, investigators and specialists in the organization and production of each of the listed non-procedural actions in order to quickly detect the facts of crimes, obtain criminalistically relevant information and evidence of economic crimes.

Keywords: specialist, inspection and inspection of premises, signs of economic crimes, accounting documents, comprehensive audit, inventory, documentary audit, tax audit

For citation: Eremin S. G. The non-procedural activities of interrogators and investigators at the initial stage of disclosure and investigation of crimes in the sphere of economic activity // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 120–126.

Справедливости ради надо признать, что значительная часть экономических преступлений выявляется оперативными сотрудниками с помощью гласных либо негласных мероприятий оперативно-розыскной деятельности. Службы Управления экономической безопасности и противодействия коррупции ведут журналы учета как плановых, так и внеплановых проверок хозяйствующих субъектов из числа юридических и физических лиц. Такие проверки проводятся прежде всего в профилактических целях, но зачастую и для обнаружения, выявления, раскрытия и расследования преступлений в экономической сфере деятельности хозяйствующих государственных и предпринимательских частных организаций.

Исходя из анализа материалов уголовных дел, в целях обнаружения, выявления, раскрытия и расследования экономических преступлений эффективными являются методы фактического контроля, проводимые соответствующими субъектами контролирующими и правоохранительных органов в рамках своих полномочий. Изучение нами рассматриваемых вопросов организации и проведения проверочных действий позволяет констатировать, что для обнаружения фактов преступной деятельности в сфере экономики осуществлялись следующие непроцессуальные методы фактического контроля: *обследование и осмотр офисов, помещений, оборудования, баз, складов; контрольная проверка товарно-материальных ценностей; инвентаризация (полная, частичная); документальная ревизия хозяйственно-финансовых операций; получение от специалистов письменных справок и письменных объяснений от иных участников экономической деятельности.*

Цель такого рода проверок заключается в исследовании объектов и получении информации и доказательств о законности оборота основных, денежных средств, обоснованности ведения расчетов за товарно-материальные ценности, которыми располагают хозяйствующие субъекты в соответствии с их уставной деятельностью. Рассмотрим порядок организации и проведения указанных проверочных мероприятий, проводимых дознавателями и следователями на первоначальном этапе раскрытия и расследования экономических преступлений.

Обследование и осмотр офисов, помещений, оборудования, баз, складов позволяет обнаружить недостатки в хозяйственной деятельности конкретного хозяйствующего субъекта: отсутствие или плохую организацию материальной ответственности за сохранность ценностей; наличие недостач, излишков, потерь от просрочки хранения и порчи ценностей; незаконное списание ценностей; завышение норм списаний на естественную убыль, расценок на отдельные работы, услуги. В ряде случаев обследование не дает глубокого анализа всех проблем, отражает только видимые недочеты в деятельности проверяемого субъекта. Так, ученые Н.П. Чувильский и Т.Т. Тагиров полагали, что обследование и осмотр «...способствуют более успешному проведению документальной ревизии, позволяют направить усилия ревизоров на проверку предварительно установленных недостатков тех недостатков, которые были установлены предварительно» [1, с. 40].

Мы предлагаем оперативному сотруднику, дознавателю, следователю и специалистам при обследовании провести следующий комплекс действий: ознакомиться с учетно-отчетной бухгалтерской и складской документацией, подлежащей ревизии; проверить порядок их ведения; установить наличие или отсутствие регистрационных документов, лицензий на право занятия отдельными видами экономической деятельности; проверить штатную численность работников. Важно криминалистически значимую информацию получить из бухгалтерских документов, устава торговой организации, протоколов собраний учредителей, хозяйственно-финансовых договоров, договоров о материальной ответственности, материалов ранее проведенных всех видов проверок.

Осмотр, который предлагаем проводить мы, не следует путать с процессуальным действием, ему следует подвергнуть производственные (складские) помещения, оборудование с целью получения информации об условиях сохранности основных, денежных средств, материальных ценностей, изготовленных изделий. При осмотре должны присутствовать его инициаторы (дознаватель, следователь, специалист соответствующего профиля, руководитель хозяйствующего субъекта). Ученые В.В. Шадрин, К.В. Шадрин и Э.Ф. Мусин справедливо считают, что «...своевременный осмотр имеет большое значение для обнаружения доказательств преступной деятельности и может быть проведен как самостоятельное действие либо являться частью другого действия, например, инвентаризации» [2, с. 75].

Результаты осмотра сверяются с бухгалтерскими документами, участвующий специалист укажет на неправильность маркировки, товарных знаков, акцизных марок и прочие признаки нарушений. Результаты такого обследования и осмотра оформляются актом, прилагаемым к материалам инвентаризации или документальной ревизии.

Контрольной проверкой выясняют идентичность документов и указанных в них данных о материальных ценностях (товаров, продуктов), подготовленных к отгрузке или продаже. Эффективность контрольной проверки достигается в результате ее внезапности при отгрузке или вывозе ценностей с территории базы, склада. При этом надлежит осмотреть груз, упаковку, маркировку, товарные знаки, сертификацию в сопоставлении их аналогичными данными в счете-фактуре, товарно-транспортной накладной, доверенности получателя. Полученные результаты оформляются проверяющими актом, с указанием даты, наименования проверяемой организации, расхождения в показателях.

Инвентаризация ценностей обычно назначается на стадии доследственной проверки и наиболее эффективна при наличии сведений о фактах злоупотреблений, хищений, необоснованном завышении цены на реализуемые товарно-материальные ценности, продаже низкосортных, некачественных товаров или продуктов. Голубятников С.П., Е.С. Леханова верно отмечают, что «...инвентаризация – это фиксация наличия имущества организации, ее финансовых обязательств на определенную дату в целях последующего их сопоставления с данными бухгалтерского учета» [3, с. 21].

Баширов Р.А. и Н.В. Баширова под инвентаризацией понимают: «...с одной стороны, один из элементов метода бухгалтерского учета, как средство обеспечения реальности учетных сведений, с другой – средство фактического контроля за сохранностью имущества» [4, с. 96–97; с. 93–106].

В данном случае названные авторы усматривают цель – установление фактов нарушений и преступлений в деятельности хозяйствующих субъектов с помощью инвентаризации, организуемой по заданию правоохранительных органов и заключающейся в комиссионной проверке специалистами фактического наличия у организации конкретных видов материальных ценностей и финансовых обязательств.

Криминалистическую значимость имеет оценка инвентаризации с очевидными признаками, указывающими на соответствие или расхождение фактического наличия ценностей с бухгалтерскими учетно-отчетными данными за конкретный период времени. Еремин С.Г. оправданно отмечает: «Инвентаризация успешна, когда проводится внезапно с обязательным присутствием руководителя хозяйствующего субъекта, материально ответственных лиц и привлечением опытных специалистов» [5, с. 30]. Не подлежит сомнению, что успех инвентаризации достигается при отсутствии информации о ней у проверяемых лиц.

Порядок проведения инвентаризации закреплен в Методических указаниях, однако без указания оснований ее назначения сотрудниками правоохранительных органов, порядка их взаимодействия с экономическими субъектами и специалистами [6, с. 60–91].

Восполняя данный пробел, отметим, что основными основаниями для инвентаризации на стадии доследственной проверки материалов служат главным образом сведения, полученные оперативно-розыскным путем об умышленном неполном оприходовании ценностей, создании и реализации их излишков, безакцизных, недоброкачественных товаров. В некоторых случаях информация о нарушениях, уголовно наказуемых злоупотреблениях исходит из заявлений граждан, сообщений средств массовой информации.

Для проведения инвентаризации ее инициаторы руководствуются Федеральным законом от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» и Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. от 26.12.2008) «Об оперативно-розыскной деятельности» [7]. Дознаватель, следователь в соответствии со ст. 38, 41, 73, 74, 84, 86, 140-146, 156, 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) выносят постановление о назначении инвентаризации, обязательное для исполнения. Руководитель хозяйствующего субъекта, получив постановление инициатора инвентаризации, издает приказ об этом, в состав инвентаризационной комиссии включаются представитель организации, экономист, товаровед, бухгалтер, лаборант, возможно привлечение инспекторов федеральной налоговой инспекции, независимых аудиторских организаций, чтобы не усматривалась заинтересованность и исключалась подделка результатов проверки.

Отсутствие кого-либо из членов комиссии является основанием для признания результатов недействительными и исключает возможность их использования в качестве доказательств. Инициатор инвентаризации не может входить в состав комиссии, но вправе присутствовать с целью пресечения искажения результатов, предупреждения подкупа, шантажа, угроз заинтересованными лицами физической расправой в отношении членов инвентаризационной комиссии. Присутствующие инициаторы проверки могут лишь контролировать пересчет товаров и денежных средств, но не должны подписывать акт инвентаризации [8, с. 304].

Считаем, что нет необходимости описывать порядок проведения инвентаризации, поскольку он подробно изложен в соответствующих Методических рекомендациях, обязательных к исполнению.

Результаты инвентаризации фиксируются в акте и сличительной ведомости, в ней указывается размер недостачи и излишков по количеству и сумме. Акт составляется в трех экземплярах: первый остается в делах бухгалтерии; второй – передается работнику, ответственному за сохранность ценностей, а третий направляется инициатору проверки. Дознаватель, следователь дают всестороннюю и объективную оценку полноты, качества проверки, наличия данных, указывающих на признаки преступления и возможности использования результатов для доказывания преступления.

Ревизия назначается дознавателем, следователем, если в уголовном деле имеются сведения о фактах злоупотреблений, преступлений, которые возможно подтвердить или опровергнуть с помощью специальных знаний ревизора-бухгалтера. По этому поводу В.Г. Танасевич отмечает: «Ревизия, должна быть целеустремленной, проводится в тесном контакте ревизора и следователя, сообщаящего ему об известных уже способах преступлений, оставляющих следы в определенных документах» [9, с. 10].

Основные задачи ревизии заключаются в проверке:

- правильности ведения бухгалтерского учета и достоверности отражения его показателей;
- реализации планов хозяйственной деятельности, соблюдения финансовой дисциплины, объективности получаемых доходов и уплаты с них всех видов налогов;
- законности, целесообразности, достоверности хозяйственно-финансовых операций;
- обеспечения сохранности ценностей, их незаконного получения, расходования, а также выявления и предотвращения злоупотреблений (недостач, хищений).

Дознаватель, следователь в случаях злоупотреблений, подлежащих доказыванию, выносят постановление о назначении ревизии, руководствуясь ст. 38, 58, 84, 86, 140, 141, 144 и 146 УПК РФ. Полагаем также излишним приводить структуру и содержание этого документа, поскольку он неоднократно подробно приводился в наших публикациях [10].

Документальная ревизия, проводимая по заданию правоохранительных органов ведомственными организациями, частными специалистами, аудиторами, способна в зависимости от обстоятельств дела, дать ответы на следующие вопросы:

1. Правильно ли был организован бухгалтерский учет в деятельности экономического субъекта и отражены в нем хозяйственно-финансовые операции по приему и реализации материальных ценностей.

2. Имелись ли факты злоупотреблений в учетно-отчетных документах экономического субъекта при оформлении хозяйственно-финансовых операций по движению материальных ценностей и денежных средств.

3. Какова сумма материального ущерба, причиненного хозяйствующему субъекту, и какие обстоятельства способствовали его образованию, в чем конкретно это выражается.

Сотрудники органов внутренних дел могут изымать необходимые бухгалтерские документы в подлинниках и копиях. Последние заверяются подписью проверяющих и передаются им или их представителям после изъятия либо в течение пяти дней. Ревизия может проводиться сотрудниками Центра документальных проверок и ревизий МВД России, специалистами-ревизорами подразделений органов внутренних дел.

Герман И.А. отмечает: «Хотя в основе документальной ревизии лежит проверка первичных документов и соответствия им всей остальной документации в целях установления действительности хозяйственных операций, отраженных в бухгалтерском учете, ограничение ревизии задачами документального контроля означало бы лишь проверку документов, а не всей финансово-хозяйственной деятельности предприятия» [11, с. 11].

Дьячков А.М. обращает внимание, что «...следователь и сам может получить интересующие его сведения о других предприятиях из банка данных, которые ведутся на некоторые предприятия в налоговых инспекциях, запросить органы государственного таможенного комитета, статистики, финансовое управление, использовать возможность оперативных аппаратов правоохранительных органов» [12, с. 27].

Считаем, что указанные организационные мероприятия имеют криминалистическую сущность, поскольку позволяют дознавателю, следователю, суду своевременно и более качественно собрать документы, необходимые для назначения ревизии или аудиторской проверки. Перед началом ревизии надлежит ознакомиться с достаточностью бухгалтерских документов для ее проведения. Дознаватель, следователь должны проконтролировать, чтобы при проверке ревизор использовал ссылки на бухгалтерские документы, нормативную базу, данные налогообложения, материалы предыдущих ревизий и аудита.

Ревизор вправе получать объяснения у проверяемых лиц, документы и справки, подтверждающие исследуемые операции, сверить их с документами учета, а по окончании исследований письменно изложить по ним свои выводы и рекомендации. По результатам проверки ревизор составляет *акт документальной ревизии* хозяйственно-финансовой деятельности, в котором отражаются выявленные нарушения законодательства и иные обстоятельства, имеющие значение для дела. Данный документ должен быть составлен и в том случае, если в ходе проведения ревизии нарушения законодательства выявлены не были.

При оценке материалов ревизии дознаватель, следователь должны выяснить: какие нарушения в бухгалтерских документах указывают на подготовку, совершение и сокрытие злоупотреблений, сумму материального ущерба, лиц, ответственных за его причинение, обстоятельства, способствовавшие образованию ущерба и препятствовавшие его своевременному обнаружению; полно ли произведена проверка по каждому вопросу; все ли документы приложены к акту, основаны ли факты и выводы в акте ревизии, на документах; не противоречат ли факты, выявленные ревизией, материалам доследственной проверки или материалам уголовного дела; возмещен ли ущерб, кем, когда, в каком размере.

Для разрешения отдельных неясных вопросов по проверке дознаватель, следователь вправе допросить ревизора, назначить дополнительную или повторную ревизию; повторную – когда первичная проводилась недостаточно квалифицированно, а дополнительную – для уточнения, углубления сведений по исследуемым вопросам [2, с. 130].

Получение от специалистов письменных справок необходимо при проверке хозяйственно-финансовых операций и подтверждающих их документов. При этом справки могут быть о конкретных фактах, для установления которых нельзя обойтись без проведения исследований (аудиторской проверки, ревизии, экспертизы, а также по вопросам общего характера, не требующим исследований).

Первые истребуют, когда исследование уже было проведено не в связи с производством по делу, но признаки преступлений не установлены, в связи с чем необходима аудиторская проверка или ревизия. Справки второй разновидности – это устные консультации. По всем фактам недостатков, излишков в учетно-отчетных документах ответственные лица по письменному запросу правоохранительных или ревизионных органов должны давать письменные сообщения в виде справок. Анализ полученных ответов позволяет на стадии доследственной проверки материалов получить ориентирующую криминалистически значимую информацию, подлежащую дальнейшей проверке. Справки должны быть выданы компетентными специалистами с соблюдением всех обязательных и законных реквизитов (подписи, отпечаток гербовой печати и штампа организации).

Получение письменных объяснений от участников хозяйственных операций требуется в целях поиска и сбора объективной исходной криминалистически значимой информации для диагностирования признаков преступлений: от бухгалтеров получить информацию для своевременного принятия решения о назначении и производстве аудиторской проверки или ревизии, правильной постановки вопросов ревизору; от лиц, не участвовавших в оформлении хозяйственно-финансовых операций, но выполнявших незаконные работы; от должностных, материально ответственных лиц, которые работы не выполняли, но документы на них заполняли и подписывали.

Письменные объяснения могут получать оперативные сотрудники, дознаватели, специалисты (члены инвентаризационных комиссий, аудиторы, ревизоры, товароведы, которые не должны

подменять оперативного сотрудника, излагать правовые вопросы, степень доказывания, устанавливать виновность или невиновность проверяемых лиц).

В итоге мы постарались в статье отразить неотложные действия оперативного сотрудника, дознавателя и следователя на этапе предварительной проверки материалов о преступлениях в сфере экономической деятельности: изучение полученных материалов; оценку фактических данных; принятие решения о получении дополнительных сведений, их изучение и принятие решения в соответствии со ст. 145, 146 УПК РФ. Мы постарались обосновать признаки совершения преступлений в сфере хозяйствования юридических и физических лиц, сгруппировать документы, служащие источниками информации о преступлениях: нормативно-правовые акты по борьбе с преступностью; документы о предкриминальной, криминальной и посткриминальной деятельности подозреваемых лиц; материалы налоговых проверок, ревизий, документы оперативно-розыскной, следственной, прокурорской, судебной практики; расходные материалы, оборудование, инструменты и другие вещные объекты, являющиеся носителями идеальных и материальных следов преступления, взаимодействовавших с другими лицами и предметами.

Исходную информацию, содержащую сведения о способах преступлений в сфере предпринимательства, о лицах, их совершивших, следует относить к обстоятельствам, подлежащим доказыванию (ст. 73 УПК РФ), и к совокупности доказательств (ст. 74 УПК РФ).

Обоснована эффективность применения таких методов, как обследование помещений, инвентаризация, осмотр помещений, оборудования, складов, контрольная проверка, получение от специалистов письменных справок, получение письменных объяснений от участников хозяйственно-финансовых операций в сфере предпринимательства. Доказано, что полученные вследствие этих приемов результаты позволяют детально изучить положение финансовой деятельности предпринимателей, определить размер полученного или предполагаемого дохода от незаконной предпринимательской деятельности, неполученные государством денежные средства в виде оплат за регистрацию, выдачу лицензии, налогов и сборов в бюджеты всех уровней, если бы эта деятельность была законной.

Согласно исследованию сделан вывод о том, что понятие ревизии не подлежит смешению с понятием аудиторской проверки, а акты ревизий или аудиторские заключения не могут приниматься за заключение эксперта-бухгалтера, поскольку не имеют статуса судебных экспертиз.

Исследование позволяет внести предложения по разработке новых положений и инструкций, определяющих порядок и правила организации, назначения и производства ревизии, аудиторской проверки с учетом изложения их правовой регламентации, определения методического обеспечения этих видов деятельности, модификации приемов проверки.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Чувильский Н.П., Тагиров Т.Т. Повышение эффективности борьбы с хищениями в системе торговли : учеб. пособие. Волгоград, 1980.
2. Шадрин В.В., Шадрин К.В., Мусин Э.Ф. Ревизия по требованию правоохранительных органов при расследовании уголовных дел. М., 2004.
3. Голубятников С.П., Леханова Е.С. Судебная бухгалтерия: учеб. пособие. М., 2002.
4. Баширов Р.А., Баширова Н.В. Судебная бухгалтерия. Краснодар, 2004; Судебная бухгалтерия: учебник / под ред. С.П. Голубятникова. М., 1998.
5. Еремин С.Г. Судебная бухгалтерия: учебник. М., 2005.
6. Методические указания по инвентаризации имущества и финансовых обязательств: приказ Министерства финансов РФ от 13.06.1995 № 49 // Бухгалтерский учет. 1995. № 12.
7. О полиции: Федер. закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900; Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (с изм. от 26.12.2008). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Криминалистика / под ред. А.А. Закатова, Б.П. Смагоринского. М., 2003.
9. Танасевич В.Г. Ревизия и бухгалтерская экспертиза при расследовании дел о хищениях государственного и общественного имущества. М., 1958.
10. Еремин С.Г. Теоретические и практически проблемы использования специальных бухгалтерских познаний по делам о преступлениях в сфере экономики. Волгоград, 2006.
11. Герман И.А. Финансовый контроль и документальная ревизия в местной промышленности РСФСР. М., 1948.
12. Дьячков А.М. Основы методики восстановления бухгалтерского учета и особенности производства ревизии и бухгалтерской экспертизы при расследовании преступлений: практ. пособие для следователей и оперуполномоченных / под ред. С.А. Бородулина. Волгоград, 2000.

REFERENCES

1. Chuvilskiy N.P., Tagirov T.T. Improving the effectiveness of combating theft in the trading system : textbook. stipend. Volgograd, 1980.
2. Shadrin V.V., Shadrin K.V., Musin E.F. Audit at the request of law enforcement agencies in the investigation of criminal cases. Moscow, 2004.
3. Golubyatnikov S.P., Lekhanova E.S. Judicial accounting: textbook. manual. Moscow, 2002.
4. Bashirov R.A., Bashirova N.V. Judicial accounting. Krasnodar, 2004; Judicial accounting: textbook / edited by S.P. Golubyatnikov. Moscow, 1998.
5. Eremin S.G. Judicial accounting: textbook. Moscow, 2005.
6. Methodological guidelines for the inventory of property and financial obligations: Order of the Ministry of Finance of the Russian Federation dated 13.06.1995 № 49 // Accounting. 1995. № 12.
7. About the police: Feder. the law of 07.02.2011 № 3-FL // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. St. 900; On operational investigative activities: Feder. The law of 12.08.1995 № 144-FL (as amended dated 26.12.2008). Access from the legal system "ConsultantPlus".
8. Criminalistics / edited by A.A. Zakatov, B.P. Smagorinsky. Moscow, 2003.
9. Tanasevich V.G. Audit and accounting expertise in the investigation of cases of embezzlement of state and public property. Moscow, 1958.
10. Eremin S.G. Theoretical and practical problems of using special accounting knowledge in cases of crimes in the field of economics. Volgograd, 2006.
11. German I.A. Financial control and documentary audit in the local industry of the RSFSR. Moscow, 1948.
12. Dyachkov A.M. Fundamentals of the accounting restoration methodology and the specifics of auditing and accounting expertise in the investigation of crimes: practice. a manual for investigators and operatives / edited by S.A. Borodulin. Volgograd, 2000.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

С. Г. Еремин – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предварительного расследования УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, ул. Историческая, 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

S. G. Eremin – Grand PhD in Law, Professor, Professor of the Department of Preliminary Investigation of the UNC on PS of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 13.03.2026; одобрена после рецензирования 26.03.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 13.03.2026; approved after reviewing 26.03.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 343.2

ДЕСТРУКТИВНЫЙ КОНТЕНТ КАК КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ УГРОЗА: ВЛИЯНИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ БУЛЛИНГА И КИБЕРБУЛЛИНГА

Анастасия Валерьевна Есина

Воронежский институт МВД России, Воронеж, Российская Федерация, aleshinaav02@yandex.ru

Введение: статья посвящена всестороннему криминологическому и правовому анализу деструктивного контента, распространяемого в сети Интернет, и его влиянию на процессы формирования агрессивного поведения, включая буллинг и кибербуллинг среди подростков.

Материалы и методы: исследование основано на анализе нормативно-правовых актов Российской Федерации, статистических данных, социологических опросов, а также работ отечественных и зарубежных авторов в области криминологии, психологии и информационной безопасности. Применяются формально-юридический, сравнительно-правовой и системно-структурный методы.

Результаты исследования: уточнено содержание категории «деструктивный контент», выделены ключевые признаки, описаны механизмы влияния на психику и поведение подростков. Показано, что деструктивный контент способствует нормализации агрессии, снижению уровня эмпатии и росту буллинга и кибербуллинга, а цифровая среда становится самостоятельным пространством криминогенной активности.

Выводы и заключения: обосновывается необходимость нормативного закрепления понятия «деструктивный контент», а также введения специальных обязанностей для владельцев интернет-ресурсов, ориентированных на несовершеннолетних. Предлагаются направления совершенствования российского законодательства и системы профилактики в целях защиты детей от информационного воздействия и противодействия буллингу и кибербуллингу в цифровой среде.

Ключевые слова: деструктивный контент, буллинг, кибербуллинг, цифровая агрессия, подростки, криминологическая характеристика, информационные угрозы, информационная безопасность

Для цитирования: Есина А. В. Деструктивный контент как криминологическая угроза: влияние на формирование буллинга и кибербуллинга // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 127–131.

Original paper

DESTRUCTIVE CONTENT AS A CRIMINOLOGICAL THREAT: INFLUENCE ON THE FORMATION OF BULLYING AND CYBERBULLYING

Anastasiya Valeryevna Esina

Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Voronezh, Russian Federation

Introduction: the article is devoted to a comprehensive criminological and legal analysis of destructive content distributed on the Internet and its impact on the formation of aggressive behavior, including bullying and cyberbullying among teenagers.

Materials and methods: the study is based on the analysis of legal acts of the Russian Federation, statistical data, sociological surveys, as well as works by Russian and foreign authors in the field of criminology, psychology, and information security. Formal legal, comparative legal, and system-structural methods are used.

Results of the study: the content of the category "destructive content" has been clarified, key features have been identified, and the mechanisms of influence on the psyche and behavior of adolescents have been described. It has been shown that destructive content contributes to the normalization of aggression, a decrease in empathy, and an increase in bullying and cyberbullying, while the digital environment becomes an independent space for criminal activity.

© Есина А.В., 2026

Findings and conclusions: the paper substantiates the need for a regulatory definition of the concept of "destructive content," as well as the introduction of special obligations for the owners of Internet resources aimed at minors. The paper also proposes ways to improve Russian legislation and the prevention system in order to protect children from information exposure and to counter bullying and cyberbullying in the digital environment.

Keywords: destructive content, bullying, cyberbullying, digital aggression, teenagers, criminological characteristics, information threats, and information security

For citation: Esina A. V. Destructive content as a criminological threat: influence on the formation of bullying and cyberbullying // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117).* – Pp. 127–131.

В условиях стремительной цифровизации общественных отношений сеть Интернет стала одним из ключевых факторов, влияющих на формирование личности и социализацию личности подростка. С каждым годом возрастает количество несовершеннолетних пользователей сети Интернет, которые сталкиваются с огромными объемами контента, не всегда соответствующего требованиям безопасности и нравственности. Значительная часть несовершеннолетних считает виртуальное пространство основной средой общения, в которой складываются нормы взаимодействия между участниками, а также допустимые границы применения насилия.

Результаты проведенных исследований свидетельствуют о высокой распространенности онлайн-агрессии. Так, в 2024–2025 гг. в России зафиксирован устойчивый рост масштабов онлайн-агрессии и кибербуллинга среди детей и молодежи. По данным ВЦИОМ, значительная часть населения рассматривает кибербуллинг как одну из ключевых угроз для детей, при этом социальные сети и мессенджеры («ВКонтакте», Telegram) остаются основными площадками проявления цифровой травли¹. Масштабы проблемы подтверждают и эмпирические исследования: почти 70 % российских школьников сообщают о личном опыте травли в интернете, включая взлом аккаунтов, дискриминацию в онлайн-играх и несанкционированную публикацию личного контента². Общероссийские опросы демонстрируют, что с агрессивным поведением в сети сталкиваются не только подростки, но и взрослые: 63 % россиян хотя бы раз становились объектом кибератак или оскорблений в цифровой среде³. Одновременно с этим меняется структура агрессии: отмечается сдвиг от преимущественно физического буллинга к психологическому давлению и онлайн-травле, причем кибербуллинг фиксируется уже у каждого пятого школьника, а значительная доля обращений в профильные организации связана именно с цифровой травлей и организованными кампаниями преследования⁴.

Особую опасность представляет так называемый деструктивный контент – информационные материалы, оказывающие разрушительное воздействие на психическое, эмоциональное и социальное развитие подростков, формирует толерантность к насилию и девиантным практикам. Подростки считаются уязвимой категорией пользователей в силу возраста, потребности в самоутверждении, излишней эмоциональности, внушаемостью и склонностью к поиску новых впечатлений, а также недостаточного уровня правовой и цифровой грамотности.

Одним из наиболее значимых последствий регулярного контакта подростков с вредоносной информацией становится формирование и рост таких социально опасных явлений, как буллинг и его современная форма проявления – кибербуллинг. Исследования отечественных психологов подтверждают, что агрессивные модели поведения активно тиражируются и закрепляются именно в цифровой среде.

Например, Хломов К.Д., Кузнецова Ю.М., Дозорцева Е.Г. в своей работе «Кибербуллинг в опыте российских подростков» показывают, что онлайн-агрессия не изолирована: в 24,1 % случаев агрессивный эпизод из интернета переходит в «реальное» пространство, а в 17,2 % – наоборот, офлайн-конфликт переносится в сеть, что свидетельствует о закреплении и тиражировании агрессивных моделей между средами [1, с. 28].

Собкин В.С., Федотова А.В. в своей работе «Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт» фиксируют рост доли подростков, сталкивающихся с агрессией в сети, и показывают, что личное участие в ситуациях сетевой агрессии связано с интенсивностью

¹ Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ). Аналитический обзор «Травля в цифровую эпоху» (24.03.2025). URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-cifrovuju-ehpokhu> (дата обращения: 27.01.2026).

² Газета.ру. Почти 70% российских школьников столкнулись с травлей в интернете. 21.10.2024. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/10/21/24197875.shtml> (дата обращения: 27.01.2026).

³ СенатИнформ. 63% россиян сталкивались с кибербуллингом. 18.11.2024 (уточни фактическую дату публикации). URL: https://www.senatinform.ru/news/63_rossiyan_stalkivalis_s_kiberbullingom/ (дата обращения: 27.01.2026).

⁴ ТАСС. В 2024 году треть обращений в Лигу безопасного интернета была связана с травлей. 25.04.2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/23781073> (дата обращения: 27.01.2026).

онлайн-общения, а также с особенностями самопрезентации, что ведет к формированию и распространению агрессивных сценариев взаимодействия в сетевом пространстве [2, с. 10–12].

Несмотря на широкое распространение в научном и общественном мире, термин «деструктивный контент» до сих пор не имеет нормативного закрепления. Это осложняет его правовую оценку, а также разработку эффективных мер профилактики.

С точки зрения административно-правового подхода, К.А. Шуликов считает, что деструктивный контент можно понимать как разновидность вредной информации в Интернете, распространяющейся вирусно и направленной против достижения общественно значимых целей и задач государственного управления [3, с. 176–177].

С психологической точки зрения деструктивный цифровой контент – это совокупность текстовых и визуальных объектов в киберпространстве, оказывающих информационно-психологическое воздействие на аффективный, когнитивный и поведенческий уровни пользователя и побуждающих его к деструктивным формам поведения [4, с. 100–101].

В рамках исследуемой работы данная категория раскрывается как вредоносная информация, способная разрушать ценностные ориентации индивида и общества, формировать зависимость, подталкивать к насилию, девиантному поведению, саморазрушительным действиям. Особое внимание уделяется тому факту, что деструктивный контент обладает вирусной природой, распространяется стремительно и охватывает широкие аудитории, что делает его одной из ключевых угроз информационной безопасности несовершеннолетних.

К признакам деструктивного контента стоит отнести:

1. Антисоциальная направленность.
2. Нарушение традиционных ценностей.
3. Побуждение к опасным формам поведения.
4. Романтизация преступных образов и персон.
5. Популяризация насилия, суицидальных действий, зависимостей.

Многие интернет-сообщества специально ориентированы на психологически нестабильных подростков, предлагая им опасные задания, вовлекая в группы радикальной направленности или стимулируя проявление агрессии.

Буллинг представляет собой систематическое психическое или физическое преследование, целью которого является унижение личности. В подростковой среде данное явление проявляется особенно остро, поскольку несовершеннолетние активно формируют социальные роли и нередко используют агрессию как инструмент самовыражения.

Ряд российских материалов, опирающихся на классические работы Д. Олвеуса и др., определяют буллинг как повторяющуюся намеренную агрессию (физическую или психологическую) в отношении конкретного лица, направленная на дисбаланс силы, а также запугивание и унижение жертвы⁵.

Деструктивный контент становится одним из фундаментальных факторов, влияющих на появление и эскалацию буллинга.

По данным исследований Г.У. Солдатовой, А.А. Бочавер и коллег, регулярное потребление шок и треш-контента, содержащего сцены насилия и унижения, сопровождается формированием более терпимого отношения к агрессии и насилию как допустимому способу взаимодействия [5, с. 10–14]. Подростки, погруженные в подобную среду, начинают копировать увиденные модели поведения, перенося агрессию в школьную среду.

Особенно опасным является потребление развлекательного контента, который содержит элементы унижения или демонстрации жестокости. Популярные блогеры, создающие провокационный контент, становятся образцами для подростков, формируя у них желание подражать, что повышает риск участия в актах буллинга по отношению к сверстникам.

Тем самым, можно утверждать, что деструктивный контент выполняет функцию вторичного агента социализации, закрепляя агрессивные нормы, отчего подростки считают, что травля является одним из способов решения конфликта и самоутверждения. В результате высок риск перехода от единичных актов агрессии к устойчивой системе преследования в образовательных организациях и за его пределами.

Кибербуллинг – форма агрессивного поведения, направленного на унижение и травлю в онлайн-среде.

Жихарева Л.В., Лучинкина И.С., Гребенюк А.А., Лучинкина А.И. кибербуллинг определяют собой как разновидность девиантного поведения в сети Интернет, выражающуюся в систематическом использовании цифровых технологий для унижения, запугивания, оскорбления, а также изоляции другого человека [6, с. 115–116].

⁵ Министерство юстиции Российской Федерации. Школьный буллинг: как определить, остановить, предотвратить. 13.11.2023. URL: <https://to02.minjust.gov.ru/ru/activity/directions/18/shkolnyj-bulling-kak-opredelit-ost13112023/> (дата обращения: 27.01.2026).

Данная форма преследования является более опасной, поскольку обеспечивает анонимность, массовость, круглосуточный доступ и невозможность для жертвы избежать контакта с агрессором.

По результатам опроса, проведенного платформами «VK Образование» и «Учи.ру», около 69 % российских школьников сообщают, что сталкивались с травлей в интернете хотя бы несколько раз⁶. Аналогичные данные (69 % школьников) демонстрирует и исследование компании «Где мои дети»⁷.

Опросы показывают, что наиболее распространенными формами кибербуллинга являются оскорбления и грубость, угрозы, распространение слухов и личной информации, взлом аккаунтов и публикация измененных или интимных изображений⁸.

В научной работе подчеркивается, что подростки являются наиболее активными пользователями социальных сетей, где они получают доступ к огромному количеству деструктивного контента. Анализ показывает, что просмотр материалов с насилием, пропагандой радикальных действий, самоповреждений или унижений способствует формированию толерантности к агрессии и нормализации жестокого поведения.

Кибербуллинг часто развивается в сообществах, где поддерживается культура насмешек, обесценивания и издевательства над различными группами лиц. Последствия длительной цифровой травли включает развитие тревожных и депрессивных мыслей, суицидальных состояний, что влечет увеличение суицидальных мыслей и позволяет рассматривать кибербуллинг как фактор риска более тяжких преступных последствий. Подростки, участвующие в подобных сообществах, получают поддержку аудитории, что усиливает их стремление к повторению агрессивных действий. Таким образом, деструктивный контент становится ключевым элементом формирования культуры цифровой агрессии.

Несмотря на существование законодательных норм, направленных на защиту несовершеннолетних, деструктивный контент до сих пор остается вне рамок точного правового регулирования. В научной работе подчеркивается, что отсутствие законодательного определения осложняет привлечение лиц к ответственности за распространение вредоносной информации.

Действующие нормы Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» регулируют отдельные группы опасного контента, однако не охватывают все многообразие вредных информационных материалов. В связи с этим представляется необходимым разработать нормативное определение деструктивного контента, ввести классификацию его видов, а также установить уголовную ответственность за его оборот, особенно в случаях вовлечения несовершеннолетних.

Система профилактики также должна включать меры по информационной грамотности, повышению ответственности интернет-платформ и разработку технических средств выявления вредного контента.

С практической стороны, случаи распространения деструктивного контента и кибербуллинга квалифицируют по отдельным составам административного и уголовного законодательства (угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; нарушение неприкосновенности частной жизни, доведение до самоубийства и др.) или вообще остаются вне правового регулирования. Рост числа преступлений в цифровой среде показывает, что данная категория преступлений превращается в самостоятельное пространство криминальной активности и требует комплексного реагирования.

Представляется целесообразным:

1. Включить в текст Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 г. «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁹ нормативное определение «деструктивного контента», под которым понимать информацию, оказывающую разрушительное воздействие на нравственное и психическое развитие несовершеннолетних, формирующую толерантность к насилию и девиантному поведению.

2. В российском законодательстве отсутствует единая специальная норма, детально регламентирующая обязанности владельцев детских онлайн-ресурсов по удалению материалов с признаками травли. Вместе с тем, в соответствии с Федеральным законом № 436-ФЗ и разъяснениями Роскомнадзора, на владельцев сайтов и аудиовизуальных сервисов возлагаются обязанности по ограничению доступа несовершеннолетних к вредной информации, применению технических и организационных мер защиты детей, а также удалению запрещенного контента по

⁶ Youth RIGF. Около 69 % школьников в РФ сталкивались с кибербуллингом пару раз. URL: <https://youth.rigf.ru/000039> (дата обращения: 27.01.2026).

⁷ АБН 24. Почти 70 % школьников России сталкивались с интернет-травлей. URL: <https://abnews.ru/news/2024/10/21/pochti-70-shkolnikov-rossii-stalkivalis-s-internet-travlej> (дата обращения: 27.01.2026).

⁸ Кибербуллинг: как распознать и что делать для защиты. URL: <https://shkolazaxarvan-r11.gosweb.gosuslugi.ru/roditeliam-i-uchenikam/poleznaya-informatsiya/kompleksnaya-bezopasnost/kiberbulling/> (дата обращения: 27.01.2026).

⁹ Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (в ред. от 30.11.2024). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

требованию уполномоченных органов, что фактически предполагает наличие систем модерации и механизмов жалоб пользователей.

В связи с чем, предлагается установить специальные обязанности для владельцев сайтов и информационных ресурсов на оперативное удаление материалов с признаками травли и подстрекательства к насилию, а также взаимодействие с органами системы профилактики и правоохранительными органами.

3. Рассмотреть возможность введения в уголовное законодательство нормы, предусматривающей ответственность за систематическую травлю в цифровой среде несовершеннолетних, а также за создание и распространение деструктивного контента, адресованного несовершеннолетним и сопряженного с риском получения ими вреда психического здоровья.

Деструктивный контент является одной из ключевых угроз психическому и социальному развитию несовершеннолетних. Его воздействие способствует формированию цифровой агрессии, снижению уровня эмпатии и участию подростков в буллинге и кибербуллинге. Для эффективного противодействия необходимо нормативное закрепление термина, создание механизмов регулирования и развитие комплексной профилактики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хломов К.Д., Кузнецова Ю.М., Дозорцева Е.Г. Кибербуллинг в опыте российских подростков // Психология и право. 2019. Т. 9. № 2.
2. Собкин В.С., Федотова А.В. Подростковая агрессия в социальных сетях: восприятие и личный опыт // Психологическая наука и образование. 2019. Т. 24. № 2.
3. Шуликов К.А. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2023. № 2.
4. Гриненко У.Б., Ромеро Рейес И.В. Семантический анализ цифрового деструктивного контента по тематике скулшутинга // Психология и право. 2021. Т. 11. № 4.
5. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Лебешева М.А. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38).
6. Кибербуллинг как форма девиантного поведения личности в интернет-пространстве / Л. В. Жихарева, И. С. Лучинкина, А. А. Гребенюк, А. И. Лучинкина // Научный результат. Педагогика и психология образования. 2022. Т. 8. № 4.

REFERENCES

1. Khlomov K.D., Kuznetsova Yu.M., Dozortseva E.G. Cyberbullying in the experience of Russian adolescents // Psychology and law. 2019. Vol. 9. № 2.
2. Sobkin V.S., Fedotova A.V. Adolescent aggression in social networks: perception and personal experience // Psychological science and education. 2019. Vol. 24. № 2.
3. Shulikov K.A. Destructive content: concept, administrative and legal characteristics, types // Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2023. № 2.
4. Grinenko U.B., Romero Reyes I.V. Semantic analysis of digital destructive content on the subject of schoolshooting // Psychology and law. 2021. Vol. 11. № 4.
5. Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Lebesheva M.A. Types of cyber aggression: the experience of adolescents and youth // National Psychological Journal. 2020. № 2 (38).
6. Cyberbullying as a form of deviant personality behavior in the Internet space / L.V. Zhikhareva, I.S. Luchinkina, A.A. Grebenyuk, A.I. Luchinkina // Scientific result. Pedagogy and psychology of education. 2022. Vol. 8. № 4.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Есина – преподаватель кафедры криминалистики Воронежского института МВД России. 394065, Российская Федерация, г. Воронеж, пр-кт Патриотов, 53.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Esina – lecturer at the Department of Criminalistics at the Voronezh Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 53, Patriotov Ave., Voronezh 394065 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 10.02.2026; одобрена после рецензирования 21.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 10.02.2026; approved after reviewing 21.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 342.32

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ КРАЖ, СОВЕРШАЕМЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Азамат Загирович Зиннуров

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, specznaniya.ufa@mail.ru

Введение: в статье обосновывается актуальность и необходимость рассмотрения адаптированной методики расследования краж, совершаемых несовершеннолетними на современном этапе развития общества, в связи с тем, что, с одной стороны, увеличивается количество несовершеннолетних, с другой стороны, продолжает оставаться на достаточно высоком уровне количество краж, совершаемых подростками.

Материалы и методы: в основу работы легли статистические данные Генпрокуратуры РФ, региональные отчеты, а также зарубежные источники.

Результаты исследования: необходимо отметить совершенствование способов совершения этих видов преступлений, которые трансформируются из традиционно воспринимаемого физического воздействия на предмет посягательства в высокотехнологичные способы хищений, все чаще определяющиеся дистанционными кражами.

Выводы и заключения: изменились следы совершения преступления, а также сами подростки, характеристика личности которых приобрела новые черты, необходимые учитывать в тактике следственных действий.

Ключевые слова: несовершеннолетние, способы краж, цифровые следы, адаптация методики расследования

Для цитирования: Зиннуров А. З. Особенности расследования краж, совершаемых несовершеннолетними на современном этапе // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журнал. 2026. № 2 (117). – С. 132–137.

Original paper

FEATURES OF THE INVESTIGATION OF THEFTS COMMITTED BY MINORS AT THE PRESENT STAGE

Azamat Zagirovich Zinnurov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

Introduction: the article substantiates the relevance and necessity of considering an adapted methodology for investigating thefts committed by minors at the current stage of society's development, due to the fact that, on the one hand, the number of minors is increasing, on the other hand, the number of thefts committed by teenagers continues to remain at a fairly high level.

Materials and methods: the work is based on statistical data from the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, regional reports, as well as foreign sources.

Results of the study: it is necessary to note the improvement of the methods of committing these types of crimes, which are transformed from the traditionally perceived physical impact on the subject of encroachment into high-tech methods of theft, increasingly defined by remote thefts.

Findings and conclusions: the traces of the crime have changed, as well as the teenagers themselves, whose personality characteristics have acquired new features that need to be taken into account in the tactics of investigative actions.

Keywords: minors, methods of theft, digital traces, adaptation of the investigation methodology

For citation: Zinnurov A. Z. Features of the investigation of thefts committed by minors at the present stage // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information- methodical journal. 2026. № 2 (117). – Pp. 132–137.

Хищения чужого имущества, в частности кражи, традиционно занимают доминирующее положение в структуре преступности несовершеннолетних. Согласно официальным данным,

представленным Генпрокуратурой Российской Федерации, за период с января по ноябрь 2025 года, подростковая преступность выросла на 10 %, при этом порядка 70 % совершенных несовершеннолетними преступлений составляют кражи и прочие преступления против собственности (более половины приговоров подросткам в возрасте 14-15 лет вынесены за совершение краж с отягчающими обстоятельствами (1 809 ед. или 68,6 % от общего числа), 493 приговора (18,7 %) – за угон транспортных средств, 336 – за участие в грабеже или разбое (12,7 %), почти каждое третье преступное деяние, совершенное подростками в возрасте 16-17 лет, определено как кража с отягчающими обстоятельствами, каждое двадцатое преступление – как грабеж или угон автотранспорта) [1]. Однако анализ сложившейся за последнее время судебно-следственной практики показывает, что криминалистическая характеристика данных преступлений претерпела некоторые изменения под влиянием трансформации общества и личности современного подростка.

Фундаментальным элементом криминалистической характеристики кражи является способ совершения преступления, который традиционно рассматривается преимущественно сквозь призму физического взаимодействия с предметом посягательства, например, посредством тайного проникновения в жилище, взлома и пр. Но на современном этапе наблюдается смещение акцентов в сторону высокотехнологичных способов хищений, которые все чаще определяются дистанционными кражами. Соответственно, конвергенция традиционных и «технологичных» способов краж (совершаемых с использованием различных технических средств или информационных технологий), требует от следователя развития новых компетенций, преимущественно в области поиска, фиксации и исследования цифровых доказательств.

Эффективность расследования довольно часто зависит не только от компетенций следователя, но от полноты данных о личности преступника. В работах Л. Л. Каневского и его последователей заложены основы тактико-психологического взаимодействия с подростками [2, с. 20]. Вместе с тем, современные исследования указывают на появление новых черт личности несовершеннолетнего правонарушителя и новых способов совершения преступлений, которые, очевидно, необходимо учитывать при выборе тактики производства следственных действий [3, с.85].

К характерным особенностям краж, совершаемых в настоящее время несовершеннолетними, можно отнести:

- групповую форму совершения преступлений (с формированием небольших групп из числа сверстников, зачастую действующих под влиянием взрослых или криминальных лидеров);
- импульсивность и низкую организацию планирования преступления;
- копирование «схем» совершения преступного деяния из деструктивного контента, размещенного в социальных сетях;
- смещение мотивов совершения преступления (из корыстных целей, в стремлении получения условного статуса криминального лидера в группе или в подражании взрослым или окружающим людям (в тенденции личности ориентироваться при решении проблем на других людей (полезависимость) [5, с.163] и поиске «острых ощущений»);
- сочетание традиционных краж из общественных мест с подходами, используемыми киберпреступниками, например в целях согласования действий посредством анонимных сетей, мессенджеров и пр.

Наиболее полно продемонстрировать смещение акцентов в способах совершения краж несовершеннолетними на современном этапе позволил проведенный аналитический обзор указанных преступных деяний на примере Российской Федерации и ряда зарубежных стран. Так, среди наиболее распространенных способов совершения краж несовершеннолетними в настоящее время можно отметить:

1. Кражи «по трендам» среди деструктивного контента в социальных сетях, совершаемые под влиянием «вирусных» видеороликов (например, тренд «borrowing hauls», который зародился как протест против несправедливой оплаты труда работников, после чего переродился в тенденцию публичной или анонимной демонстрации своих навыков и описания способов осуществления кражи товаров из магазинов [6], «devious licks», согласно которому ученики средних и старших классов публиковали контент с демонстрацией краж или повреждений школьного имущества (преимущественно в санитарных узлах, коридорах и классах [7] и др.), где демонстрируется похищенный товар и по шагам показываются способы обхода систем безопасности). Такого рода преступления нередко планируются именно для последующей публикации видеоконтента и получения «одобрения» от онлайн-сообщества или подписчиков.

2. Организованные групповые нападения на магазины вида «флеш-ограблений» (от англ. «flash mob: flash – вспышка, mob – толпа» и от англ. «flash-rob» – ограбление-вспышка, синонимично употребляется как «multiple offender crime» – преступления с вовлечением множества правонарушителей [9]) заведомо скоординированные, но кажущиеся на вид спонтанными кражи, при которых группа подростков проникает в магазин с целью украсть большое количество товаров за короткий промежуток времени, не давая системам безопасности и сотрудникам охраны своевременно среагировать на инцидент. Расследование такого

рода преступных деяний осложняется невозможностью идентификации участников ввиду использования несовершеннолетними маскировочных средств (масок, капюшонов и пр.) и грамотно спланированного разграничения ролей внутри группы нападения [11].

3. Использование «лазеек» в системах самообслуживания (от англ. подхода «self-checkout fraud» – мошенничество на кассах самообслуживания). Несовершеннолетние намеренно сканируют более дешевые товары вместо дорогих, прикрывают штрих-коды товаров, используют не принадлежащие им учетные записи аккаунтов для оплаты (цифровые кошельки) или бонусные карты лояльности [12].

4. Кражи с задействованием подростков в качестве подставных лиц. Так, довольно часто фиксируется вовлечение несовершеннолетних взрослыми криминальными группами в систематические кражи из магазинов или офисов, где подростки действуют как исполнители, пользуясь более мягкой ювенальной ответственностью. Организаторы рассчитывают на то, что при задержании несовершеннолетний возьмет вину на себя, не сможет пояснить как связывался с «заказчиком», соответственно, сам «заказчик» оказываемой подростком услуги или канал сбыта похищенного останется в тени [13].

5. Кражи с использованием игровых и стриминговых платформ, при которых несовершеннолетние похищают виртуальные предметы, внутриигровую валюту или учетные данные (данные аккаунтов), посредством фишинговых сайтов, поддельные игровых скинов, чит-кодов или приглашений на «закрытые» игровые сервера. Полученные учетные данные затем используются для продажи виртуальных предметов или перепродажи самого аккаунта, что фактически является формой кражи цифровых активов и учетных данных [14].

6. Хищения, осуществляемые несовершеннолетними в результате использования персональных данных, учетных данных, цифровых кошельков или технических средств, принадлежащих родителям (знакомым). Как правило они осуществляются под воздействием телефонных мошенников с последующим оформлением несовершеннолетними подписок, онлайн-покупок или получением кредитных денежных средств от имени родителей (знакомых) [16]. Несовершеннолетние в данном случае могут выступать как жертвы и соучастники, используя полученные чужие данные для покупок или переводов. Как правило, несовершеннолетние оплачивают покупки ранее похищенной у владельца или найденной банковской картой, но в силу возрастных особенностей не всегда осознают противоправность деяния, либо считают, что их не смогут установить и привлечь к уголовной ответственности [17, с. 34].

7. Участие в группировках «киберхакеров», осуществляющих хищения посредством взлома аккаунтов, социальной инженерии, датчиков систем вида «умный дом» и пр. Подростки вовлекаются в молодежные хакерские группы с целью осуществления кражи данных, денежных средств (цифровых активов) путем распространения фишинговых ресурсов, взлома облачных хранилищ и аккаунтов пользователей. Для многих несовершеннолетних это начинается как «игра» или эксперимент с техникой, как результат проявления интереса к использованию технологий анонимизации в сети «Интернет», но фактически приводит к краже и довольно часто обнаруживается, поскольку подростки допускают «просчеты» при применении того или иного технического средства или программного обеспечения в целях сокрытия преступной деятельности [18]. Встречаются также кражи с использованием технологий «умного дома» и подключенных к системе беспроводных устройств (датчиков), камер видеонаблюдения. Подростки, обладая техническими навыками, пытаются использовать уязвимости в системах «умного дома», электронных замках, сетях Wi-Fi или системах видеонаблюдения для получения доступа к помещениям и имуществу, включая гаражи и автомобили.

Таким образом, кражи, совершаемые подростками, все чаще сопряжены с цифровой средой, что требует адаптации методик расследования, фиксации и анализа цифровых следов. С учетом представленных способов совершения краж несовершеннолетними в настоящее время можно отметить ряд особенностей, которые необходимо предусмотреть при проведении отдельных следственных действий по указанным преступным деяниям. Особое значение приобретает работа с цифровыми доказательствами, в частности, при осмотре мобильных устройств или компьютеров, принадлежащих несовершеннолетним, важно провести:

- детальный анализ аккаунтов мессенджеров и социальных сетей, принадлежащих несовершеннолетним, в целях поиска изобличающих материалов, используемых ими хештегов при публикации контента, администраторов каналов или чатов и пр.;
- исследование установленного программного обеспечения для формирования мультимедийного контента, редактирования метаданных файлов и пр.;
- анализ записей с камер видеонаблюдения, изобличающих действия несовершеннолетних, записей, производимых непосредственно несовершеннолетними;
- поиск контактов в телефонной книге и исследование частоты взаимодействий по аккаунтам, тщательный анализ голосовых, истории передвижений по геометкам и пр.;
- исследование истории скачиваний (перечня загружаемых файлов) и фактов установки неофициальных версий программного обеспечения и пр.;

- анализ переписки на сторонних (облачных и игровых платформах, например, таких как, Steam, Xbox, PlayStation и пр.);
- поиск и исследование сохраненных карт, скриншотов, реквизитов, веб-форм и особенностей их автозаполнений в браузерах;
- анализ журналов транзакций в банковских приложениях и в приложениях «Apple Pay», «Google Pay» и др.;
- фиксация установленных инструментов анонимизации личности в сети «Интернет» или программы для поиска уязвимостей (например, «VPN-сервисы», браузер «Tor», сканеры уязвимостей), наличие скачанных с репозитория файловых данных;
- анализ истории платежей в приложениях, привязанных к устройству, их сопоставление с банковскими выписками и т.п.

При проведении допроса несовершеннолетнего по факту совершения им кражи целесообразно:

- оценить поведение подростка в целом, его внушаемость, возможную роль в преступной группе, уровень осознания противоправности осуществляемых им деяний;
- выделить лидера группы или взрослого подстрекателя, их роли;
- при наличии подозрения осуществления кражи исходя из мотива самопрезентации перед аудиторией постараться выявить тренд или челлендж, в соответствии с которым формировались действия;
- выяснить, как формировались ожидания и правила в группе подстрекателей, кто занимал место лидера и формировал сценарий действий;
- демонстрировать факт фиксации изобличающих метаданных создаваемых им файлов (дата и время создания, редактирования, наличие геометок в контенте, история версий файлов и пр.), истории браузера и работы с приложениями и т. п.

Проведенное исследование позволило выделить ряд типичных для сегодняшнего дня примеров преступлений, которые требуют адаптации существующих методик расследования и своевременного применения профилактических мер. С учетом динамики зарегистрированных преступлений в России, а также количества зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, численности осужденных и фактического числа преступлений, совершаемых несовершеннолетними, которое, как правило, гораздо выше, чем зарегистрированное правоохранительными органами (ввиду того, что большое количество преступлений совершается в отношении членов семьи или близких родственников, которые не заявляют об этом в органы внутренних дел) [19, с.68], можно отметить, что, когда происходит снижение числа зарегистрированных преступлений в России, наблюдаются уменьшение преступлений, совершенных несовершеннолетними, а также снижение численности контингента и соответственно несовершеннолетних лиц, совершивших указанные деяния [20, с.72]. Интерпретация одного из факторных анализов уровня преступности среди молодежи [21, с.76] говорит о том, что при увеличении удельного веса населения на 1 % количество преступлений среди молодежи увеличивается в среднем на 441,37 единицы, а при увеличении численности несовершеннолетних, совершивших преступления на 1 человека, количество преступлений среди молодежи также увеличивается в среднем на 6,78 единицы. С учетом реализации программы материнского (семейного) капитала, являющейся одной из мер, способствующей реализации современной семейно-демографической политики Российской Федерации в целях роста рождаемости и перехода к преобладанию в обществе модели двухдетной семьи за счет «создания условий, обеспечивающих этим семьям достойную жизнь», было достигнуто повышение уровня рождаемости, что было отмечено резким десятипроцентным ростом уже к 2008 году, которая далее продолжила постепенно расти. После 2012 года к федеральной программе добавились региональные материнские капиталы, при этом рождаемость стала превышать дореформенный уровень на четверть, в итоге к 2016 году, несмотря на начавшееся снижение доходов и стагнацию в экономике, рождаемость выросла более чем на треть по сравнению с дореформенными годами, что отмечается в настоящее время увеличенным количеством несовершеннолетних и объясняет особую актуальность рассматриваемой темы [22].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Официальные данные Генпрокуратуры Российской Федерации о подростковой преступности за январь – ноябрь 2025 года. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26077051> (дата обращения: 01.02.2026).
2. Гаврилов, Б. Я. О влиянии трудов профессора Л. Л. Каневского на исследование современных проблем предварительного следствия // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2.
3. Макаренко, И. А. Особенности подготовки к допросу несовершеннолетнего обвиняемого // Казанские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: Материалы Международной научно-практической конференции. Том. Часть 1. Казань. 2022.

4. Полстовалов, О. В. Криминалистическое обеспечение профилактики, расследования и раскрытия преступлений, совершаемых блогерами: контуры видовой характеристики // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 2.
5. Карабанова, Е. Н. Возрастной критерий уголовно-правовой деликтоспособности лица // Закон. № 1.
6. О распространении челленджа «Borrowing Hauls». URL: <https://www.thetimes.com/business/companies-markets/article/shoplifters-slip-evade-tiktok-police-to-spread-tips-and-targets-vnwl7ggqk> (дата обращения: 01.02.2026).
7. О распространении челленджа «Devious Licks». URL: <https://www.cbsnews.com/news/devious-licks-tiktok-challenge-bathrooms-vandalism> (дата обращения: 01.02.2026).
8. Постановление Казбековского районного суда Республики Дагестан № 1-39/2018 от 5 сентября 2018 г. по делу № 1-39/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jcne4pajhsws> (дата обращения: 01.02.2026).
9. О признании несовершеннолетних виновными в многочисленных кражах, разбойных нападениях, ограблениях и угоне автомобиля. URL: <https://perm.sledcom.ru/news/item/1550593> (дата обращения: 01.02.2026).
10. Официальные данные Федерального бюро расследований США о зарегистрированных случаях краж в магазинах во время флешмобов за период с 2020 по 2024 гг. URL: <https://www.fbi.gov/news/press-releases/fbi-releases-reported-flash-mob-shoplifting-incidents-2020-2024-special-report> (дата обращения: 01.02.2026).
11. О тренде «Shoplifting» или о групповых магазинных кражах. URL: <https://counciloncj.org/shoplifting-trends-what-you-need-to-know> (дата обращения: 01.02.2026).
12. О подходе «Self-checkout» и кражах на кассах самообслуживаний. URL: <https://www.theguardian.com/business/2024/feb/04/self-checkout-theft-security> (дата обращения: 01.02.2026).
13. Приговор Ромненского районного суда Амурской области № 1-2/2020 от 4 февраля 2020 г. по делу № 1-2/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5Vdi4pSbjwQx/> (дата обращения: 01.02.2026).
14. О числе атак на российские игровые сервисы. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/01/2026/6971e2429a7947da8a61811d (дата обращения: 01.02.2026).
15. О незаконных финансовых потоках от кибермошенничества. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_documents/Best_practices/Nezakonnye_finansovye_potoki_ot_kibermosennicestva.pdf (дата обращения: 01.02.2026).
16. О вынесении приговора несовершеннолетнему за кражу с банковского счета. URL: <https://penza.sledcom.ru/news/item/2027122> (дата обращения: 01.02.2026).
17. Быкова, Е. Г. О некоторых вопросах квалификации и доказывания кражи с банковского счета, совершенной несовершеннолетним путем оплаты покупки чужой банковской картой // Российский следователь. 2024. № 7.
18. О вынесении приговора несовершеннолетнему за кражу с банковского счета. URL: <https://yanao.sledcom.ru/news/item/1800857> (дата обращения: 01.02.2026).
19. Петровская, М. И. Преступность несовершеннолетних: причины, структура, особенности и механизмы совершенствования профилактических мер по предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений // Российский следователь. 2025. № 8.
20. Белов В. И., Сапогов, В. М. Актуальные проблемы состояния и динамики преступности несовершеннолетних (на примере Псковской области) // Московский юридический журнал. 2024. № 1.
21. Шапоренко, А. Ю., Шмарихина, Е. С. Факторный анализ уровня преступности среди молодежи // Развитие территорий. 2025. № 3.
22. Официальный бюллетень Счетной палаты Российской Федерации «Материнский капитал – 2021(9)». URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/77c/1kee00yqk3bgxbocq6v5yskaw8q8cqc0.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).
23. Бажанов В. А. История логики в России и СССР. М. 2007.
24. Яблоков, Н. П. Криминалистика: учебник и практикум для вузов. М. 2025.

REFERENCES

1. Official data of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation on juvenile delinquency for January – November 2025. URL: <https://tass.ru/obschestvo/26077051> (date of access: 01.02.2026).
2. Gavrilov, B. Ya. On the influence of the works of Professor L. L. Kanevsky on the study of modern problems of the preliminary investigation // The rule of law: theory and practice. 2024. № 2.
3. Makarenko, I. A. Features of preparation for the interrogation of a minor accused // Kazan criminal procedural and criminalistic readings : Materials of the International scientific and practical Conference. Vol. Part 1. Kazan. 2022.
4. Polstovalov, O. V. Criminalistic provision of prevention, investigation and disclosure of crimes committed by bloggers: outlines of specific characteristics // The rule of law: theory and practice. 2024. № 2.

5. Karabanova, E. N. Age criterion of criminal law delictability of a person // Law. № 1.
6. About the distribution of the "Borrowing Hauls" challenge. URL: <https://www.thetimes.com/business/companies-markets/article/shoplifters-slip-evade-tiktok-police-to-spread-tips-and-targets-vnwl7ggqk> (date of access: 01.02.2026).
7. About the distribution of the "Devious Licks" challenge. URL: <https://www.cbsnews.com/news/devious-licks-tiktok-challenge-bathrooms-vandalism> (date of access: 01.02.2026).
8. Resolution of the Kazbekovsky District Court of the Republic of Dagestan № 1-39/2018 dated September 5, 2018 in case № 1-39/2018. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/jcne4pajhsws> (date of access: 01.02.2026).
9. On the conviction of minors guilty of numerous thefts, robberies, robbery and car theft. URL: <https://perm.sledcom.ru/news/item/1550593> (date of access: 01.02.2026).
10. Official data from the US Federal Bureau of Investigation on reported cases of shoplifting during flash mobs from 2020 to 2024. URL: <https://www.fbi.gov/news/press-releases/fbi-releases-reported-flash-mob-shoplifting-incidents-2020-2024-special-report> (date of access: 01.02.2026).
11. About the "Shoplifting" trend or about group shoplifting. URL: <https://counciloncj.org/shoplifting-trends-what-you-need-to-know> (date of access: 01.02.2026).
12. About the "Self-checkout" approach and thefts at self-service cash desks. URL: <https://www.theguardian.com/business/2024/feb/04/self-checkout-theft-security> (date of access: 01.02.2026).
13. Verdict of the Romnensky District Court of the Amur region № 1-2/2020 dated February 4, 2020 in case № 1-2/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/5Vdi4pSbjwQx/> (date of access: 01.02.2026).
14. About the number of attacks on Russian gaming services. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/01/2026/6971e2429a7947da8a61811d (date of access: 01.02.2026).
15. About illegal financial flows from cyberbullying. URL: https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/FATF_documents/Best_practices/Nezakonnye_finansovye_potoki_ot_kibermosennicestva.pdf (date of access: 01.02.2026).
16. On sentencing a minor for theft from a bank account. URL: <https://penza.sledcom.ru/news/item/2027122> (date of access: 01.02.2026).
17. Bykova, E. G. On some issues of qualification and proof of theft from a bank account committed by a minor by paying for a purchase with someone else's bank card // Russian investigator. 2024. № 7.
18. On sentencing a minor for theft from a bank account. URL: <https://yanao.sledcom.ru/news/item/1800857> (date of access: 01.02.2026).
19. Petrovskaya, M. I. Juvenile delinquency: causes, structure, features and mechanisms for improving preventive measures for the prevention, suppression and disclosure of crimes // Russian Investigator. 2025. № 8.
20. Belov V. I., Sapogov, V. M. Actual problems of the state and dynamics of juvenile delinquency (on the example of the Pskov region) // Moscow Law Journal. 2024. № 1.
21. Shaporenko, A. Yu., Shmarikhina, E. S. Factor analysis of the crime rate among young people // Territorial development. 2025. № 3.
22. The official Bulletin of the Accounts Chamber of the Russian Federation "Maternity Capital – 2021(9)". URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/77c/1kee00yqk3bgxbocq6v5yskaw8q8cqc0.pdf> (date of access: 01.02.2026).
23. Bazhanov V. A. History of Logic in Russia and the USSR, Moscow, 2007.
24. Yablokov, N. P. Criminalistics: textbook and practice for universities. Moscow, 2025.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. З. Зиннуров – соискатель Уфимского университета науки и технологий. 450076, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. Z. Zinnurov – Candidate of the Ufa University of Science and Technology. 32, Zaki Validi St., Ufa 450076 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.12.2025; одобрена после рецензирования 17.02.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 25.12.2025; approved after reviewing 17.02.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 343.9

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИЧИННОСТИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Михаил Евгеньевич Игнатьев¹, Ирина Олеговна Перепечина²

^{1,2}Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

¹m89166810785@gmail.com

²smi-100@mail.ru

Введение: расследование преступлений представляет собой сложный процесс, требующий интеграции различных научных дисциплин для установления причинно-следственных связей между действиями лица и наступившими последствиями. Философия, криминалистика, уголовное право, судебная медицина и современные технологии, такие как искусственный интеллект, играют ключевую роль в доказывании. Рассматриваются теоретические основы, практические методы и перспективы применения междисциплинарного подхода в расследовании.

Материалы и методы: исследование базируется на анализе теоретических положений философии, уголовного права и криминалистики, касающихся причинно-следственных связей. Применен сравнительный анализ подходов к установлению причинности в различных дисциплинах, включая судебную медицину, психологию и информатику. Дополнительно рассмотрены возможности применения искусственного интеллекта и анализа больших данных для выявления скрытых причинных связей.

Выводы и заключения: междисциплинарный подход к установлению причинности в расследовании преступлений позволяет комплексно анализировать сложные обстоятельства, включая множественность причин, и минимизировать ошибки в доказывании. Применение современных технологий, таких как искусственный интеллект, открывает новые перспективы для автоматизации анализа данных и выявления скрытых связей. Для дальнейшего совершенствования процесса расследования необходимо повышение технической оснащенности правоохранительных органов, профессиональной подготовки следователей и корректировка методологии с учетом новых инструментов.

Ключевые слова: причинно-следственная связь, междисциплинарный подход, криминалистика, уголовное право, философия, судебная медицина, искусственный интеллект, множественность причин, расследование преступлений, анализ следов

Для цитирования: Игнатьев М. Е., Перепечина И. О. Междисциплинарный подход к установлению причинности в ходе расследования преступлений // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 138–144.

Original paper

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД К УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИЧИННОСТИ В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Mikhail Evgenievich Ignatiev¹, Irina Olegovna Perepechina²

^{1,2}Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: crime investigation is a complex process that requires the integration of various scientific disciplines to establish causal relationships between an individual's actions and the resulting consequences. Philosophy, criminology, criminal law, forensic medicine, and modern technologies such as artificial intelligence play a crucial role in the process of proof. This article explores the theoretical foundations, practical methods, and prospects for applying an interdisciplinary approach in crime investigation.

© Игнатьев М.Е., Перепечина И.О., 2026

Materials and methods: the study is based on an analysis of the theoretical principles of philosophy, criminal law, and criminology regarding causal relationships. A comparative analysis of approaches to establishing causality in various disciplines, including forensic medicine, psychology, and computer science, has been applied. Additionally, the possibilities of using artificial intelligence and big data analysis to identify hidden causal relationships have been considered.

Findings and conclusions: an interdisciplinary approach to establishing causality in criminal investigations allows for a comprehensive analysis of complex circumstances, including multiple causes, and minimizes errors in evidence. The use of modern technologies, such as artificial intelligence, opens up new opportunities for automating data analysis and identifying hidden connections. To further improve the investigation process, it is necessary to enhance the technical capabilities of law enforcement agencies, improve the professional training of investigators, and adjust the methodology to incorporate new tools.

Keywords: causality, interdisciplinary approach, criminology, criminal law, philosophy, forensic medicine, artificial intelligence, multiple causes, crime investigation, and trace analysis

For citation: Ignatiev M. E., Perepechina I. O. An Interdisciplinary Approach to Establishing Causality during the Investigation of Crimes // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117).* – Pp. 138–144.

В практике расследования преступлений ключевую роль играет философия, предоставляя фундаментальные принципы мышления, оценки доказательств и понимания природы знания. Так, философия логики (начиная с Аристотеля) лежит в основе дедуктивного, индуктивного и абдуктивного рассуждений, которые используются для анализа преступлений. Философия помогает избегать логических ошибок, например таких как «post hoc ergo propter hoc» (после этого – значит, по причине этого), что предотвращает ложные выводы о мотивах или виновности лица. Однако, только тогда философские категории и законы будут играть конструктивную роль в соответствующей юридической науке, когда они будут правильно интегрированы в ее предмет, содержание, систему и структуру.

С философской точки зрения причинность заключается в порождении одним явлением, предметом или событием (причиной) другого явления, предмета или события (следствия). «Однако правомерным является вопрос о том, полностью ли действия человека детерминированы предшествующими причинами, поскольку обладание свободной волей является необходимой составляющей для обсуждения моральной ответственности человека, совершающего поступки» [11, с. 13].

Философская причинность – глубокая концепция, охватывающая разные подходы к пониманию мира. Так, Д. Юм, создавший учение о причинности, содержащееся в его теории познания [12], подчеркивая логическую и эмпирическую природу причинной связи, вместе с тем утверждал, что причинность невозможно доказать. И. Кант, рассуждая о причинности, полагал, что «разум действительно имеет причинность в отношении явлений» [2, с. 336], однако находится вне причинно-следственной связи от обстоятельств, т. е. действия человека могут не быть обусловлены внешними причинами (быть совершены на основе морального выбора).

В юридических науках уголовно-правового цикла не все ученые разделяют мнение, что философские концепции и, в частности, причинность в философии имеют универсальное значение. Так в одном из учебников по уголовному праву указано, что «в объемном, количественном выражении философские рассуждения преобладают над уголовно-правовой аргументацией, и постоянно предпринимаются попытки обоснования преступности деяния аргументами, восходящими не к уголовному закону, а к вышедшим из научного оборота философским или – чаще – псевдофилософским суждениям» [10, с. 403]. По мнению Соктеева З.Б., причинность, «как фундаментальное понятие высокой абстракции до сих пор не имеет своего однозначного решения в философии» [8, с. 18–19]. Кудрявцев В.Н. и В.Е. Эминов считают, что «философское понимание причинности еще не раскрывает конкретных свойств, форм и разновидностей причинных связей, встречающихся в различных областях жизни, природы и общества; не показывает, в чем состоит механизм взаимодействия между причиной и следствием» [5, с. 12].

С нашей точки зрения, именно на базе философских категорий причины и следствия, преломляясь относительно объектов разных наук и решаемых ими задач, причинность имеет значение, как для их теоретических положений, так и практической деятельности по расследованию преступлений, в которой они используются.

Философия имеет значение для теории криминалистики. Как справедливо считает Корма В.Д., одним из объектов, входящих в предмет криминалистики и изучаемых в ходе

криминалистических научных исследований, являются «достижения, знания в области философии (в теории отражения, гносеологии, в учении о человеческой деятельности и т. д.)» [4, с. 53].

В соответствии с теоретическими и прикладными целями, отраженными предметами криминалистики, уголовного права и уголовного процесса, причинно-следственная связь должна рассматриваться комплексно и устанавливаться в ходе расследования посредством процессуальных, криминалистических и иных методов и средств.

Установление в расследуемом преступлении причинно-следственных связей между общественно опасными действиями лица и наступившими вредными последствиями всегда было актуальным вопросом для целей доказывания.

Специалистами в области уголовного права причинность рассматривается в правовом контексте, как объективная юридически значимая причинная связь явлений внешнего мира, связь между деянием и его общественно опасным последствием, что имеет значение для правильной квалификации деяния и особенно актуально для материальных составов преступлений.

С точки зрения уголовного права для доказывания виновности лица необходимо установить причинно-следственные связи между всеми элементами состава преступления, а не только в его объективной стороне. Однако как в теории, так и на практике вызывает значительные трудности установление причинно-следственных связей между субъективной и объективной стороной преступления, виной лица и наступившими опасными последствиями, которые могли наступить и вследствие присоединения «случайных» причин (явлений, предметов или процессов). Так, наступление опасного последствия вследствие действий «случайных» причин, даже если лицо создало своими действиями для этого условия, не должно приводить к уголовной ответственности в случае отсутствия у последнего вины.

Подобного рода сложные вопросы по поводу различных аспектов установления причинно-следственных связей, существующие в доктрине уголовного права, напрямую не исследуются криминалистикой, но актуальны для решения практических задач расследования преступлений.

В этой связи, в рамках междисциплинарного подхода, может быть полезным, как с практической, так и с теоретической (методологической) точки зрения, изучение возможности применения существующих методов и подходов к установлению причинности в судебно-медицинской экспертизе, учитывая их сильные стороны и ограничения, что особенно актуально в сложных случаях с множественностью причин [13].

Так, при оценке степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека, при выполнении судебно-медицинской экспертизы по делу по факту ненадлежащего оказания медицинской помощи, экспертная комиссия отвечает в том числе и на вопрос «о наличии или отсутствии прямой причинно-следственной связи недостатка оказания медицинской помощи с наступившим неблагоприятным исходом. Неблагоприятный исход оказания медицинской помощи расценивается как вред, причиненный здоровью человека, только при наличии прямой причинно-следственной связи с недостатком оказания медицинской помощи» [6, с. 13]. При травме судебно-медицинской экспертизой устанавливается причинная связь между вредом здоровью, причиненному травмой, и наступлением смерти [9].

С точки зрения теории криминалистики, причинно-следственные связи следует устанавливать в механизме преступления между всеми его элементами, криминалистическими методами и средствами, что даст возможность отследить момент возникновения в механизме причин, порождающих возникновение отдельных обстоятельств и явлений. Механизм преступления состоит из деятельности субъекта преступного события – совокупности действий, поступков и иных движений жертвы преступления – комплекса действий, поступков и иных движений лиц, оказавшихся косвенно связанными с преступным событием, – отдельных элементов обстановки, используемых участниками преступного события; предмета преступного посягательства.

В ходе расследования необходимо устанавливать в структуре причинно-следственных связей механизма преступления согласованность и адекватность внутренней и внешней деятельности конкретного лица (лиц) как причину и следствие. Причину необходимо рассматривать как явление, предмет или процесс, которые вызывают определенное следствие (или множественные следствия), а условия – как обстоятельства, способствующие реализации причины [7, с. 38]. Таким образом, хотя условие и является одной из причин следствия, однако, не обладает фактором активности, т. е. не порождает следствие. При этом одно явление может быть причиной в одних отношениях и условием в других.

В отличие от других видов причинности, криминалистическая причинность, образно говоря, материализована в следах, отражающих сущность события, которые являются результатом взаимодействия между причиной (явлениями, предметами или процессами) посредством процесса причинения, т. е. переноса структуры вещества, энергии или информации от одного объекта (причина) к другому (следствие).

Следствие также может быть вызвано взаимодействием нескольких причин – множественностью причин, которые создают проблему информационной неопределенности, затрудняя раскрытие преступления, т. к. не все связи очевидны без тщательного анализа, требующего системного подхода. Именно учет множественности причин предотвращает ошибки в доказывании, помогая следователю исключить «случайные» связи и выделить ключевую причину.

Множественность причин проявляется, когда одно следствие порождается несколькими взаимодействующими факторами. Например, при дорожно-транспортных происшествиях гибель человека может явиться следствием повреждений, полученных при столкновении автомобиля с пешеходом, обусловленном превышением скорости (причина), скользким покрытием (условие) и плохой видимостью (условие).

В неосторожных преступлениях множественность причин требует анализа всех факторов, включая действия лица и внешние обстоятельства. Для доказывания вины прямая причинно-следственная связь обязательна: действия лица должны быть необходимой и достаточной причиной результата. Вместе с тем для установления вины критически важен и учет субъективного отношения лица к последствиям.

Множественность причин особенно актуальна в киберпреступлениях, где действия преступника (например, хакерская атака) опосредованы техническими средствами (программное обеспечение, серверы) и зависят от уязвимостей системы (условие). Установление причинной связи в киберпреступлениях требует анализа цифровых следов, таких как логи серверов. Например, при расследовании фишинговой атаки следователь должен установить, что отправка вредоносной ссылки привела к компрометации данных, исключив иные факторы, такие как действия пользователя или сторонние уязвимости.

В экологических преступлениях множественность причин проявляется через взаимодействие действий лица (например, сброс токсичных отходов) и природных факторов (ветер, течение). При этом не все связи очевидны, и их установление зачастую невозможно без применения специальных знаний.

Методология установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений позволяет учитывать множественность причин и выделять ключевые связи и включает в себя:

1. Анализ следов: обнаружение, фиксация, изъятие и исследование материально-фиксированных следов (например, отпечатков рук, следов орудий преступлений); получение, декодирование и использование информации, содержащейся в знаковых следах [3, с. 65–72] (например, язык программирования при передаче сообщений в электронном виде); получение идеальных следов (например, информации из показаний очевидцев совершенного преступления). Так, следы крови (материально-фиксированные следы) на изъятном у подозреваемого ноже связывают данное лицо с жертвой, а анализ видеозаписей подтверждает присутствие лица на месте преступления, что составляет основу для реконструкции события.

Таким образом, следовой контакт отражает субстанциональную связь между причиной и следствием.

2. Реконструкцию событий (реконструкция причинной цепи). Следователь выстраивает последовательность от причины к следствию (например, от действий к результату), учитывая опосредующие факторы, такие как орудия преступления, природные явления и т. д. Реконструкция причинной цепи требует анализа всех ее звеньев. Например, в случае поджога цепь – процесс его подготовки (сбор горючих материалов) и реализация.

3. Проведение экспертных исследований, при необходимости привлечения носителей специальных знаний, в соответствии со ст. 57 УПК РФ. При этом, формулируемые вопросы для разрешения их экспертами (для установления в том числе причинных связей) «могут быть поделены на две большие категории:

Первая категория – это задание эксперту установить обстоятельство, которое еще неизвестно и для установления которого требуются специальные знания. Например, в дорожно-транспортных происшествиях автотехническая экспертиза выявляет техническое состояние автомобиля в аварии.

Вторая категория вопросов – обстоятельство известно, оно фигурирует в деле, но от эксперта требуется прокомментировать это обстоятельство «расшифровать» его, высказать о нем свое суждение на основе специальных знаний» [1, с. 301]. Например, в киберпреступлениях компьютерно-техническая экспертиза анализирует логи сервера для подтверждения хакерской атаки.

4. Версионный метод. Выдвижение и проверка версий о механизме преступления позволяют исключить альтернативные причины. В случаях с множественными причинами следователь проверяет версии о роли каждого фактора, например, действий третьих лиц, природных условий или технических сбоев.

5. Пространственно-временной анализ. Данные пространственно-временного континуума (проверка алиби и последовательности событий с использованием данных GPS, видеонаблюдения или биллинга телефона) исключают разрывы в причинной цепи. Например, данные видеокamer подтверждают присутствие подозреваемого на месте преступления в момент его совершения.

6. Интеграция современных технологий. Искусственный интеллект (ИИ) и анализ больших данных автоматизируют выявление сложных причинных цепей. Автоматизированные системы обработки данных повышают точность выявления связей. Алгоритмы машинного обучения могут анализировать большие объемы данных, таких как логи серверов или финансовые транзакции, для выявления скрытых связей.

Для признания причинно-следственной связи установленной и вины лица доказанной, по нашему мнению, должны применяться следующие критерии, которые обеспечивают объективность расследования и судебного решения:

1. Необходимость и достаточность. Действие лица должно быть необходимым и достаточным для наступления результата. Например, при убийстве тяжкий вред здоровью, причиненный потерпевшему в результате ножевого ранения, является причиной его смерти. При ДТП превышение скорости достаточно для аварии при исключении иных факторов, например, таких, как действия других участников движения.

2. Прямая связь. Между действием и результатом не должно быть значимых приводящих причин, разрывающих причинную цепь. Например, если жертва умерла в результате действий третьего лица, причинная связь с первоначальным действием подозреваемого может быть разорвана.

3. Пространственно-временная совместимость. Причина должна предшествовать следствию и быть совместимой в пространстве. Например, алиби подозреваемого, подтвержденное данными видеонаблюдения, исключает его участие (мы не рассматриваем случаи соучастия), если он находился в другом месте во время преступления.

4. Совокупность доказательств. В соответствии со ст. 73 УПК РФ, должны быть доказаны (совокупностью собранных по делу доказательств): событие преступления, виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы и другие обстоятельства.

Покажем применение методологии установления причинно-следственной связи на абстрактных практических примерах:

1. Убийство с использованием ножа как орудия преступления. Повреждения, причиненные в результате ножевого ранения (причина), приводят к смерти жертвы (следствие). Возможная провокация со стороны жертвы может являться условием. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы, смерть потерпевшего наступила в результате ножевого ранения, повлекшего повреждение жизненно важных органов, массивную кровопотерю и развитие шока. Молекулярно-генетическая экспертиза позволяет установить связь подозреваемого с жертвой (профиль ДНК потерпевшего, выявленный при анализе следов крови на ноже, изъятых у подозреваемого; профиль ДНК подозреваемого, выявленный при исследовании потожировых следов на ноже, обнаруженном на месте преступления). Пространственно-временной анализ (информация с камер видеонаблюдения) подтверждает присутствие лица на месте преступления.

2. Дорожно-транспортное происшествие. Превышение скорости (причина) вызывает аварию и гибель пешехода (следствие). Условия: скользкая дорога, неисправные тормоза. Автотехническая экспертиза устанавливает, что скорость была ключевой причиной аварии (нарушение водителем правил дорожного движения – скоростного режима), исключая иные факторы, такие как действия пешехода.

3. Киберпреступление. Хакерская атака (причина) приводит к материальному ущербу (следствие). Условия: уязвимости системы, действия пользователя. Компьютерно-техническая экспертиза подтверждает, что атака осуществлена через определенный IP-адрес, а анализ логов сервера связывает действия хакера с ущербом.

4. Экологическое преступление. Сброс токсичных отходов (причина) вызывает загрязнение водоема (следствие). Условия: ветер, слабая фильтрация. Экспертиза по определению класса опасности отходов подтверждает, что состав отходов соответствует загрязнению, а пространственно-временной анализ подтверждает их сброс в определенный момент времени.

Установление причинно-следственных связей требует интеграции криминалистики с другими науками: судебной медициной, психологией, физикой, химией, информатикой и т. д. Так, к примеру, психологический анализ мотивов лица может выявить несоответствия между его действиями и намерениями, а информатика позволяет анализировать цифровые следы, такие как IP-адреса или метаданные файлов. Междисциплинарный подход особенно важен в расследовании преступлений, где требуется анализ данных из различных источников.

Расширение применения ИИ и больших данных могло бы открыть новые возможности для установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений (например, моделирования причинных цепей для выявления скрытых связей в логах серверов или финансовых транзакциях), для чего необходимо повышение уровня технической оснащенности правоохранительных органов, профессиональной подготовки сотрудников и внесение соответствующих корректив в методологию расследования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Игнатьев М.Е. Криминалистическая теория и практика установления причинно-следственных связей в расследовании преступлений: дисс. ...д-ра. юрид. наук. Ростов н/Д, 2021.
2. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994.
3. Колдин А.В., Крестовников О.А. Источники криминалистической информации / под ред. В. Я. Колдина. М., 2007.
4. Корма В.Д. Теория причинности как система понятий // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2018. № 17–5.
5. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России: криминологический анализ. М., 2006.
6. Методика проведения судебно-медицинской экспертизы по материалам дела: методические рекомендации. М., 2024.
7. Пусторослев П.П. Причинность и обусловленность в уголовном праве // *Журнал Министерства юстиции*. 1906. № 8.
8. Соктоев З.Б. Причинность в уголовном праве: теоретические и прикладные проблемы: автореф. дис. ...д-ра. юрид. наук. М., 2014.
9. Судебно-медицинская экспертиза: национальное руководство / под ред. Ю.И. Пиголкина. М., 2024.
10. Уголовное право: учебник: в 3 т. Т. 1: общая часть / под ред. А.Э. Жалинского. М., 2011.
11. Шуталева А.В., Циплакова Ю.В., Ядыкина Н.В. Концепция причинности в философии И. Канта: свобода или необходимость // *Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке*. 2024. Том 13. № 5А.
12. Юм Д. Исследование о человеческом познании / Д. Юм; пер. с англ. С. Церетели. М., 1998.
13. Meilia P. D. I., Freeman M. D., Zeegers M. P., Herkutanto. A review of causal inference in forensic medicine. *Forensic Science, Medicine and Pathology*. 2020. № 16 (2).

REFERENCES

1. Ignatiev M.E. Criminalistic theory and practice of establishing cause-effect relationships in the investigation of crimes: dissertation by Dr. jurid. sciences'. Rostov-on-Don, 2021.
2. Kant I. The Critique of pure reason. Moscow, 1994.
3. Koldin A.V., Krestovnikov O.A. Sources of Forensic Information / edited by V. Ya. Koldin. Moscow, 2007.
4. Korma V.D. The Theory of Causality as a System of Concepts // *Norwegian Journal of Development of the International Science*. 2018. № 17–5.
5. Kudryavtsev V.N., Eminov V.E. Causes of Crime in Russia: Criminological Analysis. Moscow, 2006.
6. Methodology for conducting forensic medical examinations based on case materials: methodological recommendations. Moscow, 2024.

7. Pustoroslev P.P. Causality and conditionality in criminal law // Journal of the Ministry of Justice. 1906. № 8.
8. Soktoev Z.B. Causality in criminal law: theoretical and applied problems. Abstract of the dissertation, Dr. jurid. nauk. Moscow, 2014.
9. Forensic Medical Examination: National Guide / Ed. by Yu.I. Pigolkin. Moscow, 2024.
10. Criminal Law: Textbook. In 3 vols. Vol. 1: General Part / Ed. by A.E. Zhalinsky. Moscow, 2011.
11. Shutaleva A.V., Tsiplakova Yu.V., Yadykina N.V. The Concept of Causality in the Philosophy of I. Kant: Freedom or Necessity // Context and Reflection: Philosophy about the World and Man. 2024. Vol. 13. № 5A.
12. Hume D. A Treatise of Human Nature / D. Hume; translated from English by S. Tsereteli. Moscow, 1998.
13. Meilia P. D. I., Freeman M. D., Zeegers M. P., Herkutanto. A review of causal inference in forensic medicine. Forensic Science, Medicine and Pathology. 2020. № 16 (2).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

М. Е. Игнатьев – профессор юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, доцент. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 4.

И. О. Перепечина – профессор юридического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, доктор медицинских наук, доцент. 119991, Российская Федерация, г. Москва, ГСП-1, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 13, 4.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

M. E. Ignatiev – Professor of the Faculty of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Doctor of Law, Associate Professor. 1, Building 13, 4, Leninskie Gory St., GSP-1, Moscow 119991 Russian Federation.

I. O. Perepechina – Professor of the Faculty of Law at the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Lomonosov Moscow State University, Doctor of Medicine, Associate Professor. 1, Building 13, 4, Leninskie Gory St., GSP-1, Moscow 119991 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 09.09.2026; одобрена после рецензирования 16.02.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 09.09.2026; approved after reviewing 16.02.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.13

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ИМУЩЕСТВА, ПОДЛЕЖАЩЕГО
АРЕСТУ, ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА (УЩЕРБА),
ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**

Дмитрий Петрович Ищенко¹, Сергей Владимирович Апарин²

¹Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, idp161@yandex.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, 007aaanet@rambler.ru

Введение: анализ правоохранительной деятельности по установлению имущества, подлежащего аресту, для обеспечения вреда, причиненного преступным посягательством, свидетельствует, что кроме объективных причин не эффективных результатов достаточно фактов ненадлежащим образом организованной работы: мероприятия, проводятся на завершающей стадии расследования и без должного взаимодействия правоохранительных, государственных, контролирующих органов. Отсутствие регламентированных межведомственных правил и требований к организации работы правоохранителей по установлению имущества, подлежащего аресту, ведет к потере времени и отрицательным результатам.

Материалы и методы: в качестве методологической основы исследования выступили всеобщий диалектический метод научного познания, а также общие и частные научные методы: логико-юридический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, системно-структурный методы. Эмпирическую базу исследования составили научные материалы, примеры судебно-следственной практики, разъяснения высшей судебной инстанции.

Результаты исследования: отсутствие регламентированных межведомственных правил и требований к организации работы правоохранителей по установлению имущества, подлежащего аресту, ведет к потере времени и не эффективным результатам. Для принятия своевременных процессуальных решений в рамках предварительного следствия мероприятия, для сокращения времени при подготовке ходатайств перед судебными органами о возможности наложения ареста на имущества работа по установлению как самого имущества, подлежащего аресту, так и его местонахождению проводятся на завершающей стадии расследования должна начинаться органами дознания еще до принятия решения о возбуждения уголовного дела.

Выводы и заключения: располагая одинаковыми правовыми инструментами и механизмами результаты работы разных субъектов отличаются. Приведенные положительные примеры правоприменительной практики свидетельствуют о необходимости применения инновационных форм взаимодействия, в частности электронного документооборота, и активного распространения и применения положительного опыта правоохранительных органов и государственных, контролирующих органов.

Ключевые слова: потерпевший, вред, ущерб, преступление, арест, имущество, установление, взаимодействие

Для цитирования: Ищенко Д. П., Апарин С. В. Актуальные вопросы установления имущества, подлежащего аресту, для обеспечения возмещения вреда (ущерба), причиненного преступлением // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 145–152.

Original paper

TOPICAL ISSUES OF ESTABLISHING PROPERTY SUBJECT TO SEIZURE TO ENSURE COMPENSATION FOR HARM (DAMAGE) CAUSED BY A CRIME

Dmitry Petrovich Ishchenko¹, Sergey Vladimirovich Aparin²¹Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the analysis of law enforcement activities to establish property subject to seizure to ensure damage caused by a criminal offense shows that in addition to objective reasons for ineffective results, there are enough facts of improperly organized work: activities are carried out at the final stage of the investigation and without proper interaction between law enforcement, government, and regulatory agencies. The absence of regulated interdepartmental rules and requirements for organizing the work of law enforcement officers to establish property subject to seizure leads to a loss of time and negative results.

Materials and methods: the methodological basis of the study was the general dialectical method of scientific knowledge, as well as general and specific scientific methods: logical-legal, comparative-legal, specific-sociological, system-structural methods. The empirical basis of the study was scientific materials, examples of forensic investigative practice, explanations of the highest judicial authority.

Results of the study: the absence of regulated interdepartmental rules and requirements for organizing the work of law enforcement officers to establish property subject to seizure leads to a loss of time and ineffective results. In order to make timely procedural decisions within the framework of the preliminary investigation of the event, to reduce the time for preparing petitions to judicial authorities on the possibility of seizing property, work on establishing both the property itself subject to seizure and its location is carried out at the final stage of the investigation should begin by the inquiry authorities even before the decision to initiate a criminal case.

Findings and conclusions: having the same legal instruments and mechanisms, the results of the work of different entities differ. The given positive examples of law enforcement practice indicate the need to use innovative forms of interaction, in particular electronic document management, and the active dissemination and application of the positive experience of law enforcement agencies and state, regulatory bodies.

Keywords: victim, harm, damage, crime, arrest, property, establishment, interaction

For citation: Ishchenko D. P., Aparin S. V. Topical issues of establishing property subject to seizure to ensure compensation for harm (damage) caused by a crime // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 145–152.

Восстановление нарушенных прав потерпевших, в том числе возмещение вреда, причиненного преступным посягательством, является одной из приоритетных задач правоохранительных органов [1, с. 784]. На постоянной основе принимаются меры, направленные на совершенствование и повышение эффективности работы по возмещению ущерба, причиненного преступлениями.

Особое внимание уделяется принятию обеспечительных мер, направленных на восстановление прав граждан и юридических лиц, пострадавших в результате совершения преступлений, а также исполнение приговора, иных имущественных взысканий или возможной конфискации имущества [2, с. 64].

Ходатайства следователей о наложении ареста на имущество по сложившейся правоприменительной практике рассматриваются судами как при наличии гражданского иска о возмещении причиненного вреда, так и при его отсутствии. При этом случаев, когда указанное обстоятельство повлияло бы на судебное решение, не имеется. Число случаев, когда длительность рассмотрения соответствующих ходатайств являлось причиной затягивания процедуры наложения ареста на имущества не значительное.

По находящимся в производстве следственных органов уголовным делам, по которым причинен ущерб, в обязательном порядке устанавливается имущество обвиняемых (подозреваемых), в том числе полученное в результате совершения преступлений или являющегося средством совершения преступлений, которое может подлежать конфискации.

Следует отметить, с положительной стороны практику, когда при установлении факта причинения совершенным преступлением ущерба физическому или юридическому лицу, потерпевшему либо его представителю разъясняют право заявить гражданский иск, а также положения ст. 44 УПК РФ, о чем в постановлении о признании потерпевшим и протоколе допроса делают соответствующую отметку.

Компенсация морального вреда также является одним из способов защиты гражданских прав. Причинение вреда жизни и здоровью умаляет его личные нематериальные блага, вызывает физическое и (или) нравственные страдания [3, с. 9–13], в связи с этим законом предусмотрено право потерпевшего заявлять требования не только о возмещении причиненного ему имущественного ущерба, но также и о компенсации морального вреда.

Не менее важна работа по разъяснению оснований освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела. Подозреваемым (обвиняемым) следователями во взаимодействии с сотрудниками оперативных подразделений разъясняются положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, касающиеся условий освобождения от уголовной ответственности и прекращения уголовного дела, либо о смягчении наказания при возмещении причиненного преступлением ущерба или иного заглаживания вреда.

В качестве примера, можно привести уголовное дело в отношении фактических руководителей ООО «Е», по которому государству причинен ущерб в виде не поступления налога на добавленную стоимость и налога на прибыль организаций в сумме более 590 млн рублей [4, с. 54–60]. Итогом явилось возмещение налогоплательщиком в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе РФ в результате преступления, а также пеней и штрафа. В данном примере обязанности налогоплательщика по уплате налога для целей примечания ч. 1 ст. 76.1 УК выполнены третьим лицом, что соответствует положениям п. 2 примечания к ст. 199 УК РФ и разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ [5].

Отдельно необходимо отметить актуальную проблему сложности возмещения ущерба по материалам, поступившим из УФНС с истекшими сроками давности. Длительный временной промежуток от начала налоговой проверки до направления соответствующих материалов в следственный орган составляет 5–8 месяцев, что не противоречит нормам налогового законодательства. Длительность проведения налоговой проверки влечет, во-первых, истечение срока давности уголовного преследования; во-вторых, как правило, за это время организация проходит процедуру банкротства, а «фигуранты» принимают меры к отчуждению имеющегося имущества, как следствие при поступлении материалов налоговой проверки в следственный орган отсутствует имущество предприятия и лица, привлекаемого к уголовной ответственности, на имущество которых может быть наложен.

В рамках процессуальной проверки следственный орган лишен возможности реализации полномочий, предусмотренных ст. 115 УПК РФ, и вынужден выставлять в статистическую отчетность сумму невозмещенного ущерба, когда по материалам о налоговых преступлениях, по которым сроки давности привлечения к уголовной ответственности истекли, по которым налогоплательщики заявили ходатайства об отказе в возбуждении уголовного дела в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, то есть в связи с истечением срока давности уголовного преследования, при этом отказались признавать и возмещать суммы налогов, исчисленных налоговым органом.

В таких случаях при наличии процессуального решения о прекращении производства по уголовному делу либо об отказе в возбуждении уголовного дела по материалу проверки сообщения о преступлении по нереабилитирующим основаниям и невозмещением ущерба от преступления следует рассматривать вопрос о возможности предъявления иска в порядке, предусмотренном ст. 45 ГПК РФ и ст. 52 АПК РФ, и принимать меры к обеспечению иска [6, с. 185–193]. Также при решении вопроса о наложении ареста на имущество по уголовным делам о налоговых преступлениях следует учитывать полномочия надзорного органа – прокуроров в соответствии со ст. 77 Налогового Кодекса РФ по санкционированию решений налоговых органов о наложении ареста на имущество налогоплательщика-организации [7].

В рамках данного направления правоохранительной деятельности следует обращать особое внимание на то, что государство в отличие от граждан не может самостоятельно обеспечить возмещение причиненного ему вреда, поэтому органам следствия необходимо активно включаться в такую работу [8, с. 43–49].

В целях повышения эффективности работы по наложению ареста на имущество в порядке ст. 115 УПК РФ и возмещения вреда, причиненного преступлениями, следственными органами в отдельных субъектах в рамках межведомственного взаимодействия с

иными заинтересованными службами и структурами разрабатываются организационно-распорядительные, информационные и методические документы. В частности, такой порядок на уровне субъектов регламентируется межведомственными указаниями, например, «О порядке взаимодействия на досудебной стадии уголовного судопроизводства по обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлениями» разработанные и реализуемые в большинстве субъектов между аппаратами субъектов Следственным комитетом, Прокуратурой, Федеральной службой безопасности, Министерством внутренних дел, Федеральной службы судебных приставов, Министерства чрезвычайных ситуаций.

Основной целью данных документов является установление порядка возмещения вреда, наложения ареста на имущество, а также вопросы взаимодействия на указанном направлении. Сформулированный и утвержденный алгоритм, позволяет правоприменителям предпринимать меры по своевременному установлению размера причиненного вреда, решению вопроса о привлечении представителей соответствующих государственных органов в качестве представителей потерпевших, обеспечение подачи ими гражданских исков.

Положительные результаты дает работа межведомственных рабочих групп при прокуратуре по противодействию правонарушениям в сфере налогообложения, экономики, легализации преступных доходов, по противодействию коррупционным преступлениям, по борьбе с правонарушениями и преступлениями в сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств [9, с. 129–135]. По уголовным делам с некомпенсированным ущербом обеспечивается исследование имущественного положения не только обвиняемых и подозреваемых, но и третьих лиц, в том числе им подконтрольных и находящихся с ними в родственной связи, которым могло быть передано имущество, в целях его сокрытия от изъятия и ареста. Принимаются меры к полноте доказывания фактического использования такого имущества привлекаемыми к ответственности лицами.

Как пример, при установлении в ходе предварительного следствия фактов причинения имущественного ущерба лицам, перечисленным в ч. 3 ст. 44 УПК РФ взаимодействие следственных органов, реализуется путем направления в прокуратуру субъекта информации, для рассмотрения вопроса о предъявлении гражданского иска [9, с. 95–99]. Данная информация содержит сведения о необходимости прокурорского вмешательства по уголовным делам в соответствии со статьями 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. По согласованию с прокурорами предъявляются соответствующие документы, необходимые для подготовки искового заявления.

Например, по уголовному делу по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных ч. 7 ст. 159 УК РФ, ч. 3 ст. 174.1 УК РФ, ч. 1 ст. 187 УК РФ [10], в том числе по фактам хищения бюджетных средств при исполнении работ в рамках гособоронзаказа причинен ущерб государству на сумму более 90 млн рублей, выделенных из федерального бюджета в рамках исполнения государственных контрактов. В связи с чем прокуратурой для совместного рассмотрения с уголовным делом в порядке ст. 44 УПК РФ предъявлен иск о взыскании с него в пользу РФ в лице Министерства обороны РФ суммы ущерба, причиненного преступлениями более 99 млн. рублей [11].

Не менее важным аспектом в целях розыска имущества при расследовании преступлений является взаимодействие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, другими правоохранительными и контролирующими органами, в том числе Росреестром, ГИБДД, Росфинмониторингом, банковскими организациями.

По каждому уголовному делу о преступлениях, причинивших материальный ущерб, должен рассматривать вопрос о наложении ареста на имущество обвиняемых (подозреваемых), которое устанавливается совместными усилиями правоохранительных, в том числе осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и контролирующих органов.

Значительной проблемой в работе по возмещению ущерба остаются длительные сроки, которые проходят с момента совершения преступления до предоставления материалов оперативно-розыскной деятельности в следственный орган, что позволяет обвиняемым принять меры к отчуждению либо сокрытию имущества.

Основное взаимодействие следственных органов и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, осуществляется путем направления запросов и поручений о выполнении конкретных мероприятий, текущего обмена информацией, обсуждения и планирования отдельных следственных действий и оперативных мероприятий, проведения совместных рабочих совещаний.

Также следует отметить, что органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, как правило, в инициативном порядке не предпринимают меры по сбору соответствующей информации, в связи с чем представляемые материалы не содержат данные об имущественном положении интересующих лиц. Однако данные сведения о зарегистрированных правах на объекты недвижимости, транспортные средства, счета в банках и другие данные имущественного характера органы дознания могут устанавливать, равно как и следственные органы. Данное обстоятельство не способствует своевременному и упреждающему принятию обеспечительных мер по уголовным делам.

Представляется целесообразным, чтобы органами дознания в инициативном порядке выявлялись и представлялись следователям данные о физических лицах, индивидуальных предпринимателях и юридических лицах, которым передано имущество, полученное в результате совершения преступления, сведения об осведомленности лиц, принявших вышеуказанное имущество, о том, что оно получено в результате преступных действий.

Возможное решение данного вопроса – организация эффективного взаимодействия, например, в Волгоградской области, утверждено и реализуется совместное распоряжение «О порядке взаимодействия правоохранительных и иных государственных органов на досудебной стадии уголовного судопроизводства в сфере возмещения ущерба, причиненного преступлениями» [12, с. 9–15] между Прокуратурой, ФСБ, МВД, СК, ФССП, МЧС и ФНС, согласно которому территориальным управлениям ФСБ и МВД предписано при проведении оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление, пресечение преступлений, устанавливать местонахождение похищенного имущества, выявлять имущественное состояние проверяемого лица и членов его семьи, а также причины существенного изменения их имущественного состояния, и их результаты представлять органам следствия. Аналогичные требования предъявляются к сотрудникам УФНС по материалам, предоставляемым в соответствии с п. 3 ст. 32 НК РФ.

Выполнению поручений в полном объеме и в установленный законом срок, например, способствует совместное указание Следственного комитета и ГУ МВД России по Волгоградской области «О порядке и сроках информирования следственных органов об исполнении поручений о проведении оперативно-розыскных мероприятий», которое, определяет, что работа по возмещению ущерба должна начинаться еще до предоставления материалов для рассмотрения вопроса о возбуждении уголовного дела и ведется субъектами, уполномоченными на осуществление оперативно-розыскной деятельности. В рамках межведомственного взаимодействия с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, устанавливается алгоритм действий при реализации материалов оперативно-розыскной деятельности, производства процессуальных проверок и расследовании преступлений, в рамках исполнения которого сотрудниками оперативных служб, еще на стадии реализации материалов оперативно-розыскной деятельности выясняются вопросы имущественного положения предполагаемых «фигурантов» уголовного дела, принимаются меры к установлению бенефициарных владельцев должников для предоставления соответствующих результатов оперативно-розыскной деятельности в распоряжение органов следствия в целях своевременного обращения с ходатайством о наложении ареста на их имущество и денежные средства, в том числе для последующей возможной конфискации.

Также следует отметить, что в связи с необходимостью получения наиболее полной информации об имущественном положении привлекаемых к уголовной ответственности лиц, в том числе, связанной с наличием у них банковских счетов, вкладов и индивидуальных банковских сейфов, а также отсутствием единой информационно-аналитической системы учета указанных сведений следователи вынуждены направлять многочисленные письменные запросы в банки, что не способствует оперативности расследования преступлений и препятствует принятию на начальной стадии предварительного расследования обеспечительных мер, связанных с наложением в порядке ст. 115 УПК РФ ареста на имущество.

В практике следственных подразделений имелись случаи направления посредством почтовой корреспонденции в коммерческие банки более тысячи запросов на предмет наличия сведений о клиентском обслуживании обвиняемых и их родственников, получение ответов на которые занимало длительное время, что было сопряжено с риском утраты возможности наложения ареста на имущество и денежные средства ввиду их реализации обвиняемыми третьим лицам.

Также на анализируемом направлении деятельности кроме длительности исполнения запросов, следует отметить и неполноту предоставления банками запрашиваемой информации.

Однако, имеются и положительные примеры эффективного межведомственного взаимодействия с держателями информации об имуществе физических и юридических лиц. Например, получение сведений из Единого государственного реестра недвижимости по электронным каналам связи путём направления запросов через личный кабинет на официальном сайте Росреестра. Так, для получения сведений из ЕГРН направляется электронный запрос, подписанный электронной цифровой подписью, через официальный интернет-портал Росреестра. Сведения, полученные по результатам исполнения запроса, предоставляются в электронном виде, подписанные усиленной квалифицированной электронной подписью Росреестра, и могут использоваться как при проведении доследственных проверок, так и в ходе расследования уголовных дел.

В целях отыскания имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме направления запросов в управление Росрегистрации, ГИБДД, Федеральную налоговую службу, банковские и другие учреждения, также дают значимые результаты:

- проведение обысков и других следственных действий по месту жительства лиц, имущество которых может быть подвергнуто аресту;
- исследование уровня жизни и их родственников;
- установления обстоятельств приобретения обвиняемыми финансовых активов, недвижимости, других материальных ценностей;
- проведение допросов интересующих лиц, а также иные предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством следственные и процессуальные действия, направленные на сбор соответствующей информации.

В большинстве случаев следователями накладывался арест на нежилые помещения, транспортные средства и иное имущество обвиняемых.

Однако необходимо отметить положительные результаты, когда в ходе проведения осмотров места происшествия, обысков и иных следственных действий постоянно принимаются меры к отысканию и последующему аресту дорогостоящих технических средств индивидуального пользования. Кроме того, следователями стала использоваться практика наложения ареста на мелкое движимое имущество (например, компьютерная или бытовая техника, сотовые телефоны, ценные предметы домашнего обихода и т. д.), а также на все личные банковские счета виновных лиц, на которые им, например, поступает заработная плата.

Обобщая следственную практику стоит отметить, что руководители следственных подразделений ориентированы на необходимость своевременной реализации полномочий по установлению имущества лиц, совершивших преступление. Меры по установлению имущества должны приниматься незамедлительно после принятия решения о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица или при принятии решения о задержании в качестве подозреваемого, привлечения в качестве обвиняемого.

Однако практика свидетельствует, что имущественное положение подозреваемого (обвиняемого), а также иных лиц, несущих ответственность за причиненный преступлением вред, устанавливается в срок от недели до одного месяца. Данное обстоятельство затрудняет вынесение постановления о возбуждении ходатайства о наложении ареста на имущество на первоначальном этапе расследования по причине недостатка информации как о фактическом имуществе, так и его местонахождении. Достаточно примеров, когда, несмотря на наличие постановления о наложении ареста к моменту составления протокола наложения ареста имущество отсутствует. Например, автомобиль, продан, а счета обнулены или закрыты.

Следует отметить, например, по экономическим и налоговым преступлениям, возможна ситуация, когда похищенные денежные средства зачастую переводятся на другие счета не только с целью сокрытия, но и банально расходуются на оплату издержек, связанных с производственными процессами, кредиторской задолженностью, обеспечение текущей деятельностью предприятия.

Проведенный анализ правоприменительной практики свидетельствует, что кроме объективных причин не эффективных результатов по возмещению вреда, причиненного преступлениями достаточно фактов ненадлежащим образом организованной работы – мероприятия в основном, проводятся на завершающей стадии расследования и без должного взаимодействия правоохранительных, иных государственных и контролирующих органов.

Приведенные примеры не ординарного подхода к организации установления и розыска имущества, подлежащего аресту, в отдельных территориальных субъектах, свидетельствуют о возможности существенно повысить результативность работы правоприменителей на данном направлении деятельности.

Работа по возмещению вреда, причинённого преступлениями, начинается с установления имущества. Однако алгоритм взаимодействия, закреплённый межведомственными нормативными документами, отсутствует. Возможное решение данной проблемы – принятие межведомственного приказа, а также анализ правоприменительной практики и с распространением положительного опыта в субъектах. Сформулированный и утверждённый алгоритм, позволит правоприменителям предпринимать своевременные меры по восстановлению нарушенных прав потерпевших по возмещению вреда, причинённого преступлениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Цоколова О.И. Руководство для следователя и дознавателя по расследованию отдельных видов преступлений. Часть 2 : Практическое руководство / О.И. Цоколова, Н.Е. Муженская / под. ред. Г.В. Костылева. М., 2016.
2. Ищенко Д.П. Расследование преступлений против безопасности движения и эксплуатации транспорта: учебное пособие / Д.П. Ищенко, Я.С. Калининская, С.С. Кравцов. М., 2024.
3. Ищенко Д.П. Актуальные вопросы применения судебного штрафа // Вестник Санкт-Петербургской академии Следственного комитета. 2024. № 2 (2).
4. Великая Е.В. Иски прокуроров о возмещении ущерба публично-правовым образованиям. Анализ практики / Е. В. Великая, М. В. Зяблина // Уголовный процесс. 2019. № 8 (176).
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Диканова Т.А. К вопросу о возмещении государству ущерба, причиненного преступлениями в сфере внешнеэкономической деятельности / Т.А. Диканова, В.И. Остапенко // Криминальные реалии, реагирование на них и закон. М., 2018.
7. Приказ Генпрокуратуры России от 24.10.2023 № 736 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства в налоговой сфере». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Ищенко Д.П. Актуальные вопросы осмотра места происшествия при расследовании уголовных дел о происшествиях на транспорте / Д.П. Ищенко, Г.К. Ищенко // Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Ростов н/Д, 2025.
9. Болдырева Э.А. Актуальные вопросы привлечения к уголовной ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений / Э.А. Болдырева, Д.П. Ищенко // Юрист-Правоведъ. 2025. № 1 (112).
10. Владимирская военная прокуратура выявила хищение около 40 млн рублей фирмой из Чувашии. URL: <https://ch.versia.ru/vladimirskaya-voennaya-prokuratura-vyyavila-xishhenie-okolo-40-mln-rublej-firmoj-iz-chuvashii> (дата обращения: 10.04.2026).
11. Информационное письмо «О состоянии работы правоохранительных органов по возмещению ущерба, причиненного преступлениями» № 15-23-2023/1/2308/216-16-1-1-23/9639/4/ИБ-173-524 от 28.02.2023 // Прокуратура Чувашской Республики/Министерство внутренних дел по Чувашской Республике / Следственное управление Следственного комитета России по Чувашской Республике / Управление федеральной службы безопасности по Чувашской Республике / Главное управление МЧС России по Чувашской Республике / Управление Федеральной службы судебных приставов России по Чувашской Республике. Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Васильева М. Борьба с коррупцией мерами прокурорского реагирования / М. Васильева, М. Григорьев // Вестник. Государство и право. 2016. № 22.

REFERENCES

1. Tsokolova O.I. Guide for the investigator and inquiry officer on the investigation of certain types of crimes. Part 2: Practical guide / O.I. Tsokolova, N.E. Muzhenskaya / ed. G.V. Kostylev. Moscow, 2016.
2. Ishchenko D.P. Investigation of crimes against traffic safety and transport operation: A tutorial / D.P. Ishchenko, Ya.S. Kalininskaya, S.S. Kravtsov. Moscow, 2024.
3. Ishchenko D.P. Current issues of applying a judicial fine // Bulletin of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee. 2024. № 2 (2).
4. Velikaya E.V. Claims of prosecutors for compensation for damage to public-law entities. Analysis of practice / E.V. Velikaya, M.V. Zyablina // Criminal procedure. 2019. № 8 (176).

5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 26, 2019 № 48 «On the practice of applying the legislation on liability for tax crimes by the courts». Access from the legal system «ConsultantPlus».

6. Dikanova T.A. On the issue of compensation to the state for damage caused by crimes in the sphere of foreign economic activity / T.A. Dikanova, V.I. Ostapenko // Criminal realities, response to them and the law / Edited by A. I. Dolgova. Moscow, 2018.

7. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated October 24, 2023 № 736 «On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the tax sphere».

8. Ishchenko D.P. Actual issues of inspection of the crime scene during the investigation of criminal cases on transport accidents / D.P. Ishchenko, G.K. Ishchenko // Actual problems of the theory and practice of criminal procedure. Rostov-on-Don, 2025.

9. Boldyreva E.A. Current issues of bringing to criminal responsibility for involving minors in the commission of crimes / E.A. Boldyreva, D.P. Ishchenko // Jurist-Pravoved. 2025. № 1 (112).

10. Vladimir military prosecutor's office revealed the theft of about 40 million rubles by a company from Chuvashia. URL: <https://ch.versia.ru/vladimirskaya-voennaya-prokuratura-vyyavila-xishhenie-okolo-40-mln-rublej-firmoj-iz-chuvashii> (date of access: 10.04.2026).

11. Information letter «On the state of work of law enforcement agencies to compensate for damage caused by crimes» № 15-23-2023/1/2308/216-16-1-1-23/9639/4/ИБ-173-524 dated 02/28/2023 // Prosecutor's Office of the Chuvash Republic / Ministry of Internal Affairs of the Chuvash Republic / Investigative Department of the Investigative Committee of Russia for the Chuvash Republic / Department of the Federal Security Service for the Chuvash Republic / Main Directorate of the Ministry of Emergency Situations of Russia for the Chuvash Republic / Department of the Federal Bailiff Service of Russia for the Chuvash Republic Access from the legal system «ConsultantPlus».

12. Vasilyeva M. Fight against corruption by measures of prosecutorial response / M. Vasilyeva, M. Grigoriev // Bulletin. State and Law. 2016. № 22.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Д. П. Ищенко – Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации. 344064, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Волоколамская, д. 3В.

С. В. Апарин – подполковник полиции, преподаватель кафедры информационного обеспечения органов внутренних дел Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

D. P. Ishchenko – Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 3V, Volokolamskaya St., Rostov-on-Don 344064 Russian Federation.

S. V. Aparin – Lieutenant Colonel of Police, Lecturer at the Department of Information Support for Internal Affairs Bodies of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 30.09.2026; одобрена после рецензирования 06.11.2025; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 30.09.2026; approved after reviewing 06.11.2025; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.37:343.359

ВЛИЯНИЕ НОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ДРОППЕРАХ НА СХЕМЫ НЕЗАКОННОГО ОБНАЛИЧИВАНИЯ И ТРАНЗИТИРОВАНИЯ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ: АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ РИСКИ

Анастасия Александровна Катрыч¹, Анна Валентиновна Миронова², Николай Дмитриевич Захаров³

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, Anastasija.Katrych@yandex.ru

²Московский областной филиал Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Старотеряево, Российская Федерация, mir.av@mail.ru

³Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Российская Федерация, nzakharov19@mvd.ru

Введение: настоящая работа посвящена комплексному анализу правовых проблем, возникающих при квалификации деяний «дропперов» – субъектов, интегрированных в современные криминальные структуры, использующие банковскую инфраструктуру для легализации и транзита незаконно полученных денежных средств. Исследование направлено на систематизацию видов дропперов и осмысление их криминальной функции. В статье анализируются существующие подходы к уголовному преследованию, выявляются пробелы в судебной практике и прогнозируются направления законодательного развития.

Материалы и методы: методологическую основу исследования вопросов в рамках данной статьи составили методы анализа и синтеза информации, нормативно-логический и другие методы. Материалами исследования послужили уголовно-правовые нормы, предусматривающие юридическую ответственность за неправомерный оборот средств платежей.

Результаты исследования: члены дропперских схем (обналичщики, транзитники, заливщики) используют как традиционные банки, так и нелегальные платформы для уклонения от контроля, что усложняет их идентификацию и привлечение к ответственности. Также исследованы трансформация статьи 187 УК РФ до принятия № 176-ФЗ, правовой вакуум ограничивал квалификацию деяний дропперов, а отсутствие четкого указания на умысел и корыстную заинтересованность затрудняло судебные решения и после принятия.

Выводы и заключения: незаконное обналичивание и транзит денежных средств, в том числе через дропперов, продолжают представлять серьезную угрозу финансовой стабильности и экономической безопасности России. Новые законодательные изменения (№ 176-ФЗ, поправки в ст. 187 УК РФ) и постановка Конституционного Суда усиливают правовые рамки, но остается значительный риск из-за технологических обходных путей и недостаточной точности формулировок.

Ключевые слова: незаконная банковская деятельность, обналичивание денежных средств, теневая экономика, заведомо подложные счета-фактур, дроппинг, уголовная ответственность, вопросы квалификации, проблемы, пути решения

Для цитирования: Катрыч А. А., Миронова А. В., Захаров Н. Д. Влияние нового законодательства о дропперах на схемы незаконного обналичивания и транзитирования денежных средств: анализ эффективности и возможные риски // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 153–157.

Original paper

THE IMPACT OF NEW LEGISLATION ON DROPPERS ON ILLEGAL CASH WITHDRAWAL AND TRANSIT SCHEMES: EFFECTIVENESS ANALYSIS AND POSSIBLE RISKS

© Катрыч А.А., Миронова А.В., Захаров Н.Д., 2026

Anastasia Alexandrovna Katrych¹, Anna Valentinovna Mironova², Nikolay Dmitrievich Zakharov³

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Moscow Regional Branch of the Moscow Order of Honor of the V.Ya. Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Staroteryaev settlement, Russian Federation

³Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs, Volgograd, Russian Federation

Introduction: this paper is devoted to a comprehensive analysis of the legal problems that arise when qualifying the acts of “droppers” – entities integrated into modern criminal structures that use banking infrastructure to legalize and transit illegally obtained funds. The research is aimed at systematizing the types of droppers and understanding their criminal function. The article analyzes the existing approaches to criminal prosecution, identifies gaps in judicial practice and predicts the directions of legislative development.

Materials and methods: the methodological basis for the study of issues in this article consists of methods of information analysis and synthesis, normative-logical and other methods. The materials of the study were the criminal law norms providing for legal liability for the illegal turnover of funds of payments.

Results of the study: members of the dropper schemes (cashiers, transit workers, fillers) use both traditional banks and illegal platforms to evade control, which complicates their identification and prosecution. The transformation of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation before the adoption of № 176-FZ was also investigated. The legal vacuum limited the qualification of the acts of droppers, and the lack of a clear indication of intent and self-interest made it difficult for judicial decisions after adoption.

Findings and conclusions: illegal cash withdrawal and transit of funds, including through droppers, continue to pose a serious threat to Russia’s financial stability and economic security. New legislative amendments (№ 176-FZ, amendments to Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation) and the ruling of the Constitutional Court strengthen the legal framework, but there remains a significant risk due to technological workarounds and insufficient precision of wording.

Keywords: illegal banking, cash withdrawal, shadow economy, deliberately forged invoices, dropping, criminal liability, qualification issues, problems, solutions

For citation: Katrycha A. A., Mironova A. V., Zaxarova N. D. The impact of new legislation on droppers on schemes of illegal cash withdrawal and transit of funds: an analysis of effectiveness and possible risks // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 153–157.

Незаконное обналичивание денежных средств является одним из компонентов, составляющих теневую экономику государства, которая, как правило, является следствием определенных обстоятельств. Генезис теневой экономики не возникает лишь из желания заработать больше и получить сверхприбыль; он также является следствием недостатков в законодательстве, таких как чрезмерно высокие налоги, сложные процедуры оформления и ведения прозрачной бизнес-деятельности, а также прочих факторов. Эти обстоятельства не оправдывают недобросовестный бизнес. Нелегальная деятельность наносит вред обществу и государству, приводя к потере налогов, которые могли бы финансировать инфраструктуру и социальные услуги, а также способствуя росту коррупции и нарушению трудового законодательства.

Так, по данным «Сбербанка России» [1] основу теневой экономики составляют обналичивание и транзит денежных средств. Выполнение указанных преступлений оказывает серьезно отрицательное воздействие на макроэкономику, усиливая инфляцию и ослабляя конкурентоспособность предприятий и организаций легального сектора.

В современном мире финансовые преступления занимают одно из центральных мест в системе уголовных правонарушений. Одним из наиболее распространенных видов таких преступлений является незаконное обналичивание денежных средств, которое часто квалифицируется как форма незаконной банковской деятельности. Эта тема актуальна в условиях роста цифровой экономики, развития безналичных расчетов и ужесточения контроля за финансовыми потоками. Незаконное обналичивание не только подрывает стабильность банковской системы, но и способствует уклонению от налогов, отмыванию денег и финансированию терроризма. По данным статистики тяжкие

и особо тяжкие преступления в общем числе выявленных преступлений экономической направленности составили 68,7 %. Подразделениями органов внутренних дел выявлено 69,7 тыс. преступлений экономической направленности, их удельный вес в общем массиве преступлений экономической направленности составил 78,6 % [2].

До принятия Федерального закона от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» дропперы оказывались в правовом вакууме. Их деяния напрямую не предусматривались не одной из статей уголовного кодекса Российской Федерации. Данные деяния правоприменители квалифицировали и по ст. 159 УК РФ, однако установить умысел, направленный на хищение имущества путем обмана «дроппером», не удалось, и по ст. 174 УК РФ, но и в данном случае не нашлось правового обоснования квалификации действий «дропперов» как легализация. Даже ст. 187 УК РФ в прежней редакции позволяла избежать наказание лицам, в чьих деяниях содержались признаки противоправного поведения. При вынесении приговоров суды подчеркивали, что открытие расчетных счетов в банках без реального намерения вести по ним экономическую деятельность, а также при отсутствии умысла на совершение преступления не может расцениваться как уголовно наказуемое деяние. Анализ диспозиции статьи 187 УК РФ однозначно свидетельствует: для квалификации действий по этой норме необходимо доказать прямой умысел лица. Это означает, что обвиняемый должен осознавать, что создаваемые или реализуемые документы или платежные карты являются поддельными; что электронные средства, электронные носители, технические устройства или программное обеспечение предназначены исключительно для незаконного осуществления операций по приему, выдаче или переводу денежных средств; и при всем этом должна присутствовать корыстная заинтересованность.

Таким образом, без установления именно этого умысла квалификация по ст. 187 УК РФ невозможна.

В определении Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 г. № 2122-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куприкова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 187 Уголовного кодекса Российской Федерации» было подчеркнуто, что ответственность возникает лишь при доказанном умысле на совершение указанных действий, включая осознание того, что изготавливаемые или сбываемые документы предназначены как платежные и могут использоваться именно в таком качестве [3].

Прошлая редакция ст. 187 УК РФ фактически позволяла лицу, совершившему противоправное деяние, избежать уголовную ответственность, при отсутствии доказанности умысла на совершение неправомерного оборота средств платежа. Данное обстоятельство подвигло законодателя на пересмотр данной нормы, результатом данного пересмотра является вступивший в законную силу Федеральный закон от 24.06.2025 № 176-ФЗ «О внесении изменений в статью 187 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Участником незаконного обналичивания выступают так называемые «дропперы» (от англ. drop – «сбрасывать») – это человек, чьи банковские счета используются для транзита или обналичивания незаконных финансовых операций. Хотя и официально данное определение законодатель нигде не употребляет, тем не менее, в практической деятельности оно широко распространено, что позволяет включать в данное понятие не только объективную сторону ст. 187 УК РФ, но и в некоторых случаях деяния, предусмотренные ст. 159 УК РФ. Согласно данным Банка России, в 2024 году через «услуги» дропперов было похищено 27,5 млн руб. МВД РФ добавляет, что ежемесячно в эти схемы втягивались до 80 тысяч новых участников. В последнее время дропперство стало настоящей эпидемией: мошенники создали целую индустрию по вербовке подставных лиц. Эксперты выделяют три основных типа дропов: «обналичиватели» – снимают наличные в банкоматах; «транзитники» – переводят средства на другие счета; «заливщики» – вносят наличные на счета и распределяют их. По данным правоохранительных органов, материальный ущерб от завершённых и приостановленных уголовных дел, связанных с этими преступлениями, составил 266,2 млн руб. [2].

В частях 3–5 статьи 187 УК РФ законодатель нам указывает на то, что лица, чьи действия направлены на неправомерный оборот платежных средств, для признания их деяний уголовно наказуемым необходимо доказанность факта корыстной заинтересованности со стороны клиента оператора по переводу денежных средств. Логично задаться вопросом кто же выступает оператором по переводу денежных средств? В Федеральном законе от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» в статье 11 сказано, что операторами выступают Банк России, кредитные организации, имеющие право на осуществление перевода денежных средств, государственная корпорация развития «ВЭБ.РФ», филиалы иностранных

банков, которые на основании лицензии на осуществление банковских операций, имеют право на осуществление перевода денежных средств. Современная преступность производит апгрейд в соответствии с технологическим процессом, обналичивая денежные средства не только посредством операторов установленных федеральным законом, но и посредством таких платформ как Qiwi, лицензия которого отозвана Центральным Банком России в 2024 году, а так же с использованием криптовалюты, что не позволяет в полной мере отслеживать все операции производимые этой платформой.

Объективная сторона деяний лиц, предусматривающих ответственность по ч. 3–5 ст. 187 УК РФ можно расценивать как особый вид пособничество, который в диспозиции выражается в передаче электронного средства платежа, осуществление неправомерных операций в интересах другого лица, приобретение или передача другому лицу для осуществления неправомерных действий электронного средства платежа. Указывая при этом исключительно на корыстную заинтересованность, которая может выражаться как единовременной выплате денежных средств, так и обещание денежного вознаграждения. Стоит отметить по своему содержанию часть 3 и часть 5 статьи 187 УК РФ дублируют друг друга. Разделяя действия, которые направлены на достижение одной цели разными частями будут порождать ошибки при квалификации. Часть 5 статьи 187 УК РФ включает в себя полностью действия регламентированные частью 3 указанной статьи, выделяя в качестве действия объективную сторону, заключающуюся не только в приобретении доступа электронного средства платежа, но и в передаче другому лицу.

В качестве клиента оператора по переводу денежных средств могут выступать как физические лица, юридические лица, а так же индивидуальные предприниматели. Последние зачастую пользуются услугами по обналичиванию или сами выступают в качестве «дроперов», при этом юридическое лицо зачисляет на счет индивидуального предпринимателя денежные средства, за якобы оказанную услугу, которая фактически не осуществлялась. Индивидуальный предприниматель за данную «сделку» удерживает процент от суммы поступления, что напрямую указывает на корыстную заинтересованность. До принятия Федерального закона № 176-ФЗ от 24 июня 2025 г. подобные деяния квалифицировались как преступления по ст. 172 УК РФ «Незаконная банковская деятельность» и по ч. 1 ст. 187 УК РФ «Неправомерный оборот средств платежей». Однако для признания деяния незаконной банковской деятельностью необходимо, чтобы помимо отсутствия регистрации или лицензии, они причиняли крупный ущерб гражданам, организациям или государству, либо были связаны с получением значительных доходов. Согласно примечанию к ст. 170.2 УК РФ крупным ущербом и доходов в крупном размере считается извлечение дохода в сумме 3 500 000 руб., при отсутствии данного признака деяние не будет квалифицироваться по ст. 172 УК РФ, однако совершенно очевидно наличие в действиях индивидуального предпринимателя признаков преступления предусмотренного частью 4 статьи 187 УК РФ, заключающееся в неправомерных операциях с использованием электронного средства платежа.

Формулировка диспозиции в чч. 3–6 ст. 187 УК РФ указывает на формальную конструкцию уголовно-правовой нормы, совершение одного из действий говорит об оконченности деяния.

Часть 6 статьи 187 УК РФ напротив дает квалификацию действий третьих лиц, которые осуществляют неправомерные операции с использованием электронного средства платежа, не являющиеся стороной договора об использовании средства платежа. Грубо говоря, это лица, в чьих интересах изначально действует «дропер».

Хочется обратить внимание на необходимость пересмотреть и уточнить формулировки статьи 187 УК РФ, включив в примечание конкретные признаки обналичивания и транзита, а так же исключить ч. 3 ст. 187 УК РФ, так как она поглощается диспозицией ч. 5 ст. 187 УК РФ.

Незаконное обналичивание и транзит денежных средств остается серьезной угрозой для финансовой стабильности и экономической безопасности России. Несмотря на новые законодательные меры, остаются значительные пробелы и технологические барьеры, которые дроперы используют для уклонения от ответственности. Системный подход, включающий обновление законов, усиление технического контроля и международное сотрудничество, необходим для эффективного противодействия данной форме преступности.

Для борьбы с незаконным обналичиванием государство применяет комплекс мер: усиление контроля за банковскими операциями (например, через систему «Знай своего клиента»), совершенствование законодательства о противодействии отмыванию денег и развитие цифровых технологий для отслеживания подозрительных транзакций. Банки обязаны сообщать о сомнительных операциях в Росфинмониторинг, а правоохранительные органы проводят регулярные рейды и анализируют большие данные.

Профилактика включает повышение финансовой грамотности предпринимателей, обучение бухгалтеров и юристов, а также ужесточение требований к лицензированию банковских операций. Важную роль играет международное сотрудничество, поскольку обналачивание часто имеет трансграничный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Официальный сайт Сбербанк России. URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/tenevoj-biznes-v-2023-godu-v-rossii (дата обращения: 24.12.2024).
2. МВД России. Состояние преступности в России за январь – сентябрь 2025 года. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/> (дата обращения: 24.11.2025).
3. Конституционный Суд РФ. Определение от 26.09.2024 № 2122-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куприкова Сергея Петровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 187 Уголовного кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26092024-n-2122-o/> (дата обращения: 25.11.2025).

REFERENCES

1. Official website of Sberbank of Russia. URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/tenevoj-biznes-v-2023-godu-v-rossii (date of application: 24.12.2024).
2. The Ministry of Internal Affairs of Russia. The state of crime in Russia in January – September 2025. URL: <https://mvd.ru/folder/101762/item/> (date of access: 24.11.2025).
3. The Constitutional Court of the Russian Federation. Definition of 09.26.2024 № 2122-O “On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Sergey Petrovich Kuprikov for violation of his constitutional rights by part one of Article 187 of the Criminal Code of the Russian Federation”. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26092024-n-2122-o/> (date of access: 25.11.2025).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. А. Катрыч – преподаватель кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

А. В. Миронова – начальник кафедры уголовного процесса Московского областного филиала Московского ордена Почета университета МВД России имени В.Я. Кикотя. 143103, Российская Федерация, Московская обл., Рузский м.о., п. Старотеряево.

Н. Д. Захаров – кандидат юридических наук, начальник научно-исследовательского отдела Волгоградской академии МВД России. 400075, Российская Федерация, г. Волгоград, Историческая ул., 130.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. A. Katrych – lecturer at the Department of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

A. V. Mironova – Head of the Department of Criminal Procedure. Moscow Regional Branch of the Moscow Order of Honor of the V.Ya. Kikot University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Staroteryaev settlement, Ruzsky M.O., Moscow region 143103 Russian Federation.

N. D. Zakharov – PhD in Law, Head of the Research Department. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 130, Historical St., Volgograd 400075 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 03.03.2026; одобрена после рецензирования 20.04.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 03.03.2026; approved after reviewing 20.04.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.2.7

ДЕСТРУКТИВНОЕ ИНФОРМАЦИОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ: КРИМИНОЛОГО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ

Татьяна Николаевна Кильмашкина¹, Ирина Анатольевна Семенцова², Анна Борисовна
Малявина³

¹Государственный университет просвещения, Москва, Российская Федерация, kilmashkinat@yandex.ru

²Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, irina_semen@inbox.ru;

³Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Ростов-на-Дону, Российская Федерация, irina_semen@inbox.ru

³Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, vicktoria22@mail.ru

Введение: развитие и распространение цифровых технологий трансформирует не только законные и полезные общественные отношения, но и, к сожалению, такое социальное явление, как преступность. Практика применения информационных технологий в криминальных целях с каждым днем набирает обороты. По данным МВД России, только за 2025 г. доля таких преступлений в показателях общей преступности страны составила 38,1 % ¹. При этом специалистами отмечается не только высокая степень востребованности у криминала информационных технологий, но и высокая степень креативности, вариативности и технологичности способов совершения рассматриваемых преступлений. Актуальность темы исследования обусловлена высокой степенью общественной опасности преступлений с использованием информационных технологий в сети Интернет против несовершеннолетних. Совершение названных преступлений влечет тяжелые последствия и характеризуются высокой степенью возникающего общественного резонанса.

Материалы и методы: в основе исследования лежит комплекс современных общенаучных и специальных научных методов познания, включая диалектический, системный, структурно-функциональный, сравнительно-правовой и формально-правовой (догматический) методы.

Результаты исследования: проведенное комплексное исследование криминологических особенностей деструктивного информационного воздействия на несовершеннолетних в сети Интернет позволило проанализировать формы его проявления, его детерминанты, выявить особенности виктимизации потерпевших, связанные с возрастными, психологическими и социальными особенностями несовершеннолетних, а также с особенностями интернет-среды и методов преступного воздействия.

Выводы и заключения: предупреждение и противодействие информационному воздействию на несовершеннолетних в сети Интернет исходит из необходимости защиты ребенка от деструктивной информации, цифровых угроз и иных факторов, способных причинить вред развитию и безопасности несовершеннолетнего и требует комплексного подхода, сочетающего совершенствование уголовного законодательства, развитие технических средств защиты, повышение уровня цифровой грамотности детей и координацию деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова: криминологическая характеристика, виктимизация, несовершеннолетний, Интернет, киберпреступность, информационное воздействие, потерпевший

Для цитирования: Кильмашкина Т. Н., Семенцова И. А., Малявина А. Б. Деструктивное информационное воздействие на несовершеннолетних в сети Интернет: криминологическо-психологические особенности // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 158–164.

¹ Состояние преступности в России за январь-декабрь 2025 года. URL: <https://мвд.рф/> (дата обращения: 04.05.2026).

Original paper

DESTRUCTIVE INFORMATIONAL INFLUENCE ON MINORS ON THE INTERNET: CRIMINOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL FEATURES

Tatyana Nikolaevna Kilmashkina¹, Irina Anatolyevna Sementsova², Anna Borisovna Malyavina³

¹State University of Education, Moscow, Russian Federation

²S.Yu. Witte Moscow University, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russian Federation;

²Rostov Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of the Russian Federation), Rostov-on-Don, Russian Federation

³Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the development and spread of digital technologies is transforming not only legitimate and useful social relations, but also, unfortunately, such a social phenomenon as crime. The practice of using information technologies for criminal purposes is gaining momentum every day. According to the Ministry of Internal Affairs of Russia, in 2025 alone, the share of such crimes in the overall crime rate in the country was 38.1 %. At the same time, experts note not only the high demand for information technologies among criminals, but also the high level of creativity, variability, and technological sophistication in the methods of committing these crimes. The relevance of the research topic is due to the high degree of public danger of crimes committed using information technologies on the Internet against minors. These crimes have severe consequences and are characterized by a high degree of public resonance.

Materials and methods: the study is based on data from scientific publications, official government statistics, and court and investigative case materials. Methodologically, the work relies on standard scientific methods, which allowed for the use of the following approaches: activity-based, information-based, situational, systemic, synergistic, comparative, combined, and several others. In this process, general scientific methods such as analysis, synthesis, system-structural, scientific-thematic, hypothetical, and comparative-legal analysis of the content of criminal case materials and other sources of law enforcement, as well as methods of typification, mathematical analysis, probability theory, and others, were actively used.

Results of the study: the conducted comprehensive study of the criminological features of destructive information influence on minors on the Internet allowed us to analyze the forms of its manifestation, its determinants, and to identify the features of victimization of minors related to their age, psychological, and social characteristics, as well as the characteristics of the Internet environment and methods of criminal influence.

Findings and conclusions: the prevention and counteraction of information influence on minors on the Internet is based on the need to protect children from destructive information, digital threats, and other factors that can harm their development and safety. This requires a comprehensive approach that combines the improvement of criminal legislation, the development of technical protection measures, the enhancement of children's digital literacy, and the coordination of law enforcement activities.

Keywords: criminological characteristics, victimization, minors, Internet, cybercrime information influence, victim

For citation: Kilmashkina T. N., Sementsova I. A., Malyavina A. B. Destructive Informational Influence on Minors on the Internet: criminological and Psychological Features // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 158–164.

Криминологическая характеристика информационного воздействия на несовершеннолетних в сети Интернет предполагает исследование не только отдельных противоправных эпизодов, но и более широкого комплекса социальных, психологических и технологических факторов, формирующих условия для причинения вреда ребенку в цифровой среде. Е.Г. Дозорцева говорит о том, что интернет-пространство выступает не нейтральным каналом передачи сведений, а самостоятельной средой социализации, в пределах которой складываются новые формы девиантного поведения, виктимизации и криминализации подростков [1]. Одновременно на нормативном уровне Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации, утвержденная в 2023 г., исходит из необходимости защиты ребенка

от деструктивной информации, цифровых угроз и иных факторов, способных причинить вред развитию и безопасности несовершеннолетнего².

Для рассматриваемой проблематики ключевое значение имеет междисциплинарный подход. С криминологической позиции информационное воздействие на несовершеннолетнего в сети Интернет представляет собой совокупность процессов и практик, при которых цифровой контент, алгоритмическое продвижение материалов, сетевые коммуникации и манипулятивные действия пользователей оказывают влияние на сознание, эмоциональное состояние и поведение ребенка, повышая риск виктимизации, вовлечения в антиобщественные практики либо собственной криминализации.

Информационное воздействие в сети Интернет обладает высокой латентностью. Значительная часть вредоносного информационного воздействия не попадает в официальную статистику, поскольку несовершеннолетние нередко скрывают факты сетевого преследования, сексуализированного контакта, шантажа или систематической травли [2]. Причины подобной латентности связаны со страхом осуждения, опасением утраты доступа к гаджетам и аккаунтам, чувством стыда, эмоциональной зависимостью от онлайн-общения, а также с непониманием родителями и педагогами действительного масштаба цифровой угрозы. Феденко М.Л. прямо отмечает, что скрытая часть подобной преступной активности сохраняется значительной, а преступники последовательно используют доверительное сближение, эмоциональную настройку и многоэтапные манипуляции, затрудняющие своевременное распознавание опасности со стороны ребенка и взрослых [3].

Информационное воздействие имеет множество форм проявления. Криминологически значимыми разновидностями вредоносного информационного воздействия выступают кибербуллинг, кибергруминг, сексуализированная коммуникация со взрослыми, сексторция, вовлечение в деструктивные сообщества, распространение материалов, подталкивающих к самоповреждению и суицидальному поведению, а также формирование зависимого и рискованного цифрового поведения. Ребенок может одновременно выступать объектом нескольких воздействий. К примеру, начальный этап доверительной переписки способен перерасти в сексуализированное общение, затем в передачу интимных изображений, после чего возникает шантаж угрозой их распространения [4]. Такая многослойность сетевого посягательства осложняет как криминологическую типологию, так и своевременное выявление опасности.

Далее следует рассмотреть специфику цифровой среды как криминогенного пространства. В отличие от офлайн-взаимодействия интернет-коммуникация обеспечивает анонимность, удаленность, быстрый поиск уязвимых адресатов, возможность многократного повторения воздействия и сохранность цифровых следов в форме сообщений, изображений, публикаций и комментариев [5]. Для потерпевшего подобные свойства означают невозможность простого выхода из травмирующей ситуации. Михайлова Н.Ф., Е.А. Истомина указывают, что киберагрессии и кибервиктимизации подчеркивается, что кибербуллинг трудно прекратить, поскольку нежелательные сообщения и публикации продолжают воздействовать на жертву практически непрерывно [6]. Постоянная доступность информации усиливает травмирующий эффект по сравнению с офлайн-травлей, от которой подросток хотя бы частично может дистанцироваться после завершения непосредственного контакта.

Криминологическая характеристика информационного воздействия на несовершеннолетних должна включать анализ его детерминант. На макросоциальном уровне к ним относятся:

- интенсивная цифровизация повседневной жизни;
- снижение возрастного порога самостоятельного присутствия детей в сети;
- массовое использование социальных платформ как пространства общения и самоутверждения;
- запаздывание семейного и школьного контроля по сравнению со скоростью развития цифровых сервисов [7].

На мезоуровне важную роль играют семейное неблагополучие, дефицит доверительного общения, слабый эмоциональный контакт с родителями, недостаточная цифровая грамотность взрослых и отсутствие устойчивых навыков безопасного поведения у ребенка. На индивидуальном уровне значение приобретают возрастная незрелость, повышенная

² Распоряжение Правительства РФ от 28.04.2023 № 1105-р «Об утверждении Концепции информационной безопасности детей в Российской Федерации и признании утратившим силу Распоряжения Правительства РФ от 02.12.2015 № 2471-р» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 19. Ст. 3481.

потребность в признании, одиночество, низкая самооценка, эмоциональная неустойчивость, интерес к сексуальной тематике, склонность к рискованному онлайн-поведению и трудности саморегуляции [8].

Содержательно наиболее разработанной в современной российской литературе выглядит проблема сексуальной эксплуатации несовершеннолетних в интернете. Медведева А.С. показывает, что уязвимость детей и подростков для подобных посягательств определяется не одной причиной, а сочетанием нескольких обстоятельств [9]. Среди них выделяются возрастные особенности, состояние здоровья, уровень самооценки, проблемное использование цифровых технологий, ослабленный родительский контроль и манипулятивное воздействие самих посягателей. Важное значение имеет и психологическая потребность подростка в признании, близости и продуктивном межличностном взаимодействии. Перечисленные факторы повышают вероятность вступления в доверительный контакт с незнакомым пользователем, продолжения сексуализированной переписки и неспособности вовремя прервать коммуникацию, когда она приобретает явно опасный характер.

Не менее показательной является сексторция как разновидность цифровой виктимизации. Вовлечение детей и подростков в сексуализированные интернет-коммуникации нередко завершается получением взрослыми пользователями интимных материалов несовершеннолетних, после чего начинается шантаж угрозой распространения изображений [10]. Такое воздействие отличается выраженной психологической разрушительностью, поскольку сочетает стыд, страх публичного унижения, ощущение утраты контроля над собственной частной жизнью и боязнь наказания со стороны родителей. Криминологически значимым обстоятельством служит и то, что несовершеннолетние далеко не всегда сразу обращаются за помощью, предпочитая скрывать факт шантажа до момента резкого обострения ситуации [11].

Кибербуллинг образует отдельный сегмент виктимизации несовершеннолетних в цифровой среде. Современные исследования показывают, что риск кибервиктимизации связан с участием подростка в традиционном буллинге, рискованным поведением в интернете, моральным нигилизмом и ослаблением контролирующего и поддерживающего влияния социального окружения. В качестве защитных факторов называются безопасный школьный климат, ощущение доступности поддержки, родительский контроль и родительская медиация [12]. На уровне последствий кибербуллинг коррелирует с тревогой, депрессивными проявлениями, соматизацией, враждебностью, импульсивностью и интернет-зависимостью. По криминологическому смыслу подобные данные важны не только для понимания вреда, уже причиненного потерпевшему, но и для выявления условий, при которых повторная виктимизация становится более вероятной.

С позиции виктимологии особую значимость имеет вопрос о профиле потерпевшего. Речь не идет о возложении ответственности на несовершеннолетнего за причиненный ему вред. Виктимологический анализ нужен для выявления сочетаний признаков и поведенческих стратегий, повышающих уязвимость ребенка перед цифровым посягательством. В современной литературе к наиболее значимым признакам относят младший подростковый и подростковый возраст, эмоциональную нестабильность, стремление к одобрению со стороны сверстников, дефицит семейной поддержки, склонность к самораскрытию в интернете, участие в рискованных коммуникациях, низкую критичность к сетевым знакомствам и готовность пересылать личные данные либо интимные изображения [13].

Виктимизация несовершеннолетних в сети Интернет нередко носит процессуальный характер. Иначе говоря, ребенок не становится жертвой одномоментно. Сначала формируется доверительный или эмоционально напряженный контакт, затем появляется устойчивая зависимость от коммуникации, после чего преступник либо агрессор переходит к эксплуатации уязвимости [14]. При кибергруминге такой переход осуществляется через поэтапное вхождение в личное пространство подростка, подстройку под его интересы, нормализацию сексуализированной тематики и постепенное снижение психологических барьеров. При кибербуллинге процесс может начинаться с единичной насмешки, а затем трансформироваться в систематическое преследование, поддерживаемое групповой динамикой и технической воспроизводимостью оскорбительного контента [15]. Для криминологии указанная стадийность важна в связи с тем, что позволяет видеть момент, когда обычная подростковая коммуникация превращается в опасное воздействие, требующее вмешательства.

Существенное значение имеет и феномен двойственной позиции несовершеннолетнего в цифровой среде. Речь идет о том, что, подросток может одновременно демонстрировать

черты потерпевшего и участника агрессивных либо рискованных сетевых практик. Данные о киберагрессии и кибервиктимизации свидетельствуют о сложной взаимосвязи между пережитым насилием, собственным агрессивным поведением и общим уровнем дезадаптации. Подростковая среда в интернете устроена таким образом, что граница между агрессором и жертвой иногда оказывается подвижной. Поскольку профилактика не может ограничиваться работой только с очевидно пострадавшими лицами, для криминологического анализа указанный вывод имеет важное значение.

Цифровая зависимость на виктимизацию играет не последнюю роль. Кокурин А.В. и В.М. Поздняков обращают внимание на рост зависимости от социальных сетей и интернета, а также на связь цифровой зависимости с депрессивными состояниями и иными психологическими трудностями [16]. Для несовершеннолетних подобная зависимость опасна не только сама по себе. Длительное неконтролируемое пребывание в сети увеличивает частоту контактов с рискованным контентом, снижает критичность, усиливает эмоциональную зависимость от реакции онлайн-аудитории и облегчает закрепление вредоносного воздействия. При наличии одиночества, неблагополучия в реальном окружении и дефицита поддержки интернет становится главным источником признания, что повышает восприимчивость к манипуляциям и вовлечению.

Криминологически значимой выступает также роль среды ближайшего окружения. Защитный потенциал семьи, школы и референтной группы определяется не столько формальным контролем, сколько качеством доверительного взаимодействия. Родительская и эмоциональная поддержка, безопасный школьный климат и доступность помощи снижают риск кибербуллинга и иных форм сетевой виктимизации [17]. Напротив, семейная конфликтность, эмоциональная изоляция, дефицит внимания к психоэмоциональному состоянию ребенка и отсутствие обсуждения цифровых угроз создают дополнительные условия для причинения вреда. По указанной причине информационное воздействие на несовершеннолетних в интернете должно рассматриваться как явление, укорененное не только в свойствах цифровой платформы, но и в состоянии микросоциальной среды ребенка.

Обобщая криминологическую характеристику исследуемого явления, можно заключить, что информационное воздействие на несовершеннолетних в сети Интернет представляет собой высоколатентную и динамичную разновидность деструктивного влияния, возникающую на пересечении технологических возможностей цифровой среды, возрастной уязвимости ребенка и неблагоприятных факторов социализации. Основными криминологическими признаками выступают скрытый характер значительной части эпизодов, сочетание нескольких форм воздействия в пределах одного процесса, длительность и повторяемость коммуникации, трансформация первичной уязвимости в устойчивую виктимность, а также взаимосвязь виктимизации с последующей дезадаптацией и вероятной криминализацией подростка. Виктимологический профиль потерпевшего характеризуется возрастной и эмоциональной незрелостью, стремлением к признанию, сниженной критичностью к сетевым знакомствам, дефицитом семейной поддержки и включенностью в рискованные онлайн-практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дозорцева Е.Г. Комплексная модель формирования опасного поведения подростков в интернет-пространстве // Психология и право. 2025. № 15 (3).
2. Иванов Д.А. Криминологические аспекты вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / Д.А. Иванов, В.Д. Потапов, О.М. Иванова // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 3.
3. Феденко М.Л. Кибергруппинг как латентная форма виртуальной виктимизации несовершеннолетних: криминалистический анализ манипулятивных тактик и проблемы уголовно-правового противодействия // Вопросы ювенальной юстиции. 2025. № 3.
4. Медведева А.С. Сексторция в сети Интернет: реакции несовершеннолетних и их уязвимость // Психология и право. 2025. № 15 (3).
5. Стяжкина С.А. Виктимологическая профилактика преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних в сети интернет // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2023. № 1.
6. Михайлова Н.Ф. Адаптация и валидизация шкалы киберагрессии и кибервиктимизации (CAV) / Н.Ф. Михайлова, Е.А. Истомина // Клиническая и специальная психология. 2025. № 14 (4).
7. Коваленко М.А. Криминологическая характеристика информационного воздействия на несовершеннолетних в сети Интернет // Киберпреступность: риски и угрозы СПб., 2021.

8. Калашник В.А. Половые преступления в отношении несовершеннолетних в сети интернет: факторы динамики // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2022. № 4 (845).
9. Медведева А.С. Виктимизация несовершеннолетних при сексуальной эксплуатации в Интернете: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2025. № 14 (2).
10. Медведева А.С. Сексторция в сети Интернет: реакции несовершеннолетних и их уязвимость // Психология и право. 2025. № 15 (3).
11. Демидова-Петрова Е.В. Влияние интернет-пространства на виктимность несовершеннолетних: криминологический анализ // Мониторинг правоприменения. 2023. № 3 (48).
12. Волкова Е.Н. Феномены социализации современных подростков: Pro et contra // Социальная психология и общество. 2025. № 16 (2).
13. Медведева А.С. Виктимизация несовершеннолетних при сексуальной эксплуатации в Интернете: обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2025. № 14 (2).
14. Турунова М.Н. Противодействие влиянию сети «Интернет» на преступное поведение несовершеннолетних: дис. канд. юрид. наук, 2023.
15. Погребная Н.С. Риски и угрозы сетевой коммуникации детей в цифровом обществе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия «Политические, социологические и экономические науки». 2024. № 1 (31).
16. Кокурин А.В. О деструктивных воздействиях в цифровой среде в публикациях современных зарубежных психологов / А.В. Кокурин, В.М. Поздняков // Психология и право. 2025. № 15 (4).
17. Малютин А.Д. Предупреждение и профилактика преступлений, совершаемых в молодежной среде под влиянием сети Интернет // Правовая парадигма государственной молодежной политики. Липецк, 2024.

REFERENCES

1. Dozortseva E.G. Complex model of the formation of dangerous behavior of adolescents in the Internet space // Psychology and Law. 2025. № 15 (3).
2. Ivanov D.A. Criminological aspects of involving a minor in committing a crime / D.A. Ivanov, V.D. Potapov, O.M. Ivanova // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. № 3.
3. Fedenko M.L. Cybergrooming as a Latent Form of Virtual Victimization of Minors: Forensic Analysis of Manipulative Tactics and Problems of Criminal Law Counteraction // Issues of Juvenile Justice. 2025. № 3.
4. Medvedeva A.S. Sextortion on the Internet: Reactions of Minors and Their Vulnerability // Psychology and Law. 2025. № 15 (3).
5. Styazhkina S.A. Victimological Prevention of Crimes Committed Against Minors on the Internet // Bulletin of the Udmurt University. Series "Economics and Law". 2023. № 1.
6. Mikhailova N.F. Adaptation and Validation of the Cyberaggression and Cybervictimization Scale (CAV) / N.F. Mikhailova, E.A. Istomina // Clinical and Special Psychology. 2025. № 14 (4).
7. Kovalenko M.A. Criminological Characteristics of Informational Influence on Minors on the Internet // Cybercrime: Risks and Threats. Petersburg, 2021.
8. Kalashnik V.A. Sexual Crimes Against Minors on the Internet: Factors of Dynamics // Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Education and Pedagogical Sciences. 2022. № 4 (845).
9. Medvedeva A.S. Victimization of Minors in Sexual Exploitation on the Internet: A Review of Foreign Research // Modern Foreign Psychology. 2025. № 14 (2).
10. Medvedeva A.S. Internet-Based Sex Trafficking: Reactions of Minors and Their Vulnerability // Psychology and Law. 2025. № 15 (3).
11. Demidova-Petrova E.V. The Influence of the Internet on the Victimization of Minors: A Criminological Analysis // Monitoring of Law Enforcement. 2023. № 3 (48).
12. Volkova E.N. The Phenomena of Socialization of Modern Adolescents: Pro et contra // Social Psychology and Society. 2025. № 16 (2).
13. Medvedeva A.S. Victimization of Minors in Sexual Exploitation on the Internet: A Review of Foreign Research // Modern Foreign Psychology. 2025. № 14 (2).
14. Turunova M.N. Countering the Influence of the Internet on the Criminal Behavior of Minors: Dissertation for the Degree of Candidate of Legal Sciences, 2023.

15. Pogrebnyaya N.S. Risks and Threats of Children's Online Communication in a Digital Society // Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2024. № 1 (31).

16. Kokurin A.V. On Destructive Effects in the Digital Environment in the Publications of Modern Foreign Psychologists / A.V. Kokurin, V.M. Pozdnyakov // Psychology and Law. 2025. № 15 (4).

17. Malyutin A.D. Prevention and Prophylaxis of Crimes Committed by Young People under the Influence of the Internet // Legal Paradigm of State Youth Policy. Lipetsk, 2024.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т. Н. Кильмашкина – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и гражданского права юридического факультета Государственного университета просвещения. 105005, Российская Федерация, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Басманный, ул. Радио, д. 10А, стр. 2.

И. А. Семенцова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону. 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Нефедова, д. 78; доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России). 344000, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пер. Соборный, д. 26.

А. Б. Малявина – кандидат политических наук, научный сотрудник научно-исследовательского отдела Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

T. N. Kilmashkina – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law at the Law Faculty of the State University of Education. 10A, Building 2, Radio St., Moscow 105005 Russian Federation.

I. A. Sementsova – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the S.Yu. Witte Moscow University, branch in Rostov-on-Don, 78, Nefyodova St., Rostov-on-Don 344000 Russian Federation; Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Rostov Institute (branch) All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation). 26, Soborny Lane, Rostov-on-Don 344000 Russian Federation.

A. B. Malyavina – Candidate of Political Sciences, Researcher at the Research Department of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 83, Yeremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.02.2026; одобрена после рецензирования 26.02.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 17.02.2026; approved after reviewing 26.02.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.9

ОБ ЭВОЛЮЦИИ ПРЕДМЕТА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Игорь Михайлович Комаров

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Российская Федерация, mgu.ikomarov@mail.ru

Введение: криминалистика, как и все другие юридические науки в соответствии с объективными закономерностями развития общества находится в постоянном движении, основанном на процессах интеграции и дифференциации знаний, что является объективным основанием для изменения содержания ее объекта и предмета, определение которых позволяет уже сейчас включать в область криминалистических исследований не только все то, что связано с изучением преступлений, но и с различными проступками, также как преступления нуждающимися в детальном изучении правоприменителем для принятия по ним законных решений.

Материалы и методы: определяются кругом решаемых научных задач, ориентированных на детальное рассмотрение проблем, связанных с динамикой развития объекта и предмета криминалистики. В ходе исследования применены методы: сравнительно-правовой, описательный, анализ и синтез, классификация и др. Изучались материалы научных исследований, отраженные в диссертациях, монографиях, научных статьях и др.

Результаты исследования: позволили выявить объективные закономерности, связанные с современным пониманием объекта и предмета криминалистики, которые наряду с преступлением включают и различные проступки, соответствующим образом аргументировать данное заключение. Сформулированы определенные выводы, направленные на обоснование указанной проблемы, актуальные как для науки криминалистики, так и практики правоприменительной деятельности.

Выводы и заключения: проведенное исследование позволяет прийти к выводам о том, что в современных условиях правоприменительной практики криминалистика перестала быть юридической наукой, которая в качестве своего объекта и предмета рассматривает только преступление, сейчас она активно используется для разработки методик расследования гражданских, административных, арбитражных проступков, следовательно объектом и предметом криминалистики является правонарушение, по содержанию, включающее как преступление, так и проступок.

Ключевые слова: криминалистика, предмет и объект науки криминалистики

Для цитирования: Комаров И. М. Об эволюции предмета криминалистических исследований // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 165–170.

Original paper

ON THE EVOLUTION OF THE SUBJECT OF FORENSIC RESEARCH

Igor Mikhailovich Komarov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Introduction: criminalistics, like all other legal sciences, in accordance with the objective laws of the development of society, is in constant motion, based on the processes of integration and differentiation of knowledge, which is an objective basis for changing the content of its object and subject, the definition of which allows us to include in the field of forensic research not only everything related to the study of crimes, but also with various offenses, as well as crimes that need to be studied in detail by a law enforcement officer in order to make legal decisions on them.

Materials and methods: they are determined by the range of scientific tasks to be solved, focused on a detailed consideration of problems related to the dynamics of the development of the object and subject of criminology. The research uses the following methods: comparative law, descriptive,

© Комаров И.М., 2026

analysis and synthesis, classification, etc. The materials of scientific research reflected in dissertations, monographs, scientific articles, etc. were studied.

Results of the study: of the study made it possible to identify objective patterns related to the modern understanding of the object and subject of criminology, which, along with the crime, include various offenses, and to appropriately substantiate this conclusion. Certain conclusions have been formulated aimed at substantiating this problem, which are relevant both for the science of criminology and the practice of law enforcement.

Findings and conclusions: the conducted research allows us to conclude that in modern conditions of law enforcement practice, criminology has ceased to be a legal science that considers only crime as its object and subject, now it is actively used to develop methods for investigating civil, administrative, and arbitration offenses, therefore, the object and subject of criminology is an offense, according to content that includes both a crime and a misdemeanor.

Keywords: criminalistics, the subject and object of the science of criminalistics

For citation: Komarov I. M. On the evolution of the subject of criminalistic research // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 165–170.

Если не брать в расчет тот факт, что человечество использовало специальные знания для расследований преступлений, что называется «испокон веков», то криминалистика, как система специальных научно-практических знаний, предназначенных для расследования преступлений существует уже фактически два столетия.

Опуская исторические аспекты становления ее как юридической науки отметим то важное обстоятельство, что только в 1893 г. была осуществлена первая научная систематизация криминалистических знаний, автором которой является австрийский юрист Ганс Гросс. Результатом этой систематизации стал его труд «Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции». В этой же работе это систематизированное знание получило свое название – «Криминалистика» и определение предмета – «наука о реальности уголовного права». Основой предмета стала фактическая сторона преступлений и сведения, необходимые при производстве отдельных следственных действий.

Раскрывая содержания предмета криминалистики Ганс Гросс полагал, что она должна изучать вещественные доказательства, поступки и явления в уголовном деле, характер и психологические особенности, привычки, способы деятельности лиц, участвующих в уголовном процессе.

В России криминалистика как система специальных знаний для расследования преступлений прижилась и, впервые, ее включили в процесс подготовки юристов в Военно-юридической академии в 1910 г. С этого же времени курсы криминалистики читались А.Д. Киселевым на юридическом факультете Харьковского университета и С.Н. Трегубовым в Императорском училище правоведения.

Криминалистам хорошо известны первые учебники по криминалистике: «Практическое руководство для расследования преступлений» (Якимов, 1924 г.), «Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике» (Якимов, 2025 г.), «Криминалистика. Уголовная тактика» (Якимов, 1929 г.), «Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений» (Бобров, 1935 г.), «Криминалистика. Техника и тактика расследования преступлений» кн. 1 и 2 (Вышинский, 1935 г.) и многие другие.

В этих учебника, а также других учебниках, которые были изданы позднее, авторы определяли объект и предмет криминалистики как учебной дисциплины, поскольку практически до середины прошлого века вопрос о том, что криминалистика представляет собой юридическую науку не был актуализирован.

По существу, механизм актуализации был запущен на основе и в результате интегративных процессов накопления соответствующих знаний, которым становилось тесно в рамках учебной дисциплины и объективно требовалось обоснование теоретических основ элементов системы криминалистики (техники, тактики и методики), а в их соответствии ее общей теории, что, при удачном решении задачи, позволило бы позиционировать криминалистику как юридическую науку, а не учебную дисциплину с содержанием – научно-обоснованные специальные (научные и прикладные) знания для расследования преступлений.

Усилиями в этом направлении отечественных ученых-криминалистов, среди которых можно назвать Л.Е. Ароцкера, О.Я. Баева, Р.С. Белкина, И.Е. Быховского, А.Н. Васильева, Гавло В.К., С.А. Голунского, Л.Я. Драпкина, Г.Г. Зуйкова, В.Я. Колдина, В.Е. Корноухова, Лаврова В.П., В.А. Образцова, Н.П. Яблокова и многих других, эта задача была решена. Я думаю, меня простят мои коллеги, с которыми мы ныне дружим, и которые нас уже «покинули», если я их не упомянул выше, поскольку это практически невозможно так как каждый, кто любит криминалистику пишет или писал по ее проблемным вопросам внес свой вклад в формирование криминалистики как юридической науки.

Особенно хотелось отметить вклад в этот процесс моего учителя и друга Р.С. Белкина, который на протяжении достаточно длительного периода времени занимался вопросами

обоснования элементов системы криминалистики, которая (система) формирует из отрасли специальных знаний – знание науки, то, что отличает это знание от знания смежных наук, а именно: цель – выявление сущностных связей (законов), в соответствии с которыми объекты могут преобразовываться в процессе деятельности по совершению преступления и деятельности по его расследованию; предмет исследования – любые объекты, которые могут быть познаны в связи с указанными видами деятельности; применение особых средств и методов в этой деятельности; использование научного эксперимента для проверки истинности знаний; системная организация знаний, их обоснованность и доказанность; стремление к максимально обобщенному объективному знанию.

В 1967 г. Р.С. Белкин и Ю.И. Краснобаев в статье «О предмете советской криминалистики», опубликованной в журнале «Правоведение», предложили определение криминалистики, которое, после некоторого совершенствования, стало общепринятым для большинства ученых. Криминалистика была определена как наука о закономерностях механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках, собирания, исследования, оценки и использования доказательств и основанных на познании этих закономерностей специальных методах и средствах судебного исследования и предотвращения преступлений.

В рамках предмета криминалистики были выделены следующие закономерности: формирование, выбор и реализация способов подготовки, совершения и сокрытия преступления; возникновение и развитие связей между элементами механизма преступления; возникновение и развитие явлений, связанных с преступлением (до, во время и после его совершения), значимых для решения задач судопроизводства.

Далее появилось учебное пособие этих авторов, в котором развивались идеи относительно научно-практического толкования предмета криминалистики [1, с. 94].

Объект криминалистики при этом был определен как «функциональная сторона противоправной деятельности, та система действий и отношений, которая составляет содержание механизма преступления» [2, с. 33] и «предварительное расследование, судебное разбирательство, профилактика преступлений» [3, с. 32].

В 1997 г. появился Курс криминалистики [4] Р.С. Белкина, где были проведены обоснования положений общей теории криминалистики (т. 1), ее частных теорий (т. 2) и криминалистических средств, приемов и рекомендаций (т. 3).

Фактически была поставлена «жирная» виртуальная точка, факт появления которой свидетельствовал о том, что криминалистику уже следовало понимать как юридическую науку, которая имела свой объект и предмет (другие важные квалификационные признаки – язык, методологию, систему и пр.) относительно изучения преступления и преступника, которых, как известно, исходя из своего объекта и предмета, изучают и уголовное право, и уголовный процесс, и криминология, и многие другие юридические науки.

С учетом накопленного знания это уже была наука, которая не только изучала, с целью дачи научно-практических рекомендаций следователю для выявления, раскрытия и расследования, а также предотвращения преступлений, но и наука, которая в соответствии с уголовно-процессуальными нормами формировала научные рекомендации для участников судебного разбирательства.

Однако жизнь не стоит на месте и, как это часто бывает, именно ее течение объективно вносит свои коррективы в развитие науки, содержание которой должно избегать догматизма. Эти объективные закономерности не обошли стороной и криминалистику поскольку за последние десятилетия правоприменительная деятельность, в том числе и не связанная с уголовным судопроизводством, сильно изменилась.

Доминантной причиной этого является третий этап научно-технической революции (НТР), который длится с 1970-х годов и по настоящее время. Для этого этапа характерно внедрение компьютерных технологий и роботов, дальнейшая автоматизация и оптимизация производства.

И наступающий четвертый этап, главной движущей силой которой станет общий искусственный интеллект (ИИ), объединит все достижения третьего этапа и поднимет их на новый уровень.

В этом следует разобраться более детально, с целью ответа на вопрос, что это меняет для предмета и объекта криминалистики.

Однако, прежде, отметим тот факт, что криминалистика уже сравнительно давно перестала быть юридической наукой для уголовного судопроизводства и все чаще в ее предмет включаются исследования цивилистической правоприменительной деятельности, что влияет и на объект науки.

В этой связи можно привести фундаментальное исследование М.В. Жижиной [5], посвященное теории и практике применения современной криминалистики в цивилистическом процессе.

Не все криминалисты приняли позицию автора диссертации. Одним из главных аргументов ее противников было, на наш взгляд, недостаточно аргументированное утверждение о том, что правоприменитель в цивилистическом процессе может брать в криминалистике разработанные для уголовного судопроизводства рекомендации и непосредственно использовать их в практике.

В связи с этим возникают вопросы, например, как можно использовать криминалистические знания, разработанные для уголовного процесса в процессах гражданском, арбитражном, административном, это, во-первых, а во-вторых, если допустить, что эти знания будут адаптированы к указанным процессам, кто этой адаптацией должен заниматься?

Конечно же не отраслевые специалисты в области гражданского, арбитражного и административного процессов, которые владеют соответствующими нормативно-правовыми знаниями и не владею криминалистическими знаниями вовсе. Им не доступен язык криминалистики, понятия криминалистической техники и тактики, основополагающие знания криминалистических методик. У них нет соответствующих умений и навыков, т. е. важных для этого процесса криминалистических компетенций. Здесь же упомянем, что этими специалистами предпринимались подобные попытки, на наш взгляд, крайне неудачные как в научном, так и в практическом плане [6].

Даже такая не сложная аргументация позволяет сделать промежуточный вывод о том, что разработка криминалистических рекомендаций для гражданского, арбитражного и административного процесса должны осуществлять криминалисты. Облечь в процессуальную форму эти рекомендации им намного проще, т. к. проще форму наполнить необходимым содержанием. Справились же в свое время криминалисты с уголовно-процессуальными формами и эти рекомендации используют в своей правоприменительной деятельности все участники уголовного судопроизводства на стадии судебного разбирательства.

Разумеется, у нас есть еще достаточно аргументов относительно этого вопроса, однако их подробное перечисление невозможно по причине ограничений объема статейной публикации, но вместе с тем, очевидно, что в предмет криминалистики уже фактически и давно включились гражданские и административные правоотношения, которые требуют от криминалистики соответствующего обеспечения и сопровождения. И по своему объекту это уже не только преступления, а еще и проступки (административные, дисциплинарные, гражданско-правовые и др.), т. е. другая часть правонарушений, если исходить из классификации их видов.

Теперь вернемся к четвертому этапу научно-технической революции, который без преувеличений можно назвать «цифровым» этапом и объясним, как он влияет на объект и предмет криминалистических исследований.

Криминалисты первыми среди специалистов, имеющих отношение к юриспруденции, ее теории и практики, столкнулись с этой проблемой, которая была обусловлена использованием преступниками «цифровых» гаджетов, программного обеспечения и соответствующих им средств, поскольку это существенно затрудняло выявление, раскрытие, расследование и пресечение преступлений, в том числе и судебное разбирательство по соответствующим уголовным, административным, гражданским и арбитражным делам.

Нам известны позиции отдельных криминалистов, обусловленные их мнением о том, что «цифра» в противоправной деятельности – это всего лишь новые способы и средства, которые используются для достижения преступного результата и этот факт никак не влияет на объект и предмет криминалистики. Мы не разделяем такой упрощенный подход к этому вопросу, поскольку с появлением цифровых средств появился новый вид следов, который еще предстоит изучать криминалистам с тем, чтобы научиться «понимать» эти следы, в том числе, как они соотносятся с традиционным пониманием объекта и предмета криминалистики. Важно это и потому, что «цифровые» следы все чаще обуславливают не только объективную сторону преступлений, но и проступков, а это требует криминалистических решений по их собиранию, исследованию, оценке и использованию, т. к. эти проступки также часто становятся материалами доследственных проверок и уголовных дел. Утрата данных следов при расследовании проступков лишает предварительное расследование достижение целей уголовного судопроизводства. Закономерным является вопрос, обносится ли эта проблема к объекту и предмету криминалистики?

Современная криминалистика еще не успела «разобраться» с цифровыми способами и средствами совершения преступления, как для граждан, общества и государства появились новые угрозы, противодействовать которым без использования криминалистических знаний и, соответствующих им умений и навыков, не представляется возможным.

Это искусственный интеллект, который мы рассматриваем в качестве полноправного, пока еще опосредованного, участника общественных отношений.

Полагаем, что еще не сложилось точного восприятия и понимания того факта, что из себя представляет этот «монстр» и каково его возможное положительное и отрицательное воздействие на социальные процессы и общественные отношения, в том числе и на правоприменительную практику, призванную контролировать эти процессы и отношения в целях положительного динамичного, а главное безопасного, развития общества и государства.

По-существу, человечество столкнулось с «субъектом», который может быть и источником повышенной опасности. Однако как его контролировать, а также управлять этим источником точно на сегодняшний день никто сказать не может. Есть только общие рекомендации – «учиться управлять искусственным интеллектом». На наш, взгляд, тезис правильный, но

кто это будет делать в аспекте правоприменительной деятельности, думаю криминалисты, поскольку искусственный интеллект, фактически, уже стал частью объективной стороны многих преступлений и проступков. По этой причине уже не кажется сомнительным вопрос относительно уголовной ответственности юридических лиц, например, как субъектов, которые используют возможности искусственного интеллекта для достижения своих противоправных целей.

Снова возникает вопрос, как понятие «искусственный интеллект» и его содержание впишется в объект и предмет криминалистики? Это понимание необходимо, поскольку данное явление подлежит криминалистическому осмыслению с целью последующего исследования и использования как против преступников, которые будут им пользоваться в своих целях, так для следователей, которые должны будут пользоваться искусственным интеллектом в целях противодействия преступлениям. Это уже не просто новые способы и средства, как цифровые способы и средства совершения преступлений, о которых вы упоминали выше.

Цифровые технологии и искусственный интеллект, как способ и средство совершения преступления, порождают преступления и проступки, для которых уже недостаточно изучать, как писал Р.С. Белкин, «...закономерности механизма преступления, возникновения информации о преступлении и его участниках...» [7, с. 41], а основной задачей расследования становится установление способа и средства их совершения, поскольку от них, после распознавания, и начинается расследование. Можно считать, что это обстоятельство также существенно влияет на определение современного понятия объекта и предмета криминалистики.

Ранее в своих публикациях мы отмечали, что уже сегодня требуют осмысления в аспекте предмета криминалистики, в части противодействия и превенции, такие угрозы обществу и государству как необходимость обеспечения защиты экономических отношений в России и технологического суверенитета на современном этапе; защита персональных данных, биометрических и генетических технологий и пр.

Также ранее мы отмечали, что методология любой научной деятельности основана на устоявшихся закономерностях, которым должно соответствовать и любое научное исследование, иначе его результаты и выводы будут не достоверными. Этот факт в полной мере относится и к тому, что, обсуждая предмет науки в части его расширения, нельзя оставлять без внимания и ее объект. Это парные диалектические категории и их исследование в отрыве друг от друга невозможно.

Расширение предмета науки криминалистики объективно затрагивает и ее объект и в этих обстоятельствах это уже не «преступность с одной стороны, и предварительное расследование, судебное разбирательство, профилактика преступлений – с другой», а «противоправная деятельность в виде правонарушения: преступлений и проступков и деятельность по их расследованию, судебному рассмотрению и профилактике». Мы полагаем, в этом случае правонарушение следует рассматривать в самом широком смысле этого слова, как преступления и гражданские, административные, дисциплинарные, материальные, процессуальные, международные проступки.

Проступки в качестве части объекта криминалистики и ее предмета криминалистам следует изучать в соответствии со сложившимися в науке основаниями, в первую очередь с целью их доказывания, на основе разработанных криминалистических рекомендаций, для целей административного, гражданского и арбитражного судопроизводства, а также для ситуаций, когда в материалах проступка правоприменителем будут усмотрены основания для возбуждения уголовного дела, в том числе и через проведение по материалам проступка доследственной уголовно-процессуальной проверки.

Доказывание этой гипотезы требует более глубоких исследований, в том числе основанных на результатах научных дискуссий. Вместе с тем, наше предположение основано на анализе современных знаний и правоприменительной практики, а также наблюдениях, которое имеет право на существование в качестве объяснения вышеприведенных фактов.

Обсуждение обозначенной в настоящей статье проблематики будет иметь положительный эффект если кроме криминалистов к ней присоединятся специалисты в области других юридических и гуманитарных наук, поскольку это не только проблема определения объекта и предмета науки, но и векторы реализации направлений актуальных криминалистических исследований.

Еще долго в этой связи будут востребованы вопросы эффективного противодействия и борьбы российского государства с внутренней и международной преступностью, как одной из главных задач его безопасности и суверенного развития. На этом основании государство должно быть обеспечено оптимальными криминалистическими средствами и методами для этой борьбы.

Важная роль в использовании криминалистических знаний отмечается и в обеспечении защиты экономических отношений в России и ее технологического суверенитета, где криминалистические разработки обеспечивают процессы отслеживания «движений» криминала, посредством использования тех же современных криминалистических средств и методов,

связанных в криминалистические технологии, в том числе, на основе искусственного интеллекта и нейросетей.

Криминалистика позиционирует себя как площадка способная, в соответствии со своим предметом, в том числе в соответствии с его развитием, обеспечить глобальную интеграцию данных с целью обмена информацией между странами, что повысит эффективность борьбы с транснациональной преступностью.

Новые криминалистические технологии позволяют прогнозировать поведение преступников, что влечет за собой необходимость в разработке новых правовых норм и стандартов, обеспечивающих соблюдение прав человека и законных процедур взаимодействия между различными субъектами. Возникает проблем, которая касается правосудие в будущем, которое должно найти баланс между эффективностью и технологичностью расследования, и соблюдением гражданских прав и свобод.

Как отмечалось выше, что «в одиночку» криминалистам решить многие современные проблемы защиты граждан, российского общества и государства невозможно, для чего нужна межпредметная научная интеграция специалистов разных профилей научной и практической деятельности.

Подводя итог следует отметить, в публикации обозначена авторская гипотеза относительно того, что объект и предмет современной криминалистики следует рассматривать в аспекте изучения не только преступления, но и различных проступков, то есть правоотношения. В обоснование гипотезы приведена аргументация, в соответствии с которой автор приглашает коллег-криминалистов к ее обсуждению на страницах периодической печати, а также на публичных научных мероприятиях с участием практических работников.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Краснобаев Ю.И. Совершенствование предварительного следствия и предмет советской криминалистики: учебное пособие. Волгоград, 1979.
2. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика: учебник для вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: общая теория криминалистики. В 3-х томах. Т. 1. М., 1997.
4. Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в гражданском процессе: дисс... докт. юрид. наук. М., 2016.
5. Антюшина В.И. Криминалистические средства и методы в нотариальной деятельности: автореф. дисс... канд. юрид. наук. Ижевск, 2004.

REFERENCES

1. Krasnobaev Yu.I. Improvement of the preliminary investigation and the subject of Soviet criminalistics: Textbook. Volgograd, 1979.
2. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu.G., Rossinskaya E.R. Criminalistics: Textbook for universities. 3rd ed., revised. M., 2007.
3. Belkin R.S. The course of criminalistics: The general theory of criminalistics. In 3 volumes. Vol. 1. Moscow, 1997.
4. Zhizhina M.V. Theory and practice of the application of modern criminalistics in the civil process. Diss. doct. jurid. sciences'. Moscow, 2016.
5. Antyushina V.I. Criminalistic tools and methods in notary activity. Izhevsk, 2004.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

И. М. Комаров – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. 119991, Российская Федерация, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13А.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

I. M. Komarov – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology of the Faculty of Law of the Lomonosov Moscow State University. 1, b. 13A, Leninskie gory, Moscow 119991 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 15.04.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 15.04.2026; approved after reviewing 22.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 343.3

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА

Александр Владимирович Корниленко

Академия управления МВД России, Москва, Российская Федерация, kornilenko74@mail.ru,
<https://orcid.org/0009-0003-0614-4312>.

Введение: С началом проведения специальной военной операции наблюдается существенный рост количества преступлений террористического характера на территории ряда субъектов Российской Федерации.

Изменение контура борьбы с терроризмом с «внешнего» на «внутренний» коренным образом изменил подходы к проведению следственно-оперативных действий, осуществлению прокурорской и судебной практики, что требует пристального научного исследования.

Материалы и методы: в ходе исследования были использованы общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация и частнонаучные методы: статистический, а также изучения судебной и правоприменительной практики.

Результаты исследования: рассмотрены механизмы осуществления вербовочной деятельности российских граждан в целях совершения преступлений террористического характера, а также меры, принимаемые правоохранительными и судебными органами по борьбе с данным видом преступностью.

Выводы и заключения: высокая степень конспирации, лиц, совершающих преступления террористического характера, а также степень ущерба от их деятельности требует от оперативных подразделений новых подходов к осуществлению оперативно-розыскной деятельности, особенно в части, касающейся улучшения взаимодействия с органами предварительного следствия, экспертными подразделениями, органами федеральной безопасности.

Ключевые слова: Терроризм, диверсия, Украина, Россия, СВО, СБУ, ГУР

Для цитирования: Корниленко А. В. Современное состояние борьбы с преступлениями террористического характера // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журнал. 2026. № 2 (117). – С. 171–176.

Original paper

THE CURRENT STATE OF THE FIGHT AGAINST TERRORIST CRIMES

Alexander Vladimirovich Kornilenko

Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Introduction: since the start of the special military operation, a significant increase in terrorist crimes has been observed in several constituent entities of the Russian Federation.

The shift in the focus of the fight against terrorism from "external" to "internal" has fundamentally altered approaches to investigative and operational activities, prosecutorial and judicial practice, requiring in-depth scientific research.

Materials and methods: the study utilized general scientific research methods (analysis, synthesis, and systematization), as well as specific scientific methods (statistics), as well as the study of judicial and law enforcement practice.

Results of the study: the study examines the mechanisms for recruiting Russian citizens to commit terrorist crimes, as well as the measures taken by law enforcement and judicial authorities to combat this type of crime.

Findings and conclusions: the high level of secrecy of individuals committing terrorist crimes, as well as the extent of damage caused by their activities, requires operational units to adopt new approaches to the implementation of operational-search activities, especially in terms of improving interaction with preliminary investigation bodies, expert units, and federal security agencies.

© Корниленко А.В., 2026

Keywords: terrorism, sabotage, Ukraine, Russia, the Security Service of Ukraine, the Security Service of Ukraine, and the Main Intelligence Directorate

For citation: Kornilenko A. V. The current state of the fight against terrorist crimes // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. 2026. № 2 (117). – Pp. 171–176.

Не секрет, что с завершением многолетней миссии в Сирии, где борьбу с международным терроризмом, по большей части, вели Вооруженные Силы Российской Федерации, основной акцент в данной сфере смещен на выявление, раскрытие и расследование преступлений террористического характера, организованных представителями Службы безопасности Украины и Главного управления разведки Вооруженных сил Украины (ГУР ВСУ) на территории нашего государства. Как показывает следственная и оперативно-розыскная практика, в большинстве случаев исполнителями выступают российские граждане (в том числе недавно приобретшие российское гражданство), зачастую несовершеннолетнего возраста. Основными характеризующими признаками совершения преступлений данной категории лиц являются финансовые трудности либо идейные соображения.

Как мы видим из обобщенных официальных статистических данных, существенный рост числа террористических проявлений наблюдается именно с началом проведения специальной военной операции (СВО) на территории Украины (рисунок). Об этом же говорит и существенное увеличение количества вовлечений несовершеннолетних в совершение различных антиобщественных действий.

Показательными являются примеры вербовочной деятельности двух проукраинских террористических организаций: «Атеш» и «Легион свобода России», первая из которых позиционирует как национально-освободительная для крымско-татарского населения Крыма и частично действующая на той же территории, вторая – выступает за распад Российской Федерации и состоит из лиц (в том числе бывших военнослужащих), добровольно перешедших на сторону ВСУ.

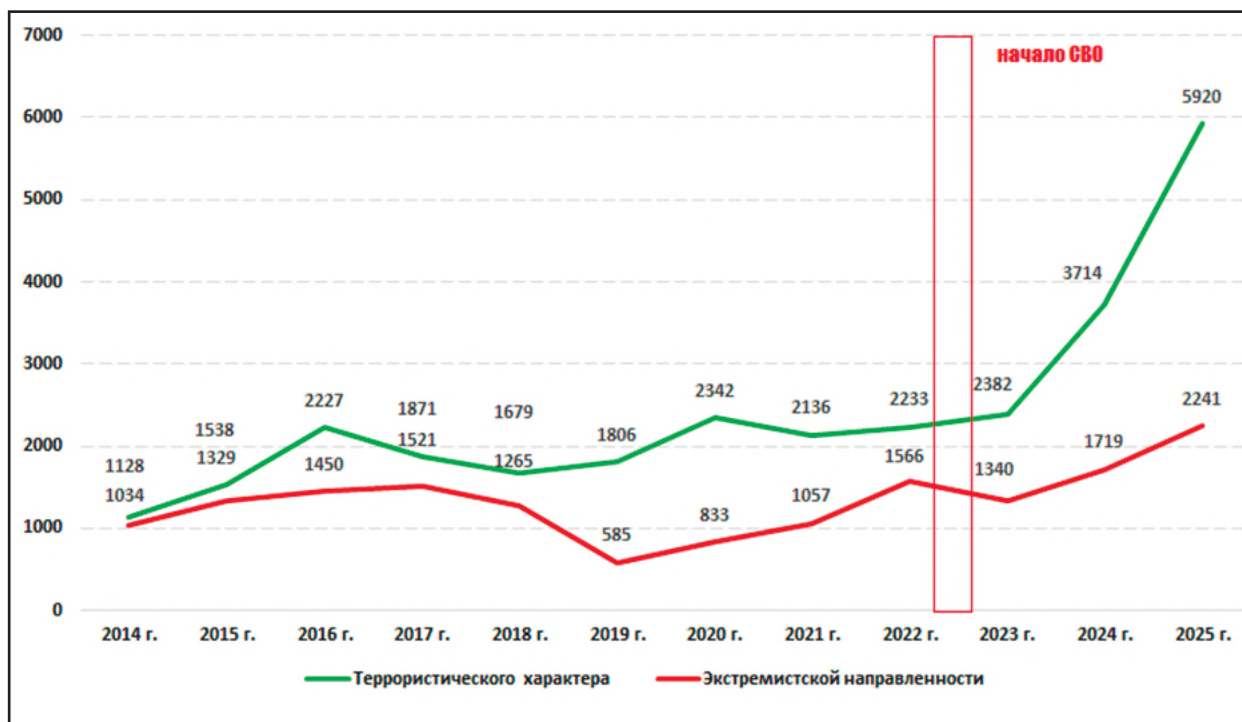

Рис. 1. Динамика выявленных преступлений террористического характера и экстремистской направленности в Российской Федерации (январь 2014 г. – декабрь 2025 г.) [1–12].

Вербовка украинскими кураторами российских граждан осуществляется посредством сети «Интернет», связь, в последующем, поддерживается через различные Интернет-приложения, в том, числе – обеспечивающие гарантированное шифрование сообщений.

Наибольший интерес для вербовщиков представляют сотрудники «силовых» ведомств, работники объектов критической инфраструктуры, причем как действующие, так и бывшие.

В ходе вербовки кандидата террористической организации «Легион свобода России» выясняются: место проживания, пол, возраст, род деятельности, финансовое положение. Отдельные проукраинские террористические организации просят заполнить и отправить в их адрес анкету, которая может повторять анкету для поступления граждан на государственную службу российского образца, а также фотографию своего паспорта.

Размеры оплаты за совершенные поджоги варьируются в зависимости от важности объекта и могут начинаться от 25 тыс. рублей, в случае поджога релейного шкафа и достигать до 100 тыс. рублей, в случае поджога тепловоза. Затраты «поджигателей» на покупку бензина, инструмента и других средств совершения преступления, как правило, оплачиваются отдельно и в основную сумму не входят.

В качестве подтверждения выполненного задания, и, соответственно, оплаты за это, исполнитель в обязательном порядке отправляет куратору фото- или видео отчет, зачастую с фиксацией заранее оговоренного жеста руки (пальцев) либо листа бумаги с обусловленной фразой (словом).

В ходе ведения предварительного следствия, в качестве идейного мотива совершения преступлений, обвиняемые, как правило, заявляют:

1) внутреннее несогласие с проведением СВО на территории Украины, что, по их мнению, исключает квалификацию преступления по статье 205 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ)¹;

2) отсутствие цели по дестабилизации органов власти и устрашения населения.

Правовая позиция государственного обвинения, напротив, заключается в определении истинных мотивов данных противоправных деяний, которые заключаются в следующем:

1) в случае поджога военного комиссариата, отдела полиции – сокращение количества призывников Вооруженных Сил России и дестабилизация органов власти в период проведения СВО;

2) в случае поджога объекта транспортной инфраструктуры – сбой в движении поездов, в том числе доставляющих грузы военного назначения, что влечет за собой подрыв экономической безопасности и обороноспособности Российской Федерации.

Как показывает практика, в качестве мер конспирации, лица причастные к совершению преступлений террористического характера:

1) заблаговременно осуществляют разведку объекта диверсии и устанавливают пути отхода;

2) совершают диверсии, как правило, в ночное (вечернее) время;

3) используют специальное программное обеспечение (например, интернет-мессенджеры «Element», «Signal») на своем телефонном аппарате, позволяющее скрыть преступный характер деятельности по инструктированию участников совершения преступлений и фиксации повреждений объектов диверсий;

4) непосредственно перед совершением диверсий переводят телефонные аппараты в «авиарежим», в целях сокрытия от правоохранительных органов своего местонахождения в момент поджога.

При формировании доказательной базы, путем осуществления следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ), в обязательном порядке подлежат изъятию: жесткие диски, содержащие истории посещения фигурантом интернет-браузера, где имеются запросы на посещение определенных страниц («военкоматы», «отделы полиции» и др.), карты с отмеченными социально значимыми объектами.

К положительному опыту раскрытия преступлений террористического характера оперативными подразделениями ОВД можно отнести выявление места покупки брошенных пластиковых бутылок (бутылок раздворителя), используемых при поджогах, по QR-коду (штрих-коду), с проведением дальнейших розыскных мероприятий в отношении подозреваемых.

В ходе раскрытия преступлений, связанных со сбором и переводом денежных средств на нужды ВСУ путем ведения онлайн-трансляции (стрима) в сети Интернет, осуществляется:

– ОРМ «Сбор образцов для сравнительного исследования», а именно обнаружение и копирование конкретного видео-ролика;

– ОРМ «Наведение справок» для определения количества зрителей и донатов.

Органами предварительного следствия действия обвиняемых в таких случаях квалифицируются по признакам состава преступлений, предусмотренных:

– частью 2 статьи 280.1 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации, совершенные с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»;

¹ Террористический акт – совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями.

– статьей 275 УК РФ «Государственная измена, то есть совершенное гражданином Российской Федерации оказание финансовой помощи иностранному государству в деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации».

В настоящее время прокурорская практика предполагает, в отдельных случаях, изъятие уголовных дел у органов предварительного следствия органов внутренних дел (ОВД) и направление их в следственные органы Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ) в связи с предполагаемой квалификацией по статье 205 либо статье 281 УК РФ (диверсия)².

Несмотря на кажущуюся явную террористическую направленность, противоправные деяния могут также квалифицироваться как хулиганство (статья 213 УК РФ), приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения (статья 267 УК РФ), умышленное уничтожение или повреждение имущества (статья 167 УК РФ), возможными критериями отнесения к которым является отсутствие денежного вознаграждения исполнителя, либо ложный предлог помощи дистанционным мошенникам.

В период 2023–2024 гг. в органах предварительного следствия складывалась следующая практика:

1. В случае, если обвиняемые действовали по указанию иных лиц, путем введения в заблуждение в части совершаемых ими действий, их преступные деяния квалифицировались по статьям 167, 213, 267 УК РФ.

2. В случае, если обвиняемые действовали при реализации своего преступного умысла либо действуя по указанию иных лиц за денежное вознаграждение, преступные деяния квалифицировались по статье 205 УК РФ.

Начиная с 2025 года следственная тактика несколько изменилась:

1. В случае, если преступное деяние было направлено на объекты железнодорожной инфраструктуры и жизнеобеспечения, то следователями ОВД материалы доследственной проверки направляются в следственные подразделения ФСБ и лишь при их возвращении возбуждаются уголовные дела по статье 205 УК РФ (если иная квалификация не указана в акте прокурорского реагирования).

2. В случае, если обвиняемые действовали по указанию иных лиц, путем введения в заблуждение в части совершаемых ими действий, их преступные деяния квалифицируются по статьям 167, 213, 267 УК РФ в зависимости от наступивших последствий.

3. В случае, если обвиняемые действовали по личным мотивам при реализации своего преступного умысла, либо действуя по указанию иных лиц из корыстной заинтересованности – за денежное вознаграждение, преступные деяния изначально квалифицируются по статье 205 УК РФ.

В связи с этим, первоочередными мерами следственно-оперативных групп ОВД является проведение ОРМ в целях фиксации фактов получения денежных средств подозреваемыми от представителей другого государства.

Мерами, направленными на предотвращение поджогов объектов транспортной инфраструктуры, в настоящее время являются:

– создание совместных рабочих групп, включающих руководителей подразделений ОВД, ФСБ и ОАО «РЖД»;

– установка металлических ограждений (решеток) вокруг релейных, сигнальных и аккумуляторных шкафов, расположенных вдоль путей железнодорожного сообщения;

– установка видеокамер непосредственно на объектах транспортной инфраструктуры (вокзалах, станциях, перронах и т.д.).

В связи с тем, что уничтожение (повреждение) имущества, зачастую связано с поджогами объектов транспортной инфраструктуры, возбуждение уголовных дел осуществляется в следственных подразделениях Управлений на транспорте по федеральным округам, при этом оперативное сопровождение осуществляется на уровне округа – Центрами по противодействию экстремизму, на уровне Линейного отдела – отделами уголовного розыска.

При назначении наказания несовершеннолетним, впервые совершившим преступление террористического характера, суд, как правило исходит из того, что к ним «прежде всего должны применяться воспитательные, а не карательные меры, в связи с чем должен рассматриваться вопрос о возможности достижения целей наказания без изоляции осужденного от общества. Наказание в виде лишения свободы суд вправе назначить только в случае признания невозможности его исправления без изоляции от общества» [13]. Таким образом наказание считается условным с назначением испытательного срока.

² Диверсия – совершение взрыва, поджога или иных действий, направленных на разрушение или повреждение предприятий, сооружений, объектов транспортной инфраструктуры и транспортных средств, средств связи, объектов жизнеобеспечения населения либо на нанесение вреда здоровью людей и (или) компонентам природной среды, если эти действия совершены в целях подрыва экономической безопасности и (или) обороноспособности Российской Федерации.

Отягчающим обстоятельством, в соответствии с п. «л» ч. 1 ст. 63 УК РФ суд «признает совершение преступлений в условиях вооруженного конфликта (в период проведения СВО), под которым, по смыслу закона, понимается вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства, в ходе которого осуществляется применение Вооруженных Сил Российской Федерации, других войск, воинских (специальных) формирований и органов без перехода государства в состояние войны» [14, 15].

Подводя итог, следует обратить внимание на обобщенные данные следственной практики, согласно которым в 2024 году в производстве следственных подразделений МВД России находилось 192 уголовных дела об уничтожении (повреждении) имущества, принадлежащего органам власти, кредитным организациям, торговли и связи. В подразделения Следственного комитета и ФСБ России по подследственности были направлены 26 уголовных дел в связи с квалификацией по статьям 205, 281 УК РФ, а также несовершеннолетним возрастом обвиняемых.

По неустановленным участникам, руководившим действиями обвиняемых, уголовные дела выделялись в отдельное производство (по статьям 167, 267 УК РФ), при этом оправдательные приговоры не выносились, уголовные дела следственными подразделениями не возвращались.

Очевидно, что современное состояние преступности в рассматриваемой сфере характеризуется, в первую очередь (помимо ее активизации на российской территории), массовым вовлечением молодых граждан Российской Федерации в совершение противоправных деяний. Практика оперативно-розыскной, прокурорской, следственной и судебной деятельности с началом проведения СВО, исходя из складывающейся обстановки, претерпела определенные изменения в части касающейся выявления, раскрытия, расследования преступлений террористического характера. Дальнейшее повышение эффективности указанной деятельности правоохранительных органов может и должно быть основано на межведомственном взаимодействии, носящем комплексный системный характер.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Состояние преступности в России за 2014 год. – М., 2015.
2. Состояние преступности в России за 2015 год. – М., 2016.
3. Состояние преступности в России за 2016 год. – М., 2017.
4. Состояние преступности в России за 2017 год. – М., 2018.
5. Состояние преступности в России за 2018 год. – М., 2019.
6. Состояние преступности в России за 2019 год. – М., 2020.
7. Состояние преступности в России за 2020 год. – М., 2021.
8. Состояние преступности в России за 2021 год. – М., 2022.
9. Состояние преступности в России за 2022 год. – М., 2023.
10. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 года. – М., 2024.
11. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. – М., 2025.
12. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2025 года. – М., 2025.
13. Приговор 2-го Восточного окружного военного суда в отношении Ляшенко А.И. от 12 февраля 2025 года (г. Новосибирск). Документ официально опубликован не был.
14. Приговор Кемеровского областного суда в отношении Назарова И.И. от 30 июля 2025 года (г. Кемерово). Документ официально опубликован не был.
15. О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы: постановление Пленума Верховного суда № 11 от 18.05.2023. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406804488/?ys-clid=mmt3hjnpnj453733567> (дата обращения 16.03.2026).

REFERENCES

1. The state of crime in Russia in 2014. Moscow, 2015.
2. The state of crime in Russia in 2015. Moscow, 2016.
3. The state of crime in Russia in 2016. Moscow, 2017.
4. The state of crime in Russia in 2017. Moscow, 2018.
5. The state of crime in Russia in 2018. Moscow, 2019.
6. The state of crime in Russia in 2019. Moscow, 2020.
7. The state of crime in Russia in 2020. Moscow, 2021.
8. The state of crime in Russia in 2021. Moscow, 2022.
9. The state of crime in Russia in 2022. Moscow, 2023.
10. The state of crime in Russia in January – December 2023. Moscow, 2024.
11. The state of crime in Russia in January – December 2024. Moscow, 2025.
12. The state of crime in Russia in January – December 2025. Moscow, 2025.
13. Verdict of the 2nd The Eastern District Military Court in respect of Lyashenko A.I. dated February 12, 2025 (Novosibirsk). The document has not been officially published.

14. The verdict of the Kemerovo Regional Court against Nazarov I.I. dated July 30, 2025 (Kemerovo). The document has not been officially published.

15. On the practice of judicial review of criminal cases of crimes against military service: Resolution of the Plenum of the Supreme Court № 11 dated 05/18/2023. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/406804488/?ys-clid=mmt3hjnpj453733567> (date of access: 16.03.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. В. Корниленко – кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры организации оперативно-розыскной деятельности Академии управления МВД России. 125993, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. V. Kornilenko – PhD in Political Sciences, Senior lecturer of the Department of Operational Investigative Activities of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 8, Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh St., Moscow 125993 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 17.03.2026; одобрена после рецензирования 29.03.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 17.03.2026; approved after reviewing 29.03.2026; accepted for publication 06.06.2026.

Научная статья
УДК 343.575:004

**ПРИЧИНЫ И УСЛОВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ
НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ
ВЕЩЕСТВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ КОМПЬЮТЕРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
(СЕТИ ИНТЕРНЕТ)**

Татьяна Юрьевна Коротенко

Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация,
vusenka@yandex.ru

Введение: актуальность исследования совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с использованием компьютерных технологий (сети Интернет) определяется тем, что в современное время число таких преступлений неуклонно растет. Применение преступниками компьютерных технологий при совершении аналогичных преступлений является новым вызовом для правоохранительных органов, так как их расследование требует разработки соответствующей методологии расследования таких преступлений. С учетом этого для успешного и эффективного противодействия совершению подобных преступлений необходимо четко понимать причины и условия их совершения.

Материалы и методы: методологическую основу работы составили методы анализа и синтеза информации.

Результаты исследования: позволили определить систему причин и условий совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с использованием компьютерных технологий (сети Интернет).

Выводы и заключения: к основным причинам наркопреступлений в сети Интернет следует отнести: недостаточное правовое регулирование отношений, связанных с глобальной сетью, отсутствие географических границ, распространение информации о наркотиках в сети Интернет. К основным условиям наркопреступлений в сети Интернет относятся: анонимность, общедоступность информации, распространяемой посредством сети Интернет, виртуализация (отсутствие материальной составляющей при работе в сети Интернет), пассивное поведение представителей правоохранительных органов, Роскомнадзора, провайдеров (поставщиков услуг Интернета) (неправильная квалификация содеянного, ненадлежащее расследование уголовных дел).

Ключевые слова: наркопреступность, компьютерные технологии, наркотические средства, психотропные вещества, с использованием сети Интернет

Для цитирования: Коротенко Т. Ю. Причины и условия совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с использованием компьютерных технологий (сети интернет) // Юрист-Правоведъ: науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 177–181.

**CAUSES AND CONDITIONS OF COMMITTING CRIMES IN THE SPHERE OF ILLEGAL
TRAFFICKING OF NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES WITH
THE USE OF COMPUTER TECHNOLOGIES (INTERNET NETWORKS)**

Tatyana Yuryevna Korotenko

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the relevance of the study of crimes committed in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances using computer technology (the Internet) is determined by the fact that in modern times the number of such crimes is steadily increasing. The use of computer technology by criminals in the commission of similar crimes is a new challenge for law enforcement agencies, as their investigation requires the development of an appropriate methodology for investigating such crimes. With this in mind, in order to successfully and effectively counter the commission of such crimes, it is necessary to clearly understand the causes and conditions of their commission.

© Коротенко Т.Ю., 2026

Materials and methods: the methodological basis of the work consists of methods of information analysis and synthesis.

Results of the study: made it possible to determine the system of causes and conditions for the commission of crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances using computer technology (the Internet).

Findings and conclusions: the main causes of drug crimes on the Internet include: insufficient legal regulation of relations related to the global network, lack of geographical boundaries, dissemination of information about drugs on the Internet. The main conditions for drug crimes on the Internet include: anonymity, the general availability of information disseminated via the Internet, virtualization (lack of a material component when working on the Internet), passive behavior of representatives of law enforcement agencies, Roskomnadzor, providers (Internet service providers) (incorrect qualification of the act, improper investigation of criminal cases).

Keywords: drug crime, computer technology, narcotic drugs, psychotropic substances, using the Internet

For citation: Korotenko T. Yu. Causes and conditions of committing crimes in the sphere of illegal trafficking of narcotic drugs and Psychotropic Substances with the use of computer technologies (internet networks) // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-On-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 177–181.

Так, наркопреступность с использованием компьютерных технологий (сети Интернет) основывается на наличии совокупности детерминант, которые тесно взаимосвязаны друг с другом. Ключевое значение в рассматриваемой сфере, очевидно, имеет совокупность социально-экономических противоречий, проявляющихся в различных сферах жизнедеятельности общества. Эти противоречия проявляются и в экономике, и в политике, и в социальной сфере, и в духовной сфере.

Важно понимать, что детерминанты совершения указанной категории преступлений в определенной степени взаимосвязаны и с детерминантами преступности в общем. При этом, например, В. И. Брылев отмечает, что в подавляющем большинстве случаев криминогенные детерминанты отличаются объективно-субъективным характером с превалированием той или иной формы. В свою очередь, условия можно разделить на следующие разновидности:

1. условия, которые негативно сказываются на процессе формирования личности преступника;
2. условия, которые способствуют реализации соответствующего преступного замысла [3, с. 178].

В свою очередь, В. А. Авдеев отмечает, что целесообразнее говорить о детерминантах преступности как о совокупности причин, условий и факторов, оказывающих определенное влияние на преступность. Для более полного понимания правовой природы наркопреступности в сети интернет и, соответственно, выделения рациональных и эффективных мер противодействия данной деятельности детерминанты необходимо рассматривать на следующих уровнях:

1. на общесоциальном уровне;
2. на специально-криминологическом уровне;
3. на индивидуальном уровне [2, с. 26].

Общесоциальные детерминанты в данном случае взаимосвязаны с социально-экономическими процессами, которые проходят в социуме и отражают особенности образа жизни и деятельности различных макрогрупп, включая возрастные, национальные, профессиональные и иные группы. Большинство ученых считают, что отклонения, которые произошли в образе жизни указанных макрогрупп, зачастую оказывают негативное воздействие на личность.

В результате этого формируются условия, способствующие увеличению числа преступлений рассматриваемой категории. Зачастую лица, совершающие такие преступления, являются наркозависимыми. Следовательно, преступники в большинстве случаев не востребованы в нормальных сферах жизнедеятельности, вследствие чего приобщение к преступной деятельности становится более вероятным для них. По этой причине они очень часто совершают преступления указанной категории на постоянной основе.

Еще более опасной тенденцией является то, что преступники, совершающие преступления указанной категории, зачастую объединяются в преступные группы, так как они не видят иные пути адаптации к объективным реалиям. Особенностью таких групп является то, что в их состав зачастую входят бывшие спортсмены, военнослужащие либо квалифицированные фармацевты, которые по тем или иным причинам оказались в трудной жизненной ситуации. Вследствие этого они вынуждены каким-то образом приспособиться к объективной реальности.

Другой причиной совершения теми или иными лицами преступлений указанной категории является формирование так называемых серых зон. Отметим, что под серой зоной подразумевается часть социальной системы, в которой по тем или иным причинам деформирована организация

социальной власти. В результате этого возникает ситуация, когда определенная часть общества проживает за рамками сферы государства и права или же под искаженным либо недостаточным их влиянием [4, с. 169].

На основе этого некоторые люди зачастую либо сами выбирают преступное поведение, либо в силу различных обстоятельств не могут отказаться от этого. Для нивелирования влияния данного условия очень важным является правильная и эффективная социальная и экономическая политика. Важно понимать, что при таких обстоятельствах к совершению преступлений указанной категории вовлекаются и лица, которые при других обстоятельствах выбрали бы иной более правильный жизненный путь. Поэтому для комплексного решения проблемы совершения преступления в рассматриваемой сфере важное значение имеет влияние соответствующих государственных органов, в том числе правоохранительных. Только в таком случае возможно разорвать социально-негативные связи между людьми.

Одним из объективных условий совершения преступлений указанной категории с использованием сети Интернет является распространенность, общедоступность и независимость сети Интернет. Однако данное обстоятельство следует признать как данность, так как возможности правоохранительных органов на ограничение использования сети Интернет может носить лишь точечный и конкретизированный характер. Так, зачастую в практической деятельности правоохранительные органы взаимодействуют с государственными органами, осуществляющими деятельность в сфере связи и информации, в целях препятствования деятельности каналов, сайтов, с использованием которых осуществляется продажа наркотических и психотропных веществ [6, с. 57].

Однако важно понимать, что в современное время малоэффективно бороться с лицами, употребляющими наркотические и психотропные вещества, так как доступ к сети Интернет в настоящее время имеет практически каждый человек. Так, доступ к сети Интернет можно получить с помощью и персонального компьютера, и ноутбука, и смартфона. В данном случае наиболее эффективной следует признать ярко выраженную борьбу с лицами, сбывающими наркотические и психотропные вещества.

Вместе с тем, следует понимать, что опасными для государства и общества являются не только каналы и сайты, через которых осуществляется непосредственный сбыт наркотических и психотропных веществ. Так, не меньшую угрозу в себе таят сайты и каналы, которые содержат сведения, связанные с процессом изготовления наркотических и психотропных веществ. Однако, несмотря на распространенность и опасность таких каналов и сайтов, действенные меры противодействия данному явлению не выработаны.

Следует отметить, что совершение рассматриваемых преступлений в сети Интернет направлено преимущественно на молодежь, так как именно данная социальная группа больше времени проводит в сети Интернет, схватывает все новые веяния. Наряду с этим, если сравнить с более взрослым населением, молодежь восприимчивее к новой информации. Очевидно, далеко не вся информация, имеющаяся в сети Интернет, является полезной и позитивной.

Осознавая это, владельцы интернет-сайтов и каналов в различных социальных сетях («мессенджерах») размещают информацию о наркотических средствах и психотропных веществах, связанную со способами их приобретения. При этом для облегчения приобретения таких средств и веществ злоумышленники используют различные метки, ключевые слова, регистрацию ссылок на многочисленных серверах. Соответственно, вся деятельность злоумышленников направлена на то, чтобы облегчить поиск покупателей и других заинтересованных лиц [2, с. 27].

Таким образом, специфика преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ с использованием сети Интернет напрямую взаимосвязана с тенденцией развития информационно-коммуникационных технологий. Посредством указанных информационных средств злоумышленникам удается обеспечить создание, регистрацию и использование неограниченного числа сайтов, каналов, которые позволяют рекламировать и распространять наркотические средства и психотропные вещества, а также склонять молодежь к их употреблению.

При этом нужно помнить, что в совершение указанных преступлений вовлекаются и жертвы распространения наркотических средств и веществ, а именно непосредственно зависимые лица. Так, действующим уголовным законодательством предусмотрена уголовная ответственность за незаконные приобретение, хранение, перевозку, изготовление, переработку наркотических средств и психотропных веществ.

Следовательно, в качестве основных условий совершения преступлений рассматриваемой категории необходимо отнести следующие:

1. анонимность владельцев сайтов и интернет-магазинов;
2. общедоступность сведений о наркотических средствах и психотропных веществах, а также способах их изготовления, реализации и употребления, которые распространяются с использованием сети интернет;

3. виртуализация, то есть отсутствие материальной составляющей в процессе совершения преступлений указанной категории с использованием сети Интернет;

4. пассивное поведение правоохранительных органов и иных государственных органов, уполномоченных противодействовать распространению негативной информации (Роскомнадзор), а также поставщиков интернет-услуг.

Необходимо отметить и такую важную причину совершения преступлений рассматриваемой категории, как значительная материальная выгода в результате неправомерной продажи наркотических средств и психотропных веществ. Так, многие люди обманываются тем, что продажа подобных средств и веществ позволяет заработать за короткое время значительные денежные средства.

Более того, немаловажную роль играет и пропаганда наркотических средств и психотропных веществ, как и самого образа жизни наркомана. Так, многие сайты, каналы содержат информацию об оппозиционности относительно остальной части общества, которая негативно настроена на употребление таких средств и веществ. В связи с этим, на таких интернет-ресурсах пропагандируется легализация «легких» наркотических средств. Более того, на молодежь, как и другие возрастные группы населения, оказывается негативное влияние посредством доведения информации о якобы положительных сторонах употребления тех или иных наркотических средств и психотропных веществ.

Учитывая указанную тенденцию, соответствующие государственные органы, а также представители общественности, обладающие определенными возможностями, всеми силами обязаны противодействовать данной пропаганде. Очевидно, что увеличение числа наркозависимых наносит огромный материальный, экономических, моральный и духовный вред развитию нации. По этой причине, наряду с удалением недопустимого контента, необходимо всемерно усилить пропаганду здорового образа жизни, доводить до населения о вреде употребления наркотических средств и психотропных веществ всех видов и в любых количествах [6, с. 58].

Таким образом, сеть Интернет – это современное мощное средство влияния на увеличение либо уменьшение потребления наркотических средств и психотропных веществ. Поэтому государство в лице уполномоченных государственных органов обязано предпринимать всевозможные меры для противодействию распространению указанных средств и веществ.

На специально-криминологическом уровне наркопреступности в сети Интернет предполагается исследование небольших групп населения, в которых происходит жизнедеятельность лиц, которые совершили либо совершают преступления рассматриваемой категории. Так, подобные группы могут выступать в качестве среды первичного формирования личности преступника, а также источником конфликтов, по причине возникновения которых совершаются анализируемые преступления. Более того, подобные группы являются своеобразной формой социального контроля поведения преступников.

Причины совершения преступлений рассматриваемой категории на данном уровне основываются на особенностях микросреды виртуальной сети, оказывающих непосредственное влияние на конкретную личность, а также совокупность ее социально-психологических и поведенческих характеристик. Значительная часть молодежи и некоторые представители иных возрастных групп зачастую комфортнее себя чувствуют в виртуальной среде, так как она видится им как нечто независимое и свободное относительно реальности. Однако личность может быть втянута в совершение преступлений рассматриваемой категории и под влиянием других участников подобных групп. Поэтому в сущности микросреда только дополняет негативное влияние от макросреды (сети Интернет) применительно к совершению преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Однако влияние микросреды, очевидно, существенно ниже оказывает влияние на личность конкретного человека [3, с. 180].

На личностном уровне (индивидуальном) рассматриваются антиобщественные свойства личности наркопреступника в сети Интернет, прежде всего, мотивация и конкретная криминогенная ситуация, которые во взаимодействии обуславливают конкретное преступное поведение. Данная группа детерминант имеет много общего с детерминантами иных видов преступности.

Таким образом, общесоциальные детерминанты оказывают непосредственное влияние на личность лица, совершающего преступления, связанные с незаконным оборотом наркотических средств с использованием компьютерных технологий (сети Интернет), перекрывая при этом специально-криминологические и индивидуальные детерминанты, которые оказывают косвенное влияние.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 06.07.2024) // Собрание законодательства РФ, 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
2. Авдеев В.А., Авдеева О.А. Преступный оборот наркотиков в РФ: состояние, динамика и меры противодействия на законодательном и правоприменительном уровнях // Российская юстиция. 2021. № 5.
3. Брылев В.И., Исупова И.В. Наркомониторинг среди молодежи // Юристъ-Правоведъ. 2020. № 2.
4. Дикарев В.Г., Ю.Б. Гаврюшкин О некоторых современных причинах роста наркомании в России и способах их устранения // Юристъ-Правоведъ. 2017. № 1.
5. ИONOBA M.B. Использование специальных знаний и особенности расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними в сфере незаконного оборота наркотических средств // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 3.
6. Перекрестова О.М. Наркомания подростков как социальная проблема и виды ее профилактики // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 4.
7. Савочкина Д.О., Бровко Н.В. Взаимодействие подразделений полиции с государственными органами и общественностью в области противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов // Административное право и процесс. 2023. № 9.

REFERENCES

1. The Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 № 63-FL (as amended on 12.06.2024) (as amended and supplemented, intro. effective from 06.07.2024) // Collection of Legislation of the Russian Federation, 17.06.1996, № 25, art. 2954.
2. Avdeev V.A., Avdeeva O.A. Drug trafficking in the Russian Federation: status, dynamics and counteraction measures at the legislative and law enforcement levels // Russian justice. 2021. № 5.
3. Brylev V.I., Isupova I.V. Drug monitoring among youth // Lawyer-Jurist. 2020. № 2.
4. Dikarev V.G., Yu.B. Gavryushkin On some modern causes of drug addiction growth in Russia and ways to eliminate them // Jurist-Pravoved. 2017. № 1.
5. Ionova M.V. The use of special knowledge and the specifics of investigating crimes committed by minors in the field of illicit trafficking in narcotic drugs // Lawyer-Jurist. 2018. № 3.
6. Perekrestova O.M. Adolescent drug addiction as a social problem and types of its prevention // Jurist-Pravoved. 2015. № 4.
7. Savochkina D.O., Brovko N.V. Interaction of police units with government agencies and the public in the field of countering illicit trafficking in narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues // Administrative Law and Process. 2023. № 9.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ:

Т. Ю. Коротенко – адъюнкт адъюнктуры Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR:

T. Yu. Korotenko – adjunct of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.06.2026; одобрена после рецензирования 18.08.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 25.06.2026; approved after reviewing 18.08.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Юрист-Правоведъ. 2026. № 2 (117). С. 182–187.
Jurist-Pravoved. 2026. № 2 (117). Pp. 182–187.

Научная статья
УДК 343.97

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ПРОФИЛАКТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ, СУБЪЕКТЫ, ВИДЫ, МЕСТО В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Андрей Анатольевич Корчагин

Кубанский государственный аграрный университет, Краснодар, Российская Федерация,
kaa77-21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7879-2050>

Введение: в статье рассматриваются вопросы необходимости профилактики преступлений средствами и методами криминалистики в ходе предварительного расследования преступлений. Предложено понятие криминалистической профилактики, а также формы ее выражения на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования.

Материалы и методы: в качестве методологической основы и методов исследования использованы формально-юридический, логический, сравнительно-правовой, системно-структурный методы. Использована научная литература по криминалистике и криминологии по вопросам профилактики преступлений.

Результаты исследования: криминалистическая профилактика – система разрабатываемых в рамках криминалистической науки и реализуемых в ходе предварительного расследования, а также судебного следствия мероприятий и действий, направленных на выявление причин и условий, способствовавших или благоприятствовавших совершению преступлений, направленных на предупреждение преступности. Она должна рассматриваться как частная криминалистическая теория в структуре криминалистической науки, способствующая реализации служебной функции криминалистики – эффективному расследованию преступлений, т. е. борьбе с преступностью.

Выводы и заключения: криминалистическая профилактика, как часть общей профилактики преступлений, обязательно должна реализовываться в процессе предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. В процессе проведения следственных действий, процессуальных, иных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий должны выявляться причины и условия, способствовавшие преступлению, и приниматься меры по их устранению. Криминалистическая профилактика должна реализовываться как в рамках предварительного расследования, так и в ходе судебного разбирательства уголовных дел.

Ключевые слова: криминалистика, профилактика, преступность, следственные действия, причины и условия

Для цитирования: Корчагин А. А. Криминалистическая профилактика преступлений: понятие, содержание, субъекты, виды, место в криминалистической науке // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 182–187.

Original paper

CRIMINALISTIC CRIME PREVENTION: CONCEPT, CONTENT, SUBJECTS, TYPES, AND PLACE IN CRIMINAL SCIENCE

Andrey Anatolyevich Korchagin

Kuban State Agrarian University, Krasnodar, Russian Federation

Introduction: the article discusses the need to prevent crimes using forensic means and methods during the preliminary investigation of crimes. It proposes the concept of forensic prevention, as well as the forms of its expression at the stages of initiating a criminal case and conducting a preliminary investigation. The article discusses the need to prevent crimes using forensic means and methods during the preliminary investigation of crimes. It proposes the concept of forensic prevention, as well as the forms of its expression at the stages of initiating a criminal case and conducting a preliminary investigation.

Materials and methods: the study used formal-legal, logical, comparative-legal, and system-structural methods as its methodological basis and research methods. It also utilized scientific literature on criminology and crime prevention.

© Корчагин А.А., 2026

Results of the study: forensic prevention is a system of measures and actions developed within the framework of forensic science and implemented during the preliminary investigation and judicial proceedings, aimed at identifying the causes and conditions that contributed to or facilitated the commission of crimes, and at preventing crime. It should be considered as a private forensic theory within the structure of forensic science, contributing to the implementation of the service function of forensic science, which is the effective investigation of crimes and the fight against crime.

Findings and conclusions: forensic prevention, as part of the general prevention of crimes, must be implemented during the preliminary investigation and trial of criminal cases. During the investigation, procedural, and other actions, as well as operational and search activities, the causes and conditions that contributed to the crime must be identified and measures taken to eliminate them. Forensic prevention must be implemented both during the preliminary investigation and during the trial of criminal cases.

Keywords: criminology, prevention, crime, investigative actions, causes, and conditions

For citation: Korchagin A. A. Criminalistic Prevention of crimes: concept, content, subjects, types, and place in criminalistic science // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 182–187.

Не отрицая значимости успешного раскрытия, расследования и судебного рассмотрения уголовных дел, как основного социального назначения правоохранительных органов, следует сказать о не меньшей значимости профилактики преступной деятельности, выявления причин и условий совершения преступлений криминалистическими средствами. Профилактика преступлений является одной из обязательных задач расследования преступлений, прямо закрепленных в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, где ч. 2 ст. 73 УПК РФ содержит требование о необходимости выявления обстоятельств, способствовавших совершению преступления. Криминалистическая профилактика связана с установлением причин и условий, способствующих совершению преступления, с конкретизацией объектов криминалистического воздействия следователя, применения им специфических мер следственной профилактики, которые затрудняют подготовку и совершение новых преступлений преступником и связаны прежде всего с пресечением, прерыванием преступной деятельности определенных конкретных лиц [1, с. 55]. Ее можно определить, как деятельность следователя, направленную на выявление причин и условий, способствовавших совершению преступных деяний, их анализ и принятие на основании этого мер по их устранению. Специфика профилактической деятельности обуславливается в каждом конкретном случае совершения преступления его индивидуальными особенностями, связанной с особенностями элементов состава преступления (места, времени, способа совершения, личности преступника и потерпевшего, объекта посягательства, наступившими последствиями и т. д.). Специфика профилактики будет иметь специфику в зависимости от того, в какой области жизнедеятельности общества совершено преступления, какие сферы общественной жизни были им затронуты, в чьем ведении находятся данные области общественной жизни, чьи интересы были затронуты, и кто несет ответственность за обеспечение законности и порядка в той или иной области общественной жизни.

Выявление причин и условий совершения преступления, как основных факторов, его обуславливающих должно осуществляться на всех стадиях уголовного судопроизводства, начиная со стадии рассмотрения и проверки сообщения о преступлении. Криминалистическая профилактика должна реализовываться при осуществлении проверочных действий, которыми наряду с установлением доказательств признаков наличия, отсутствия преступления, должны устанавливаться причины и условия, которые могли способствовать совершению противоправного деяния. Например, преступления против жизни и здоровья часто совершаются на бытовой почве, на почве сложившихся неприязненных отношений, потребления алкоголя, наркотических средств, ненадлежащего исполнения родителями своих родительских обязанностей. Как правило окружение непосредственных участников преступного события оказывается в курсе подобных ситуаций, даже имеют место быть факты обращения с заявлениями о противоправных действиях, противоправном поведении, нарушающем общественный порядок, посягающем на общественное имущество, частную собственность в правоохранительные органы. Однако, как показывает практика, не всегда подобные обращения находят надлежащее рассмотрение, проверку и своевременное принятие мер реагирования со стороны правоохранительных органов, например, со стороны участковых уполномоченных полиции. Зачастую такие обращения либо вообще остаются без проверки, составляются фиктивные справки о проведении проверочных действий, фиктивных опросах заявителей, либо проводятся формально: не опрашиваются все возможные лица, которые могут знать о противоправных действиях, не собирается и не исследуется характеризующий материал, административная практика.

Соответственно, следователь, проводя опросы потерпевших, возможных свидетелей, свидетелей-очевидцев противоправных действий, подозреваемых лиц, должен выяснять не только криминалистически значимую информацию относительно элементов криминалистической характеристики соответствующего преступления, но и выяснять, что по мнению опрашиваемых лиц, могло способствовать совершению противоправного деяния, выяснять были ли ранее обращения в правоохранительные органы и от кого, какие меры реагирования и кем после этого

предпринимались, их результаты. Важным является опрос участковых уполномоченных, на территории которых было совершено то или иное деяние, получение от них характеризующего материала, выяснение вопроса о том, проводили ли они профилактическую работу на своей территории с лицами, склонными к совершению противоправных действий, какие меры реагирования предпринимали. В случае, если к произошедшему событию могут иметь отношение другие органы власти и учреждения (администрации, отделы по делам несовершеннолетних, учреждения здравоохранения, социальной защиты населения и т. д.), должна проверяться деятельность указанных структур на предмет обращения граждан с заявлениями о нарушении своих прав и законности, и обоснованности принятых мер реагирования на них. Причины и условия совершения противоправных действий на стадии рассмотрения и проверки сообщения о преступлении могут выявляться следователем путем проведения следственных, иных процессуальных действий, поручения о проведении документальных проверок, ревизий, исследования документов, предметов, трупов, привлечения специалистов и направления отдельных поручений органам дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ. При этом важно, чтобы в направляемых поручениях содержалось указание на необходимость выявления наряду с элементами состава преступления и причин, и условий, способствовавших его совершению.

Важным инструментом криминалистической профилактики преступных деяний является проведение следственных действий, в ходе осуществления которых устанавливаются наряду с обстоятельствами преступления причины и условия, способствовавшие его совершению. В первую очередь здесь следует сказать о таком следственном действии, как осмотр места происшествия, когда следователь непосредственно сам, находясь на месте произошедшего события, видя его последствия, воспринимая обстановку совершения, состояние находящихся объектов, их количество, расположение, может устанавливать факторы, способствовавшие совершению противоправного деяния. Например, отсутствие достаточного освещения в темное время суток, что могло способствовать совершению нападения, отсутствие или неисправность сигнализации, камер наружного видеонаблюдения, что могло способствовать совершению хищения, неисправность каких-либо механизмов, нарушения правил техники безопасности и т. п. Соответственно все это должно быть отражено в протоколе осмотра места происшествия, а также дополнительно зафиксировано с помощью средств фото и видеотехники, составления планов, схем. Выявленные в ходе осмотра причины и условия совершения преступлений должны являться основанием внесения представлений об их устранении. В ходе проведения предварительного расследования основным средством выявления причин и условий совершения преступления помимо осмотра места происшествия являются и другие виды осмотров, а также проведение иных следственных действий. Осуществляя допросы, тактика их проведения должна включать в себя, в том числе постановку вопросов о причинах и условиях совершения преступления. Естественно такие вопросы должны конкретизироваться с учетом особенностей конкретного вида преступления и роли допрашиваемого лица в нем. Следует выяснять какие, по мнению допрашиваемого, факторы могли способствовать совершению преступления, что является его причиной, кто может быть ответственен за произошедшее и т. п. Полученная информация может послужить основанием для проведения других следственных действий (например, судебно-бухгалтерских экспертиз, судебно-технических экспертиз), поручений о проведении проверок (аудиторских, налоговых, проверок соблюдения требований техники безопасности), ревизий.

Эффективным средством криминалистической профилактики, позволяющим выявлять причины и условия совершенных преступлений, является назначение экспертиз, поскольку в некоторых случаях выявить факторы, способствовавшие совершению преступления и принять меры по их устранению невозможно без участия лиц, обладающих специальными познаниями. Речь в данном случае может идти, например, о преступлениях, совершенных в сфере строительства, транспорта, финансово-хозяйственной сфере, промышленности (техногенные аварии). Преступления в подобных случаях, как правило, являются следствием нарушений технологий производства, правил перевозок, строительных норм и правил, нарушений правил техники безопасности, правил допуска к потенциально опасным видам работ и объектов лиц, нарушений правил финансово-отчетной дисциплины. Соответственно при назначении экспертиз в подобных случаях должны формулироваться вопросы, ответы экспертов на которые могут позволить выявить допущенные нарушения и лиц к ним причастных. На выявление причин и условий следует обращать внимание и при проведении проверок показаний на месте, а также следственных экспериментов. Так, следователь, находясь на месте проведения проверки, может сам непосредственно воспринимать обстановку и соответственно обращать внимание на те факторы, которые, по его мнению, или по мнению лица, чьи показания проверяются, могли способствовать совершению преступления, и принимать в последующем меры по их устранению.

Еще одним направлением криминалистической профилактики в деятельности следователя является организация взаимодействия с органами представительной, исполнительной и

судебной власти по вопросам об устранении причин и условий совершения преступлений. Имеют место случаи, когда преступления являются следствием нарушений или ненадлежащего исполнения своих служебных функций органами власти, например, со стороны контролирующих органов. Имеют место случаи, когда вследствие совершения преступлений коррупционной направленности, должностные лица контролирующих органов закрывают глаза на имеющиеся в работе организаций нарушения, например, правил пожарной безопасности в торговых центрах, что уже неоднократно на практике приводило к пожарам, в результате которых имелись человеческие жертвы. Соответственно, в ходе расследования внимание должно уделяться не только исследованию обстоятельств совершенного преступления, но и проверке работы контролирующих органов, имелись ли с их стороны своевременные проверки и реагирования на выявленные нарушения. Кроме того, в ходе расследования уголовного дела следователь может давать поручения о проведении проверок контролируемыми органами, в том числе с целью выявления факторов, способствовавших совершению преступлений, и по результатам принимать совместные меры реагирования путем внесения представлений и возложения обязанностей на контролирующие органы обеспечить их исполнение. В вопросах криминалистической профилактики еще одним направлением является взаимодействие следователей с органами дознания. Путем направления поручений следователя о проведении оперативных мероприятий могут также выявляться причины и условия, способствующие совершению преступления (например, в результате проведения опросов, наведения справок, наблюдения и других, предусмотренных ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»).

Еще одним направлением криминалистической профилактики должна быть, по-нашему мнению, работа следователей с населением с целью разъяснений требования законодательства, разъяснения недопустимости общественно опасных форм поведения, последствий за него. Для обеспечения доведения профилактической информации для максимально широкого круга населения важно организовывать взаимодействие со средствами массовой информации, а также активно использовать возможности интернет-ресурсов. В настоящее время стало обязательным для каждого правоохранительного органа создавать свой интернет-сайт, на котором размещается информация о работе соответствующего органа, а также он может и должен использоваться для размещения профилактической, предупредительной информации, дает возможность гражданам своевременно обращаться через электронные приемные в правоохранительные органы. Неоспоримо значение криминалистической профилактики преступлений для обеспечения правопорядка и общественной безопасности. Невозможно восстановление социальной справедливости без гарантий того, что она не будет вновь нарушена [2, с. 176]. Таким образом, только комплексное использование всех возможных криминалистических средств позволяет с наибольшей эффективностью обеспечивать профилактику преступлений криминалистическими средствами.

Основным субъектом криминалистической профилактики является следователь, который должен, осуществляя расследование, наряду с выявлением всех его обстоятельств, входящих в предмет доказывания, выявлять причины и условия, создающие условия для совершения преступлений, и предпринимать меры по их устранению, например, путем внесения представлений. Проводя следственные действия (допросы, осмотры, проверки показаний на месте, следственные эксперименты, обыски), следователь должен уделять внимание, в том числе, выявлению факторов, которые могли способствовать совершению преступного деяния, и в дальнейшем принимать меры реагирования по их устранению. Наряду со следователем лицами, оказывающими ему содействие в профилактической деятельности, могут являться и иные участники уголовного судопроизводства, каждый в своем статусе: потерпевшие, свидетели, эксперты, специалисты, подозреваемые (обвиняемые).

Например, потерпевшие в ходе допросов могут сообщать информацию об обстоятельствах, которые, по их мнению, могли способствовать совершению преступления в отношении них. Соответственно, проанализировав ее, следователь может определить способы устранения факторов, благоприятствовавших преступному посятельству (дать поручения, направить обращения, внести представления и т. п.). Тоже можно сказать и в отношении информации, которую сообщают при допросах свидетели. Эксперты, проводя исследования, могут выявлять факторы, которые позволили или облегчали совершение преступления (например, недостатки охранной сигнализации, конструктивные недостатки, нарушения технических, строительных норм и т. п.). Соответственно, формулируя вопросы экспертам, следователи должны, исходя из особенностей конкретного преступного события, ставить перед экспертами в том числе и вопросы о возможных причинах, условиях, которые могли либо спровоцировать преступление, либо облегчить его совершение. Их устранение в дальнейшем будет способствовать предупреждению аналогичных преступлений.

Полагаем, можно выделить уровни криминалистической профилактики. Первым, начальным уровнем профилактики будет являться профилактика на уровне расследования конкретного преступления, когда в ходе проведения следственных действий, а также судебного

разбирательства уголовного дела выясняются причины и условия совершения конкретного преступления, и принимаются меры по их устранению. Далее, полагаем можно говорить о криминалистической профилактике преступлений в зависимости от вида объекта посягательства (общий, родовой, видовой, непосредственный), т. е. от группы общественных отношений, которой причиняется вред преступлением. Здесь профилактика конкретного преступления совпадает с профилактикой, выделенной по непосредственному объекту. Считаем можно говорить о профилактике в зависимости от сферы жизни общества, в которой происходит преступное посягательство (производство, транспорт, здравоохранение, образование, культура, сельское хозяйство, оборона государства и т. д.). По территориальному признаку, по-нашему мнению, можно говорить о профилактике, проводимой на уровне отдельного следственного отдела, отдела полиции, т. е., территориально, отдельного района, города (в том числе при отсутствии районного деления), субъекта РФ, федерального округа, Российской Федерации в целом.

До настоящего времени традиционно считается, что криминалистика своим назначением имеет обеспечение своими разработками (в том числе вопросов криминалистической профилактики) предварительного расследования преступлений. Однако криминалистическая профилактика должна реализовываться и при судебном разбирательстве уголовных дел. Так, в ходе судебного следствия, осуществляя судебные действия следственного характера, суд, государственный обвинитель должны, помимо прочих обстоятельств совершенного преступления, образующих предмет доказывания, выяснять и причины, и условия, способствовавшие совершению преступлений, особенно если таковые не были установлены при предварительном расследовании.

Важным является вопрос о месте криминалистической профилактики в системе науки криминалистики. Полагаем, что она является частной теорией, которая структурно может включаться в общую часть науки криминалистики. Имеются все необходимые предпосылки, чтобы считать криминалистическую профилактику таковой. Объектом данной частной теории является сама преступность во всем многообразии ее проявлений. Предметом – закономерности преступной деятельности, ее проявлений в окружающей действительности, закономерности проявлений причин и условий, способствующих совершению преступлений. Основным субъектом, как было уже указано выше, является следователь, которому могут оказывать содействие в выявлении причин и условий преступности и другие участники уголовного судопроизводства. Основной целью является предупреждение преступности, разработка мер и предложений по ее предупреждению. Соответственно, задачами являются: изучение типовых причин и условий, способствующих преступности, факторов, на нее влияющих; применение мер, направленных на предупреждение преступности; совершенствование правовой базы, устранение недостатков законодательства, создающих благоприятные условия для совершения преступлений; изучение особенностей совершения преступлений отдельных видов и групп по способу, месту, времени, условиям, средствам их совершения и т. д.; определение тех объектов, групп населения, сфер общественной жизни, которые в наибольшей степени могут подвергаться преступному воздействию; улучшение научно-технических средств предупреждения преступлений, средств криминалистической техники, позволяющих эффективно выявлять преступления, тактики следственных действий и криминалистической методики предварительного и судебного следствия.

Криминалистическая профилактика должна быть научно обоснованной, включать в себя данные криминологии, общей психологии, юридической психологии, социологии, криминалистики, медицины, основываться на данных научных исследований и обобщений, выявлении типовых причин и условий, способствующих преступности. К методам криминалистической профилактики можно отнести: во-первых, проведение следственных действий (судебных действий следственного характера), в процессе осуществления которых должны выявляться причины и условия, способствующие совершению преступлений; методы воспитательного воздействия, как на отдельных лиц, участвующих в деле (прежде всего, подозреваемых и обвиняемых), так и на социальные группы населения; организационно-технические методы, связанные, например, с совершенствованием организации обеспечения общественной безопасности, техническими средствами контроля и наблюдения, улучшением технического оснащения правоохранительных органов; методы информационного воздействия на население в целом и на отдельные его группы через средства массовой информации, в том числе сеть Интернет. Нормативной основой частной теории криминалистической профилактики являются положения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, Федеральные законы, международные правовые акты.

Теория криминалистической профилактики, как частная криминалистическая теория, должна входить в общие положения криминалистической науки, поскольку, несмотря на то, что и в криминалистической технике, и в криминалистической тактике, и в криминалистической методике также затрагиваются вопросы профилактики, тем не менее, указанные разделы имеют

своим служебным назначением иные цели и задачи. В рамках криминалистической техники разрабатываются вопросы создания новых и совершенствования существующих технических средств, направленных на обнаружение, фиксацию, исследование следов преступлений, прежде всего, материальных следов. Хотя, безусловно, как отмечалось выше, могут и должны рассматриваться вопросы технической профилактики преступлений. Основным назначением тактики является разработка и применение тактических приемов проведения следственных действий, в свою очередь реализация которых, например, при допросе, может способствовать и установлению причин и условий преступлений для последующего принятия мер по их устранению. Основным назначением криминалистической методики является разработка рекомендаций по расследованию и судебному рассмотрению отдельных видов и групп преступлений, вместе с тем, в процессе расследования и судебного разбирательства, как уже говорилось ранее, также должны выяснять вопросы о причинах преступных деяний, и в рамках расследования и судебного рассмотрения принимаются меры по их устранению. В рамках методики расследования преступлений необходимо особое внимание уделять изучению способов совершения преступлений, на этой основе разрабатывать и реализовывать меры, затрудняющие или делающие невозможным совершение преступлений [3, с. 288]. В завершении необходимо сказать о важности прогнозирования развития преступности, как условия ее эффективной профилактики [4, с. 210]. Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сказать, что разработка вопросов криминалистической профилактики, как частной криминалистической теории, будет безусловно способствовать реализации основной служебной функции криминалистической науки – эффективному расследованию и судебному рассмотрению уголовных дел.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бойко Ю.Л. Криминалистическая профилактика как элемент структуры частной методики расследования преступлений / Ю.Л. Бойко, Симонова Т.С. // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2018. № 18–1.
2. Подольный Н.А. Криминалистическая профилактика преступлений // Юрист-Правоведъ. 2024. № 2 (109).
3. Цурлуй О.Ю. Криминалистическая профилактика. Версия 2.0 // В сборнике: Криминалистические чтения на Байкале. Иркутск, 2024.
4. Цурлуй О.Ю. Криминалистическое прогнозирование – важнейшая составляющая криминалистической профилактики // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 2.

REFERENCES

1. Boyko Yu.L. Criminalistic prevention as an element of the structure of private methods of crime investigation / Yu.L. Boyko, Simonova T.S. // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2018. № 18-1.
2. Podolny N.A. Criminalistic Prevention of Crimes // Yurist-Pravoved. 2024. № 2 (109).
3. Turluy O.Yu. Criminalistic Prevention. Version 2.0 / O.Yu. Turluy // In the collection: Criminalistic Readings on Lake Baikal. Irkutsk, 2024.
4. Turluy O.Yu. Criminalistic Forecasting as an Essential Component of Criminalistic Prevention // Union of Criminalists and Criminologists. 2025. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. А. Корчагин – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина. 350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, д. 13.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. A. Korchagin – Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Procedure at the Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin. 13, Kalinina St., Krasnodar 350044 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 25.03.2026; одобрена после рецензирования 11.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 25.03.2026; approved after reviewing 11.04.2026; accepted for publication 08.08.2026.

Научная статья
УДК 316.35

РОССИЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ: ЦЕННОСТНО-ОРИЕНТАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ

Светлана Владимировна Лемайкина¹, Зарина Робертовна Гирфанова²¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, slemaikina2@mvd.ru²Южно-Российский институт управления Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, zgirfanova-23@ranepa.ru

Введение: современное общество переживает глубокие трансформации под влиянием цифровизации, которые наиболее рельефно проявляются в молодежной среде. Для поколения, выросшего в условиях повсеместной интернет-доступности, цифровое пространство становится не просто инструментом, а основным агентом социализации и ключевой средой для формирования ценностно-ориентационных матриц. Виртуальные платформы, социальные сети и алгоритмически организованный контент активно конструируют новые модели мировосприятия, идентичности и социальных практик. Анализ того, как цифровая среда влияет на ценностный выбор, жизненные стратегии и гражданские установки российской молодежи, представляет собой актуальное исследовательское поле, критически важное для понимания будущего социально-культурного и политического ландшафта страны.

Материалы и методы: данное исследование основывается на социокультурном и структурно-функциональном подходах, позволяющих рассматривать цифровую среду как целостную систему, формирующую новые социальные практики и ценностные конструкции. Для решения поставленных задач был применен комплекс методов, включающий вторичный анализ данных крупнейших социологических исследований (ВЦИОМ, ФОМ, Росстат), контент-анализ тематических сообществ и публикаций в ключевых для российской молодежи цифровых платформах, а также сравнительный анализ паттернов медиапотребления. Эмпирическую базу составили статистические данные об использовании цифровых технологий, предпочтениях в контенте и коммуникативных практиках среди молодежи в возрасте 14–35 лет. Теоретический и нормативный контекст исследования учитывает специфику российской цифровой экосистемы и национальные программы в сфере цифровизации и молодежной политики.

Результаты исследования: цифровизация коренным образом преобразовала процессы формирования ценностей, сделав онлайн-среду основным пространством для поиска ориентиров, идей и моделей поведения. Молодежь выступает здесь как ключевой субъект, чьи повседневные практики и стиль жизни полностью интегрированы в цифровую реальность. Коммуникация, досуг, образование и даже гражданская активность все чаще осуществляются через интерфейсы социальных сетей, мессенджеров и игровых платформ. Исследование выявило, что ценностно-ориентационные процессы в цифровом обществе приобретают двойственную природу. С одной стороны, цифровая среда беспрецедентно расширяет доступ к знаниям, культуре и глобальным трендам, способствуя самообразованию, творчеству и формированию новых форм солидарности, основанных на интересах, а не на территориальной принадлежности. С другой стороны, она усиливает зависимость индивидуальной картины мира от алгоритмов рекомендательных систем, которые создают персонализированные «информационные пузыри», ограничивающие кругозор и закрепляющие уже существующие, часто консюмеристские, установки. Наблюдается переход от текстоцентричного мышления к клиповому восприятию, где глубокое усвоение информации подменяется ее поверхностным потреблением в виде коротких видео или мемов, что ведет к фрагментации сознания. Парадоксальным образом высокий запрос на образовательный и научно-популярный контент сочетается с доминированием юмористического и развлекательного формата как основного способа коммуникации и проведения досуга.

© Лемайкина С.В., Гирфанова З.Б., 2026

Выводы и заключения: цифровая среда утвердилась в качестве ключевого фактора в процессе формирования ценностных ориентаций современной российской молодежи. Она представляет собой сложный гибридный инструмент, который, с одной стороны, обладает мощным потенциалом для расширения участия, просвещения и инноваций, а с другой – несет риски манипуляции, коммодификации личной жизни и стандартизации мышления через алгоритмическое управление вниманием. Ее влияние на ценностный мир молодого поколения неоднозначно и зависит от уровня цифровой и медиаграмотности, способности к критической рефлексии и наличия позитивных офлайн-альтернатив для самореализации. Эффективная стратегия интеграции молодежи в цифровое общество должна выходить за рамки технического обучения.

Она требует комплексного развития критического мышления, гражданской ответственности и правовых механизмов, обеспечивающих этичность и прозрачность цифровых технологий. Только при таких условиях цифровая трансформация сможет стать фактором созидательного развития личности и общества, способствуя формированию зрелой, осознанной и социально ответственной гражданской позиции, а не инструментом пассивного потребления и управления поведением.

Ключевые слова: ценностные ориентации, российская молодежь, политическая идентичность, цифровая среда, политическая социализация, информационная безопасность, гражданская активность, цифровое участие, медиaprостранство, традиционные ценности

Для цитирования: Лемайкина С. В., Гирфанова З. Р., Российская молодежь в цифровом обществе: ценностно-ориентационные процессы // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 188–195.

Original paper

DIGITAL MOBILIZATION AS AN INNOVATIVE TOOL FOR ELITE INFLUENCE ON SOCIETY

Svetlana Vladimirovna Lemaikina¹, Zarina Robertovna Girfanova²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

²South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: modern society is undergoing profound transformations under the influence of digitalization, which are most pronounced among the youth. For the generation that grew up in conditions of universal internet accessibility, the digital space is becoming not just a tool, but the primary agent of socialization and a key environment for shaping value-orientation matrices. Virtual platforms, social networks, and algorithmically organized content actively construct new models of world perception, identity, and social practices. Analyzing how the digital environment influences the value choices, life strategies, and civic attitudes of Russian youth represents a relevant field of research, critically important for understanding the future socio-cultural and political landscape of the country.

Materials and methods: this research is based on socio-cultural and structural-functional approaches, allowing for the consideration of the digital environment as an integral system that forms new social practices and value constructs. To address the research objectives, a complex of methods was employed, including secondary analysis of data from major sociological studies (VTsIOM, FOM, Rosstat), content analysis of thematic communities and publications on key digital platforms for Russian youth, as well as comparative analysis of media consumption patterns. The empirical base consisted of statistical data on the use of digital technologies, content preferences, and communicative practices among youth aged 14–35 years. The theoretical and normative context of the research considers the specifics of the Russian digital ecosystem and national programs in the field of digitalization and youth policy.

Results of the study: digitalization has fundamentally transformed the processes of value formation, making the online environment the primary space for seeking reference points, ideas, and models of behavior. Youth act here as the key subject, whose daily practices and lifestyle are fully integrated into digital reality. Communication, leisure, education, and even civic activity are increasingly carried out through the interfaces of social networks, messengers, and gaming platforms. The study revealed that value-orientation processes in a digital society acquire a dual nature. On one hand, the digital environment unprecedentedly expands access to knowledge,

culture, and global trends, promoting self-education, creativity, and the formation of new forms of solidarity based on interests rather than territorial affiliation. On the other hand, it strengthens the dependence of an individual's worldview on the algorithms of recommendation systems, which create personalized "information bubbles," limiting horizons and reinforcing existing, often consumerist, attitudes. A shift from text-centric thinking to clip-based perception is observed, where the deep assimilation of information is replaced by its superficial consumption in the form of short videos or memes, leading to the fragmentation of consciousness. Paradoxically, a high demand for educational and popular science content coexists with the dominance of humorous and entertainment formats as the main means of communication and leisure.

Findings and conclusions: the digital environment has established itself as a key actor in the process of forming the value orientations of modern Russian youth. It represents a complex hybrid tool that, on one hand, possesses powerful potential for expanding participation, enlightenment, and innovation, and on the other, carries the risks of manipulation, commodification of personal life, and standardization of thinking through algorithmic attention management. Its influence on the value world of the unger generation is ambiguous and depends on the level of digital and media literacy, the capacity for critical reflection, and the availability of positive offline alternatives for self-realization. An effective strategy for integrating youth into a digital society must go beyond technical training. It requires the comprehensive development of critical thinking, civic responsibility, and legal mechanisms ensuring the ethics and transparency of digital technologies. Only under such conditions can the digital transformation become a factor in the constructive development of the individual and society, contributing to the formation of a mature, conscious, and socially responsible civic position, rather than a tool for passive consumption and behavior management.

Keywords: value orientations, Russian youth, political identity, digital environment, political socialization, information security, civic engagement, digital participation, media space, traditional values

For citation: Lemaikina S. V., Girfanova Z. R. Russian youth in a digital society: value-orientation processes // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal*. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 188–195.

Под ценностными ориентациями понимается система устойчивых отношений личности к материальным и духовным благам, выступающая специфической формой отражения общественных отношений в сознании человека и служащая важным регулятором его социального поведения. Цифровая трансформация общества трактуется как глобальный тренд, выходящий за рамки технологического прогресса и представляющий собой глубокое преобразование социальных, экономических и политических практик через их интеграцию с цифровыми технологиями, что порождает новую, гибридную реальность. В этом контексте особую значимость приобретает формирование политической идентичности молодежи, которую можно определить как результат процесса осознания индивидом своей принадлежности к определенной политической общности (государству, нации, политической группе), усвоения соответствующих ценностей, норм и моделей политического участия, что в условиях цифровизации происходит через призму онлайн-коммуникации и взаимодействия с цифровыми медиа. Теоретической осью, вокруг которой выстраивается анализ трансформации ценностей, служит концепция социологического постматериализма Рональда Инглхарта. Сформулированная в работе «Тихая революция» (1977 г.), эта теория постулирует закономерный сдвиг в системе общественных приоритетов по мере достижения обществом экономической стабильности и всеобщего процветания. Согласно исследованиям Рональда Инглхарта, происходит переход от «материалистических» ценностей, сфокусированных на экономической и физической безопасности (доход, правопорядок), к «постматериалистическим», акцентирующим самоутверждение, качество жизни, гражданские свободы и участие в принятии решений. Данная концепция предоставляет мощный аналитический инструмент для осмысления противоречивой динамики в ценностных установках современной российской молодежи, находящейся в напряженном поле между традиционными устоями и глобальными цифровыми трендами. Важно отметить, что, как показывает Рональд Инглхарт, распространение постматериализма не ведет к упадку семьи как ценности – напротив, ее значимость может возрастать, одновременно усиливаясь интерес к политике, что является крайне релевантным для российского контекста [9].

В условиях глобальной цифровой трансформации, оказывающей комплексное воздействие на все сферы общественно-политической жизни, формирование ценностно-

ориентационных процессов российской молодежи происходит в принципиально новой технологической среде. Анализ данных социологических исследований ВЦИОМ за 2025 год позволяет выявить устойчивую, хотя и внутренне противоречивую, иерархию ценностных приоритетов современного молодого поколения России, складывающуюся на пересечении традиционных оснований и новых цифровых практик.

Проведенный анализ демонстрирует парадоксальное сочетание традиционных ценностных оснований с новыми прагматическими ориентациями, формирующими комплексный портрет поколения. Абсолютным приоритетом для молодых россиян остается семья как фундаментальная ценность: 91 % респондентов подтверждают важность поддержания теплых семейных отношений. Этот показатель сохраняет стабильность, что свидетельствует о кризисоустойчивости семейных ценностей в период социальной неопределенности [6].

Значительное место в структуре ценностей занимает гражданская идентичность и вера в возможности самореализации. 83 % молодых людей идентифицируют себя как граждане Российской Федерации, при этом 82 % россиян в целом считают, что в России созданы все условия для самореализации молодежи. Данная тенденция особенно выражена в контексте растущего оптимизма: 80 % молодых россиян признают свои личные достижения за последние 3–5 лет. Параллельно с этим наблюдается выраженная прагматизация ценностных ориентаций: 52 % россиян выбирают небольшой, но твердый заработок, а 22 % готовы много работать без гарантий на будущее. Это подтверждает гипотезу о смещении акцентов в сторону практических, материальных условий жизни, что характерно для поколения, активно включенного в цифровую экономику и потребительские практики [6] (см. Диаграмма 1).

Сфера политического участия представляет собой наиболее противоречивый сегмент ценностной палитры. Участие в общественно-политической жизни признается важным, однако лишь 26 % молодых граждан видят свою цель в возможности приносить пользу обществу. Эта диспропорция свидетельствует о преимущественно инструментальном характере политических ориентаций. Представления молодежи о будущем общества также демонстрируют ценностный плюрализм: в своих проектах они чаще всего описывают технократические (43 %) и коммунитарные (25 %) модели общества, реже – индивидуалистические (17 %) и эгоцентричные (14 %) [7] (см. Диаграмма 1).

Диаграмма 1. Ценностные ориентации молодежи (ВЦИОМ 2025) %

Наряду с открывающимися возможностями, цифровая трансформация порождает комплекс серьезных рисков, способных дестабилизировать традиционную систему ценностей, подорвать основы психического здоровья молодого поколения и создать угрозы для общественно-политической стабильности.

Интернет-зависимость и уход от реальности становятся массовым явлением. Эмпирические исследования фиксируют, что значительная часть молодежи проводит в сети больше времени, чем планирует, а реальное, «живое» общение постепенно замещается онлайн-коммуникацией. Этот вызов имеет не только социально-психологическое, но и политическое измерение, поскольку может вести к атомизации общества и снижению гражданской активности [10].

Цифровое пространство стало ключевой ареной для социализации и формирования ценностных ориентаций молодежи. Молодежное общение все больше уходит в цифровую плоскость: виртуальное взаимодействие вытесняет живые встречи (61 % против 33 %), особенно среди самых юных (69 % против 24 % в группе 18–24 лет). Онлайн становится привычной и удобной формой поддержания социальных связей, задавая формат повседневной коммуникации; это не просто смена канала, а сдвиг в культуре общения [5].

В течение дня молодые люди, по собственным оценкам, проводят в различных аккаунтах около 9 часов – это их естественная среда обитания. Цифровая жизнь современной молодежи сосредоточена вокруг нескольких ключевых платформ, среди которых лидируют Telegram, WhatsApp и «ВКонтакте» [8].

Информационные интересы молодежи разнообразны: наряду с юмором – безусловным лидером внимания (56 %) – высок спрос на образовательный и научный контент (49 %), а также на международные (44 %) и федеральные новости (43 %). Молодежь в сети ориентируется не столько на форму, сколько на содержательное наполнение, а ее медиапотребление – это не развлечение ради развлечения, а естественный способ ориентироваться в быстро меняющемся мире [5].

Более глубинным вызовом является трансформация системы ценностей, при которой цифровая среда может способствовать вытеснению традиционных ценностей, приводя к росту индивидуализма и прагматизма. Российские исследователи фиксируют девальвацию системы ценностей как результат преувеличения виртуальных ценностей, формирование потребительских установок и размывание морального поведения.

Технологические изменения обостряют и межпоколенческий конфликт, вызванный цифровым разрывом. Вопрос ограничения доступа к зарубежным цифровым платформам расколол общество по поколенческому признаку. Этот ценностный разрыв приводит к формированию двух параллельных «цифровых миров»: контролируемого и «безопасного» для тех, кто не ищет обходных путей, и свободного, но требующего усилий и продвинутого уровня цифровой грамотности [10].

Более глубинным и социально значимым вызовом является трансформация системы ценностей, при которой цифровая среда может способствовать вытеснению традиционных ценностей, приводя к росту индивидуализма и прагматизма. Согласно теории Рональда Инглхарта, в современных условиях наблюдается сублимация классических расколов в ценностный постматериальный раскол «выживание – самовыражение» [9].

Особую угрозу с точки зрения политологии представляют угрозы манипуляции сознанием, связанные с воздействием контента антигражданской и экстремистской направленности. Как отмечают исследователи, экстремистские организации увидели в цифровизации широчайшие возможности для реализации своей деятельности и приступили к ее всестороннему освоению. В сети активно действуют ресурсы, оказывающие значительное пропагандистское воздействие на молодежь и отличающиеся экстремистской направленностью [11].

Российское законодательство реагирует на эти вызовы, создавая правовые рамки для минимизации рисков. В частности, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определяет защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической памяти в качестве одного из приоритетов государственной политики. Это напрямую коррелирует с таким вызовом, как трансформация системы ценностей, когда цифровая среда может способствовать вытеснению традиционных ценностей, приводя к росту индивидуализма и прагматизма среди молодого поколения [1].

С правовой точки зрения, противодействие этому риску осуществляется через реализацию Основ государственной молодежной политики, которые ориентированы на укрепление гражданской идентичности и патриотическое воспитание.

Правовое противодействие угрозам манипуляции сознанием осуществляется в рамках Федерального закона от 25.07.2002 (поправки от 23.07.2025) № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и Федерального закона от 27.07.2006 (поправки от 29.12.2022) № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которые предоставляют правоограничительные механизмы для блокировки запрещенного контента и привлечения к ответственности распространителей [2; 3].

Правовые механизмы частичного решения проблемы интернет-зависимости заложены в Федеральном законе от 29.12.2010 (поправки от 30.11.2024) № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», который устанавливает возрастную маркировку контента и ограничения на распространение определенных видов информации среди несовершеннолетних [4].

Правовое опосредование межпоколенческого конфликта происходит через реализацию государственной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», которая включает мероприятия по повышению цифровой грамотности населения всех возрастов, тем самым пытаясь сократить разрыв между поколениями в цифровых компетенциях.

Ценностно-ориентационные процессы российской молодежи в условиях цифровой трансформации характеризуются глубокой амбивалентностью. С одной стороны, сохраняется устойчивое ядро (семья, гражданская идентичность), с другой – формируется динамичная периферия (материальные блага, инструментальное политическое участие). Эта сложная конфигурация создает основу для дальнейшего анализа влияния цифровой трансформации, где традиционные основания могут как укрепляться через цифровые коммуникации, так и трансформироваться под воздействием новых, сетевых ценностей глобального информационного общества.

Правовое регулирование этих процессов представляет собой сложный, многомерный механизм, пытающийся балансировать между защитой от реальных угроз и сохранением пространства для цифрового развития. Эффективность этого регулирования во многом будет зависеть от способности государства и общества к диалогу, готовности учитывать реальные интересы и запросы молодого поколения, а также умения создавать привлекательные для молодежи форматы гражданского участия, альтернативные деструктивным сообществам.

Политическая значимость выявленных процессов заключается в необходимости для государства и политических институтов учитывать эту принципиальную двойственность при выстраивании диалога с молодым поколением. Как показал анализ, стратегия простого противодействия цифровым трендам или морализаторства в отношении новых ценностных ориентаций молодежи является контрпродуктивной и может вести лишь к углублению разрыва между обществом и властью. Вместо этого требуется взвешенная и современная политика, нацеленная не на отрицание неизбежных изменений, а на создание привлекательных для молодежи форматов интеграции в общественно-политическую жизнь. Ключевыми направлениями такой политики должны стать разработка и внедрение образовательных программ, сочетающих традиционные ценности с развитием цифровой грамотности и критического мышления; создание интерактивных цифровых платформ для гражданского участия, позволяющих молодежи реально влиять на процессы принятия решений на местном и региональном уровнях; поддержка конструктивных форм цифрового волонтерства и социального предпринимательства, дающих молодым людям возможность для самореализации в общественно полезной деятельности [12].

Перспективы дальнейших исследований данной проблемы видятся в нескольких взаимосвязанных направлениях. Во-первых, представляет значительный научный интерес более глубокое изучение ценностных разрывов не просто между молодежью и старшими поколениями, но между различными субкультурами внутри самой молодежной среды – например, между активными пользователями разных социальных платформ (Telegram, VK, TikTok), между столичной и провинциальной молодежью, между представителями различных профессиональных и образовательных страт. Такой анализ позволил бы перейти от обобщенного портрета «русской молодежи» к более тонкому пониманию дифференцированных ценностных профилей, что крайне важно для адресной социальной и образовательной политики. Во-вторых, чрезвычайно продуктивным представляется сравнительный анализ политических ценностей русской молодежи и их сверстников в других странах, особенно тех, которые также переживают сложные процессы трансформации на стыке традиции и модернизации (например, в странах БРИКС). Такой компаративный подход позволил бы выявить универсальные тренды, обусловленные самой природой цифровой трансформации, и специфические, культурно-обусловленные

особенности формирования ценностных ориентаций, что имеет фундаментальное значение для понимания будущих траекторий социально-политического развития не только России, но и мира в целом. Наконец, особого внимания заслуживает лонгитюдное исследование динамики ценностных ориентаций одной и той же когорты молодежи на протяжении времени, которое позволило бы отделить конъюнктурные колебания от устойчивых трендов и дать более обоснованный прогноз относительно будущего ценностного ландшафта российского общества.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 17.04.2026).
2. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 17.04.2026).
3. Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 17.04.2026).
4. Федеральный закон от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» (с изменениями и дополнениями). URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (дата обращения: 17.04.2026).
5. ВЦИОМ. Живущие в сети или Медиапотребление современной молодежи: Аналитический обзор. М., 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (дата обращения: 17.04.2026).
6. ВЦИОМ. Россия-2025: новая надежда: Аналитический обзор. М., 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-2025-novaja-nadezhda> (дата обращения: 17.04.2026).
7. Youth RIGF 2025: Программа Молодежного цифрового форума. М., 2025. URL: <https://youth.rigf.ru/> (дата обращения: 17.04.2026).
8. Рейтинг цифровизации и внедрения ИИ в регионах России (январь–апрель 2025 года) / Ассоциация «Регионы XXI век» // Федеральный журнал «Регионы России». 2025. URL: <https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-cifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda/> (дата обращения: 17.04.2026).
9. Инглхарт Р.Ф. Тихая революция. 1977. URL: <https://books.google.ru/books?id=wX59BgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 17.04.2026).
10. Григорьева П.С. Проблема социализации молодежи в цифровой среде-2024. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68521380> (дата обращения: 17.04.2026).
11. Мальшева Д.Р. Практики медиапотребления Российской молодежи (на примере интернет-ТВ) – 2024. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68547117> (дата обращения: 17.04.2026).
12. Кривоногов М.В., Тужиина М.И., Меркулов В.В. Политическая активность в контексте ценностей и приоритетов нового поколения россиян-2023. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54794734> (дата обращения: 17.04.2026).
13. Григорян Д.К. Политическая культура личности и власть в условиях современных российских социально-политических процессов. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15933442> (дата обращения: 17.04.2026).
14. Аликберова А.Н., Делов Н.С., Григорян Д.К. Молодежь и патриотизм: влияние в период проведения специальной военной операции. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80596925> (дата обращения: 17.04.2026).
15. Щербаченко А.К., Гребенкин Д.Л., Григорян Д.К. Сбережения народа России и развитие человеческого потенциала как важнейший стратегический национальный приоритет. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80643947> (дата обращения: 17.04.2026).

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation № 400 dated July 2, 2021 “On the National Security Strategy of the Russian Federation”. URL: <https://base.garant.ru/12127578/> / (date of access: 17.04.2026).
2. Federal Law № 114-FZ of July 25, 2002 “On Countering Extremist Activities” (with amendments and additions). URL: <https://base.garant.ru/12127578/> / (date of access: 17.04.2026).
3. Federal Law № 149-FZ of 27.07.2006 “On Information, Information Technologies and Information Protection” (with amendments and additions). URL: <https://base.garant.ru/12127578/> / (date of access: 17.04.2026).

4. Federal Law № 436-FZ of December 29, 2010 "On the Protection of Children from information harmful to their health and development" (with amendments and additions). URL: <https://base.garant.ru/12127578/> (date of access: 17.04.2026).
5. VTsIOM. Living online or the Media Consumption of modern youth: An Analytical Review. Moscow, 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zhivushchie-v-seti-ili-mediapotreblenie-sovremennoi-molodezhi> (date of access: 17.04.2026).
6. VTsIOM. Russia-2025: a new hope: An analytical review. Moscow, 2025. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossija-2025-novaja-nadezhda> (date of access: 17.04.2026).
7. Youth RIGF 2025: Program of the Youth Digital Forum. Moscow, 2025. URL: <https://youth.rigf.ru/> (date of access: 17.04.2026).
8. Rating of digitalization and AI implementation in the regions of Russia (January–April 2025) / Association "Regions of the XXI century" // Federal Journal "Regions of Russia". 2025. URL: <https://rrmag.ru/2025/05/19/rejting-czifrovizaczii-i-vnedreniya-ii-v-regionah-rossii-yanvar-aprel-2025-goda/> (date of access: 17.04.2026).
9. Inglehart R.F. The Silent Revolution. 1977. URL: <https://books.google.ru/books?id=wX59BgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (date of access: 17.04.2026).
10. Grigorieva P.S. The problem of youth socialization in the digital environment-2024. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68521380> (date of access: 17.04.2026).
11. Malysheva D.R. Media consumption practices of Russian youth (using the example of Internet TV) – 2024. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=68547117> (date of access: 17.04.2026).
12. Krivonogov M.V., Tujiina M.I., Merkulov V.V. Political activism in the context of the values and priorities of the new generation of Russians-2023. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=54794734> (date of access: 17.04.2026).
13. Grigoryan D.K. Political culture of personality and power in the context of modern Russian socio-political processes. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15933442> (date of access: 17.04.2026).
14. Alikberova A.N., Delov N.S., Grigoryan D.K. Youth and patriotism: influence during the special military operation. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80596925> (date of access: 17.04.2026).
15. Shcherbachenko A.K., Grebenkin D.L., Grigoryan D.K. Savings of the Russian people and human potential development as the most important strategic national priority. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=80643947> (date of access: 17.04.2026).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. В. Лемайкина – старший преподаватель кафедры информационно-коммуникационных технологий и кибербезопасности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

З. Р. Гирфанова – преподаватель факультета политологии и этнополитики Южно-российского института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская 70.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. V. Lemaykina – Senior Lecturer, Department of Information and Communication Technologies and Cybersecurity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

Z. R. Girfanova – Lecturer, Faculty of Political Science and Ethnopolitics, South-Russian Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 70, Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 14.03.2026; одобрена после рецензирования 26.04.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 14.03.2026; approved after reviewing 26.04.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Юрист-Правоведъ. 2026. № 2 (117). С. 196–205.
Jurist-Pravoved. 2026. № 2 (117). Pp. 196–205.

Научная статья
УДК 343.915

СКУЛШУТИНГ В РОССИИ: ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ И ПОСТКРИМИНАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК (2014 – 2026)

Семен Алексеевич Липин¹, Владимир Ремович Семенов²

¹Уральский юридический институт МВД России, Екатеринбург, Российская Федерация

²Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Российская Федерация

¹semenlipin38@gmail.com

²Wladirom@yandex.ru

Введение: в статье представлен комплексный анализ феномена скулшутинга в Российской Федерации.

Материалы и методы: материальной базой служит изучения всех зафиксированных в средствах массовой информации инцидентов (метод контент-анализа)

Результаты исследования: реконструирована полная картина преступного события, включая предикторы поведения, этап совершения преступления, а также посткриминальные характеристики. Особое внимание уделено общим признакам динамики преступного поведения, а также общим признакам личности скулшутеров: выявлен средний возраст скулшутеров, оружие и иные.

Выводы и заключения: полученные данные позволяют уточнить криминологическую характеристику явления и могут быть использованы для совершенствования мер предупреждения и профилактики данного вида преступлений.

Ключевые слова: скулшутинг, преступное поведение, колумбайн¹, нападение на школу, терроризм, убийство, расстрел

Для цитирования: Липин С. А., Семенов В. Р. Скулшутинг в России: эволюция преступного поведения и посткриминальных характеристик (2014 – 2026) // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журнал. 2026. № 2 (117). – С. 196–205.

Original paper

SCHOOL SHOOTING IN RUSSIA: THE EVOLUTION OF CRIMINAL BEHAVIOR AND POSTCRIMINAL CHARACTERISTICS (2014-2026)

Semen Alexeevich Lipin¹, Vladimir Removich Semenov²

¹Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Yekaterinburg, Russian Federation

²Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov

Introduction: the article presents a comprehensive analysis of the phenomenon of school shooting in the Russian Federation.

Materials and methods: the material base is the study of all incidents recorded in the media (content analysis method).

Results of the study: the complete picture of the criminal event was reconstructed, including predictors of behavior, the stage of the crime, as well as post-criminal characteristics. Special attention is paid to the general signs of the dynamics of criminal behavior, as well as the general signs of the personality of school shooters: the average age of school shooters, weapons and others are revealed.

Findings and conclusions: the data obtained make it possible to clarify the criminological characteristics of the phenomenon and can be used to improve measures to prevent and prevent this type of crime.

¹Международное общественное движение Колумбайн признано террористическим и запрещено на территории Российской Федерации.

Keywords: school scouting, criminal behavior, Columbine, school attack, terrorism, murder, shooting

For citation: Lipin S. A., Semenov V. R. School shooting in Russia: the evolution of criminal behavior and postcriminal characteristics (2014-2026) // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. 2026. № 2 (117). – Pp. 196–205.

Феномен скулшутинга, об определении и особенностях которого речь пойдет ниже, представляет собой междисциплинарную проблему, находящуюся на стыке криминологии, психологии и педагогики. В данной части исследования необходимо сделать оговорку. Ключевым препятствием для проведения исследований в данной области является ограниченный доступ к необходимой официальной информации. Судебные акты по делам о скулшутинге, как правило, отсутствуют в открытых базах данных и справочно-правовых источниках в силу прямых законодательных ограничений. В соответствии с ч. 5 ст. 15 Федерального закона от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», не подлежат размещению в сети Интернет тексты судебных актов, затрагивающие права и законные интересы несовершеннолетних². Кроме того, ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации допускает проведение закрытых судебных заседаний по данной категории дел, что дополнительно способствует ограничению распространения информации³. Многие производства по уголовным делам также прекращаются в связи с гибелью лиц, совершавших нападение на образовательные организации. В связи с этим эмпирическую основу для изучения составили данные открытых источников – средства массовой информации, информационные агентства и другие. Основным методом сбора данных выступил контент-анализ, позволивший выделить и проанализировать необходимую информацию.

Абсолютный объем случаев нападения на образовательные организации по неофициальным источникам определяется в количестве 45 инцидентов, зафиксированных в средствах массовой информации и сети Интернет на территории Российской Федерации с 1993 г. по 2026 г. Однако не каждый случай нападения на образовательную организацию может быть признан актом скулшутинга по определению.

Под скулшутингом в рамках данного исследования понимается умышленное вооруженное нападение на образовательную организацию (любого уровня), совершаемое одним или несколькими действующими либо бывшими обучающимися. Основной целью нападения является убийство максимально возможного числа людей (неопределенного и неограниченного круга лиц) с применением огнестрельного, холодного оружия, взрывных устройств, поджогов или иных средств нападения.

С 2014 года атаки на образовательные учреждения носят отчетливый экстремистский подтекст. В таких случаях нападающий движим не личными обидами и не желанием дестабилизировать работу государственных органов (что исключает возможность квалификации данных деяний в качестве террористического акта), а нацелен на массовое убийство случайных людей, находящихся внутри организации.

С целью доказательства данных аргументов приведем аналитическую таблицу зафиксированных случаев нападения на образовательные организации в Российской Федерации. При этом, относя конкретный случай к категории акта скулшутинга, мы руководствуемся наличием в деле элементов, указывающих на экстремистский мотив – Колумбайн, а также особые психологические характеристики преступников, которые указывают на предрасположенность к совершению данных актов насилия (Таблица 1).

Таблица 1

Аналитическая таблица актов нападения на образовательные организации⁴

№	Дата	Событие	Мотив и иные общие обстоятельства дела
1.	28.09.1993	Захват детского сада (г. Омск)	Корыстный; захват заложников и требование передачи денег

² Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6217.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921; Российская газета. 2001. 22 декабря.

⁴ Нападения на учебные заведения в России. URL: <https://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 20.03.2026).

РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

2.	05.12.1995	Захват детского сада (г. Владикавказ)	Терроризм; захват заложников
3.	09.03.1997	Массовое убийство в воен- ном училище (г. Камышин)	Низменный мотив (самоутверждение)
4.	01.09.2004	Нападение на школу № 1 (г. Беслан)	Терроризм
5.	09.11.2010	Нападение на студентов НГУ (г. Новосибирск)	Национализм
6.	02.08.2011	Взрыв в детском саду (г. Комсомольск-на-Амуре)	Терроризм
7.	03.02.2014	Нападение на школу № 263 (г. Москва)	Скулшутинг
8.	20.10.2014	Нападение на школу (г. Электросталь)	Мсть
9.	04.12.2014	Нападение на гимназию (г. Томск)	Скулшутинг
10.	20.03.2015	Нападение на школу № 64 (г. Томск)	Хулиганские побуждения
11.	30.11.2015	Нападение в лицее № 62 (г. Саратов)	Конфликт отца с тренером (дочери отца), в котором первый применил оружие в отноше- нии последнего
12.	18.03.2016	Убийство в школе (г. Находка)	Неразделенная любовь
13.	05.09.2017	Нападение в образователь- ном центре № 1 (г. Иванте- евка)	Скулшутинг
14.	01.11.2017	Убийство в Западном ком- плексе непрерывного образо- вания (г. Москва)	Психическое расстройство; ученик опубли- ковал фото трупа учителя, а затем совершил самоубийство
15.	18.12.2017	Убийство в школе № 4 (г. Иркутск)	Ссора
16.	15.01.2018	Массовое убийство в шко- ле № 127 (г. Пермь)	Скулшутинг. Нападавшие ученики использо- вали холодное оружие
17.	19.01.2018	Нападение на школу № 5 (г. Улан-Удэ)	Скулшутинг
18.	18.04.2018	Нападение на школу № 1 (г. Стерлитамак)	Скулшутинг
19.	10.05.2018	Нападение на Барабинский транспортный колледж (г. Барабинск)	Скулшутинг
20.	17.10. 2018	Нападение на Керченский политехнический колледж (г. Керчь)	Скулшутинг
21.	25.01.2019	Нападение в школе (г. Абалаково)	Мсть

РОСТОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ МВД РОССИИ

22.	13.05.2019	Захват заложников в гимназии № 7 (г. Казань)	Месть; неразделенная любовь; самоутверждение
23.	28.05.2019	Нападение на школу № 4 (г. Вольск)	Скулшутинг. Ученик использовал зажигательную смесь и топор
24.	14.11.2019	Нападение на Амурский колледж строительства и ЖКХ (г. Благовещенск)	Скулшутинг. Ученик совершил самоубийство
25.	16.02.2021	Нападение в НГТУ (г. Новосибирск)	Месть
26.	11.05.2021	Нападение на гимназию № 175 (г. Казань)	Скулшутинг
27.	20.09.2021	Нападение на ПГУ (г. Пермь)	Скулшутинг
28.	28.03.2022	Нападение на детский сад № 31 (г. Красноярск)	Низменные мотивы. Девочка, поссорившись с отцом, зарезала последнего и направилась в ружьем в детский сад, в котором намеревалась устроить убийство из-за ненависти к мужчинам
30.	26.04.2022	Нападение на школу № 88 (г. Ижевск)	Скулшутинг. После нападения преступник совершил самоубийство
31.	07.02.2023	Нападение в школе (г. Химки)	Месть
32.	26.02.2024	Нападение в РГТУ (г. Москва)	Месть; неразделенная любовь. Нападавшая использовала кувалду в качестве орудия для убийства
33.	16.09.2024	Нападение в школе № 68 (г. Челябинск)	Нападение, вызванное психическим расстройством нападавшего
34.	23.09.2024	Нападение в школе № 1 (г. Балаганск)	Предположительно месть
35.	01.10.2024	Нападение в Лангепасском политехническом колледже (г. Лангепас)	Месть бывшего студента преподавателю
36.	06.12.2024	Нападение в школе № 94 (Краснодарский край)	Предположительно месть (нападение на сверстников)
37.	11.03.2025	Нападение в школе № 117 (г. Нижний Новгород)	Месть за унижение
38.	07.04.2025	Нападение в школе № 3 (г. Новый Уренгой)	Месть за унижение
39.	17.04.2025	Нападение в школе № 51 (г. Мирный)	Информация о мотивах нападения отсутствует; известно, что нападение было внезапным и беспричинным
40.	29.09.2025	Нападение в Архангельском техникуме (г. Архангельск)	Месть студента за отчисление (потерпевший входил в комиссию по отчислению студента)
41.	15.12.2025	Нападение в школе (г. Санкт-Петербург)	Нападение на преподавателя вызвано пренебрежительным отношением к учебной дисциплине (математика)

42.	16.12.2025	Нападение в Успенской школе (г. Горки-2)	Нападение по мотивам идеологии ультраправого экстремизма; в день нападения лицо направило в чат социальной сети манифест под названием «Мой гнев», в котором выражал ненависть к обществу, мигрантам, евреям, мусульманам, антифашистам и ЛГБТ-сообществу ⁵
43.	22.01.2026	Нападение в лицее (г. Нижнекамск)	Нападение по мотивам мести (месть обучающимся старших классов)
44.	03.02.2026	Нападение в гимназии № 16 (г. Уфа)	Месть учителю
45.	03.02.2026	Нападение в школе № 4 (г. Козьмодемьянск)	Нападение, вызванное эмоциональным состоянием обучающейся, а также конфликтных отношений с другими обучающимися группы
46.	04.02.2026	Нападение в школе № 153 (г. Красноярск)	Нападение, вызванное чувством мести из-за буллинга по причине лишнего веса
47.	05.02.2026	Нападение в детском саду (г. Бугуруслан)	Мужчина в алкогольном опьянении ворвался в детское образовательное учреждение
48.	11.02.2026	Нападение в Анапском индустриальном техникуме (г. Анапа)	Скулшутинг
49.	19.02.2026	Нападение в школе № 13 (г. Александровск)	Конфликт между двумя одноклассниками

Согласно данным наблюдений, нами делается вывод о том, что скулшутинг в Российской Федерации берет свое начало с 2014 года (пункт 7 Таблицы 1). Необходимо подчеркнуть, что с 2018 года случаи скулшутинга носят частый характер (пункты 16-20 Таблицы 1). При этом с 2014 года по 2017 год в силу неоднократности актов скулшутинга (нападение на школу № 263 в г. Москве 03.02.2014 и нападение на гимназию в г. Томске 04.12.2014) предприняты как профилактические меры, так и меры по борьбе с подготовкой к совершению данных актов.

Самое большое количество актов скулшутинга произошло в 2018 году, что подтверждается данными таблицы. В последующем с 2018 по 2022 год скулшутинги реализовывались ежегодно (за исключением промежутка в период с конца 2019 года по середину 2021 года). Данные наблюдения позволяют сделать выводы о том, что профилактика данного вида преступлений имела свою эффективность после событий 2014 и 2019 года. С 2022 года по 2024 год актов скулшутинга зафиксировано не было. Данные тезисы подтверждают также то, что скулшутинг в Российской Федерации является относительно новым и редким явлением по сравнению со статистикой Соединенных Штатов Америки, в которых акты нападения и насилия в образовательных организациях с целью убийства неопределенного круга лиц осуществляются практически ежегодно.

Согласно исследованию, проведенному в 2021 году, при рассмотрении 7 актов скулшутинга, совершенных в период с 2014 года по 2018 год, были сделаны следующие выводы [1]:

1. Возраст скулшутера составляет от 14 до 19 лет.

2. В 5 из 7 актов скулшутинга, преступники заранее предупреждали о своих намерениях, однако реакция на которые не возымела действий со стороны как должностных лиц образовательных организаций, так и со стороны правоохранительных органов.

3. 4 из 7 скулшутеров открыто использовали символику и атрибутику движения Колумбайн, как до совершения нападения, так и во время его совершения, в том числе в социальных сетях.

4. Нападавший имел отношение к образовательной организации, нападение на которую реализовал. Убийства носили демонстративный характер, а само нападение было заранее спланировано и организовано (отсутствие спонтанности).

⁵ Международное общественное движение ЛГБТ признано экстремистским и запрещено на территории Российской Федерации.

5. Нападавший в 6 из 7 случаев покончил жизнь самоубийством или был обезврежен сотрудниками силовых структур правоохранительных органов.

В ходе рассмотрения актов скулшутинга в период с 2014 года по 2018 год четко прослеживаются следующие элементы, не упомянутые в исследовании:

1. В 5 из 7 случаев скулшутинга нападавшие характеризовались с хорошей стороны, воспитывались в полной семье. Отмечались как спокойные, замкнутые в себе, скромные юноши. В остальных случаях наблюдались семейные проблемы, издевательства, плохое воспитание.

2. В 5 из 7 случаев нападение совершалось с использованием стрелкового оружия. В остальных двух случаях нападение совершалось с предметом, используемым в качестве холодного оружия. При этом в 3 из 7 случаев наравне с основным оружием использовалась зажигательная жидкость.

3. В 4 из 7 случаев не было погибших, а только пострадавшие. При этом среднее количество пострадавших не превышало 6 человек (за исключением нападения на колледж в г. Керчь – 21 чел. погиб, 67 чел. ранено).

4. В 6 из 7 случаев преступники были задержаны. В одном случае (г. Керчь) преступник совершил самоубийство.

5. Во всех 7 случаях до нападения преступники были увлечены движением Колумбайн, что открыто демонстрировали. Данное увлечение в 5 из 7 случаев заключалось в интересе к оружию, к заявлениям по поводу отсутствия страха перед смертью. В 5 из 7 случаев судьба нападавших была сопряжена с буллингом и издевательствами.

6. В 6 из 7 случаев перед реализацией акта скулшутинга его можно было предупредить. В 4 из 6 случаев нападавший предупреждал за некоторое время до нападения определенное лицо о том, что в образовательное учреждение «лучше не приходить». В половине случаев попытки лиц, узнавших о замысле преступника, сообщить другим людям о полученной информации воспринимались в качестве шутки.

С целью выявления общих закономерных черт в механизме преступного поведения при совершении актов скулшутинга в Российской Федерации с 2019 года по 2026 год составим следующие аналитические таблицы (Таблицы 2-7):

Таблица 2

Нападение на школу № 4 (г. Вольск)^{6 7}

Дата, место	28.05.2019, Школа № 4, г. Вольск
Нападавший	15-летний обучающийся 7-го класса. Воспитывался мамой и бабушкой. Друзей не было, с обучающимися не конфликтовал, был одиночкой. Посещал занятия по стрельбе. Высказывал мысли о самоубийстве
Фабула	Утром 28.05.2019 бросил в учебную аудиторию 2 бутылки с зажигательной смесью и ударил 12-летнюю девочку топором по голове, после чего скрылся с места преступления
Вооружение	Зажигательное и холодное: 2 бутылки с зажигательной смесью («Коктейль Молотова»), топор
Пострадавшие	1 чел. ранен, 0 чел. погибло
Итог	7 лет лишения свободы
Связь с Колумбайном	Увлекался тематикой массового убийства в школе Колумбайн, интерес к которому появился после событий в г. Керчь
Попытки предупредить	02.05.2019 в социальной сети «ВКонтакте» опубликовал запись с фотографией нападавшего в г. Керчь с надписью «Ты вдохновил тысячи мальчишек по всей стране. С 19-м днем рождения тебя!». Накануне нападения опубликовал «манифест», в котором выразил свое желание убить всех. Перед нападением пожаловался на сверстников дяде, который в ответ на это сказал: «Таких людей нужно сжигать»

⁶ В вольской школе подросток напал с топором на шестиклассницу. Подробности. URL: <https://saratov.mk.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

⁷ Нападавшего на школу в Вольске подростка отправили на перевоспитание в колонию. URL: <https://www.vesti.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

Таблица 3

Нападение на Амурский колледж строительства и ЖКХ
(г. Благовещенск)⁸

Дата, место	14.11.2019, Амурский колледж строительства и ЖКХ, г. Благовещенск
Нападавший	19-летний студент. Воспитывался в полной семье. Характер спокойный. Планировал стать программистом. Имел суицидальные наклонности
Фабула	14.11.2019 из-за опоздания на занятие был выгнан из учебной аудитории. Спрятав оружие под верхней одеждой, вернулся в кабинет, стал курить. После полученного замечания достал оружие и начал производить стрельбу. После огнестрельного противоборства с сотрудниками полиции совершил самоубийства в одном из кабинетов учреждения
Вооружение	Огнестрельное оружие: ИЖ-81
Пострадавшие	3 чел. ранено, 1 чел. погиб
Итог	Суицид
Связь с Колумбайном	Покупка ружья. Фотографии отстрела ружья, имеющие аналогичное сходство со стилем снимков нападавших в школе Колумбайн

Таблица 4

Нападение на гимназию № 175 (г. Казань)⁹

Дата, место	11.05.2021, Гимназия № 175, г. Казань
Нападавший	19-летний выпускник гимназии. Гордился рождением 11.09.2001 в связи с терактом в США. Был опрятен, никогда не пропускал занятий. Был замкнутым и нелюдимым, однако не отказывал в помощи другим обучающимся. Прошел курсы по безопасному обращению с оружием. Изучал изготовление самодельных взрывных устройств (далее – СВУ). После задержания заявлял о том, что осознал себя богом, о пробуждении зверя внутри него и о ненависти ко всем
Фабула	Утром 11.05.2021 открыл огонь по девушке и разнорабочему возле гимназии. На третьем этаже вошел в кабинет, в котором убил классного руководителя, после чего открыл огонь по остальным ученикам. Выходя из класса, убил учителя. Увидев урок физической культуры на улице, произвел 2 выстрела в толпу учеников. По прибывшим сотрудникам полиции открыл огонь, но был ранен и задержан
Вооружение	Огнестрельное оружие: полуавтоматическое гладкоствольное ружье Hatsan Escort PS, а также патроны к нему (несмотря на наличие заболевания, препятствующему данной покупке в соответствии с законом)
Пострадавшие	23 чел. ранено, 9 чел. погибло
Итог	Пожизненное лишение свободы
Связь с Колумбайном	Обмундирование, черная одежда, увлечение темой Колумбайна
Попытки предупредить	Предлагал старосте вступить в секту с целью совместного совершения акта скулшутинга, но предложение было воспринято в качестве шутки. За несколько часов до нападения опубликовал фотографию в маске с надписью «БОГ» и ружьем в свое Telegram канале

⁸ Стрельба в колледже. Шесть ответов на вопросы о трагедии в Благовещенске. URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

⁹ Бойня № 175. Открытый урок. URL: <https://novayagazeta.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

Нападение на ПГУ (г. Пермь)^{10, 11}

Дата, место	20.09.2021, Пермский государственный университет, г. Пермь
Нападавший	18-летний студент первого курса юридического факультета
Фабула	Утром 20.09.2021 подходя к образовательной организации, произвел несколько выстрелов по проходящим мимо людям возле входа в кампус. В дальнейшем в здании организации произвел еще 37 выстрелов по людям. Переходя из корпуса в корпус был ранен сотрудником полиции, после чего задержан и доставлен в больницу
Вооружение	Огнестрельное оружие: семизарядное помповое ружье 12 калибра Huglu Atrox T
Пострадавшие	60 чел. ранено, 6 чел. погибло
Итог	Пожизненное лишение свободы
Связь с Колумбайном	Демонстративное обмундирование (выбор дробного оружия, военный шлем и маска, обвес патронташами с патронами)
Попытки предупредить	За несколько минут до нападения опубликовал запись в социальной сети «ВКонтакте» о своем намерении

Таблица 6

Нападение на школу № 88 (г. Ижевск)¹²

Дата, место	26.09.2022, Школа № 88, г. Ижевск
Нападавший	34-летний выпускник Школы № 88 2005 года. Жил с мамой и бабушкой. В юношеские годы был тихим, скромным, веселым, позитивным. Не конфликтовал со сверстниками, не дрался. Со слов соседей, в последние годы до нападения ходил в черной одежде, вступал в конфликты. Судим в 2008 г. за нападение с ножом на подростка и женщину. Планировал нападение более года. После совершения преступления, правоохранительными органами обнаружены записки о хронологии незаконного приобретения оружия, а также тексты о ненависти к людям
Фабула	Утром 26.09.2022 пришел в школу, где с порога открыл огонь по охраннику, тем самым убив его, после чего производил выстрелы по детям и учителям. Ходил по коридорам и расстреливал каждого попавшегося человека. Кричал «Твари, вы где?». Пытался войти в заблокированные кабинеты. Зашел в кабинет, где проходил урок английского языка, в котором убил учителя, после чего открыл огонь по детям. Вступил в огневое противостояние с сотрудниками правоохранительных органов, в ходе чего совершил самоубийство
Вооружение	Огнестрельное оружие: 2 пистолета Макарова; оружие, переделанное в огнестрельное оружие из травматического и 44 магазина с 352 боевыми патронами
Пострадавшие	23 чел. ранено, 19 чел. погибло
Итог	Суицид
Связь с Колумбайном	Надпись «НЕНАВИСТЬ» на оружии, которая присутствовала на футболке стрелка из г. Керчь в 2018 г., майка с нацистской символикой
Попытки предупредить	Опубликовал запись в социальной сети «ВКонтакте» за 20 минут до нападения о ненависти к людям

¹⁰ Стрельба в пермском университете 20 сентября 2021 года. URL: <https://59.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

¹¹ Раскрыто вооружение нападавшего на пермских студентов стрелка. URL: <https://lenta.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

¹² Стрельба в Ижевской школе 88. Хроника трагедии. URL: <https://www.gazeta.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

Нападение на Анапский индустриальный техникум (г.Анапа)^{13, 14}

Дата, место	11.02.2026, Анапский индустриальный техникум, г. Анапа
Нападавший	17-летний обучающийся техникума (2 курс). Признаков выраженной агрессии ранее не проявлял
Фабула	Около 11:00 11.02.2026 лицо совершило хищение у родственника гладкоствольное ружье ТОЗ-34 с патронами. Около 14:00 в техникуме открыл огонь по людям. Был ранен охранник (позднее скончался в реанимации), а также женщина и один несовершеннолетний
Вооружение	Гладкоствольное ружье ТОЗ-34 с патронами
Пострадавшие	2 чел. ранено, 1 чел. погиб
Итог	Самостоятельно сдался правоохранительным органам после совершения нападения
Связь с Колумбайном	Увлекался тематикой массовых убийств в Университете г. Пермь, Колледже г. Керчь, а также школе Колумбайн
Попытки предупредить	Ранее в мессенджере «Telegram» опубликована запись с угрозами насилия. Размещение в социальной сети материалов, посвященных движению «Колумбайн»

По итогам составления аналитических таблиц актов скулшутинга, происходивших в Российской Федерации в период с 2019 по 2026 год, представляется возможным произвести исследование и синтез особенностей как преступного поведения, так и адептов данного движения:

1. Нападавшие в 5 случаях воспитывались в благополучной семье, характеризовались как опрятные, тихие, скромные юноши (сведения о воспитании в полной или неполной семье лица, совершившего нападение 11.02.2026 отсутствуют). Средний возраст нападавшего составляет 17 лет, если не брать в синтез данные о нападавшем в г. Ижевск (34 года).

2. В 5 из 6 случаев нападение совершалось с использованием стрелкового оружия. В одном случае нападавший применил топор в качестве предмета, использующегося в качестве оружия, а также бутылку горючей смеси.

3. В 3 из 6 случаев нападавшему удалось убить не менее 6 человек, а ранить не менее 20. При этом, средний показатель погибших составляет 6 человек, а раненых 18 человек.

4. В 3 из 6 случаев нападавшие были задержаны в целях осуществления правосудия. В 2 случаях нападавшие совершили самоубийство (при этом – в ходе огневого противостояния с сотрудниками правоохранительных органов). В 1 случае лицо самостоятельно направилось в правоохранительные органы (Нападение на Анапский индустриальный техникум).

5. Во всех случаях нападавшие имели влияние со стороны движения Колумбайн, выраженное в интересе к огнестрельному оружию, ненависти к людям в качестве убеждения, несмотря на то, что 3 из 6 нападавших отрицало причастность к экстремистскому движению до совершения нападения в своих записях, однако приверженность к радикальным взглядам просматривалась по объективным признакам и атрибутике.

6. В 3 из 6 случаев преступники давали сигналы для предупреждения, однако которые не были восприняты. В 1 из 6 случаев стрелок предлагал иному лицу вступить в группу для совершения преступления. Общая черта в актов скулшутинга последних 10 лет состоит в том, что преступники выкладывают в социальные сети записи о своих намерениях меньше чем за час до совершения преступления.

Сравнивая механизмы индивидуального преступного поведения при совершении акта скулшутинга двух временных отрезков (а именно 2014-2018 и 2019-2026) можно отметить, что данный вид преступности за последние 5 лет приобрел не столько массовый характер, как это было в первый промежуток, сколько характер более жесткий. Количество

¹³ 17-летний подросток устроил стрельбу в техникуме Анапы: Что известно о нападавшем. URL: <https://www.kuban.kp.ru> (дата обращения 20.03.2026).

¹⁴ Несколько человек ранены, студенты забаррикадировались: возле техникума в Анапе произошла стрельба. URL: <https://74.ru> (дата обращения: 20.03.2026).

погибших и раненых увеличилось в 3 раза по сравнению с актами первой половины отрезка. Преступность приобрела отчетливо демонстративный характер, где центральным мотивом выступает жажда известности и публичного признания. Нападающие стремятся не столько следовать примеру «избранных стрелков», сколько использовать сам факт нападения как инструмент для самоутверждения и обретения социальной значимости.

Также стоит отметить, что преступники данной категории во втором периоде проявляли наибольшую осторожность, чем в первом отрезке, что выразилось в нежелании раскрывать свои планы совершения акта скулшутинга. Каждый из них тщательно готовился на протяжении одного года и более, что делает данный вид преступности в современных условиях более общественно опасным, что в свою очередь может повлечь последующие волны воодушевления лиц на совершение подобных преступлений, но с более высоким количеством жертв и пострадавших.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пучнина М. Ю. Анализ деятельности адептов радикального идейного движения «Колумбайн» // *Lex russica*. 2019. № 12.

REFERENCES

1. Puchnina M. Yu. Analysis of the Activities of Adherents of the Radical Ideological Movement “Columbine” // *Lex russica*. 2019. № 12.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

С. А. Липин – преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Уральского юридического института МВД России. 620057, Российская Федерация, г. Екатеринбург, ул. Корепина, 66.

В. Р. Семенов – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 302027, Российская Федерация, г. Орел, ул. Лукьянова, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

S. A. Lipin – lecturer at the Department of Civil Law Disciplines of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 66, Korepina St., Yekaterinburg 620057 Russian Federation.

V. R. Semenov – PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology at the Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2, Lukyanova St., Oryol 302027 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 01.04.2026; одобрена после рецензирования 15.04.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 01.04.2026; approved after reviewing 15.04.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.98.068

РОЛЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОФАЙЛИНГА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

Илона Анатольевна Макаренко¹, Ани Варужановна Маилян²

¹Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация, krimalist@uust.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, David.072014@mail.ru

Введение: в статье исследуется роль криминалистического профайлинга как метода составления психологического портрета неустановленного преступника при расследовании серийных убийств. Анализируется история становления профайлинга, его научные основы, методология и практика применения в деятельности правоохранительных органов России и зарубежных стран. Рассматриваются правовой статус профайлинга в российском уголовном судопроизводстве, его доказательственное значение и пределы допустимости. Обосновывается необходимость законодательного закрепления данного метода и расширения практики его применения следственными органами.

Материалы и методы: в ходе исследования были использованы всеобщий диалектический метод научного познания, а также общенаучные методы исследования: анализ, синтез, систематизация и частно-научный метод исследования: изучения правоприменительной практики.

Результаты исследования: в статье особое внимание обращено на потенциал профайлинга в российском уголовном судопроизводстве остается во многом нереализованным вследствие отсутствия надлежащей нормативной базы, регулирующей его применение, недостаточного числа квалифицированных специалистов и слабой институциональной поддержки данного направления в системе МВД и следственных органов.

Выводы заключения: профайлинг занимает особое место в системе методов расследования серийных убийств, обеспечивая следственным органам аналитический инструментарий, недоступный при использовании исключительно традиционных криминалистических средств. Его эффективность подтверждена многолетней практикой правоохранительных органов различных стран, в том числе опытом расследования наиболее резонансных серийных преступлений в России.

Ключевые слова: профайлинг, психологический портрет преступника, серийные убийства, криминалистическая психология, расследование преступлений, поведенческий анализ, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Макаренко И. А., Маилян А. В. Роль криминалистического профайлинга при расследовании серийных убийств // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 206–210.

Original paper

METHODS FOR DETECTING AND PROVING CRIMES RELATED TO THE LEGALIZATION (LAUNDERING) OF CRIMINALLY OBTAINED PROCEEDS

Ilon Anatolyevna Makarenko¹, Ani Varuzhanovna Mailian²

¹Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the article examines the role of forensic profiling as a method of creating a psychological profile of an unknown criminal in the investigation of serial murders. It analyzes the history of profiling, its scientific foundations, methodology, and practice in the activities of law enforcement agencies in Russia and other countries. The article also examines the legal status of profiling in Russian criminal proceedings, its evidential value, and the limits of its admissibility. The article argues for the need to legalize this method and expand its use by investigative bodies.

© Макаренко И.А., Маилян А.В., 2026

Materials and methods: in the course of the study, the universal dialectical method of scientific cognition was used, as well as general scientific research methods: analysis, synthesis, systematization and a private scientific research method: the study of law enforcement practice.

Results of the study: the article pays special attention to the fact that the potential of profiling in Russian criminal proceedings remains largely unrealized due to the lack of an adequate regulatory framework governing its application, the insufficient number of qualified specialists, and the weak institutional support for this area within the Ministry of Internal Affairs and investigative bodies.

Findings and conclusions: the article shows the importance of the methodology for detecting and fixing traces, and emphasizes that the stage of work at the crime scene is the foundation and most vulnerable part of the entire system of forensic identification.

Keywords: profiling, psychological profile of a criminal, serial murders, forensic psychology, crime investigation, behavioral analysis, and criminal proceedings

For citation: Makarenko I. A., Mailian A. V. The role of forensic profiling in the investigation of serial murders // *Yurist-Pravoved* : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 206–210.

Расследование серийных убийств представляет собой одну из наиболее сложных задач, стоящих перед органами предварительного следствия. Специфика данной категории преступлений – отсутствие очевидной связи между преступником и жертвой, большой временной разрыв между эпизодами, нередко значительная географическая рассредоточенность мест совершения преступлений – существенно ограничивает возможности применения традиционных следственных методов [1]. В этих условиях особую ценность приобретают инструменты, позволяющие сузить круг подозреваемых на основе анализа поведенческих характеристик преступника, реконструируемых по следам его деятельности на месте происшествия.

Одним из таких инструментов является криминалистический профайлинг – метод составления психологического портрета неустановленного преступника на основе анализа особенностей совершённого деяния, поведения на месте преступления, выбора жертв и иных поведенческих индикаторов [2]. Зародившись в 1970-е годы в недрах Федерального бюро расследований США, этот метод получил широкое распространение в правоохранительной практике многих государств и сегодня рассматривается как неотъемлемый элемент методики расследования серийных преступлений.

В России профайлинг как самостоятельный метод криминалистической деятельности начал формироваться значительно позже – во многом под влиянием опыта расследования резонансных дел 1980–1990-х годов, прежде всего дела Андрея Чикатило, в ходе которого советские следователи впервые обратились к помощи психиатров и психологов для составления характеристики разыскиваемого преступника [3]. С тех пор метод прошел значительный путь развития, однако его правовой статус в российском уголовном судопроизводстве по-прежнему остается недостаточно определенным.

Истоки профайлинга как метода правоохранительной деятельности восходят к середине XX в. Первым опытом систематического применения психологического анализа при расследовании серийных преступлений принято считать работу психиатра Джеймса Брасселя, составившего в 1956 г. точный психологический портрет «безумного бомбиста» Джорджа Метески, действовавшего в Нью-Йорке [4]. Составленный Бресселем портрет с высокой точностью предсказал возраст, внешность, образование и психические особенности преступника, что произвело значительное впечатление на следственные органы и послужило толчком к дальнейшему развитию метода.

Институционализация профайлинга как самостоятельного направления произошла в 1970-е гг. в Федеральном бюро расследований США, когда агенты Говард Тетен и Патрик Маллани разработали первую формализованную методику составления психологических портретов серийных преступников [5]. В 1974 г. в структуре ФБР была создана специализированная Группа поведенческих наук, сотрудники которой Роберт Ресслер и Джон Дуглас провели масштабные интервью с осужденными серийными убийцами и систематизировали полученные данные, заложив эмпирическую основу для классификации серийных преступников.

Принципиальным вкладом школы ФБР стала разработка дихотомии «организованный – дезорганизованный» серийный убийца, позволяющей разграничивать типы преступников по характеру следов на месте происшествия [6]. Организованный преступник действует методично, планирует преступление, контролирует свое поведение и тщательно скрывает следы; дезорганизованный – действует импульсивно, оставляет значительное количество следов и, как правило, имеет более выраженные психические расстройства. Данная классификация, несмотря на последующую критику, до сих пор применяется в следственной практике многих стран.

В СССР и России профайлинг развивался по самостоятельному пути, опираясь на традиции отечественной судебной психиатрии и криминалистики. Существенный импульс его развитию

дало дело Чикатило: психиатр Александр Бухановский составил подробный психологический портрет разыскиваемого преступника, который впоследствии оказался весьма точным. По ряду данных, именно этот портрет сыграл важную роль в том, что Чикатило в конечном счете признал свою вину в ходе допроса [7]. С 1990-х годов профайлинг стал систематически преподаваться в ряде учебных заведений МВД России.

Профайлинг как прикладная дисциплина опирается на достижения нескольких смежных наук – криминологии, судебной психиатрии, общей и социальной психологии, а также теории криминалистики [8]. Его центральной теоретической предпосылкой является положение о том, что поведение преступника на месте совершения преступления отражает устойчивые черты его личности, и, следовательно, анализ криминальных следов позволяет реконструировать психологические характеристики их автора.

Методологически профайлинг включает несколько последовательных этапов. На первом этапе осуществляется сбор и систематизация данных о преступлении: детальный осмотр места происшествия, анализ судебно-медицинских данных, изучение виктимологических характеристик жертвы [9]. На втором этапе производится классификация и реконструкция преступления: определяется тип преступника, восстанавливается последовательность его действий, анализируются элементы *modus operandi* и так называемая «подпись» – специфические ритуальные действия, характерные именно для данного преступника и отражающие его психологические потребности.

На третьем этапе формируется собственно психологический портрет, включающий предположения о демографических характеристиках (возраст, пол, уровень образования, социальный статус), психологических особенностях (тип акцентуации или расстройства личности, уровень интеллекта, степень социальной адаптации), вероятном образе жизни и поведении в посткриминальный период [10]. На заключительном этапе полученный портрет используется для корректировки следственных версий, сужения круга проверяемых лиц и выработки тактики допроса задержанного подозреваемого.

Современные исследования дополняют традиционный профайлинг методами географического анализа – так называемой географической привязки, позволяющей на основе пространственного распределения мест преступлений выявить вероятное место проживания или работы серийного преступника [11]. Данный подход, разработанный канадским криминологом Кимом Россмо, получил широкое распространение в практике правоохранительных органов и используется, в том числе в российских ведомствах.

Вопрос о правовом статусе профайлинга в российском уголовном процессе относится к числу дискуссионных. Действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит специальных норм, регулирующих применение методов поведенческого анализа при расследовании преступлений. Результаты профайлинга не предусмотрены в перечне источников доказательств, закреплённом в статье 74 УПК РФ, что существенно ограничивает их непосредственное использование в качестве самостоятельных доказательств [12].

На практике заключения специалистов в области криминалистической психологии и поведенческого анализа, как правило, приобщаются к материалам дела в форме заключения специалиста (статья 80 УПК РФ) либо используются исключительно как ориентирующая оперативно-розыскная информация, не имеющая самостоятельного доказательственного значения [13]. Первый путь сопряжён с необходимостью соответствия заключения общим требованиям, предъявляемым к экспертным выводам, тогда как второй существенно снижает процессуальный вес профайлинга.

В оперативно-розыскной деятельности применение профайлинга более органично вписывается в действующую нормативную базу. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ об оперативно-розыскной деятельности допускает использование широкого спектра оперативно-розыскных мероприятий и научно-технических средств в целях выявления и раскрытия преступлений [14]. В этом контексте профайлинг может рассматриваться как разновидность аналитической деятельности, направленной на установление лица, совершившего преступление.

Мировая практика накопила значительный массив примеров успешного применения профайлинга при расследовании серийных убийств. В США метод получил широкое применение начиная с 1980-х годов: психологические портреты, составленные специалистами ФБР, помогли в установлении таких серийных преступников, как Тед Банди, Деннис Рэyder и ряд других [15]. Европейская практика, в частности британская система SATCHEM, продемонстрировала эффективность баз данных серийных преступлений, позволяющих выявлять поведенческие сходства между эпизодами, разделёнными значительным временным и географическим расстоянием.

В России наиболее известным примером применения профайлинга остается уже упоминавшееся дело Чикатило. Помимо него, методы поведенческого анализа применялись

при расследовании дел Михаила Попкова – бывшего сотрудника милиции, осужденного за серию убийств в Иркутской области, и ряда других резонансных преступлений [16]. В современной практике российских следственных органов профайлинг применяется главным образом силами специалистов-психологов, привлекаемых следователем, а также сотрудниками специализированных подразделений уголовного розыска.

Необходимо, однако, учитывать и ограничения метода, неоднократно подчеркивавшиеся в научной литературе. Профайлинг оперирует вероятностными суждениями и не дает точного ответа на вопрос о личности конкретного преступника. Риск подтверждения предвзятости и чрезмерного сужения круга подозреваемых на основе составленного портрета остается реальным [17]. История знает случаи, когда следователи, ориентируясь на психологический портрет, упускали из виду истинного преступника, не вполне соответствующего описанию.

Перспективы развития криминалистического профайлинга в России связаны с несколькими ключевыми направлениями. В нормативно-правовом отношении представляется необходимым закрепить в УПК РФ и в ведомственных нормативных актах МВД правовой статус заключений специалиста в области поведенческого анализа, установить требования к их содержанию и порядку использования в доказывании. Это позволит преодолеть существующую правовую неопределённость и обеспечить надлежащее процессуальное оформление результатов профайлинга [18].

В институциональном отношении целесообразно создание специализированных подразделений поведенческого анализа в структуре следственных органов по образцу Группы поведенческих наук ФБР или аналогичных структур, функционирующих в Великобритании, Германии и ряде других государств. Накопление систематизированных данных о серийных преступлениях в рамках единой базы данных создаст эмпирическую основу для развития отечественной научной школы профайлинга.

В научно-методическом отношении приоритетными задачами являются разработка стандартизированных методик составления психологических портретов, адаптированных к российским социокультурным реалиям, а также интеграция профайлинга с современными цифровыми технологиями – системами ИИ, географическими информационными системами и автоматизированными базами данных следов преступлений [19]. Сочетание традиционных методов поведенческого анализа с возможностями больших данных открывает принципиально новые перспективы для повышения эффективности расследования серийных убийств.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Антонян Ю.М. Серийные убийства и их причины. М., 2011.
2. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Криминалистическая психология. М., 2002.
3. Кривонос О.В. Серийные убийства в СССР и России: исторический и криминалистический аспект. Ростов н/Д, 2014.
4. Douglas J., Olshaker M. Mindhunter: Inside the FBI Elite Serial Crime Unit. New York, 1995.
5. Ressler R., Shachtman T. Whoever Fights Monsters. New York: St. Martin Press, 1992.
6. Hazelwood R., Burgess A. Practical Aspects of Rape Investigation: A Multidisciplinary Approach. Boca Raton, 2001.
7. Раkitин А.И. Советский Союз: хроника серийных убийств. М.: Алгоритм, 2016.
8. Комиссаров В.И. Психологический портрет преступника в деятельности следователя // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2013. № 3.
9. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3.
10. Протасевич А.А., Образцов В.А. Раскрытие убийств: нетрадиционные методы, приёмы, рекомендации. Иркутск, 1998.
11. Rossmo D.K. Geographic Profiling. Boca Raton, 2000.
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
13. Зинин А.М. Участие специалиста в процессуальных действиях. М., 2011.
14. Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
15. Douglas J., Burgess A., Burgess A., Ressler R. Crime Classification Manual. San Francisco, 2006.
16. Китаев Н.Н., Китаева В.Н. Экспертные психологические исследования в уголовном процессе. Иркутск, 2003.
17. Snook B., Cullen R., Bennell C., Taylor P., Gendreau P. The Criminal Profiling Illusion: What is Behind the Smoke and Mirrors? // Criminal Justice and Behavior. 2008. Vol. 35. № 10.
18. Попова О.В., Семенов А.В. Правовые основы применения специальных психологических знаний в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. 2022. № 3.

19. Иванов Д.А. Перспективы применения искусственного интеллекта в раскрытии серийных преступлений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 2.

REFERENCES

1. Antonyan Yu.M. Serial murders and their causes. Moscow, 2011.
2. Obraztsov V.A., Bogomolova S.N. Criminalistic psychology. Moscow, 2002.
3. Krivonos O.V. Serial murders in the USSR and Russia: historical and criminalistic aspect. Rostov-on-Don, 2014.
4. Douglas J., Olshaker M. Mindhunter: Inside the FBI Elite Serial Crime Unit. New York, 1995.
5. Ressler R., Shachtman T. Whoever Fights Monsters. New York, 1992.
6. Hazelwood R., Burgess A. Practical Aspects of Rape Investigation: A Multidisciplinary Approach. Boca Raton, 2001.
7. Rakitin A.I. The Soviet Union: A Chronicle of Serial Murders. Moscow, 2016.
8. Komissarov V.I. The Psychological Portrait of a Criminal in the Investigator's Work // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2013. № 3.
9. Belkin R.S. Course of Criminalistics. In 3 vols. Vol. 3. M., 1997.
10. Protasevich A.A., Obraztsov V.A. Disclosure of Murders: Unconventional Methods, Techniques, and Recommendations. Irkutsk, 1998.
11. Rossmo D.K. Geographic Profiling. Boca Raton, 2000.
12. Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ dated December 18, 2001 (as amended on December 25, 2023) // Federal Law Gazette. 2001. № 52 (Part I). Article 4921.
13. Zinin A.M. Participation of a Specialist in Procedural Actions. Moscow, 2011.
14. Federal Law № 144-FZ of August 12, 1995 on Operational Search Activities // Federal Law of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.
15. Douglas J., Burgess A., Burgess A., Ressler R. Crime Classification Manual. San Francisco, 2006.
16. Kitaev N.N., Kitaeva V.N. Expert Psychological Research in the Criminal Process. Irkutsk, 2003.
17. Snook B., Cullen R., Bennell C., Taylor P., Gendreau P. The Criminal Profiling Illusion: What is Behind the Smoke and Mirrors? // Criminal Justice and Behavior. 2008. Vol. 35. № 10.
18. Popova O.V., Semyonov A.V. Legal Foundations of the Application of Special Psychological Knowledge in Criminal Proceedings // Criminal Proceedings. 2022. № 3.
19. Ivanov D.A. Prospects for the Application of Artificial Intelligence in the Investigation of Serial Crimes // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2023. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

И. А. Макаренко – доктор юридических наук, заведующая кафедры криминалистики. Уфимский университет науки и технологий. 450005, Российская Федерация, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

А. В. Маилян – кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

I. A. Makarenko – Doctor of Law, Head of the Department of Criminalistics. Ufa University of Science and Technology. 131, Dostoevskogo St., Ufa 450005 Russian Federation.

A. V. Mailian – Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Operational Investigative Activities at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation, .

Статья поступила в редакцию 23.03.2026; одобрена после рецензирования 23.04.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 23.03.2026; approved after reviewing 23.04.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.985

**ПРИНЦИП ВИНОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В УГОЛОВНОМ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ ПОСТСОВЕТСКИХ ГОСУДАРСТВ:
ДИВЕРГЕНЦИЯ ПОДХОДОВ К ЗАКРЕПЛЕНИЮ И ПУТИ ОПТИМИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ РОССИИ, БЕЛАРУСИ, КАЗАХСТАНА, УЗБЕКИСТАНА,
ТАДЖИКИСТАНА, КЫРГЫЗСТАНА И АЗЕРБАЙДЖАНА)**

Михаил Викторович Рудов¹, Анна Юрьевна Пешехонова²

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, mis6431@yandex.ru

²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, sledstvie.08@mail.ru

Введение: статья посвящена сравнительно-правовому анализу норм уголовного законодательства Азербайджана, Узбекистана, России, Казахстана, Таджикистана, Беларуси, и Кыргызстана, закрепляющих принцип вины. Актуальность исследования обусловлена важностью учета опыта зарубежных стран для совершенствования отечественного уголовного права.

Предмет исследования – нормы уголовных кодексов указанных государств, доктрина, правоприменительная практика и ранее действовавшее законодательство. Объект исследования – общественные отношения в сфере воплощения и реализации принципа личной виновной ответственности, во взаимосвязи с принципом справедливости. Цель работы – выявление особенностей воплощения данного принципа в указанных источниках зарубежного законодательства и определение направлений совершенствования УК РФ.

Материалы и методы: сравнительно-правовой, историко-правовой, формально-юридический и системный методы анализа.

Выводы и заключения: расхождения в определениях, а также отсутствие легальных дефиниций «характера» и «степени» общественной опасности свидетельствуют о значительном нормотворческом и интерпретационном резерве. Выявлена необходимость в более глубокой интеграции параметров вины (формы, вида, степени) в оценку общественной опасности преступления для обеспечения действительного влияния принципа вины на справедливость мер ответственности.

Ключевые слова: принципы уголовного законодательства, вина, объективное и субъективное вменение, справедливость

Для цитирования: Рудов М. В., Пешехонова А. Ю. Принцип виновной ответственности в уголовном законодательстве отдельных постсоветских государств: дивергенция подходов к закреплению и пути оптимизации (на примере России, Беларуси, Казахстана, Узбекистана, Таджикистана, Кыргызстана и Азербайджана) // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 211–217.

Original paper

**THE PRINCIPLE OF GUILTY LIABILITY IN THE CRIMINAL LEGISLATION
OF INDIVIDUAL POST-SOVIET STATES: DIVERGENCE OF APPROACHES TO
ITS CONSOLIDATION AND WAYS TO OPTIMIZATION (ON THE EXAMPLE OF
RUSSIA, BELARUS, KAZAKHSTAN, UZBEKISTAN, TAJIKISTAN, KYRGYZSTAN
AND AZERBAIJAN)**

Introduction: the article is devoted to a comparative legal analysis of the criminal legislation of Azerbaijan, Uzbekistan, Russia, Kazakhstan, Tajikistan, Belarus, and Kyrgyzstan, which enshrine the principle of guilt. The relevance of the research is due to the importance of taking into account

© Рудов М.В., Пешехонова А.Ю., 2026

the experience of foreign countries to improve domestic criminal law. The subject of the study is the norms of the criminal codes of these States, doctrine, law enforcement practice and previously existing legislation. The object of the study is social relations in the sphere of the embodiment and implementation of the principle of personal culpable responsibility, in conjunction with the principle of justice. The purpose of the work is to identify the specifics of the implementation of this principle in the indicated sources of foreign legislation and to identify areas for improvement of the Criminal Code of the Russian Federation.

Materials and methods: comparative-legal, historical-legal, formal-legal and systematic methods of analysis.

Findings and conclusions: discrepancies in definitions, as well as the absence of legal definitions of the “nature” and “degree” of public danger, indicate a significant normative and interpretative reserve. The need for deeper integration of the parameters of guilt (form, type, degree) into the assessment of the social danger of a crime has been identified in order to ensure the effective influence of the principle of guilt on the fairness of liability measures.

Keywords: principles of criminal law, guilt, objective and subjective imputation, justice

For citation: Rudov M. V., Peshekhonova A. Yu. The principle of culpable responsibility in the criminal legislation of certain post-soviet states: divergence of approaches to consolidation and ways of optimization (using the example of Russia, Belarus, Kazakhstan, Uzbekistan, Tajikistan, Kyrgyzstan and Azerbaijan) // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117).* – Pp. 211–217.

Традиционно одним из системообразующих элементов совокупности принципов уголовного права и уголовного законодательства, является принцип вины (принцип виновной ответственности, иногда с акцентом на личный характер). Вместе с тем, изучение отдельных зарубежных источников уголовного законодательства, свидетельствует о том, что в ряде постсоветских государствах сформировались порой радикально отличные подходы к технико-юридическому закреплению принципа вины, и определению его места в соответствующей системе принципов.

Исследуемое базовое положение представлено в системе уголовного законодательства Российской Федерации, Республики Беларусь, Республики Таджикистан, Кыргызской республики, Республики Узбекистан, Азербайджанской республики. Примечательно, что в этом вопросе законодатель Казахстана демонстрирует принципиально иной подход, не выделяя вообще, институт принципов уголовного законодательства, и соответственно принципа вины, как такового. При этом, вина, как уголовно-правовая категория сохраняет свое фундаментальное значение.

Среди всего круга изученных источников уголовного законодательства, максима вины, в большинстве случаев, предшествует принципу справедливости. Такой подход реализован законодателями Азербайджана, Таджикистана, Кыргызстана, Беларуси и России. Из этого следует, что модель, реализованная законодателями данных стран, генетически восходит к положениям ст. 2 Основ уголовного законодательства СССР и республик от 2 июля 1991 № 2281-I (далее – Основы) [14], которые затем были концептуально оптимизированы в ст. 8 и ст. 9 Модельного УК СНГ от 17.02.1996 г. [1]. Это предопределяет интерпретацию указанного принципа, как важной предпосылки достижения социально ожидаемого уровня соотношения между мерой ответственности и опасностью преступления.

Исследование обнаруживает различия в подходах законодателей ряда постсоветских государств к позиционированию рассматриваемого принципа в нормативном базисе уголовного законодательства.

Так, законодатель Узбекистана, нормативными средствами оформил идею следования рассматриваемого принципа за принципом справедливости [11]. Это, соответственно, обуславливает то, что справедливая мера ответственности, предопределяет учет вины лица, совершившего преступление, а не наоборот.

Положения ст. 9 УК Республики Казахстан (далее – УК РК) [7], указывают на то, что вина является конститутивным признаком преступления. В свою очередь, согласно ч. 1 ст. 52 УК РК справедливость, является принципиальным требованием к наказанию, назначаемому виновному.

В УК Таджикистана [10] рассматриваемый принцип сформулирован как принцип личной виновной ответственности, сделан акцент на том, что последняя применяется к лицу, только за те деяния, что совершены лично им. Из чего следует, что ответственность за действия, совершенные другим лицом невозможна. В свое время, такой подход был воплощен в положениях ч. 1 ст. 2 Основ [14] и ст. 4 Модельного УК СНГ [1].

Несколько обобщая, можно заключить, что практически во всех анализируемых формах внешнего выражения этих принципиальных положений присутствуют несколько аспектов. Прежде всего, вина, это то, что обязательно должно быть установлено (или доказано, как это предусмотрено в ст. 9 УК Республики Узбекистан) [11]. В основном, законодатели всех названных государств, этот аспект принципа вины формулируют весьма лапидарно. Исключение составляют только положения ч. 5 ст. 3 УК РБ [9], где идентифицировано интеллектуально-волевое содержание деяния: умысел или неосторожность.

Вторым аспектом рассматриваемого принципа является нормативно закрепленный (за исключением Узбекистана) [11] запрет объективного вменения, универсально понимаемого как привлечение к ответственности за невиновное причинение вреда. Резюмируя, отметим, что в анализируемых уголовно-правовых предписаниях имплицитно присутствует не только названный запрет, но и позитивное предписание субъективного вменения – обусловленности ответственности установлением вины лица в причинении вреда.

Наряду с этим, в целом, для всех изученных источников уголовного законодательства характерным является то, что ни один из них не содержит нормы-определения, которая давала бы аутентичное определение вины. Однако, из этого правила есть исключение – ч. 1 ст. 29 УК Кыргызской Республики [13]. В этой норме сформулировано общепринятое в уголовном праве понимание вины, как психического отношения лица к совершенному им деянию и связанных с ним причинно-следственной связью последствий.

Релевантная нормативная база, свидетельствует о том, практически всегда, так или иначе, законодатель связывает принцип вины с принципом справедливости.

Прежде всего, одним из ключевых законодательных приоритетов при определении справедливой меры ответственности выступает констатация виновности лица в совершенном деянии. Обоснованность этого утверждения раскрывается через системное расположение норм-принципов: в подавляющем большинстве рассмотренных источников принцип вины предшествует принципу справедливости. Иное решение предложено лишь законодателем Узбекистана, где в иерархии принципов справедливость предшествует вине [11].

Наряду с этим, законодатель этого государства в круге критериев, которым должны соответствовать меры уголовной ответственности, на второе место, после тяжести совершенного преступления помещает степень вины.

В свою очередь, УК Республики Казахстан, в рассматриваемом отношении, обладает уже отмечавшейся спецификой. Вместе с тем, отдельные аспекты, принципов законности, справедливости и вины используются для формулирования отдельных положений, сохраняющих свое принципиальное значение, а также отдельных норм-определений. Так, такие аспекты принципа справедливости, которые практически всегда присутствуют в соответствующих нормах исследуемых источников уголовного законодательства, как категорический запрет привлекать к уголовной ответственности за совершение одного и того же преступления в УК Республики Казахстан, включены в норму об основании уголовной ответственности. Здесь же, закреплён и такой неотъемлемый элемент принципа законности, как запрет на квалификацию деяния на основе сходных норм.

Такой уже однозначно выработанный уголовным правом аспект принципа вины, как запрет объективного вменения, включен законодателем этой страны в норму-определение вины [7]. Собственно, учитывая отдельные особенности структуры УК Республики Казахстан, проявляющиеся в том, что нормы, касающиеся вины, предшествуют нормам, устанавливающим общие требования к назначению наказания, можно сказать, что законодатель этой страны разделяет общие подходы сложившиеся в этой сфере и воплощенные в изучаемых источниках уголовного законодательства. Следует отметить, что среди всех исследуемых в этой работе уголовных кодексов, только в УК Республики Узбекистан, прослеживается однозначная связь между степенью вины и справедливостью наказания и иных мер уголовно-правового характера [11]. Во всех других источниках эта связь является имплицитной, и проявляет себя только в доктрине и практике правоприменения.

Исследованные источники уголовного законодательства позволяют утверждать, что, универсальной и главной законодательной идеей в этом отношении является мысль, согласно которой справедливость, приоритетно проявляется в балансе между мерой ответственности и общественной опасностью или тяжестью совершенного преступления. Первый подход используется законодателем Азербайджана, Таджикистана, Казахстана, Беларуси, России. Второй подход характерен для уголовного законодательства Республики Узбекистан [11], Кыргызской Республики [13], а также представлен в Модельном УК СНГ от 17.02.1996 г. [1].

В тех источниках, где законодатель связывает справедливость применяемых мер уголовной ответственности с их соответствием общественной опасности преступления, законодатель указывает на два базовых параметра общественной опасности – ее характер и степень.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в исследованных источниках уголовного законодательства отсутствуют нормативные определения характера и степени общественной опасности деяния (уголовного правонарушения – в терминологии ст. 52 УК Республики Казахстан) [7], а также тяжести преступления, при том, что названные характеристики имеют основополагающее значение для реализации уголовной ответственности.

В рассматриваемом контексте, термин «характер» обозначает понятие, содержание которого формируется такими признаками, как «отличительное свойство», «особенность», «качество чего-либо» [3].

В свою очередь, степень, это термин, функцией которого является, прежде всего, обозначение понятия, в содержание которого входят такие признаки, как «мера», «сравнительная величина чего-либо» [3].

Следует отметить, что в России, Беларуси, Казахстане высшими судебными инстанциями сформулированы руководящие судебные акты, в рамках которых раскрыто содержание названных параметров общественной опасности. Исключение составляет Кыргызстан, законодатель которого, справедливость мер уголовной ответственности связывает с их адекватностью тяжести преступления. Анализ ППВС Республики Беларусь от 26 марта 2002 № 1 [5], Республики Таджикистан № 4 от 24.02.2005 [6], Российской Федерации от 22.12.2015 г. № 58 [16] и Нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 25 июня 2015 № 4 [2], свидетельствует и об известном сходстве, и о достаточно ярко выраженном различии в подходах высших судебных инстанций к определению содержания характера и степени общественной опасности преступления, и месте вины в совокупности этих признаков.

Сопоставительный анализ этих уголовно-правовых источников свидетельствует о том, что авторы ППВС РБ от 26 марта 2002 № 1 [5], в отличие от названных вообще никаким образом не указывают на содержание характера и степени общественной опасности преступления, а просто указывают их в качестве обстоятельства, которые необходимо учитывать, для обеспечения справедливости наказания. В свою очередь в ППВС РТ № 4 от 24.02.2005 г., [10] в качестве основных свойств общественной опасности преступления названы объект посягательства, форма вины и категория преступления. В свою очередь, степень общественной опасности преступления предписано оценивать в соответствии с такими обстоятельствами, как степень осуществления преступного намерения; способ совершения преступления; размер вреда; тяжесть наступивших последствий; роль подсудимого при совершении преступления в соучастии. Из изложенного следует, что в данном ППВС РТ № 4 от 24.02.2005 г. [10], форма вины является одним из определяющих признаков только характера общественной опасности преступления. В свою очередь, высшая судебная инстанция Республики Казахстан, особенности вины, использует только опосредованно для определения характера общественной опасности совершенного преступления. Вытекает это из положений ППВС РК от 25 июня 2015 № 4 [2], согласно которым, на характер уголовного правонарушения влияет категория тяжести уголовного правонарушения. В свою очередь, согласно ст. 11 УК Республики Казахстан [7], дифференциация преступления на категории, осуществляется с учетом умышленной или неосторожной формы вины. В свою очередь, согласно, названного нормативного постановления, вместе с прочими обстоятельствами, степень общественной опасности уголовного правонарушения определяется формой вины, а также особенностями мотивов и цели совершенного уголовного правонарушения.

Наряду с этим, ППВС Кыргызской Республики от 25.12.2025 № 49 [4], вообще не использует таких категорий, как характер и степень общественной опасности. Вполне очевидно, что это обусловлено общим подходом законодателя этого государства к уголовно-правовому пониманию справедливости, что концептуально выражено в положении ч. 1 ст. 6 УК РК, согласно которой, наказание и другие меры уголовно-правового воздействия, прежде всего, должны соответствовать тяжести совершенного преступления [2]. Кроме того, согласно ППВС Кыргызской Республики от 26 февраля 2021 № 4 [4], справедливость наказания зависит от его адекватности степени вины и степени причиненного деянием вреда.

Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) сформирована достаточно однозначная позиция относительно того, какие условия должны быть приняты во внимание

судами при установлении этих характеристик общественной опасности содеянного, и какое место, в совокупности этих параметров должна занимать вина [16].

Так, ВС РФ считает, что определяющими для рассматриваемого свойства преступления, являются, во-первых, положения закона, во – вторых, те характеристики состава преступления, которые будут обнаружены судом при рассмотрении конкретного уголовного дела, описывающего обстоятельства совершения конкретного преступления.

Помимо этого, в представленном толковании ВС РФ, с одной стороны исходит из того, что на характер общественной опасности, прежде всего, влияет та совокупность признаков состава преступления, определяемых законом, и которая характеризует реально совершенное преступление. С другой стороны, ВС РФ во всем объеме параметров законодательного описания преступления называет два, имеющих приоритетное значение. Прежде всего, это охраняемые обществом блага, на которые нацелено посягательство, а также те, социально-негативные следствия, что были предопределены совершенным преступлением.

Следует отметить, что позиция ВС РФ в этом отношении, сформирована в духе философского подхода к пониманию категории «качество» [12].

В свою очередь, точка зрения ВС РФ на содержание второго параметра общественной опасности деяния основана на оценке конкретных обстоятельств содеянного, и увязана с такими элементами состава преступления, как объективная и субъективная сторона преступления, а также с факторами, либо смягчающими ответственность, либо ее усугубляющими. Так, ВС РФ предписывает принимать во внимание качественные и количественные параметры произошедших событий, *modus operandi* преступника и его значения для достижения преступного результата, если оно носило намеренный, целенаправленный и коллективно скоординированный характер. Помимо этого, обращено внимание на необходимость анализировать проявления вины в содеянном, формы и разновидности ее выражения в умысле и неосторожности.

ВС РФ, по существу, предписывает судам для исследования характера и степени общественной опасности преступного деяния, принимать во внимание две группы факторов. С одной стороны, это признаки состава преступления, с акцентом на объект и наступившие для него последствия, с другой стороны – объективные и субъективные свойства законодательного описания содеянного.

Проведенное исследование позволяет утверждать, что в большинстве анализируемых уголовных кодексов нормативное расположение принципа вины перед принципом справедливости указывает на его приоритетное значение для определения меры ответственности. Вместе с тем, последующая регламентация и судебное толкование не обеспечивают должной концептуализации этой взаимосвязи. Наблюдается разрыв между декларируемой законодателем идеей (вина как условие справедливости) и ее реализацией в конкретных нормативных предписаниях и правоприменительной практике, проявляющийся в отсутствии унифицированного подхода к определению места вины в структуре общественной опасности деяния. Так, ВС Таджикистана и Казахстана связывают форму вины преимущественно с характером общественной опасности, тогда как ВС РФ – с ее степенью. Напротив ВС Беларуси, вовсе не раскрывает содержание данных категорий, ограничиваясь общей отсылкой к ним. В свою очередь, ВС Кыргызстана, оперируя категорией «тяжесть» преступления, напрямую увязывает справедливость наказания со степенью вины, демонстрируя наиболее «прозрачный» для правоприменителя подход.

В этой связи, можно утверждать, что указанные расхождения, а также отсутствие легальных дефиниций «характера» и «степени» общественной опасности свидетельствуют о наличии значительного нормотворческого и интерпретационного резерва. Существует объективная потребность в более глубокой интеграции параметров вины (формы, вида, степени) в оценку общественной опасности преступления для обеспечения действительного, а не декларативного влияния принципа вины на справедливость назначаемого наказания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Модельный уголовный кодекс для государств – участников Содружества Независимых Государств. Рекомендательный законодательный акт (принят в г. Санкт-Петербурге 17.02.1996 Постановлением 7–5 на 7-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Нормативное постановление Верховного Суда Республики Казахстан от 25 июня 2015 № 4 «О некоторых вопросах назначения уголовного наказания». URL: <https://sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79692/2015> (дата обращения: 10.04.2026).

3. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л.И. Скворцова. 27-е изд., испр. М., 2013.
4. Постановление Пленума Верховного Суда Кыргызской Республики от 25.12.2025 № 49 «О внесении изменений в постановление ППВС Кыргызской Республики от 26 февраля 2021 № 4 «О судебной практике по назначению наказания». URL: https://sot.kg/acts_cat/normativno-pravovaya-baza (дата обращения: 10.04.2026).
5. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 марта 2002 № 1 «О назначении судами уголовного наказания». URL: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/toco/31e2a6fa2fb34cd5.html (дата обращения: 10.04.2026).
6. Постановление Пленума Верховного Суда Республики Таджикистан № 4 от 24.02.2005 «О практике применения судами общих начал назначения наказания. URL: <https://sud.tj/ru/dokumenty/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda/postanovleniya-po-ugolovnym-delam/> (дата обращения: 10.04.2026).
7. Уголовный кодекс Республики Казахстан. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (дата обращения: 10.04.2026).
8. Уголовный кодекс Азербайджанской республики. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (дата обращения: 10.04.2026).
9. Уголовный кодекс Республики Беларусь. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 10.04.2026).
10. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: <https://sud.tj/ru/dokumenty/zakonodatelstvo/> (дата обращения: 10.04.2026).
11. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: <https://lex.uz/docs/111457> (дата обращения: 10.04.2026).
12. Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя. Изд. 3-е. М., 1975.
13. Уголовный кодекс Кыргызской Республики. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/24614/ru> (дата обращения: 10.04.2026).
14. Закон СССР от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик» // Свод законов СССР. 1990.
15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

REFERENCES

1. Model Criminal Code for the member States of the Commonwealth of Independent States. Legislative Recommendation Act (adopted in St. Petersburg on 17.02.1996 by Resolution 7-5 at the 7th plenary session of the Interparliamentary Assembly of the CIS Member States). Access from the legal system «ConsultantPlus».
2. Regulatory Resolution of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan dated June 25, 2015 № 4 “On certain issues of criminal punishment”. URL: <https://sud.gov.kz/rus/legislation/CAT01/79692/2015> (date of access: 10.04.2026).
3. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language / edited by prof. L.I. Skvortsov. 27th ed., ispr. M., 2013.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic dated 12/25/2025 № 49 “On Amendments to the Resolution of the Supreme Court of the Kyrgyz Republic dated February 26, 2021 № 4 “On judicial practice in sentencing”. URL: https://sot.kg/acts_cat/normativno-pravovaya-baza (date of access: 10.04.2026).
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus dated March 26, 2002 № 1 “On the imposition of criminal punishment by courts”. URL: https://court.gov.by/ru/jurisprudence/post_plen/criminal/toco/31e2a6fa2fb34cd5.html (date of access: 10.04.2026).
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Tajikistan № 4 dated 02/24/2005 “On the practice of courts applying general principles of sentencing. URL: <https://sud.tj/ru/dokumenty/postanovlenie-plenuma-verkhovnogo-suda/postanovleniya-po-ugolovnym-delam/> (date of access: 10.04.2026).
7. The Criminal Code of the Republic of Kazakhstan. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575252 (date of access: 10.04.2026).
8. Criminal Code of the Republic of Azerbaijan. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420353 (date of access: 10.04.2026).
9. Criminal Code of the Republic of Belarus. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (date of access: 10.04.2026).

10. Criminal Code of the Republic of Tajikistan. URL: <https://sud.tj/ru/dokumenty/zakonodatelstvo/> (date of access: 10.04.2026).

11. The Criminal Code of the Republic of Uzbekistan. URL: <https://lex.uz/docs/111457> (date of access: 10.04.2026).

12. Philosophical Dictionary / edited by M.M. Rosenthal. Ed. 3-E. M., 1975.

13. Criminal Code of the Kyrgyz Republic. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112309/edition/24614/ru> (date of access: 10.04.2026).

14. The USSR Law of 12/25/1958 "On the approval of the Foundations of criminal legislation of the USSR and the Union Republics" // Code of Laws of the USSR. 1990.

15. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.12.2015 № 58 (as amended on 18.12.2018) "On the practice of assigning criminal penalties by courts of the Russian Federation". Access from the legal system «ConsultantPlus».

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

М. В. Рудов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

А. Ю. Пешехонова – старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии Ростовского юридического института министерства внутренних дел Российской Федерации, 344015 Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко 83.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

M. V. Rudov – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law and Criminology. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

A. Y. Peshekhonova – senior lecturer at the Department of Criminal Law and Criminology at the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation..

Статья поступила в редакцию 12.03.2026; одобрена после рецензирования 16.04.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 12.03.2026; approved after reviewing 16.04.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 343.982:351.745.7**РАССЛЕДОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННЫХ РУБОК ЛЕСА
МОЛЕКУЛЯРНО-ГЕНЕТИЧЕСКИМИ МЕТОДАМИ****Мария Владимировна Рябухина¹, Юлия Григорьевна Кулешова², Ольга Михайловна Артамошкина³**^{1,3}Экспертно-криминалистический центр МВД России, Москва, Российская Федерация²Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация¹Marija-rjabuhina@mail.ru²Julya_kuleshova@mail.ru³Artamoshkina@mail.ru

Введение: охрана лесных экосистем и предотвращение их незаконной эксплуатации остаются приоритетами государственной экологической политики Российской Федерации. Незаконная рубка лесных насаждений наносит значительный экологический и экономический ущерб и подрывает систему экологической безопасности. Эти преступления характеризуются высокой латентностью и организованностью, а также сложностями установления общего происхождения изъятых растительных объектов (от пней и порубочных остатков на месте преступления до древесных материалов у предполагаемых правонарушителей). В связи с этим особую значимость приобретает развитие экспертно-криминалистических подходов, основанных на применении молекулярно-генетических методов исследования.

Материалы и методы: объекты исследования: биологический материал древесных растений на примере сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris* L.), инструкции к реактивам и оборудованию, а также научные литературные источники. Применялись аналитические и экспериментальные методы, проведен поиск информативных генетических маркеров и их картирование на полногеномную сборку микросателлитных локусов для генетического анализа. Полученные результаты подтверждают возможность практического применения молекулярно-генетических методов в судебно-экспертной деятельности и формирования достоверной доказательной базы при расследовании незаконной рубки лесных насаждений.

Результаты исследования: в результате исследования определены наиболее эффективные методы экстракции ДНК из древесных растений, выявлены наиболее информативные объекты, пригодные в качестве вещественных доказательств. Изучены высокоинформативные видоспецифичные генетические маркеры, используемые в молекулярно-генетическом анализе. Разработаны подходы к организации экспертного исследования и статистического анализа необходимых для установления уникальности генетических признаков и формирования категоричного экспертного вывода. Результаты могут применяться в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России для установления идентификации видовой принадлежности и общности происхождения фрагментов растений.

Выводы и заключения: применение молекулярно-генетических методов, в частности микросателлитного анализа, представляет собой одно из перспективных направлений экспертного сопровождения при расследовании преступлений, предусмотренных статьями 260 и 261 УК РФ. Проведенные исследования позволили определить практическую возможность реализации современных методов ДНК-анализа растений в экспертной практике, а также способствовать развитию методических основ производства экспертиз и исследований растительных объектов и повышению эффективности деятельности правоохранительных органов в сфере охраны природы.

Ключевые слова: незаконная рубка лесных насаждений, судебная экспертиза, молекулярно-генетические методы, ДНК-анализ, микросателлитные маркеры, сосна обыкновенная, криминалистическая идентификация, экологические преступления, реестр частот встречаемости генетических признаков

Для цитирования: Рябухина М. В., Кулешова Ю. Г., Артамошкина О. М. Расследование преступлений в сфере незаконных рубок леса молекулярно-генетическими методами // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 218–223.

Original paper

INVESTIGATION OF CRIMES IN THE FIELD OF ILLEGAL LOGGING USING MOLECULAR GENETIC METHODS

Maria Vladimirovna Ryabukhina¹, Yulia Grigoryevna Kuleshova², Olga Mikhailovna Artamoshkina³

^{1,3}Expert-Criminalistic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

²Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the protection of forest ecosystems and the prevention of their illegal exploitation remain priorities of the state environmental policy of the Russian Federation. Illegal logging of forest stands causes significant environmental and economic damage and undermines the environmental security system. These crimes are characterized by a high level of concealment and organization, as well as difficulties in establishing the common origin of seized plant materials (from stumps and logging residues at the crime scene to timber materials in the possession of suspected offenders). In this regard, the development of expert forensic approaches based on the application of molecular genetic research methods becomes particularly important.

Materials and methods: research objects: biological material of woody plants using the common pine (*Pinus sylvestris* L.) as an example, instructions for reagents and equipment, as well as scientific literature sources. Analytical and experimental methods were used, the search for informative genetic markers and their mapping on a whole-genome assembly of microsatellite loci for genetic analysis were carried out. The obtained results confirm the possibility of practical application of molecular genetic methods in forensic expert work and the formation of a reliable evidence base in the investigation of illegal logging of forest plantations.

Results of the study: as a result of the study, the most effective methods for DNA extraction from woody plants were identified, and the most informative objects suitable as physical evidence were determined. Highly informative species-specific genetic markers used in molecular genetic analysis were studied. Approaches to organizing expert examinations and statistical analyses necessary to establish the uniqueness of genetic traits and to form a conclusive expert opinion were developed. The results can be applied in expert forensic units of the Ministry of Internal Affairs of Russia to establish species identification and the common origin of plant fragments.

Findings and conclusions: the application of molecular genetic methods, in particular microsatellite analysis, represents one of the promising directions for expert support in the investigation of crimes provided for in Articles 260 and 261 of the Criminal Code of the Russian Federation. The studies conducted have made it possible to determine the practical feasibility of implementing modern methods of plant DNA analysis in expert practice, as well as to contribute to the development of methodological foundations for conducting examinations and research of plant objects and to enhance the effectiveness of law enforcement activities in the field of nature conservation.

Keywords: illegal logging of forest stands, forensic examination, molecular genetic methods, DNA analysis, microsatellite markers, Scots pine, forensic identification, environmental crimes, registry of genetic trait occurrence frequencies

For citation: Ryabukhina M. V., Kuleshova Yu. G., Artamoshkina O. M. Investigation of crimes in the field of illegal logging using molecular-genetic methods // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 218–223.

Охрана и обеспечение сохранности растительного мира, прежде всего лесных экосистем, от преступных и иных противоправных посягательств является одним из приоритетных направлений государственной экологической политики Российской Федерации. Незаконная рубка лесных насаждений представляет собой устойчивую криминальную угрозу, подрывающую экологическую стабильность и нарушающую баланс биологического

разнообразия. Она наносит существенный ущерб экономическим интересам государства, включая функционирование лесопромышленного комплекса и системы национальной экологической безопасности [1; 2].

Анализ статистических данных свидетельствует о сохраняющейся актуальности совершенствования системы экспертного сопровождения расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой либо повреждением лесных насаждений и приравненных к ним деревьев до степени прекращения их роста, а также с незаконным приобретением, хранением, транспортировкой, переработкой и сбытом древесины, заготовленной с нарушением требований лесного законодательства. В 2023 г. на территории Российской Федерации было зарегистрировано 16 211 экологических преступлений, из которых раскрыто 9 196 дел (56,1 %). Количество лиц, привлеченных к уголовной ответственности за их совершение, составило 10 233 человека [3]. При этом преступления, предусмотренные статьями 260 и 261 УК РФ, относятся к числу наиболее латентных, отличающихся низким уровнем выявляемости и значительными сложностями их расследования.

Данные ведомственного контроля также указывают на масштабность и распространенность незаконных рубок. Согласно сведениям дистанционного мониторинга Рослесхоза, в 2024 г. в 42 субъектах Российской Федерации выявлено около 1,2 тыс. нарушений в сфере лесопользования, а объем незаконно заготовленной древесины составил 130 тыс. м³. Мониторинг проводился на территории 546 лесничеств, из которых 88 находились в режиме непрерывного дистанционного контроля. Наибольшие объемы незаконных рубок зафиксированы в Красноярском крае, Иркутской и Амурской областях [4].

В современных условиях особое значение приобретает развитие экспертного сопровождения расследований указанных преступлений, внедрения современных экспертных подходов и методов исследования вещественных доказательств, связанных с объектами растительного происхождения. Применение этих методов особенно важно для установления происхождения древесины и ее связи с местом незаконной заготовки, что часто является одним из ключевых элементов доказательственной базы, обеспечивающих полноту и объективность расследования.

Применение ДНК-маркеров позволяет не только определять видовую принадлежность растительных объектов различного происхождения, но и устанавливать общность происхождения различных частей растительных фрагментов. Кроме этого, молекулярно-генетические методы можно использовать для контроля движения древесины и продукции на ее основе на всех этапах – от заготовки до реализации. Это дает возможность проверять законность происхождения, вести регистрацию и маркировку продукции, а при необходимости выявлять случаи незаконной рубки и торговли. Применение молекулярно-генетических методов исследования растительных объектов способно существенно повысить доказательственную ценность судебных экспертиз по делам данной категории. В частности, анализ фрагментов растений, а также следов растительного сока на одежде и обуви подозреваемого позволяет установить факт его контактного взаимодействия с растительным материалом, изъятым с места происшествя, либо подтвердить его пребывание на конкретном участке местности.

Согласно данным государственной инвентаризации лесов (ГИЛ), на 2020 год хвойные виды древесных растений занимают 56,2 % лесной площади Российской Федерации [5]. Именно они чаще всего становятся объектами преступных посягательств. Среди хвойных пород особое значение имеет сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris* L.) – доминирующий вид, обладающий высокой экологической и экономической ценностью, ареал которого охватывает около 145 млн га от Западной Европы до Восточной Сибири и Дальнего Востока [6]. Благодаря устойчивости к климатическим условиям и универсальности древесины, сосна широко используется в лесной, строительной и целлюлозно-бумажной промышленности [7].

Сосна обыкновенная имеет сложную и разнообразную популяционно-генетическую структуру, определяющую разнообразие генетических признаков. Точность и воспроизводимость результатов экспертных исследований зависит от типа применяемых генетических признаков, поскольку разные виды ДНК характеризуются различной степенью наследуемости и распространения в популяциях растений, что напрямую влияет на их информативность для идентификации. В клеточном геноме растений выделяют три типа маркеров: хлоропластные, митохондриальные и ядерные. Так, хлоропластные маркеры, наследуемые через пыльцу (отцовская линия), как правило, характеризуются низкой

степенью дифференциации из-за ее способности распространяться на большие расстояния [8]. Напротив, митохондриальные маркеры, передающиеся по материнской линии (через семена), демонстрируют более выраженную территориальную локализацию, что делает их более точными индикаторами географического происхождения образца. Ядерные маркеры растений, наследуемые от обоих родителей, отражают суммарное влияние обоих путей передачи генетической информации.

Анализ литературных источников и проведенные практические исследования показали, что наибольшей эффективностью для решения задач экспертной практики обладают микросателлитные локусы ядерной ДНК, а наименьшей – микросателлитные локусы митохондриальной ДНК. Микросателлитные локусы хлоропластной ДНК могут использоваться в экспертно-криминалистических исследованиях в качестве дополнительных маркеров, усиливающих доказательственную базу при дифференциации древостоя внутри популяции.

Для судебно-экспертных задач наибольший интерес представляют высокополиморфные и воспроизводимые молекулярные маркеры – в частности, микросателлитные локусы (Simple Sequence Repeats, SSR; Short Tandem Repeats, STR), которые позволяют с высокой степенью достоверности проводить идентификацию происхождения растительных объектов. Микросателлиты – короткие повторяющиеся участки ДНК (1–10 нуклеотидов), различающиеся между индивидуумами по количеству повторов и частоте их встречаемости. Высокая степень вариативности указанных маркеров обуславливает их значительный потенциал при формировании популяционно-генетических профилей. В настоящее время это обеспечивает возможность установления генетической общности между объектами, изъятыми с места совершения преступления, и образцами, полученными у подозреваемых, а в перспективе может способствовать определению географического происхождения срубленного древостоя и продукции, изготовленной на его основе.

С целью определения практической возможности реализации современных методов ДНК-анализа растений в экспертно-криминалистической деятельности, а также развитие методических основ производства экспертиз и исследований растительных объектов в Федеральном государственном казенном учреждении «Экспертно-криминалистический центр МВД России» (ЭКЦ МВД России) выполняются научно-исследовательские работы, направленные на создание методологии молекулярно-генетической идентификации растительных объектов.

В результате научного исследования «Возможности использования ДНК-анализа растений в экспертно-криминалистическом сопровождении раскрытия и расследования преступлений, связанных с незаконной рубкой и уничтожением лесных насаждений» в ЭКЦ МВД России проведен анализ различных информационных источников, содержащих сведения о молекулярно-генетических методах определения видовой принадлежности растений, популяционной структуре сосны обыкновенной, ее генетической дифференциации на основе микросателлитных локусов, определении их информативности, объеме выборки древостоя на территории исследования при изучении генетического разнообразия популяций сосны обыкновенной. Также обобщены результаты собственных исследований по определению оптимальных условий отбора и хранения проб, определению эффективности наборов для экстракции ДНК из различных биологических тканей сосны обыкновенной, тестированию набора микросателлитного анализа локусов ядерной ДНК.

Установлено, что обязательными условиями отбора проб растительных объектов являются фиксация места отбора и определение его географических координат, устранение избыточной влажности объектов исследования, а также упаковка образцов исключительно в бумажные или тканевые пакеты. При изъятии стружки, опилок и иных мелких частиц необходимо проводить консервацию пробы спиртом.

Определено, что наиболее эффективным методом экстракции ДНК из растительных объектов относятся сорбция на магнитные частицы с последующим осаждением, а также применение лизирующего буфера.

Проведенные практические исследования показали, что при использовании микросателлитного анализа ДНК в экспертно-криминалистической деятельности наибольшую ценность в качестве материала для экстракции ДНК, с учетом количественных и качественных характеристик, представляют флосма и хвоя. Ксилема и заболонь обладают меньшей эффективностью, и для их анализа может потребоваться концентрирование ДНК.

В ходе работы были выделены 15 видоспецифичных локусов: SsPt-ctg4363, SPAC 11.4, Psyl42, Psyl57, Psy17, lw_isotig04306, lw_isotig04931, lw_isotig07383, lw_isotig11166, lw_

isotig04195, lw_isotig20215, lw_isotig06440, lw_isotig27940, Ps_4523853, Ps8, которые могут рассматриваться в качестве основных для последующих исследований популяций сосны обыкновенной.

Достоверность идентификации общности происхождения частей растений и категоричность выводов судебного эксперта зависят от частот аллелей выбранных локусов в популяциях на территории России. Для накопления и обобщения информации о распределении аллелей и популяционно-генетической структуре вида необходимо создать популяционно-генетический реестр. Методические подходы по отбору биологического материала для формирования такого реестра должны основываться на традиционных геоботанических и экологических исследованиях растительных сообществ с учетом особенностей районов лесозаготовки и уровня потенциальных правонарушений.

Для практической реализации потенциала молекулярно-генетической экспертизы необходимо обеспечить единообразие и воспроизводимость результатов, что требует комплексного подхода к стандартизации и систематизации генетических данных. Создание реестра частот встречаемости генетических признаков основных лесобразующих видов, подвергающихся незаконной рубке, позволит учитывать популяционные особенности их генетической структуры и повысить статистическую достоверность экспертных заключений. Реализация этой задачи невозможна без межведомственного взаимодействия и координации усилий научных учреждений, занимающихся фундаментальными и прикладными исследованиями, с организациями, ответственными за охрану и использование лесных ресурсов. Эффективное сотрудничество ЭКЦ МВД России, ЭКП территориальных органов МВД России с представителями лесоохранных структур, специалистами в области молекулярной биологии, генетики и профильными экспертами иных ведомств и учреждений РФ позволит выработать единые научно обоснованные подходы к применению молекулярно-генетических методов при расследовании противоправных действий в сфере природопользования, нелегального оборота древесины и лесопродукции на территории Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ:

1. Указ Президента Российской Федерации от 04.11.2020 № 666 «Об утверждении Основ государственной политики в области экологического развития Российской Федерации на период до 2030 года». Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Комплексный анализ состояния экологической преступности в Российской Федерации по итогам 2023 года: аналитический обзор. URL: <https://consortium.msai.ru/wp-content/uploads/2025/04/Sostoyanie-ekologicheskoy-prestupnosti-2023-g.pdf> (дата обращения: 19.03.2026).

3. Рослесхоз. Дистанционный мониторинг лесов в 2024 году. URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rosleskhoz_ploshchad_distsionnogo_monitoringa_lesov_v_2024_godu_dostignet_300 mln_ga (дата обращения: 19.03.2026).

4. Лесные генетические ресурсы России: изучение, сохранение, использование, управление: коллективная монография в 2-х кн. / под ред. А.В. Жигунова, К.В. Крутовского, П.Г. Мельника, М.М. Паленова (отв. редактор), Д.В. Политов, Б.В. Раевский, В.В. Тараканов, А.Н. Филипчук. URL: https://vniilm.ru/media/edition2024/Russian_Forest_Genetic_Resources.pdf (дата обращения: 19.03.2026).

5. Федеральное агентство лесного хозяйства (Рослесхоз). Основные лесобразующие породы Российской Федерации: экологическая и хозяйственная значимость // Официальный сайт Рослесхоза. 2024. URL: <https://rosleshoz.gov.ru/news/2023-porody-lesa> (дата обращения: 27.01.2026).

6. FAO. 2025. The Second Report on the State of the World's Forest Genetic Resources // FAO Commission on Genetic Resources for Food and Agriculture assessments. Rome, 2025.

7. Robledo-Arnuncio J.J. Wind pollination over mesoscale distances: an investigation with Scots pine // New Phytologist. 2011. Vol. 190.

8. Merritt B.J., Theresa M.C., Avanesyan A., Stokes R., Brzyski J. An empirical review: Characteristics of plant microsatellite markers that confer higher levels of genetic variation // Applications in Plant Sciences. 2015. Vol. 3. № 8.

REFERENCES

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 04.11.2020 № 666 «On Approving the Fundamentals of State Policy in the Field of Environmental Development of the Russian Federation for the Period up to 2030». Access from the legal system «ConsultantPlus».

2. Comprehensive Analysis of the State of Environmental Crime in the Russian Federation based on the results of 2023: Analytical Review. URL: <https://consortium.msal.ru/wp-content/uploads/2025/04/Sostoyanie-ekologicheskoy-prestupnosti-2023-g.pdf> (date of access: 19.03.2026).

3. Rosleskhoz. Remote Forest Monitoring in 2024 [Electronic resource] – URL: https://www.mnr.gov.ru/press/news/rosleskhoz_ploshchad_dstantsionnogo_monitoringa_lesov_v_2024_godu_dostignet_300 mln_ga/ (date of access: 19.03.2026).

4. Forest Genetic Resources of Russia: Study, Conservation, Use, Management: Collective Monograph in 2 Volumes / Edited by A.V. Zhigunov, K.V. Krutovsky, P.G. Melnik, M.M. Palenova (chief editor), D.V. Politov, B.V. Raevsky, V.V. Tarakanov, A.N. Filipchuk. Vol. 1. URL: https://vniilm.ru/media/edition2024/Russian_Forest_Genetic_Resources.pdf (date of access: 19.03.2026).

5. Federal Forestry Agency (Rosleskhoz). Main forest-forming species of the Russian Federation: ecological and economic significance // Official website of Rosleskhoz. 2024. URL: <https://rosleskhoz.gov.ru/news/2023-porody-lesa> (date of access: 27.01.2025).

6. FAO. 2025. The Second Report on the State of the World's Forest Genetic Resources // FAO Commission on Genetic Resources for Food and Agriculture assessments. Rome, 2025.

7. Robledo-Arnuncio J.J. Wind pollination over mesoscale distances: an investigation with Scots pine // New Phytologist. 2011. Vol. 190.

8. Merritt B.J., Theresa M.C., Avanesyan A., Stokes R., Brzyski J. An empirical review: Characteristics of plant microsatellite markers that confer higher levels of genetic variation // Applications in Plant Sciences. 2015. Vol. 3. № 8.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

М. В. Рябухина – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник отдела научных исследований по специальным видам экспертиз и экспертно-криминалистического обеспечения противодействия наркопреступности управления научных исследований ЭКЦ МВД России. 125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 5.

Ю. Г. Кулешова – кандидат биологических наук, преподаватель кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности. Ростовский юридический институт МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

О. М. Артамошкина – ведущий научный сотрудник отдела организации научных исследований управления научных исследований ЭКЦ МВД России, 125130, Российская Федерация, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 5.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

M. V. Ryabukhina – PhD in Biology, Senior Researcher, Department of Scientific Research on Specialized Expertise and Forensic Support for Combating Drug-Related Crime, Scientific Research Directorate of the Forensic Science Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 5, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh St., Moscow 125130 Russian Federation.

Y. G. Kuleshova – PhD in Biology, lecturer at the Department of Criminalistics and Operational-Investigative Activities. Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

O. M. Artamoshkina – Science Research Department of the Forensic Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia, leading researcher. 5, Zoya and Alexandr Kosmodemyanskikh St., Moscow 125130 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 05.03.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 24.02.2026; approved after reviewing 05.03.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.

Научная статья
УДК 34.07

**ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРИМЕНЕНИИ ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО
РАССЛЕДОВАНИЯ**

Александр Игоревич Трусов

Ставропольский филиал Краснодарского университета МВД России, Ставрополь,
Российская Федерация, kandidat26@rambler.ru

Введение: в настоящее время практическим работникам следствия (дознания) не хватает организационно-тактических рекомендаций по реализации на практике нормы ст. 189.1 УПК РФ, положения которой подвергаются обоснованной критике, что вызывает определенные трудности в правоприменительной деятельности.

Материалы и методы: в качестве фактологической основы для статьи явились материалы раннее проведенных научных исследований по данной проблематике, а также статистические данные, материалы правоприменительной и судебной практики, посвященные теме исследования. Методологическую основу исследования составили методы диалектики, абстрагирования, анализа, синтеза, дедукции, формально-юридический метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Результаты исследования: автор приходит к выводу, что в условиях цифровизации общественных отношений системы видео-конференц-связи приобретают востребованный характер в рамках уголовного судопроизводства, в том числе на стадии предварительного расследования.

Выводы и заключения: прогнозируя неизбежность дальнейшего проникновения новых технологий на все этапы досудебного производства, предполагаем внедрение систем видео-конференц-связи во все его структурные элементы, при этом экономическая польза от оптимизации таких нововведений не должна превалировать над правами и законными интересами дистанционно участвующих лиц.

Ключевые слова: следственные действия, процессуальные действия, видео-конференц-связь, предварительное расследование, правила организации, порядок использования, условия применения

Для цитирования: Трусов А. И. Перспективы совершенствования национального законодательства о применении телекоммуникационных технологий в уголовном процессе на стадии предварительного расследования // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 224–230.

Original paper

**PROSPECTS FOR IMPROVING NATIONAL LEGISLATION ON THE USE OF
TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES IN CRIMINAL PROCEEDINGS AT THE
STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION**

Alexander Igorevich Trusov

Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Stavropol, Russian Federation

Introduction: currently, practical investigators (inquiry officers) lack organizational and tactical recommendations for the practical implementation of the norm of Article 189.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the provisions of which are subject to justified criticism, which causes certain difficulties in law enforcement activities.

© Трусов А.И., 2026

Materials and methods: the factual basis for the article was the materials of previously conducted scientific research on this issue, as well as statistical data, materials of law enforcement and judicial practice, devoted to the topic of the study. The methodological basis of the study was the methods of dialectics, abstraction, analysis, synthesis, deduction, formal-legal method, method of inter-branch legal research.

Results of the study: the author concludes that in the context of digitalization of public relations, video conferencing systems are becoming increasingly popular in criminal proceedings, including at the stage of preliminary investigation.

Findings and conclusions: predicting the inevitability of further penetration of new technologies into all stages of pre-trial proceedings, we assume the introduction of video conferencing systems into all its structural elements, while the economic benefit from the optimization of such innovations should not prevail over the rights and legitimate interests of remotely participating persons.

Keywords: investigative actions, procedural actions, videoconferencing, preliminary investigation, rules of organization, procedure for use, conditions of application

For citation: Trusov A. I. Prospects for improving national legislation on the use of telecommunication technologies in criminal proceedings at the stage of preliminary investigation // *Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117).* – Pp. 224–230.

В настоящее время практическим работникам следствия (дознания) не хватает организационно-тактических рекомендаций по реализации на практике нормы ст. 189.1 УПК РФ, положения которой подвергаются обоснованной критике, что вызывает определенные трудности в правоприменительной деятельности.

Предложения ученых-процессуалистов по совершенствованию положений данной нормы в научном сообществе расходятся.

Звучат предложения о расширении списка следственных действий, осуществляемых с использованием видео-конференц-связи (далее – ВКС) [1, с. 258]. Одни предлагают добавить в него освидетельствование, следственный эксперимент и проверку показаний на месте [2, с. 56]. Цветков Ю.А. дополняет этот список выемкой и обыском [3, с. 21–28], а П.Е. Власов – осмотром места происшествия с использованием БПЛА [4, с. 15–19]. Другие выступают против применения ВКС, ссылаясь на «разную гносеологическую природу» некоторых следственных действий [5, с. 111], третьи видят возможность применения ВКС при осуществлении следственных действий, «объединенных методом расспроса» [6, с. 100–106]. По мнению Е.Г. Кравец, Н.В. Шувалова и А.Н. Мартынова, к установленному законодателем списку необходимо добавить только освидетельствование как имеющее высокий коэффициент повторяемости в правоприменительной практике, а включение остальных считают нецелесообразным по экономическим и правовым причинам [7, с. 175–181].

Самсоновым С.В. обосновано расширение списка дистанционных следственных действий процессуальным действием – возможностью дистанционно признавать конкретное лицо потерпевшим [8, с. 132–141]. Такое предложение заслуживает поддержки, т. к. подразумевает придание лицу конкретного статуса, без которого осуществить предусмотренные ст. 189.1 УПК РФ следственные действия не представляется возможным. Вместе с тем, по нашему мнению, не следует ограничиваться только лишь статусом потерпевшего, было бы правильным регламентировать аналогичные действия и в отношении других участников уголовного судопроизводства, таких, как подозреваемый и обвиняемый (избрание некоторых мер пресечения, привлечение в качестве обвиняемого и предъявление обвинения), а также расширить рамки предложенных процессуальных действий, требующих ознакомления соответствующих лиц (например, ознакомление с назначением и заключением экспертизы, разрешение ходатайств, ознакомление с материалами уголовного дела), при обеспечении права на получение соответствующих копий. Для этого потребуется развитие отдельного направления: введение и использование цифровых форм процессуальных документов, формирование материалов уголовного дела в формате электронных документов [4, с. 15–19].

Возможность применения ВКС так же регламентируется ст. 164 и 166 УПК РФ [9], в которых отсутствуют требования на используемую инфраструктуру и программное обеспечение [10, с. 2–6].

Еще в 2014 г. в деятельность МВД России был внедрен программно-аппаратный комплекс «СВКС» [11], входящий в электронный документооборот ИСОД МВД России, позволяющий обеспечить требования ст. 161 УПК РФ на должном уровне. Такой комплекс

обеспечивает подключение к интегрированной мультисервисной телекоммуникационной системе (ИМТС), именуемой иногда внутриведомственным VPN. Система полностью обеспечивает необходимую степень защиты передаваемой информации подключенных пользователей, которые во время сеанса ВКС не подключены к Интернету, и может использоваться не только на стационарных компьютерах, но и в мобильных устройствах со специальными SIM-картами (планшеты) [12, с. 45–50]. Именно поэтому использование общедоступных средств ВКС, по нашему мнению, недопустимо, т. к. не может обеспечить должной защиты информации.

На сложности в реализации соответствующих изменений УПК РФ, связанных с недостаточной оснащенностью следственных органов необходимыми для ВКС техническими средствами, обращают внимание и другие авторы [13, с. 108–115]. При этом законодателем не определен круг лиц, в отношении которых возможно применение новых технологий, однако анализ положений УПК РФ позволяет процессуалистам отнести к таким участникам подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего, специалиста, эксперта, лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве [14, с. 349–377]. Отдельными учеными выдвигаются предложения об исключении из этого списка подозреваемого и обвиняемого, с которыми необходимо проводить большое количество других следственных действий, не предусмотренных в формате ВКС [15, с. 101]. Другими, наоборот, о включении в данный список тяжелобольных лиц и лиц с ограниченными возможностями здоровья, для которых предусмотреть особенности применения новых технологий [16, с. 18–22]. Третьи предлагают распространение технологий ВКС на всех субъектов уголовно-процессуальной деятельности, вне зависимости от процессуального статуса [17, с. 103–106]. Последнюю точку зрения считаем самой взвешенной и не требующей дополнительного реформирования УПК РФ.

Таковыми участниками должны стать все субъекты уголовно-процессуальной деятельности, имеющие различного рода процессуальные статусы, а сама процедура веб-конференции должна быть максимально приближена к реальным процессуальным процедурам.

Отдельные предложения авторов касаются разработки дополнительных гарантий соблюдения прав и свобод человека и гражданина, при использовании систем ВКС [9]. Подобное предложение заслуживает поддержки, так как в процессе применения ВКС используются конкретные технические средства, обеспечивающие возникновение технической записи, отражающей ход проведения следственного действия гораздо полнее, чем это фиксируется в протоколе. Отдельными специалистами указывается на нарушения при проведении дистанционных следственных действий, в частности, прерывание ВКС, позволившее свидетелю обвинения дать заученный ответ [18]. К сожалению, УПК РФ не содержит требований к таким техническим записям, тогда как очевидна необходимость ее непрерывности [19, с. 101], качества, а также необходимость ее хранения в любом доступном для заинтересованных участников формате [20, с. 128]. А с учетом перспективы расширения перечня следственных действий, производимых с использованием ВКС, регламентация таких специальных правил приобретает еще большее значение.

Вместе с тем к мнениям по совершенствованию норм УПК РФ в части регламентации проведения следственных действий посредством ВКС [21 с. 94] другие ученые предлагают относиться с определенной долей скептицизма, не превращая УПК РФ в памятку для «неграмотных правоприменителей» [22, с. 216], или считают, что такие правила должны оставаться вне поля нормативной регламентации и могут найти отражение в методической литературе или в ведомственных подзаконных нормативных правовых актах [23, с. 49]. А некоторые вообще считают возможным положиться на профессионализм и опытность правоприменителя [24, с. 241–246].

Власовым П.Е. предлагается регламентировать процессуальный порядок отказа от участия в проведении следственного действия с использованием ВКС путем дистанционного направления соответствующего уведомления лицу, ведущему расследование [4, с. 15–19]. И это справедливое предложение, так как несовершеннолетние потерпевшие и свидетели или их законные представители, согласно ч. 5 ст. 191 УПК РФ имеют право возражать против применения видеозаписи в ходе проведения следственного действия [25, с. 15–21].

Отдельными учеными предлагается закрепить в ст. 188 УПК РФ положения о возможности вызова участника уголовного судопроизводства с помощью технических средств посредством осуществления телефонного разговора, что окажет положительное влияние на своевременность формирования доказательственной базы. Аргументируют

данными опросов следователей и дознавателей в Республике Башкортостан, Москве, Санкт-Петербурге, Рязанской области и других субъектах РФ, проведенного в 2022–2023 гг. 65 % из них осуществляют вызов участников уголовного процесса в указанных целях посредством телефонного звонка с последующим вручением повестки в случае просьбы участника следственного действия, 24 % – посредством телефонного звонка, но без последующего вручения указанной повестки, 9 % – посредством телефонного звонка и с обязательным вручением такой повестки. При этом лишь 2 % респондентов указали, что никогда не осуществляли вызов лица к следователю посредством телефонного разговора [26, с. 66–78]. Хотелось бы поддержать автора такого предложения и дополнить его необходимостью законодательного закрепления полномочий властного субъекта, имеющего право на такой вызов. Законодателю необходимо определиться, кто будет осуществлять такой вызов в рамках использования систем ВКС – инициатор поручения или его исполнитель. С нашей точки зрения, этим лицом должен быть исполнитель поручения, что, в свою очередь, усилит гарантии невластных субъектов на своевременное обращение с жалобой, при котором учитывается место осуществления властных полномочий.

Таким образом, проведенное нами исследование позволяет констатировать, что в условиях цифровизации общественных отношений системы видео-конференц-связи приобретают востребованный характер в рамках уголовного судопроизводства, в том числе на стадии предварительного расследования.

Прогнозируя неизбежность дальнейшего проникновения новых технологий на все этапы досудебного производства, предполагаем внедрение систем видео-конференц-связи во все его структурные элементы, при этом экономическая польза от оптимизации таких нововведений не должна превалировать над правами и законными интересами дистанционно участвующих лиц.

Поэтому выносимые нами научно обоснованные предложения нацелены на попытку достижения баланса между частными и государственными интересами.

1. Внедрение видео-конференц-связи не требует пересмотра основополагающих принципов и правил производства предварительного расследования.

2. Использование видео-конференц-связи требует разработки и соблюдения специальных правил организации и порядка ее использования, содержащих основные условия применения ВКС, механизм соблюдения прав и свобод человека и гражданина, особенности процедуры применения, критерии допустимости применения и получения доказательств.

3. Использование систем видео-конференц-связи допустимо только на программно-аппаратных комплексах по типу СВКС, обеспечивающих необходимую степень защиты передаваемой информации подключенных пользователей.

4. Уголовно-процессуальные процедуры требуют совершенствования технологий видео-конференц-связи в части расширения количества подключаемых участников либо параллельного внедрения систем, позволяющих проведение веб-конференц-связи с многочисленными участниками.

5. Возможности видео-конференц-связи должны быть доступны для всех участников уголовного судопроизводства.

6. Применение видео-конференц-связи допустимо при производстве не только допроса, очной ставки и опознания, но и других следственных и процессуальных действий, которые нуждаются в законодательном урегулировании, при обеспечении права на получение соответствующих копий.

7. Регламентировать процессуальный порядок отказа от участия в проведении следственного действия с использованием видео-конференц-связи для несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, а также законных представителей данных лиц.

8. Регламентировать порядок вызова на следственное действие с использованием видео-конференц-связи соответствующих участников, в том числе предусмотрев полномочия исполнителя поручения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пономаренко Ю.Н. Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи: актуальные проблемы и пути их решения // Вестник науки. 2022. № 6 (51).

2. Щерба С.П. Применение видеоконференцсвязи в уголовном судопроизводстве России и зарубежных стран: опыт, проблемы, перспективы / С.П. Щерба, Е.А. Архипова. М., 2016.

3. Цветков Ю.А. Инквизиционный процесс: версия 2.0 (цифровая инквизиция) // Уголовное судопроизводство. 2023. № 1.
4. Власов П.Е. Приоритетные направления цифровой трансформации уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2023. № 6.
5. Овчинникова О.В. Дистанционные следственные действия: современное состояние и перспективы // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2019. № 1 (47).
6. Семенцов В.А. Применение технологии видеоконференцсвязи в судебном заседании и при производстве следственных действий // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2016. № 6 (29).
7. Кравец Е.Г. Перспективы использования видеоконференц-связи при производстве следственных действий на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / Е.Г. Кравец, Н.В. Шувалов, А.Н. Мартынов // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 4 (42).
8. Самсонов П.А. Дистанционное участие потерпевшего в процессуальных действиях на стадии предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5.
9. Глимеяда В.В. Проблема допустимости применения видеоконференцсвязи при производстве следственных действий // Журнал Юридических исследований. Том 8. № 2. 2023.
10. Валов С.В. Ресурсное обеспечение цифровой трансформации следственной деятельности // Российский следователь. 2023. № 3.
11. В России работает «самая большая в мире» система видеоконференцсвязи. URL: <https://trueconf.ru/blog/in-the-news/in-the-news-v-rossii-rabotaet-samaya-bolshaya-v-mire-sistema-videokonferentssvyazi> (дата обращения: 10.05.2024).
12. Шевырталов Е.П. Организационно-тактические особенности проведения допроса с использованием систем видео-конференц-связи / Е.П. Шевырталов, Р.А. Дерюгин // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2023. № 1.
13. Сенокосов А.А. Пути совершенствования правовой регламентации оказания квалифицированной юридической помощи участникам уголовного судопроизводства в условиях развития цифровых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8.
14. Афанасьева С.И. О внедрении, развитии, усовершенствовании электронных способов собирания доказательственной информации по уголовным делам / С.И. Афанасьева, О.В. Добровлянина // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2023. № 2.
15. Козловский П.В. Теоретико-правовые аспекты использования средств видео-конференц-связи при производстве допроса в России и за рубежом / П.В. Козловский, Д.Е. Усольцева // Вестник Сибирского института бизнеса и технологий. 2022. Т. 11. № 3.
16. Дударев В.А. Дистанционный допрос несовершеннолетних в зарубежных странах и Российской Федерации: проблемные вопросы // Международное уголовное право и международная юстиция. 2023. № 2.
17. Гринь Д.С. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве: современное состояние и перспективы развития // Юридическая наука. 2020. № 5.
18. Следственные действия в режиме ВКС // Официальный сайт Федеральной Палаты адвокатов Российской Федерации. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sledstvennye-deystviya-v-rezhime-vks/> (дата обращения: 10.05.2024).
19. Плахота К.С. Использование следователем (дознавателем) видео-конференц-связи при производстве следственных действий // Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки. 2022. № 1.
20. Рамалданов Х.Х. Цифровые доказательства, полученные путем использования систем видео-конференц-связи // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11 (144).
21. Топчиева Т.В. Перспективы применения видео-конференц-связи в ходе производства по уголовным делам // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2023. № 23 (1).
22. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации постепенно превращается в «учебник криминалистики»: случайность или закономерность? // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 2 (18).
23. Россинский С.Б. О проникновении в Уголовно-процессуальный кодекс правил следственного делопроизводства // Правда и закон. 2022. № 3 (21).
24. Фарафонова О.А. Видео-конференц-связь в уголовном судопроизводстве Российской Федерации // Научный вестник Омской академии МВД России. 2023. Т. 29. № 3 (90).

25. Орлова А.А. Уголовное судопроизводство с участием несовершеннолетних: вопросы формирования правового института // Мировой судья. 2023. № 2.

26. Малышева О.А. Применение следователем информационно-коммуникационных технологий при производстве следственных действий: риски и пути их преодоления / О.А. Малышева, П.А. Самсонов // Журнал российского права. 2024. № 2.

REFERENCES

1. Ponomarenko Yu.N. Features of interrogation, confrontation, identification using video conferencing systems: current problems and ways to solve them // Bulletin of Science. 2022. № 6 (51).

2. Shcherba S.P. Use of videoconferencing in criminal proceedings in Russia and foreign countries: experience, problems, prospects / S.P. Shcherba, E.A. Arkhipova. Moscow, 2016.

3. Tsvetkov Yu.A. Inquisitorial process: version 2.0 (digital inquisition) / Yu.A. Tsvetkov // Criminal proceedings. 2023. № 1.

4. Vlasov P.E. Priority areas of digital transformation of criminal proceedings // Russian investigator. 2023. № 6.

5. Ovchinnikova, O.V. Remote investigative actions: current status and prospects // Legal science and law enforcement practice. 2019. № 1 (47).

6. Semenov V.A. Use of videoconferencing technology in court hearings and during investigative actions // Criminologist's library. Scientific journal. 2016. № 6 (29).

7. Kravets E.G. Prospects for the use of videoconferencing in investigative actions at the pre-trial stages of criminal proceedings / E.G. Kravets, N.V. Shuvalov, A.N. Martynov // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2017. № 4 (42).

8. Samsonov P.A. Remote Participation of the Victim in Procedural Actions at the Preliminary Investigation Stage // Current Issues of Russian Law. 2023. № 5.

9. Glimeida V.V. The Problem of Admissibility of Using Videoconferencing in Investigative Actions // Journal of Legal Research. Vol. 8. № 2. 2023.

10. Valov S.V. Resource Support for the Digital Transformation of Investigative Activities // Russian Investigator. 2023. № 3.

11. The «World's Largest» Videoconferencing System is Operating in Russia // Truconf Website. URL: <https://trueconf.ru/blog/in-the-news/in-the-news-v-rossii-rabotaet-samaya-bolshaya-v-mire-sistema-videokonferentsyvyazi> (date of access: 10.05.2024).

12. Shevyrtalov E.P. Organizational and tactical features of interrogation using video conferencing systems / E.P. Shevyrtalov, R.A. Deryugin // Electronic supplement to the "Russian Law Journal". 2023. № 1.

13. Senokosov A.A. Ways to improve the legal regulation of the provision of qualified legal assistance to participants in criminal proceedings in the context of the development of digital technologies // Actual problems of Russian law. 2023. № 8.

14. Afanasyeva S.I. On the implementation, development, improvement of electronic methods for collecting evidentiary information in criminal cases / S.I. Afanasyeva, O.V. Dobrovlyanina // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2023. № 2.

15. Kozlovsky P.V. Theoretical and legal aspects of the use of video conferencing during interrogation in Russia and abroad / P.V. Kozlovsky, D.E. Usoltseva // Bulletin of the Siberian Institute of Business and Technology. 2022. Vol. 11. № 3.

16. Dudarev V.A. Remote interrogation of minors in foreign countries and the Russian Federation: problematic issues // International criminal law and international justice. 2023. № 2.

17. Grin D.S. Videoconferencing in criminal proceedings: current status and development prospects // Legal science. 2020. № 5.

18. Investigative actions in videoconferencing mode // Official website of the Federal Chamber of Advocates of the Russian Federation. URL: <https://fparf.ru/news/fpa/sledstvennye-deystviya-v-rezhime-vks/> (date of access: 10.05.2024).

19. Plakhota K.S. Use of videoconferencing by the investigator (inquiry officer) in the production of investigative actions // Bulletin of Tula State University. Economic and legal sciences. 2022. № 1.

20. Ramaldanov H.Kh. Digital evidence obtained through the use of videoconferencing systems // Actual problems of Russian law. 2022. № 11 (144).

21. Topchieva T.V. Prospects for the use of video conferencing in criminal proceedings // Actual problems of combating crimes and other offenses. 2023. № 23 (1).

22. Rossinsky S.B. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation is gradually turning into a “textbook of forensic science”: coincidence or regularity? // Forensic Science: Yesterday, Today, Tomorrow. 2021. № 2 (18).

23. Rossinsky S.B. On the penetration of the rules of investigative proceedings into the Criminal Procedure Code // Truth and Law. 2022. № 3 (21).

24. Farafonova O.A. Videoconferencing in criminal proceedings of the Russian Federation // Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. Vol. 29. № 3 (90).

25. Orlova A.A. Criminal proceedings involving minors: issues of formation of a legal institution // Justice of the Peace. 2023. № 2.

26. Malysheva O.A. Use of information and communication technologies by an investigator in the production of investigative actions: risks and ways to overcome them / O. A. Malysheva, P. A. Samsonov // Journal of Russian Law. 2024. № 2.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. И. Трусов – кандидат юридических наук, начальник кафедры уголовного процесса и криминалистики Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России. 355035. Российская Федерация, г. Ставрополь, пр. Кулакова, 43.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. I. Trusov – candidate of legal sciences, head of the department of criminal procedure and criminology. Stavropol branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 355035. Russian Federation, Stavropol, Kulakov Ave., 43.

Статья поступила в редакцию 03.05.2026; одобрена после рецензирования 21.05.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 03.05.2026; approved after reviewing 21.05.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Научная статья
УДК 343.2

**ОТЛИЧИЕ ОРГАНИЗОВАННОЙ ГРУППЫ ОТ ГРУППЫ ЛИЦ
С ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫМ СГОВОРОМ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ
О НЕЗАКОННОМ ОБОРОТЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ**

Вадим Владимирович Хилюта

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, Гродно, Республика Беларусь,
tajna@tut.by, https://orcid.com/0000-0001-7872-949x

Введение: в статье рассматривается вопрос о понимании признаков организованной группы в сфере незаконного оборота наркотиков.

Материалы и методы: при проведении исследования использовались традиционные методы социально-правового и формально-догматического анализа: документальный, сравнительно-правовой, аналитический, системный, логический.

Результаты исследования: при решении вопроса об отличии организованной группы от группы лиц с предварительным сговором, следует принимать во внимание субъективную сторону группового преступления, поскольку при групповом деянии лицо обязательно должно осознавать то обстоятельство, что входит в данное объединение и выполняет предложенную ему часть действий в рамках незаконного оборота наркотиков.

Выводы и заключения: по результатам анализа материалов правоприменительной практики предлагаются критерии и алгоритм отличия организованной группы от группы лиц с предварительным сговором в сфере незаконного оборота наркотиков.

Ключевые слова: преступление, наркотики, организованная группа, группа лиц, незаконный оборот наркотиков, соучастие

Для цитирования: Хилюта В. В. Отличие организованной группы от группы лиц с предварительным сговором по уголовным делам о незаконном обороте наркотических средств // Юрист-Правоведъ : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 231–236.

Original paper

**THE DISTINCTION BETWEEN AN ORGANIZED GROUP AND A GROUP
OF PERSONS ACTING BY PRIOR CONSPIRACY IN CRIMINAL CASES INVOLVING
ILLICIT DRUG TRAFFICKING**

Vadim Vladimirovich Khilyuta

Grodno State University named after Yanka Kupala, Grodno, Republic of Belarus

Introduction: the article examines the understanding of the characteristics of an organized group within the sphere of illicit drug trafficking.

Materials and methods: the study employs traditional methods of socio-legal and formal-dogmatic analysis, including documentary, comparative legal, analytical, systemic, and logical methods.

Results of the study: when distinguishing between an organized group and a group of persons acting by prior conspiracy, the subjective side of the group crime must be taken into account. In a group offense, an individual must be aware of their membership in the association and must consciously perform their assigned role within the scope of illicit drug trafficking.

Findings and conclusions: based on the analysis of law enforcement practice, the author proposes criteria and an algorithm for distinguishing an organized group from a group of persons acting by prior conspiracy in the field of illicit drug trafficking.

Keywords: crime, drugs, organized group, group of persons, illicit drug trafficking, complicity

For citation: Khilyuta V. V. The distinction between an organized group and a group of persons acting by prior conspiracy in criminal cases involving illicit drug trafficking // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 231–236.

© Хилюта В.В., 2026

Организованная преступность – сложнейшая и наиболее опасная форма преступной деятельности. Это утверждение сегодня уже ни у кого не вызывает сомнений, поскольку организованная преступность посягает на основы национальной безопасности, подрывает стабильность общества, конституционные права и свободы граждан, воздействует на экономические, политические, правовые, нравственные сферы. Ее повышенная общественная опасность обуславливается причинением вреда основным социальным ценностям, которые имеют существенное значение в жизни общества и государства, таким как жизнь и здоровье людей, собственность и экономическая деятельность, общественная безопасность и нравственность и т. д. Организованная преступность отличается тем, что она вбирает в свою криминальную деятельность значительный круг лиц, ее отличает особо тщательная подготовка совершаемых преступлений, нацеленность, как правило, на неоднократное совершение противоправной деятельности.

Данная форма соучастия более опасна по той причине, что в условиях распределения ролей нередко ослабляются сдерживающие факторы, становятся более профессиональными способы совершения противоправных деяний, приемы их сокрытия и маскировки, уклонения от ответственности.

В правоприменительной практике уже долгое время продолжает нерешенным оставаться вопрос о наличии признаков организованной группы в действиях лиц, сбывающих наркотические и психотропные вещества посредством так называемых «закладок». Действительно ли таких лиц необходимо признавать действующими в составе организованной группы или же речь идет о банальной группе с предварительным сговором. По делам данной категории зачастую возникает нетривиальный вопрос: какие критерии необходимо брать за основу и есть ли они вообще? Дело в том, что правоприменители пользуются одной и той же нормой уголовного закона (ст. 18 УК РФ, ч. 3 ст. 35 УК РФ), но видят ее по-разному. Безусловно, во многих случаях необходимо четко устанавливать все обстоятельства дела, ибо они различны, и только они могут предпрешить вопрос о полной уголовно-правовой квалификации преступления. Однако уже сегодня можно говорить о неких типичных ситуациях по делам данной категории, оценка которых производится нетождественным образом.

Если на законодательном уровне проанализировать определение организованной группы, содержащейся в УК в Российской Федерации, то можно детализировать признаки организованной группы (ч. 3 ст. 35 УК РФ) и конкретно описать их в тексте уголовного закона, посредством их прямого перечисления:

- 1) состав группы стабилен (участвует в совершении преступлений постоянный круг лиц);
- 2) все участники группы направлены на достижение единой цели (то есть все субъекты группы воспринимают цель деятельности группы как общую и реализация этой цели происходит посредством противоправных общественно опасных действий, которые позволяют членам этой группы получать выгоду, а иными словами доход, независимо от размера);
- 3) между членами группы происходит распределение ролей, которые определяют характер преступления (соответственно профессиональным возможностям, авторитету, образованию и требованиям;
- 4) осознание субъектом себя элементом группы (каждый член организованной преступной группы должен осознавать, что преступление совершается совместно с другими соучастниками);
- 5) планирование преступной деятельности (организованная преступная группа всегда планирует свою деятельность: существуют этапы подготовки, исполнение и постпреступная деятельность) [1, с. 291; 2].

Вместе с тем, как свидетельствуют материалы судебно-следственной практики установление признаков организованной группы по уголовным делам в сфере незаконного оборота наркотиков представляет собой известную сложность. Это связано с рядом обстоятельств.

Итак, как свидетельствует практика, обвиняемые чаще всего не знают реальных данных о личностях иных участников группы. Коммуникативное общение происходит в удаленном доступе посредством переписки в различных мессенджерах и гаджетах. Такое виртуальное общение максимально затрудняет процесс сбора необходимых и достаточных фактических данных, подтверждающих существование организованной группы. В таком случае источником доказательств, подтверждающих количественный состав (два и более лица) группы выступают сведения, полученные из интернет-переписки виновного с иными пользователями, как правило, – участниками интернет-магазинов по продаже наркотиков [3, с. 257]. Масштабы переписки, количество осуществляемых действий, система конспирации – эта та основа, которая по мнению органов обвинения подтверждает наличие признаков организованной группы.

В настоящее время в обоснование наличия признака «предварительная объединенность» при осуществлении незаконного оборота наркотиков через Интернет-торговлю, правоприменительные органы приводят данные, доказывающие планирование преступной деятельности, а также

согласованность действий всех соучастников. Как правило в таком случае вся доказательственная информация извлекается из переписки между пользователями в телеграмм-каналах [4]. При этом делается ссылка на то, что лицо устраивается работать в интернет-магазин, ему известно об этом обстоятельстве, он проходит соответствующий инструктаж, устанавливает специальные программы на свое мобильное устройство, действует согласно полученным инструкциям, получает оплату за выполненную работу и т. д. В подобных ситуациях именно переписка (как правило правоприменительные органы ссылаются на то, что в переписке есть мануалы по конспирации, безопасности или методам фасовки наркотиков) и работа на «магазин» (более недели) являются ключевыми доказательствами для обвинения. Равно использование ботов, криптовалюты и VPN трактуется как профессиональный подход в рамках организованной группы. Тем не менее, на наш взгляд, это обстоятельство само по себе не может делать группу автоматически «организованной».

В то же время, наличие электронной переписки между обвиняемыми и неустановленным следствием лицом совсем не свидетельствует о том, что такое деяние априори совершается в составе организованной группы. Принципиальное значение здесь имеют фактические обстоятельства дела и данные этой переписки, которые и могут подтвердить или опровергнуть факт наличия осведомленности лица о том, что оно вступило в состав организованной группы. Более того, использование интернет-технологий, вымышленных имен, незнание существования различных участников такой группы и т. д. вовсе не доказывает тот факт, что осуществляемая ими маскировка свойственна исключительно организованной группе. Напротив, обезличенность участников и их неосведомленность о существовании друг друга и осуществляемых функциях ставит под сомнение признак сорганизованности, потому как такой признак здесь отсутствует ввиду самостоятельности осуществляемых каждым участником группы функций и их неосведомленности о наличии конкретной организованной группы и ее членах. Само по себе обсуждение в программах-мессенджерах между различными лицами вопросов, связанных с приобретением и сбытом наркотических средств и психотропных веществ может иметь место в связи с техническим распределением ролей и совместным выполнением объективной стороны состава преступления. Безусловно, это делается для достижения общего преступного результата, но это также свидетельствует о том, что преступление совершено группой лиц по предварительному сговору, и не более того. Помимо этого, о наличии признаков организованной группы не может свидетельствовать факт значительного объема изъятых запрещенных к обороту средств и веществ, их масса, расфасовка на разные дозы, наличие инструкций по совершению противоправной деятельности, залога и т. д. Это указывает лишь о наличии умысла таких лиц на сбыт наркотических средств и иных психотропных веществ.

Необходимость постоянного согласования действий с куратором, отчет перед ним, выполнение в обязательном порядке его указаний в совокупности с иными установленными фактическими данными часто для суда является обоснованием наличия признака управляемости. Поэтому, как указывает Е.В. Новикова, «действительно, данные, подтверждающие существование в группе обезличенного координирующего центра, распределяющего между участниками отведенные каждому роли и контролирующего их выполнение, системы внутренней дисциплины, планирования преступной деятельности, обеспечения безопасности участников группы свидетельствуют об управляемости группой» [3, с. 261]. Таким образом, способность обеспечить высокий уровень конспирации и четко наладить преступную деятельность является дополнительным аргументом, констатирующим наличие признаков организованной группы. При такой постановке вопроса, не установление конкретного лица, организовавшего группу, и отсутствие данных, идентифицирующих личность руководителя, не препятствуют признанию такой группы организованной [4].

Следует также обратить внимание, что многим делам о незаконном обороте наркотиков организатор (руководитель) группы (как и многие иные ее члены) правоохранными органами не устанавливается. В этой связи важно именно то, как обвиняемое лицо воспринимало это «неустановленное лицо», которое по версии следствия могло быть руководителем организованной группы. Если общение между этими лицами происходило на условиях равноправия, и никто не воспринимал элемента подчиненности, то признак организованной группы в данном случае будет отсутствовать.

Следовательно, не установление личности руководителя организованной группы, отсутствие в материалах дела (электронных переписках, текстовых сообщений, указаний) показаний данного лица и т. д., ставит под сомнение обоснованность вменения данного признака. Следует также принимать во внимание то обстоятельство, что по многим делам не устанавливается сам механизм совершения преступления, каналы сбыта и поставки наркотиков, распределение полученной прибыли и т. д.

Чаще всего правоприменители признак устойчивости связывают с длительным периодом совместной преступной деятельности, значительным числом совершенных преступлений,

распределением ролей между участниками группы, соблюдением мер конспирации, тщательным планированием совершаемых преступлений, стремлением к расширению рынков сбыта наркотиков, получением наркотических и психоактивных веществ через тайники, перечислением денежных средств за выполняемую работу и др. В существующих реалиях этот признак обычно увязывается с тем, что после задержания обвиняемого, интернет-магазин, в котором он работал продолжил свое существование, а значит организованная группа функционирует как и прежде. И то обстоятельство, что обвиняемый сам не прекратил свою преступную деятельность, а она была прекращена (пресечена) сотрудниками правоохранительных органов, свидетельствует о намерении виновного неопределенно длительный период времени заниматься и в дальнейшем деятельностью по незаконному обороту наркотиков в составе организованной группы.

Нередко сотрудники правоохранительных органов, характеризуя признак «устойчивости» организованной группы указывают, что такая группа «тщательно планирует преступление», «роли между участниками группы распределены», «группа была оснащена техникой» и т. д. В этом отношении устойчивость чаще всего обосновывается тем, что действия участников организованной группы не были спонтанными; группа длительное время существовала, присутствовала стабильность основного ядра. Также организованная группа может характеризоваться управляемостью, и обычно в этом вопросе ссылаются на исследованные доказательства о распределении ролей участников организованной преступной группы; использованием завуалированных фраз, слаженностью действий всех участников, конспирацией действий, использованием известных только участникам группы номеров телефонов, а также использованием при каждом эпизоде новых телефонов и абонентских номеров, ведением переговоров без расшифровки действительных событий, детальной спланированностью действий и т. п.

В свою очередь, стороной защиты чаще всего при отрицании наличия признаков организованной группы, акцентируется внимание на том, что:

а) в материалах дела отсутствуют доказательства устойчивости преступной группы; соучастники не имели длительных криминальных связей, их объединение носило ситуативный характер для совершения единичных эпизодов сбыта наркотиков; отсутствие постоянного состава, системы подбора новых участников и планов на длительную совместную деятельность прямо указывает на отсутствие признаков организованной группы, предусмотренных ст. 35 УК РФ;

б) обвинением не доказан признак сплоченности и наличие иерархической структуры; между подсудимыми отсутствовало распределение ролей с выделением организатора и подчиненных ему исполнителей; действия носили характер простого соисполнительства, где каждый участник выполнял аналогичные функции без внешнего управления и контроля; в деле нет сведений о наличии системы дисциплины, штрафов или поощрений, характерных для организованных формирований;

в) следствием не установлено наличие общей финансовой базы; напротив, установлено, что для начала деятельности подсудимый был обязан внести страховой залог; данное обстоятельство свидетельствует об отсутствии доверительных отношений и сплоченности между участниками; каждый из соучастников преследовал личную корыстную цель, не будучи осведомленным о распределении общей прибыли организации, что исключает квалификацию по признаку организованной группы.

Итак, если мы ведем речь об организованной группе, то должны иметь в виду, что такая группа не должна носить признаков случайного, разового характера. Организованная группа должна быть структурно оформлена. Это означает именно то, что такая группа не должна быть случайно образована для немедленного совершения преступления. Безусловно, в такой группе не обязательно формально могут быть определены роли ее членов, но в любом случае должен быть оговорен непрерывный (а не разовый) характер членства в такой группе или может иметь место развитая структура данного образования. Определенное значение имеет и количество совершаемых преступлений в составе такой группы.

В ситуациях, когда в преступные сети набираются «закладчики» по объявлению в различного рода мессенджерах, вряд ли можно говорить об устойчивости такой группы [5, с. 294]. По статистике любой такой «закладчик» действует примерно от двух недель до двух месяцев, после чего его деятельность становится известной сотрудникам правоохранительных органов и его, как правило, задерживают с поличным. Но на это место (задержанного лица) воротили криминального бизнеса по наркоторговле быстро находят нового человека. Все это свидетельствует о случайности и несистемности состава такой группы лиц. Подобная группа не может образовывать признак «организованности» за счет низшего звена в этой криминальной схеме – закладчиков, минеров и т. д. То есть лиц, которые образно говоря являются «пушечным мясом» или разменной монетой в руках настоящих дельцов криминального рынка наркоторговли. Вот именно эти дельцы и являются организаторами и действуют в составе организованной группы.

В этой ситуации для констатации признака «организованная группа» доказать стабильность основного ядра такой группы, где всегда присутствует костяк одних и тех же лиц. Низовые участники преступной деятельности никогда не входят в состав такой организованной группы и у них отсутствует осознание своей принадлежности именно к организованной группе и ее деятельности [4].

Ключевое отличие между группой лиц по предварительному сговору и организованной группой заключается в уровне устойчивости и сорганизованности. Основные критерии разграничения по данной категории дел о наркотиках состоят в том, что группа лиц по предварительному сговору имеет место в ситуациях, когда участники договорились о совершении преступления заранее (до начала действий), присутствует временное объединение для совершения одного или нескольких конкретных эпизодов незаконного оборота наркотиков, а распределение ролей может быть минимальным (например, один купил, другой продал), но нет сложной иерархии. Организованная же группа, как правило, создана для длительной преступной деятельности. Об этом говорят стабильность состава, планирование преступной деятельности на долгий срок и техническая оснащенность. В такой группе присутствует лидер, который распределяет доходы, определяет методы конспирации и дает указания, всегда присутствует четкое разделение обязанностей (например, «оператор», «курьер-склад», «закладчик», «вербовщик»). В такой группе также используются специальные мессенджеры, VPN, DarkNet и элементы шифрования для сокрытия противоправной деятельности.

Правоприменительная практика свидетельствует о том, что чаще всего, исключая признак организованной группы, суды ссылаются на следующие обстоятельства:

- не был установлен организатор (руководитель) организованной группы, другие участники группы также не были задержаны и допрошены;
- не указано в чем выражались преступные действия каждого соучастника;
- отсутствуют доказательства об устойчивости и высокой степени сорганизованности организованной группы;
- не указано, при каких обстоятельствах, где и когда возник преступный умысел на создание устойчивой группы, длительность существования группы и период участия в ее составе обвиняемого;
- предъявленное обвинение в совершении единичного факта незаконного оборота психотропных веществ в рамках деятельности организованной группы не содержит сведений о том, что это преступление требовало длительной и тщательной подготовки и планирования;
- не установлен факт вербовки соучастников, планирования преступлений;
- обвиняемый занимался противоправной деятельностью непродолжительное время, не был знаком с лицами, занимающимися наркоторговлей, никаких указаний не получал;
- само по себе наличие распределения ролей (один фасует, другой раскладывает) характерно и для обычного сговора, а для организованной группы нужны доказательства сплоченности: наличие системы наказаний (штрафов), общего бюджета («общака»), проведение совместных инструктажей или наличие долгосрочного плана, поэтому если участники просто выполняли технические функции, не понимая структуры всей организации, признак организованной группы исключается;
- следствие не представило доказательств того, что группа была устойчивой: участники не были знакомы с организаторами, период их деятельности был коротким, а «планирование» ограничивалось лишь текущими задачами по размещению закладок, однако сам по себе факт совершения нескольких преступлений не свидетельствует об устойчивости группы;
- подсудимые вступили в сговор с «неустановленным лицом» (оператором) спонтанно, ради разового заработка, по этой причине отсутствие данных о длительной подготовке, специальном обучении и тесных связях между участниками указывает на признаки группы лиц с предварительным сговором, а не на организованную группу;
- использование программы Telegram и бесконтактного способа передачи является лишь современным способом совершения преступления, а не доказательством высокого уровня организованности группы;
- подсудимый не знал других участников «магазина», не имел доступа к его структуре и финансам, выполнял разовые задания оператора за сдельную оплату;
- личные доходы участников не объединялись, а средства совершения преступления (весы, упаковка) приобретались разово и ситуативно;
- материалами дела не подтверждено, что подсудимый был осведомлен о существовании единого плана, иерархии и иных участниках группы, кроме своего непосредственного контакта, а если участники постоянно менялись или проработали всего пару недель, то в таком случае нет признака устойчивости.

Поэтому в целях выявления всех признаков организованной группы подлежат установлению и доказыванию следующие обстоятельства:

- а) кем, когда, где именно, при каких обстоятельствах и на основании каких договоренностей была создана организованная группа и кем она возглавлялась;

б) был ли осведомлен обвиняемый о структуре организованной группы и ее руководителе, количестве лиц, которые входили в состав организованной группы, преступной иерархии либо системы распределения ролей между лицами, которые вели электронную переписку с обвиняемым;

в) имела ли место осведомленность участников группы о планировании преступлений, методах осуществления преступной деятельности;

г) знал ли обвиняемый примерный количественный и поименный состав организованной группы;

д) каким образом осуществлялось управление в составе группы лиц, имели ли место элементы руководства и координации деятельности ее участников.

Таким образом, при решении вопроса об отличии организованной группы от группы лиц с предварительным сговором, следует учитывать, что организованная группа предполагает более тесное взаимодействие виновных. Если это не принимать во внимание, тогда невозможно провести отличие организованной от неорганизованной группы, а именно от совершения групповых действий по предварительному сговору, т. к. можно сказать, что всякий сговор включает в себя элемент организованности. Немаловажное обстоятельство здесь играет и субъективная сторона группового преступления, поскольку при групповом деянии лицо обязательно должно осознавать то обстоятельство, что входит в данное объединение и выполняет предложенную ему часть действий в рамках группового преступления. И для неорганизованной преступной группы не характерны стойкие преступные намерения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шалюгина Е.С. Основные подходы в развитии понятия «организованная группа» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4.

2. Хиллута В.В. Уголовно-правовая оценка деятельности организованной группы в сфере незаконного оборота наркотических средств // Правоприменительная практика по уголовным и административным делам. 2024. № 2.

3. Новикова Е.В. Незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов по уголовному законодательству Республики Беларусь. Минск, 2025.

4. Хиллута В.В. Сбыт наркотиков организованной группой: как доказать и как опровергнуть // Уголовный процесс. 2026. № 1.

5. Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск, 2010.

REFERENCES

1. Shalyugina E.S. Main approaches to the development of the concept of «organized group» // Vestnik of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4.

2. Khilyuta V.V. Criminal law assessment of the activities of an organized group in the field of illicit drug trafficking // Law enforcement practice in criminal and administrative cases. 2024. № 2.

3. Novikova E.V. Illicit trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors and analogues under the criminal legislation of the Republic of Belarus. Minsk, 2025.

4. Khilyuta V.V. Drug distribution by an organized group: how to prove and how to disprove // Criminal Process. 2026. № 1.

5. Prozumentov L.M. Group crime: issues of theory and practice. Tomsk, 2010.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

В. В. Хиллута – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. 230029, Республика Беларусь, г. Гродно, ул. Ожешко, 22.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

V. V. Khilyuta – Doctor of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics. Grodno State University named after Yanka Kupala. 22, Ozheshko St., Grodno 230029 Republic of Belarus.

Статья поступила в редакцию 14.04.2026; одобрена после рецензирования 22.04.2026; принята к публикации 08.06.2026.

The article was submitted 14.04.2026; approved after reviewing 22.04.2026; accepted for publication 08.06.2026.

Юрист-Правовед. 2026. № 2 (117). С. 237–240.
Jurist-Pravoved. 2026. № 2 (117). Pp. 237–240.

Научная статья
УДК 351.745.7

К ВОПРОСУ О СООТВЕТСТВИИ ПОНЯТИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОГО МЕРОПРИЯТИЯ И МЕТОДА ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Александр Константинович Щербаченко¹, Игорь Павлович Напханенко²

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, stas-serb@yandex.ru

²Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Российская Федерация, npr1966@yandex.ru

Введение: исследование посвящено анализу соотношения методов оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскных мероприятий, их правовому регулированию, а также возможным способам решения сложившейся ситуации.

Материалы и методы: в статье использованы диалектический, сравнительно-правовой, логический методы научного познания, анализ и обобщение.

Результаты исследования: проведен анализ действующего законодательства, учебной и научной литературы, касающегося методов оперативно-розыскной деятельности и их соотношения.

Выводы и заключения: обозначены направления совершенствования законодательства, в части внесения изменений и дополнений в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности».

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, методы оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскные мероприятия, сотрудники оперативных подразделений, личный поиск, оперативная установка, агентурный метод

Для цитирования: Щербаченко А. К., Напханенко И. П. К вопросу о соответствии понятия оперативно-розыскного мероприятия и метода оперативно-розыскной деятельности // Юрист-Правовед : науч.-теоретич. и информац.-методич. журн. Ростов-на-Дону. 2026. № 2 (117). – С. 237–240.

Original paper

ON THE ISSUE OF THE CORRESPONDENCE BETWEEN THE CONCEPT OF AN OPERATIONAL SEARCH MEASURE AND THE METHOD OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITY

Alexander Konstantinovich Shcherbachenko¹, Igor Pavlovich Napkhanenko²

¹Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russian Federation

²Rostov State University of Railways, Rostov-on-Don, Russian Federation

Introduction: the study is devoted to the analysis of the correlation between the methods of operational investigative activities and operational investigative measures, their legal regulation, as well as possible ways to solve the current situation.

Materials and methods: the article uses dialectical, comparative legal, logical methods of scientific knowledge, analysis and generalization.

Results of the study: an analysis of the current legislation, educational and scientific literature on the methods of operational investigative activities and their relationship has been carried out.

Findings and conclusions: the directions of improving legislation, in terms of amendments and additions to the Federal Law "On Operational Investigative Activities", are outlined.

Keywords: operational investigative activities, methods of operational investigative activities, operational investigative measures, employees of operational units, personal investigation, operational installation, agent method

For citation: Shcherbachenko A. K., Napkhanenko I. P. On the issue of the correspondence between the concept of an operational search measure and the method of operational search activity // Yurist-Pravoved : scientific-theoretical and information-methodical journal. Rostov-on-Don. 2026. № 2 (117). – Pp. 237–240.

В Российской Федерации права и свободы человека признаны высшей ценностью, а государство обязано их уважать, соблюдать и защищать. Нынешняя ситуация в стране вызывает у граждан обоснованное беспокойство по поводу правопорядка и безопасности.

© Щербаченко А.К., Напханенко И.П., 2026

Это связано с эволюцией преступности, которая приобрела новые, более опасные формы. Организованная преступность, терроризм, коррупция и наркомания стали реальными угрозами национальной безопасности как изнутри, так и извне. В этих условиях возрастает значение правоохранительных органов в обеспечении защиты населения, общества и государства от преступных посягательств. Ключевую роль в борьбе с преступностью играет оперативно-розыскная деятельность, представляющая собой процесс выявления, предупреждения и раскрытия преступлений. Для достижения этой цели используются различные методы познания: общие, частные и специальные, тесно связанные между собой.

В теории оперативно-розыскной деятельности был разработан научно обоснованный понятийный аппарат. Ведущее место в нем занимают оперативно-розыскные мероприятия и методы данной деятельности.

Изучение и анализ законодательства в сфере оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД), а также соответствующей научной и учебной литературы показало, что в рамках развития теоретических основ ОРД сформировалась комплексная система взглядов на оперативно-розыскные мероприятия и методы, применяемые сотрудниками оперативных подразделений для борьбы с преступностью.

В начале 90-х гг. прошлого века в отечественной правовой системе произошли значительные изменения, которые коснулись также и органов правопорядка. В 1992 г. был принят Закон РФ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» (далее – Закон об ОРД в РФ) [1], закрепивший правовой статус оперативно-розыскной деятельности, которая до его принятия регламентировалась преимущественно ведомственными нормативными актами закрытого характера. В нем были закреплены основные положения данного вида правоохранительной деятельности, в том числе определен перечень оперативно-розыскных мероприятий. К сожалению, в нем ничего не было сказано о методах данной деятельности.

Принятие 12 декабря 1993 г. Конституции РФ заложило новые основы организации России. В результате этого положения Закона об ОРД в РФ стали не в полной мере соответствовать положениям Конституции РФ, что явилось основанием для разработки и последующему принятию в 1995 г. Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) [2]. О методах оперативно-розыскной деятельности в принятом ФЗ об ОРД сказано лишь косвенно: в ст. 3 сказано о сочетании гласных и негласных методов, а ст. 12 определяет сведения о методах ОРД как государственную тайну, подлежащую рассекречиванию исключительно на основании постановления руководителя, уполномоченного на осуществление ОРД.

До принятия указанных нормативных правовых актов сотрудниками оперативных подразделений применялись такие методы оперативно-розыскной деятельности, как агентурный метод, личный поиск, разведывательный опрос, скрытое наблюдение, оперативная установка и оперативный осмотр.

В Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» некоторые методы приобрели статус оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). Например, разведывательный опрос получил статус ОРМ – опрос, скрытое наблюдение – наблюдение, а оперативный осмотр – обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Несмотря на то, что в ФЗ об ОРД был определен перечень оперативно-розыскных мероприятий, а также возможность использования методов оперативно-розыскной деятельности, в нем отсутствовали их определения. Это отсутствие может привести к субъективному толкованию их сущности сотрудниками оперативных подразделений, что может являться причиной многочисленных ошибок в процессе осуществления оперативно-розыскной деятельности. Важность включения этих понятий в закон была аргументирована многими исследователями, такими как В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров, К.К. Горяинов и др.

Понятие оперативно-розыскного мероприятия начало формироваться еще до того, как оперативно-розыскная деятельность получила признание на законодательном уровне. Например, А.Г. Лекарь (1972 г.) под ОРМ понимал действия сотрудника оперативного подразделения, при которых использовались гласные и негласные специальные методы и средства, направленные на решение отдельных задач борьбы с преступностью.

Вагин О.А. полагает, что это совокупность действий, закрепленных в ФЗ об ОРД, при проведении которых используются гласные и негласные силы, средства и методы, направленные на решение задач оперативно-розыскной деятельности» [3, с. 12].

Ривман Д.В. определяет ОРМ как «...комплекс организационно упорядоченных, целенаправленных, предназначенных для решения конкретных оперативных задач по борьбе с преступностью, нормативно регламентированных гласных и негласных действий, реализуемых с использованием специальных методов и средств» [4, с. 281].

Одним из общих признаков, присущих рассмотренным определениям ОРМ, является то, что их проведение предполагает осуществление конкретных действий, направленных на решение задач ОРД. Для полного понимания сущности методов ОРД необходимо рассмотреть происхождение самого термина «метод». Оно происходит от греческого «*methodos*» – способ познания, исследования явлений природы и общественной жизни; способ действий [5].

Как было сказано ранее, до принятия в 1992 г. Закона об ОРД в РФ теорией и практикой были выработаны шесть методов оперативно-розыскной деятельности. После признания оперативно-

розыскной деятельности на законодательном уровне три из них – агентурный метод, личный сыск и оперативная установка – сохранили свою самостоятельность и продолжают применяться сотрудниками оперативных подразделений.

Понятие данных методов и их содержание можно найти только в научных и учебных изданиях. К примеру, В.Ю. Алферов, А.И. Гришин и Н.И. Ильин определяют методы оперативно-розыскной деятельности как выработанные практикой специальные приемы выявления и изучения лиц, занимающихся преступной деятельностью или причастных к совершению преступлений, а также выявления обстоятельств, имеющих значение для раскрытия и предупреждения преступлений [6].

Рассмотрим указанные выше методы более подробно.

Сущность агентурного метода состоит в проведении сотрудником оперативного подразделения комплекса оперативно-розыскных мероприятий с использованием возможностей лиц, привлеченных к негласному содействию. При использовании данного метода оперативным сотрудником осуществляются такие оперативно-розыскные мероприятия, как опрос, наведение справок, оперативное внедрение и др. Основной целью сотрудника оперативного подразделения являются поиск и привлечение лица к конфиденциальному содействию с последующим использованием его возможностей для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Под личным сыском понимается комплекс оперативно-розыскных мероприятий, проводимых непосредственно сотрудником оперативного подразделения, направленных на выявление, предупреждение и раскрытие преступлений, розыск преступников, лиц, без вести пропавших, и др. [7; 8]. В процессе использования данного метода сотрудниками оперативного подразделения проводятся оперативно-розыскные мероприятия, которые, как правило, не требуют ведомственного или судебного санкционирования: опрос, отождествление личности, наблюдение и др.

Оперативная установка представляет собой совокупность оперативно-розыскных мероприятий, проводимых непосредственно сотрудником оперативного подразделения, с целью получения информации об образе жизни и связях конкретного лица, представляющего интерес для правоохранительных органов. При применении данного метода могут проводиться такие оперативно-розыскные мероприятия, как опрос, наблюдение, наведение справок и др.

Общим признаком, присущим рассмотренным выше методам, является то, что для их использования необходимо проведение не одного, а нескольких оперативно-розыскных мероприятий. Данная позиция находит поддержку у таких ученых, как В.М. Аتماжитов и В.Г. Бобров, которые считают, что в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности могут совершаться действия, которые не классифицируются как оперативно-розыскные мероприятия. Причина заключается не столько в их неупоминутости в ФЗ об ОРД, сколько в их сущностном отличии от самих ОРМ [9, с. 22–23].

На основании рассмотренных методов можно сформулировать понятие самого метода оперативно-розыскной деятельности – комплекс оперативно-розыскных мероприятий и иных действий, проводимых оперативным сотрудником и привлекаемых к их осуществлению лиц, необходимых для решения задач оперативно-розыскной деятельности.

По нашему мнению, к методам оперативно-розыскной деятельности, исходя из их содержания, можно также отнести такие оперативно-розыскные мероприятия, как оперативный эксперимент и проверочная закупка. Например, проведение проверочной закупки требует проведение ряда ОРМ: наведение справок, исследование предметов и документов, оперативное внедрение и др.

Кроме того, мы поддерживаем точку зрения таких ученых, как В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров и др., которые выступают за включение в ФЗ об ОРД отдельной нормы, в которой должны быть определены основные понятия, используемые данным законом, и, в частности, понятие методов ОРД, понятие оперативно-розыскных мероприятий и др.

В связи этим мы не согласны с точкой зрения А.Е. Чечетина, который считает, что нет необходимости дополнительно закреплять методы ОРД в ФЗ об ОРД, т. к. они включают в свою структуру предусмотренные законом мероприятия [10].

Кроме этого, ряд ученых, таких как В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров и др., считают, что к методам ОРД необходимо отнести и ряд нетрадиционных методов, таких как метод репродукционного гипноза, использование экстрасенсорных возможностей человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: Закон РФ от 13.03.1992 № 2506-1 (ред. от 02.07.1992). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
2. Об оперативно-розыскной деятельности: Федер. закон РФ от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 01.04.2025). Доступ из справ. правовой системы «Гарант».
3. Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2006.
4. Ривман Д.В. Комментарий к Федеральному закону «Об оперативно-розыскной деятельности». СПб., 2003.
5. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / под ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. М., 2024.

6. Правовые основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие / В.Ю. Алферов, А.И. Гришин, Н.И. Ильин; под общ. ред. В.В. Степанова. 3-е изд., испр. и доп. Саратов, 2016.
7. Оперативно-розыскная деятельность: учебник. 2-е изд., доп. и перераб. / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Сенилова [и др.]. М., 2004.
8. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел. Общая часть: электронное учебное издание. Омск, 2020.
9. Аتماжитов В.М. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел / В.М. Аتماжитов, В.Г. Бобров // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: труды Академии управления МВД России. М., 2001.
10. Основы оперативно-розыскной деятельности: учеб. пособие. 3-е изд., доп. и перераб. / под ред. А.Е. Чечетина. Барнаул, 2007.

REFERENCES

1. On operational investigative activities in the Russian Federation: The Law of the Russian Federation dated 13.03.1992 № 2506-1 (as amended on 02.07.1992). Access from the legal system "Garant".
2. About operational investigative activities: Feder. The Law of the Russian Federation dated 12.08.1995 № 144-FL (as amended on 01.04.2025). Access from the legal system "Garant".
3. Theory of operational investigative activity: textbook / edited by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov. Moscow., 2006.
4. Rivman D.V. Commentary to the Federal Law "On Operational investigative activities". St. Petersburg, 2003.
5. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language of about 100,000 words, terms and phraseological expressions / edited by L.I. Skvortsov. 28th ed., revised Moscow, 2024.
6. Legal foundations of operational investigative activities: textbook. manual / V.Yu. Alferov, A.I. Grishin, N.I. Ilyin; under the general editorship of V.V. Stepanov. 3rd ed., ispr. and add. Saratov, 2016.
7. Operational investigative activities: textbook. 2nd ed., additional and revised / edited by K.K. Goryainov, V.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov [and others]. Moscow, 2004.
8. Operational and investigative activities of the internal affairs bodies. General part: an electronic educational publication. Omsk, 2020.
9. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. On the main directions of further development of the theory of operational investigative activities of internal affairs bodies // Actual issues of theory and practice of operational investigative activities: proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Moscow, 2001.
10. Fundamentals of operational investigative activities: textbook. stipend. 3rd ed., additional and revised / edited by A.E. Chechetin. Barnaul, 2007.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

А. К. Щербаченко – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного процесса Ростовского юридического института МВД России. 344015, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.

И. П. Напханенко – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой административного права и уголовно-правовых дисциплины Ростовского государственного университета путей сообщения. 344038, Российская Федерация, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

A. K. Shcherbachenko – Grand PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 83, Eremenko St., Rostov-on-Don 344015 Russian Federation.

I. P. Napkhanenko, – PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Law and Criminal Law Discipline of the Rostov State University of Railway Transport. 2, Rostov Infantry Regiment Square, Rostov-on-Don 344038 Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 11.04.2026; одобрена после рецензирования 18.04.2026; принята к публикации 08.06.2026. Все авторы внесли эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The article was submitted 11.04.2026; approved after reviewing 18.04.2026; accepted for publication 08.06.2026. All authors have made an equivalent contribution to the preparation of the publication. The authors declare that there is no conflict of interest.